

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 5–6 2015
May–June**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 5–6 2015 (May–June)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Petra Busch, Austria

Consulting editors

Jolanta Lewicka, Poland

Rostislav Komarov, Russia

International editorial board

Egor Rachynski, Ukraine

Natalia Bondarenko, Russia

Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan

Nikolay Inshin, Ukraine

Alajos Fazekas, Hungary

Slavka Konstantinova, Bulgaria

Tatiana Yashkova, Russia

Jennifer Mathieson, Scotland

Hong Han, China

Alessandro Massaro, Italy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology

*Georgieva Miroslava,
South-West University "Neofit Rilski",
PhD in Archaeology, Faculty of Law and History
E-mail: m_georgieva@swu.bg*

Stone funerary urns from the territory of Bulgaria

Abstract: This text presents an important type of burial facilities — stone urns of the Roman Age found on Bulgarian lands. They are used for keeping the remnants from cremation and feature the characteristic peculiarity of sepulchral plastic art.

Keywords: Bulgaria, stone funerary urns, cremation, Roman age, sepulchral plastic art.

The stone funerary urns are among the most interesting phenomena of the development of sepulchral monuments in the Roman world. They are related to the practice of incineration of dead bodies (cinerary urns from the Latin word *cinis* — ashes), which by its part predetermines their widest spreading during the initial centuries of the Roman Imperial period, when this ritual was predominating. Their designation is to keep the remnants from cremation of dead bodies, and namely — ashes and bones. In Rome stone urns were used by wealthier people and by representatives of the middle class stratum. They were made mainly of marble, sometimes — of some other stone, and rarely — of alabaster. The urns carry the characteristic features of the Roman funeral plastic art and due to their decoration they are important monuments of art. Most of them are of a rectangular shape with a lid in the form of a pediment with acroteria on the angles, but there are also urns of cylindrical shape (Figs. 1, 2). The larger part of the rectangular urns is of an average height of 0.40 to 0.60 m.

What is typical for Roman urns is the inscription especially separated by a frame on the front part, which provides information of the person for whom the monument was made. Apart from the inscription the urns also have a rich decoration and in some of the cases — figured decoration. There are examples of urns on which the deceased individual/s is/are depicted. Scenes of "funeral feast" can also be seen on urns (Fig. 1) [for these monuments see 24; 26, 21–54; 31, 2–6; 43; 45, 253–268]. Similar stone boxes were used in Judaic and early Christian ritualism performing the function of ossuaries and related mainly to the ritual of bones re-burying [see 21, 188; 27, 21–46; 28; 37].

Approximately 30 stone urns are known to be found on the territory of Bulgaria. The territorial range of their spreading is clearly outlined. This is mainly the valley of the middle part of the river of Struma, which during the Roman Age was within the territory of the province of Macedonia (The stone urns belong to type IV.2 after Miroslava Georgieva's classification of burial facilities in Southwest Thrace during

the Roman Age (1st–4th century)) [5, 15]. Beyond this area the number of such examples is relatively small. The urns of Bulgarian land carry the typical features of funeral plastic art of the Roman age in the area.

Fig. 1. Marble cinerary chest with lid [Roman] (90–110 AD) The Metropolitan Museum of Art (27.122.2 a, b)

Fig. 2. Cylindrical cinerary urn with lid, marble (175 AD) (after Scheffer 1987, 49–53, cat. no. 8, figs. 60–61)

Summarizing publication on the stone urns from Bulgarian lands was written at the beginning of the 1980s by Professor D. Mitova-Dzhonova who reviewed the then known examples from Bulgaria [39, 143–146]. In Bulgarian archaeological literature these monuments are met as urns [8, 4–5; 9, 10; 12, 39, fig. 7; 39, 143–166] and also as child's sarcophagi [12, 39; 13, 11; 14, 373–374] (The

thesis of child's sarcophagi could drop out taking into consideration the very small size of some of the monuments and respectively their impossibility to contain a body of a child) ossuaries [6, 92–93; 19, 191–195] (The ossuaries are related to keeping the remnants from cremation [see also 41, 1–14; 42, 111–119], but the term “ossuary” refers to another ritual concerning re-burial of bones and is not accurate in this particular case) and ostotheks [15, 43–51] (Ostotheks are burial facilities met in Asia Minor and are epigraphically evidenced. They are considered monuments for keeping the remnants from cremation. In some of the cases the ostotheks could be used as sarcophagi for children or for secondary burial. Their length varies between 0.40 and 1.25 m. [see 22, 189–190; 33, 20; 34; 35, 405–413]. They occurred as early as the Hellenistic Age, but encountered their widest spread in some areas during the Early Imperial period, due to the largely practiced cremations during this age under Roman influence) [see 22, 185–222]. However as they are a part of the Roman provincial world, and as there are no traditions of previous ages, as well as due to the lack of epigraphic data (at this stage) the monuments from Bulgarian lands are to be described as urns.

Along the valley of the middle part of the river of Struma urns with embossed decorations have been found near Kresna, Dolna Gradeshnitsa, Sandanski, Laskarevo, Melnik, Katuntsi, Rupite [3, 152, fig. 17; 6, 92–93, figs. 1–2; 12, 39, fig. 7; 13, 11; 14, 373, panel IX, 2, 3; 16, 245; 19, 191–195, panel XIX–XX; 38, 266, No. 2297; 39, 143–166]. Some of them are separate fragments. All the monuments originate from places where large ancient settlements existed, some of which — with proven urban character. The most significant is the ancient city near the nowadays town of Sandanski, from which in fact the largest part of the known examples originate and where a local workshop producing such monuments could have existed.

Fig. 3. Cylindrical urn, town of Sandanski.
Photo: Prof. Lyudmil Getov

Beyond the area of the middle part of Struma river some urns with plastic decorations were discovered at few more places in Bulgaria — near Prodanovtsi, district of Samokov, Sinitevo, district of Pazardzhik, and Dolna Beshovitsa, district of Vratsa [4, 200–201, fig. 203; 20, 449–450, figs. 265–267; 39, 152–159, figs. 9–13], the first two settlements listed are within the territory of the province of Thrace, and the third — of the province of Moesia Inferior. Similar monuments were discovered in the necropolis near Chatalka, district of Stara Zagora, and near Brezovo, district of Plovdiv [1, 101–108, fig. 11;

2, 16–17, 69, 73, figs. 11, 14], also within the province of Thrace, but they have no decoration. The urns of Chatalka (two urns) are ordinary stone boxes with a lid, and the urn of Brezovo resembles a sarcophagus of an architectonic shape with only an allusion of acroteria on the lid corners. All three originate from tumulus complexes and chronologically are related to the period of the second half of the 1st – the beginning of the 2nd century [8; 5].

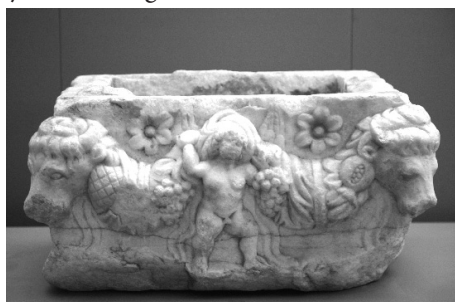
The urns originating from the territory of Bulgaria were made of marble and limestone and are mostly of quadrangular shapes. The sizes of the urns without decoration vary from 0.47 to 1.00 m. in length; from 0.33 to 0.74 m. in width, from 0.32 to 0.90 m. in height. The urns with decorations are of the following sizes: from 0.41 to 0.82 m. in length, from 0.29 to 0.50 m. in width; from 0.27 to 0.50 m. in height; from 0.20 to 0.27 m. in depth (The information is not complete for all the urns.) Cylindrical urns are met, too, though more rarely. Urns of a cylindrical shape and plastic decoration were found near the towns of Sandanski (Fig. 3) and Melnik [6, 92–93, figs. 1–2; 12, 41, fig. 7; 16, 245; 19, 191–195, panel XIX–XX] (Cylindrical urn without decoration is known from Sofia) [6, 92]. Their height varies between 0.23 and 0.40 m, and their diameter — between, 0.40 and 0.52 m. Cylindrical stone urns are known both from the remaining part of the province of Macedonia, as well as from the neighbour Balkan Roman provinces of Dalmatia and Pannonia Superior (Doclea, Salona, Aemona, etc.) [11, 357–359, figs. 10–14; 25, 78; 30, 87; 40, 305, fig. 4].

For the urns from Bulgaria the inscription is not a compulsory element and no special space is allocated to it. Inscriptions (in Greek) were found on only three monuments — the cylindrical urn of Sandanski, Polenitsa area [19, 191–195], the quadrangular urn of Laskarevo [Fig. 7; 38, No. 2297], the inscription of which is located onto the lid (There could have been inscriptions on the lids of other urns, but regretfully, they are not preserved), and the urn of Dolna Gradeshnitsa, where the inscription comes out of the space designated for it [38, No. 2249]. With this peculiarity of theirs the urns correspond to the specificities of the funeral plastic art of the valley of the middle part of the river of Struma, which is different from that in the Romanized Danube provinces and resembles the funeral plastic art in the provinces of the Hellenic East [10, 2–3].

The decoration of the urns from the valley of the middle part of the river of Struma is plastic, full of embossed ornaments, on the basis of which the known examples demonstrate significant similarities among them. The garland plays a major role both in the rectangular and the cylindrical urns, it is met in almost all the monuments, including of tombstones. The garlands are typical decorative motives in plastic art of Hellenism that encountered their flourishing during the Roman Age. They are depicted together with other motives like animal heads, Eros, Victories, etc. [see 10, 1–118; 17, 8–15, fig. 1, 3, 12; 29, 54–56; 36, 25–33; 39, 145].

A part of the urns are characterized by a decoration consisting of heavy garlands woven of laurel wreaths, worn by bull heads in the corners and on the middle of the longitudinal sides.

The space above the garlands between the bull heads is taken by rosettes. The plastic decoration of these urns is of high embossment. The urns of Sandanski and Dolna Gradeshnitsa, area of Hilyadnitsa have similar decorations [39, 145–146, figs. 1–3]. The embossed design and the individual composition elements — bull heads, rosettes, laurel garlands and in particular the garlands of three bunches of grape correspond to the decorative elements of the tombstones originating from Sandanski and its pertaining areas. This gives grounds to assume that there is not only a chronological nearness, but also some

presence of a common centre of production where these monuments were made, and it is to be sought not far from the ancient town below Sandanski [39, 147].

Similar is the plastic decoration of the urn of Katuntsi (Figs. 4–5), but in the middle of one of the longitudinal sides the garland is supported not by a head of a bull but by Eros. From the area of the Middle Struma Eros as a supporter of garlands is found also on one of the cylindrical urns of Sandanski (Fig. 3), and beyond the territory of Southwest Bulgaria — on the urn of Prodanovtsi and in the urn of Dolna Beshovitsa.

Fig. 4–5. Urn, village of Katuntsi, region of Blagoevgrad.
Photo: Regional Historical Museum – Blagoevgrad

In other cases the decoration of such monuments consists of garlands supported by ram heads, just like the urn originating from the ancient settlement near the village of Rupite, district of Petrich, which reached us in a fragmented condition [14, 373–374, panel IX, 2, 3]. The garlands are heavy woven from fruit and flowers and are supported by ram heads in the corners, around which there are coils of taenias. Garlands supported by ram heads can be seen on the urn of Sinitevo, district of Pazardzhik [4, 198–216, fig. 202]. The heavy garlands hang over four ram heads, each located on one corner. There are coils of taenias around the garlands, and below in corners a leaf of ivy is chiseled. In the margin above the garlands there are rosettes on the narrow sides, and heads of winged Gorgons — on the wide sides. Probably there was such a decoration on the urn of the area of Hilyadnitsa near the village of Dolna Gradeshnitsa, of which only a fragment with a ram head at one of the corners is preserved [3, 152, fig. 17; 39, 147–148].

The urn found near the town of Kresna in the area of Manastira (Fig. 6) as an accidental finding, shows laurel garlands also supported by ram heads in the corners, and on one of the long sides — by a bull head. The lower part of the urn features a more complex design — a plinth expanding slantwise outwards and a concave groove frames the vision field. On the four corners there are legs with a smooth surface [13, 11; 18, 294–295; 39, 148, 150] (The urn is dated in the second half of the first — the first half of the second century) [18, 295; 39, 148].

The urn of Laskarevo, municipality of Sandanski (Fig. 7) reached us in a relatively good shape being completely preserved. It is currently kept at the Regional Historical Museum of Blagoevgrad.

It was found in the area of Tsarkvisthe together with tomb stones. It is of a nearly square shape. Its lid is double sloped with acroteria, it was broken into two as of the moment of

finding. On one side there is an inscription in Greek, from which it is understood that the monument was prepared by Αρηλιοζ Μαισταζ for his wife and him. The style features give a hint to make a suggestion of a provincial workshop. Based on the epigraphic data the monument is dated to the first half of the 3rd century [7, 342, n. 21a; 38, 266, No. 2297; 39, 150]. Based on the style peculiarities of its decoration the urn is dated to the last quarter of the 2nd – first half of the 3rd century [18, 295].

Fig. 6. Urn, town of Kresna, region of Blagoevgrad.
Photo: Prof. Lyudmil Getov

Fig. 7. Urn with an inscription, village of Laskarevo, region of Blagoevgrad. Photo: Miroslava Georgieva

A very interesting monument originates from the same area (Southwest Bulgaria), it is currently kept at the National Historical Museum in Sofia, and the basic motive of its decoration consists of portraits-busts of a man and a woman (Figs. 8–9). Such a decoration is exclusively typical for the funeral plastics in the area of Middle Struma and the remaining part of the province of Macedonia [10, 58]. The urn is of a square shape, and currently has no lid, but it had

one if judged by its shaped upper edge. On its front side there are portraits of a man and a woman and on the opposite side and on the two flanking sides there is a garland supported by an animal head in the corners (This monument is dated by Romyana Milcheva to the middle-Antonine period [15, 44–45]. Fragments of two more similar monuments with portrait busts are kept at the Archaeological Museum in the town of Sandanski) [15, 43–47].

Fig. 8–9. Urn with portraits from Southwest Bulgaria. National Historical Museum – Sofia.
Photo: Miroslava Georgieva

The urns of Southwest Bulgaria regardless of their fine workmanship bear the signs of the local provincial sepulchral art of the Roman Age. The presence of portraits images and inscription on some of them proves that apart from being burial facilities they have also played the role of gravestones and were intended for frontal observation.

Parallels to these burial facilities are found in the remaining part of the province of Macedonia. Urns are found at Stobi, Tremnik, Manastirski, Dolni Dizan, Kavadarci, Besovitsa, Gorna Borshava, Orehovats, Bitola, Thessaloniki, etc. As it concerns the neighbour Roman provinces urns originate from Moesia Superior (Skopje, Nis), Moesia Inferior (Dolna Beshovitsa, district of Vratsa, Tomi), Dalmatia, Pannonia Superior, Noricum [23, 283–284, figs. 17, 19–22; 25, 71–72; 30, 10, 13, 40–43, 73–78, 85, 119–120, 136–138; 33, 346–357; 40, 305, fig. 4]. Most of them are casual findings.

The urns of Pannonia Superior and Noricum were found near tumuli. They were defined as “graves with stone urns under a tumulus”. “Stone chests for ashes” are also mentioned. The urns are of a simple shape and without decoration and are assumed as elements of Romanization. Urns under “Noricum-Pannonia tumuli” were found at Pivoli, Dumovts, Malim Gerlitsim, Maribor, Goli, Trotkovi, and others. The tumuli at Dumovts, Goli and Trotkovi have been systematically studied. Another variety of the urns of Noricum and Pannonia Superior are the “stone ash-trays without decoration”. They contain remnants of an incinerated dead body that in most of the cases were detached from the funeral pile and laid in a glass or clay urn (Aemona, Petovio). The “stone ash-trays Putuyskog type” are also of interest. They are stone chests for ashes featuring a specific tectonics and decoration. They have a two-sloped roof and play the role both of a burial facility and of a grave stone,

as on the front wall the name of the deceased is written, and his/her image is on the lid [30, 7, 10, 13, figs. 1/IX, 40–43].

The stone cinerary urns in general were spread throughout the Bulgarian lands during the Roman Imperial period and as a part of the Roman provincial world. The urns without decoration found during archaeological excavations are related to the ritual of incineration of dead bodies and are pertained to the period of the end of the 1st – the beginning of the 2nd century. They are found at rich tumulus burials and are an indicator for the entry of the Roman influence into the local burial practices.

The urns of plastic decoration from the territory of Bulgaria are found as accidental findings with an unclear context (except for the urn of Sinitevo, district of Pazardzhik), without archaeological evidence of the ritual. Like the other similar monuments of Rome and the provinces it can be reckoned that they are also used for keeping the remnants from cremation. These burial facilities were probably used by wealthier people, as well as by representatives of the local Thracian population, which is evidenced by the inscription of the urn of Laskarevo and the depicted Thracian equestrian on the urn of Prodanovtsi [7, 342, n. 21a; 38, 266, No. 2297; 39, 152–159]. Another example to that regard is the urn of Sinitevo, which most probably was a part of tumulus burial complex.

An Attic influence is assumed for the urn of Prodanovtsi, district of Samokov (province of Thrace) [39, 159], while the urn of Dolna Beshovitsa, district of Vratsa (province of Moesia Inferior) shows a connection with the Italic sepulchral plastics [39, 159–160], which is typical for that province. The urns of Southwest Bulgaria (province of Macedonia), including the urn of Sinitevo, district of Pazardzhik (province of Thrace) with their decoration mark the Asia

Minor trend in sepulchral art and resemble the architectonics of the type “garland sarcophagi from Asia Minor”, typical for the period of the 2nd–3rd century. The prevailing part of the local monuments is pertained to the 2nd century, which actually corresponds to the cremation spreading during this period. Their embossed ornaments consist of garlands depicted together with other motives as bull heads, ram heads,

Eros, etc. A portrait as a basic motive of decoration is also met, typical for the tombstones of this area.

The stone funerary urns as a type of grave facility and the ritual of incineration of dead bodies related to them are an important part of the funeral practices during the Roman age at these places. With their decoration they show the typical features of sepulchral plastics in the different Roman provinces.

References:

1. Ботушарова Л. Тракийско могилено погребение с колесница. – ГПАНМ, II, 1950, 101–135.
2. Буюклиев Х. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг, РП, XVI. – София, 1986.
3. Велков В. Един античен град в долината на Средна Струма. – ИБАИ, XXVI, 1963, 141–156.
4. Велков И. Антични паметници из България. – ГНМ, III, 1922, 198–216.
5. Георгиева М. Погребални практики в Югозападна Тракия през римската епоха (I–IV век. Автореферат. – Благоевград, 2009.
6. Герасимова-Томова В. Каменни паметници от манастира “Св. Богородица Спилеотиса”, Мелник, Том II. – София, 1994, 92–100.
7. Геров Б. Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. – ГСУ ФФ, 44, № 3, 1959–1960. – София, 1961, 155–406.
8. Гетов Л. Погребални обичаи и гробни съоръжения у траките през римската епоха (I–IV в.)//Археология, 1970, 1, 1–11.
9. Гетов Л. Погребални обичаи и гробни съоръжения в българските земи през римската епоха I–IV в. от н.е., Автореферат. – София, 1971, 1–13.
10. Димитров Д. П. Портретът върху античните надгробни плочи от римско време в Североизточна Македония. – ИАИ, XIII, 1939, 1–128.
11. Димитров Д. П. Антични скулптурни паметници от Беломорието, Беломорски преглед, I, 1942, 348–385.
12. Иванов Т. Античният град при Сандански. Културно-историческо наследство, Анали. – № 2–3. – 1994, 28–45.
13. Илиев Й. Детски саркофаг от с. Гара Пирин. – МПК, 1970, 4, 11.
14. Милчев А. Разкопки и проучвания в долината на Средна Струма. – ГСУ ФФ, т. 53, 1959. – София, 1960, 361–401.
15. Милчева Р. Остотеки с портретни бюстове от долината на Средна Струма.//Археология. – 2013, 1, 43–51.
16. Нешева В. Мелник през античността и ранновизантийската епоха. Сб. “Римски и ранновизантийски селища в България”, Том II. – София, 2003, 235–262.
17. Николов Н. Антични паметници от Сандански и околността му. – МПК, 1973, 1, 8–15.
18. Петрова С. Архитектоничната декорация на римските надгробни паметници от района на Сандански. – ИИМКн, Том XIII. – Кюстендил, 2007, 287–311.
19. Петрова С., Герасимова В. Осуарият на Клеопатра. Нумизматика, сфрагистика и епиграфика, 2008. – 4, 191–195.
20. Цветков А. Долна Бешовица (Врачанско). – ИБАИ, VIII, 1934. – София, 1935, 449–450.
21. Шиваров Н. Библейска археология. – София, 1992.
22. Ahrens S. “Whether by decay or fire consumed ...”: Cremation in Hellenistic and Roman Asia Minor, Death and Changing Rituals: Function and meaning in ancient funerary practices, edited by J. Rasmus Brandt, Håkon Ingvaldsen, and Marina Prusac, Studies in Funerary Archaeology. – Oxford, 2014. – 7, 185–222.
23. Alexandrescu-Vianu M. Les sarcophages romains de Dobroudja. – RESEE, VIII, 2, 1970, 269–318.
24. Blundell H. Engravings and etchings of sepulchral monuments, cinerary urns, gems, bronzes, prints, Greek inscriptions fragments, &c. in the collection of Henry Blundell, Esq. at Ince. Vol. II. [S.l, 1809].
25. Срејовић Д. Римске некрополе раног царства у Југославији, Старица, XIII–XIV, 1962–1963, 49–84.
26. Davies G. “Before Sarcophagi,” Life, Death and Representation: Some New Work on Roman Sarcophagi, ed. J. Huskinson and J. Elsner. – Berlin and New York, 2011, 21–54.
27. Evans C. A. Jesus and the Ossuaries. Bulletin for Biblical Research, 13.1, 2003, 21–46.
28. Figueras Pau. Decorated Jewish Ossuaries. – 1983.
29. Gerding H. The tomb of Caecilia Metella: tumulus, tropaeum and thymele. – Lund, 2002.
30. Јовановић А. Римске некрополе на територији Југославије. – Београд, 1984.
31. Koch G. Roman Funerary Sculpture, Catalogue of the Collections, The J. Paul Getty Museum. – Malibu, 1988.
32. Koch G. Sarkophage der römischen Kaiserzeit. – Darmstadt, 1993.
33. Koch G., Sichtermann H. Römische Sarkophage. – München, 1982.
34. Korkut T. Girlanden-Ostotheken aus Kalkstein in Pamphylien und Kilikien, Untersuchungen zu Typologie, Ikonographie und Chronologie (Sarkophag-Studien 4), Verlag Philipp von Zabern: Mainz am Rhein, 2006.

35. Korkut T. Ostotheken oder Kindersarkophage? K. Levent Zoroğlu'na Armağan Studies in Honour of K. Levent Zoroğlu, Editör/Edited by Mehmet Tekocak, Suna – İnan Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü. – Antalya, 2013, 405–413.
36. McCann A. M. Roman Sarcophagi in The Metropolitan Museum of Art. – New York: The Metropolitan Museum of Art, 1978.
37. Meyers Eric M. Jewish Ossuaries: Reburial and Rebirth: Secondary Burials in Their Ancient Near Eastern Setting. – Rome, 1971.
38. Mihailov G. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. – Vol. IV. – Serdicae, 1966.
39. Mitova-Džonova D. Steinurnen mit plastischer Verzierung aus der Provinz Thracien, Spartacus. – Sofia, 1981, 143–166.
40. Proeva N. Les influences étrangères dans la culture de la Haute-Macédoine à l'époque romaine, Empire, Illyrie, Macedoine, Melanges offerts au professeur Pierre Cabanes. Clermont-Ferrand (France), col. Erga. – no 10. – 2007, 301–311.
41. Rendić-Miočević D. O nekim zanemarenim komponentama kod "japodskih urni". Uz problem njihova datiranja, Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, 3. ser., sv. XV. – Zagreb, 1982, 1–14.
42. Šarić I. Poklopac "japodskog" osuarija, VAM. 3., XVI–XVII, 1983–1984, 111–119.
43. Scheffer C. Roman Cinerary Urns in Stockholm Collections, 1987.
44. Sinn F. Stadtrömische Marmorurnen. – Mainz am Rhein, 1987.
45. Toynbee J. M. C. Death and Burial in the Roman World. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

*Denisov Igor Vasilievich,
The Branch of Bashkir State University in Sterlitamak,
senior lecturer of the Department of General history, the Faculty of History
E-mail: meretites@mail.ru*

Classification of burial complexes Abashevskaya cultural-historical community of the bronze age in the Volga-Ural region of European Russia

Abstract: The article is devoted to the publication of the results of cluster analysis of funerary complexes Abashevskaya cultural-historical community of the bronze age in the Volga-Ural region of the European part of Russia. The analysis covered the most famous burial complexes of middle Volga, Urals and the Don-Volga Abashevskaya cultures.

Keywords: Classification, cluster analysis, funeral complexes, chronology, Abashevskaya cultural-historical community.

*Денисов Игорь Васильевич,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
старший преподаватель кафедры всеобщей истории, исторический факультет
E-mail: meretites@mail.ru*

Классификация погребальных комплексов абашевской культурно-исторической общности эпохи бронзы Волго-Уральского региона Европейской России

Аннотация: Статья посвящена публикации результатов кластерного анализа погребальных комплексов абашевской культурно-исторической общности эпохи бронзы Волго-Уральского региона Европейской части России. Анализ подвергнуты наиболее известные погребальные комплексы средневожской, уральской и доно-вожской абашевской культур.

Ключевые слова: Классификация, кластерный анализ, погребальные комплексы, хронология, абашевская культурно-историческая общность.

Одной из основных и первостепенных задач археологии является классификация и типологизация артефактов. За последние десятилетия наука накопила огромный фактологический материал, в том числе, касающийся и погребальных комплексов различных хронологических отрезков и конкретных археологических культур. Однако это фактологическое изобилие стало доставлять определенные

сложности при визуальном поиске аналогов погребальных комплексов, что влечет за собой вероятные просчеты при рассмотрении вопросов хронологии, исторической реконструкции... Существенную помощь в преодолении этих проблем предоставляет информатика, одному из вариантов применения которой в археологии и посвящена настоящая работа [12].

Первым этапом предстоящего исследования является составление «Банка данных» погребальных комплексов абашевской культурно-исторической общности эпохи бронзы, при составлении которого нами использованы принципы кодировки элементов погребальной обрядности, опубликованные ранее [13].

Обработанный с помощью кластерного анализа, «Банк данных» содержит 262 погребальных комплекса с инвентарем абашевской культурно-исторической общности, происходящих с обширной территории от Дона и Волги до Южного Зауралья:

1) *Средневожская абашевская культура*: Пепкинский курган и могильники Абашевский, Виловатово-II, Земское [1; 3; 4; 17; 36; 37];

2) *Уральская абашевская культура*: курганы II Нурдаветовский, Царев на Тоболе и Тугаевский, могильники Ахмеровский, Баишево-XIII, Береговский, Ветлянка-IV, Ибрагимово-III, Красногорский-III, Метев-Тамак, Набережный, Никифоровское лесничество, Потаповка, Русско-Тангирово, Сабашевский, Старо-Ябалаклинский, Тавлыкаево-IV, Урнякский, Чукраклинский, Юкалекулевский, Юмаковский [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 14; 15; 19; 25; 29; 39];

3) *Донско-Волжская абашевская культура*: курганы Богоявленский, Введенский, Донской, Кондрашкинский, Пичаевский, Усманский и Филатовский, могильники Горный, Власовский-I, Губари, Дальний, Екатериновский, Кондрашевский, Комаровский, Краснополе, Павловский, Подгорное-I, Селезни-2, Скотовка, Старая Тойда, Старо-Юрьево, ул. Громова (г. Воронеж), Хохольский, Шкарин [2; 16; 18; 20; 21; 22; 23; 24; 26; 27; 28; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 38].

В связи с тем, что значительное число абашевских погребений не имеет надмогильных сооружений (грунтовые захоронения, или надмогильные сооружения не зафиксированы, или не сохранились), в данной работе мы проанализировали лишь сами могильные камеры с их содержанием. Этот подход оправдан и с той точки зрения, что, как правило, грунтовые или подкурганные захоронения, из-за устойчивости данного признака, компьютерными пакетами статистических программ разделяются, в первую очередь, именно по этому признаку, что мешает правильно оценить другие элементы погребальной обрядности.

Первый этап кластеризации позволил выявить общие характеристики всей выборки учтенных погребений абашевской культурно-исторической общности — вес элементов погребальной обрядности. Уточним, что цифры в скобках здесь и далее обозначают не доли процента, а вес конкретного элемента погребальной обрядности (признака) среди всех других. Чем ближе показатель к «1», тем более общим и распространенным является признак, соответственно, чем ближе он к «0», тем более редким и уникальным для выборки этот признак является.

Для всей совокупной выборки опорных (реперных) погребений абашевской культурно-исторической общности ведущими являются простые земляные насыпи курганов (0,67) и грунтовые захоронения (0,11). Другие же

варианты устройства насыпей не могут быть признаны характерными. Преобладают насыпи до 10 м., или выше 15 м. в диаметре (0,4 и 0,35, соответственно). Насыпи от 10 до 15 м. встречаются реже (0,16). Большинство насыпей содержит от двух до четырех могильных ям (0,39), или более (0,29). Одномогильные сооружения малохарактерны (0,24). Для планиграфии могильных ям характерно их размещение в ряд, параллельно длинными стенками (0,2), при значительной доле круговых планировок (0,17). Основная масса погребальных камер имеет основной характер (0,44), при значительной доле впускных могил (0,31).

Подавляющая масса могильных ям имеет простую прямоугольную форму (0,72) и большие метрические параметры, при глубине от 0,25 до 0,75 м. (0,4). Ямы, преимущественно, ориентированы по линии СЗ-ЮВ (0,26), З-В (0,25), или СВ-ЮЗ (0,19). Ориентировка по линии С-Ю нехарактерна (0,07).

Погребальные камеры имеют бревенчатое перекрытие (0,19), а также различные следы культа огня в виде прокалов, углей на перекрытии и в заполнении (0,09). Для внутреннего обустройства погребальных камер — каменные ящики (0,14) и бревенчатые срубы (0,09), а для оформления пола — камышовые, или травяные подстилки (0,1), угольки, или зола (0,13). Нехарактерными для выборки являются факты меловых и охристых подсыпок (0,03 и 0,02).

Обычны именно одиночные труположения (0,52), при очень малом весе парных и коллективных (0,05 и 0,02). Основная масса костяков находится в неанатомическом порядке (0,17), или уложена на спине с согнутыми в коленях ногами (0,16). Впрочем, часты труположения на спине (0,11). Руки же умерших чаще фиксируются в районе таза (0,07). Для погребенных характерны ориентировки головами на СВ (0,09), В и ЮВ (по 0,08), т. е. в восточном секторе.

Наиболее распространенными являются жертвенные комплексы в виде черепов и костей ног МРС (0,12), при определенном значении черепов и костей ног КРС (0,068) и лошадей (0,05).

Посуда с заупокойной пищей, как правило, устанавливалась перед лицом (0,22) и в ногах (0,13) погребенных. Некоторое значение имели горшки на краю могильных ям (0,08). Для наборов вещевого инвентаря наиболее характерным следует признать лишь наличие различных украшений (0,33). Определенную значимость имеют наконечники стрел (0,09) и бронзовые кинжалы (0,08). Иной инвентарь следует отнести к категории уникального.

На втором этапе кластеризации, абашевские комплексы по наборам элементов погребальной обрядности уверенно разделились на две обособленные группы (кластеры 1 и 2), по-видимому, соответствующие двум отделам I и II.

Сравнительный анализ весовых нагрузок, присущих элементам погребальной обрядности двух отделов, показывает заметные различия.

Характерными формами могильных ям отдела I является простая прямоугольная (0,57) и прямоугольная с тремя уступами (0,14), тогда как в отделе II прямоугольные ямы являются доминирующими (0,78).

Для обоих отделов характерны большие размеры могильных ям, но в отделе I преобладают ямы с глубиной свыше 0,75 м. (0,34), а в отделе II — в пределах 0,25–0,75 м. (0,46), т. е. менее глубокие.

Наиболее популярными ориентировками могильных ям отдела I являются СВ-ЮЗ, СЗ-ЮВ (по 0,24) и С-Ю (0,16), а в отделе II — З-В (0,27), при редкости других ориентировок.

Для внешнего оформления погребальных камер отдела I характерны бревенчатые (0,49), или органические (0,18) перекрытия, уголки, или прокалы (0,25). Для отдела II более или менее характерны лишь бревенчатые и каменные перекрытия (0,069 и 0,053).

Для внутреннего оформления погребальных камер отдела I можно считать характерным наличие бревенчатых срубов и каменных ящиков (0,13 и 0,1), а для отдела II — лишь каменных ящиков (0,16). Для отдела I обычны камышовые, или травяные подстилки (0,26), уголки и зола на дне (0,13). Нахождение уголков на дне могил очень характерно для отдела II (0,13). Важно отметить, что меловые подсыпки имеются только в погребениях отдела I (0,1).

Захоронения обоих отделов, как правило, одиночные (0,53 и 0,52). Однако, для отдела I нередки парные и коллективные захоронения (0,12 и 0,08).

Для захоронений отдела I распространенными являются труположения на спине с согнутыми ногами (0,22), вытянуто на спине (0,17), на левом боку в слабой степени скорченности (0,18) и параллельно, за спиной друг друга (0,1). Руки умерших, как правило, находятся в районе таза (0,16). В отделе II заметно преобладают труположения в неанатомическом порядке (0,2), при наличии труположений на спине с согнутыми ногами (0,13) и вытянуто на спине (0,08).

Умершие в отделе I ориентированы головами на СВ (0,18), ЮЗ (0,14), ЮВ (0,13) и на С (0,12). Для отдела II характерными являются ориентировки головой на В (0,08), СВ (0,06) и на З (0,05). Таким образом, у погребенных отдела I выявляется тенденция к меридиональным, а отдела II — к широтным ориентировкам.

Для отдела I характерно наличие жертвенных комплексов из черепов и костей ног МРС (0,3), КРС (0,21) и лошадей (0,17), а для отдела II, где жертвенные комплексы вообще редки, — черепов и костей ног МРС (0,05), костей лошадей и МРС (по 0,005), а также черепов и костей ног лошади (0,005). Следует отметить, крайнюю редкость находок костей КРС для отдела II.

Глиняная посуда с заупокойной пищей в отделе I устанавливалась в головах (0,36), в ногах (0,21) умершего, а также на краю могильной ямы (0,22). Для комплексов отдела II характерно наличие посуды только в головах (0,16)

и в ногах (0,1) умершего. Другое месторасположение посуды здесь встречается очень редко.

Для вещевого инвентаря обоих отделов характерно наличие разнообразных украшений (0,44 и 0,28, соответственно). Однако, в комплексах отдела I часты находки наконечников стрел (0,28), бронзовых кинжалов (0,2) и псалиев (0,16), при большой вероятности находок и других категорий вооружения и символов власти, например, наконечников булавы (0,05). В комплексах же отдела II изредка встречаются бронзовые кинжалы (0,03), наконечники стрел и ножи (по 0,02), а также поясные пряжки (0,01). Здесь не отмечены находки топоров, псалиев, наконечников копий и дротиков, наконечников булавы.

В процессе дальнейшего дробления выборки удалось выявить в составе погребений отдела I трех взаимосвязанных групп — кластеров 1, 2 и 5. Захоронения же отдела II разделились на две «родственные», но противостоящие группы — кластеры 3 и 4. Причем, следует отметить, что погребальные комплексы кластера 5 выявились как наиболее простые (обобщающие) для выборки отдела I. Таким образом, погребения кластера 5 следует выделить в особый тип 1, а погребения кластеров 1 и 2, ввиду присущего им более обширного набора элементов погребальной обрядности, — в подтипы «А» и «В». Захоронения же кластеров 3 и 4, ввиду их одноуровненности, следует обозначить как типы 1 и 2, отдела II. Рассмотрим их состав и характеристики.

Отдел I

Тип 1 (кластер 5): погр.1–10, кург. 17, м-ка Вилова-тово-II.

Могильные ямы прямоугольной формы с тремя уступами (0,8), крупных размеров, но глубиной от 0,25 до 0,75 м. (0,2). Ямы ориентировались по линии СЗ-ЮВ (0,9) и очень редко — по линии СВ-ЮЗ (0,1). Обычно органическое, или бревенчатое перекрытие (по 1,0). Следов внутреннего оформления могильных ям не отмечено. Дно могил покрывалось камышовыми, или травяными подстилками (1,0). Захоронения преимущественно имеют одиночный характер (0,8), при небольшом числе парных (0,2). Совершены по обряду труположения на спине, с согнутыми в коленях ногами (1,0). Руки умерших находятся в области таза (0,6). Погребенные ориентированы головами на ЮВ (0,7), при меньшем значении ориентировок головами на С (0,2) и СЗ (0,1). Жертвенные комплексы в виде костей животных нехарактерны (0,0). Посуда с заупокойной пищей устанавливалась в ногах (0,8) и в головах (0,3) умерших. Вещевой инвентарь представлен только украшениями (0,6).

Подтип 1 А (кластер 1): погр.1 и 3, к-на Богоявленский; погр.1–3, к-на Введенский; погр.1, к-на Филатовский; погр.3, кург. 16, м-ка Власовский-I.

Могильные ямы прямоугольной формы с тремя уступами (0,28). Популярные метрические параметры ям не выявлены. Ямы ориентированы по линии С-Ю (0,42). Погребальные камеры имели органическое перекрытие (0,14). Для внутреннего оформления погребальных

камер особо характерно применение камня (0,57), при значительном весе бревенчатых срубов (0,28). На дне могильных ям имеются камышовые подстилки (0,14). Захоронения имеют преимущественно парный характер (0,14), где умершие уложены параллельно, за спиной друг друга (1,0) с руками, расположенными в районе таза (0,71). Характерной ориентировкой является юго-западная (1,0). Жертвенные комплексы представлены костяками МРС (0,85). Посуда с заупокойной пищей устанавливалась в головах и за спиной умершего (по 1,0), при значительной доле месторасположения горшков на перекрытии и на краю могильной ямы (0,57 и 0,42, соответственно). Для вещевого набора характерны только навершия булав (0,28) и наконечники стрел (0,14).

Подтип 1 В (кластер 2): погр. 1, к-на Пепкинский; погр. 1 и 2, к-на Донской; погр. 1, к-на Кондрашкинский; погр. 1, к-на Пичаевский; погр. 2, к-на Филатовский; погр. 1 и 4, кург. 16, м-ка Власовский-I; погр. 1, кург. 1, м-ка Шкарин; погр. 4, м-ка Екатериновский, II/2; погр. 2, кург. 5, м-ка Комаровский; кург. 1, м-ка Кондрашевский; погр. 4, кург. 2, м-ка Краснополье; погр. 2, кург. 57, м-ка Павловский; погр. 1–4, кург. 1, м-ка Селезни-2; кург. 11, м-ка Скатовка; погр. 1–4 а и 8–9, кург. 1, м-ка Старая Тойда; погр. 4–5, кург. 3, м-ка Старая Тойда; погр. 2, кург. 2, м-ка Староюреево; погр. 1, кург. 1, м-ка Потаповка; погр. 1–4, кург. 1, м-ка Метев-Тамак; погр. 1, кург. 1, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1, кург. 4, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 2, кург. 59, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 2, кург. 18, м-ка Чукраклинский; кург. 5, м-ка Чукраклинский; погр. 1 и 2, кург. 1, м-ка Юкалекулевский; погр. 2 и 7, м-ка Никифоровское лесничество; погр. 4–5, кург. 6, м-ка Ветлянка-IV; погр. 1–2, кург. 9, м-ка Красногорский-III; к-н II Нурдаветовский; погр. 1, кург. 1, м-ка Юмаковский; к-н Тугаевский; кург. 5, м-ка Ахмеровский; кург. 1, м-ка Русско-Тангирово; погр. 5, кург. 3, м-ка Баишево-XIII; кург. 1, м-ка Ибрагимово-III; погр. 1, кург. 2, м-ка Ибрагимово-III; погр. 1, кург. 3, м-ка Ибрагимово-III; погр. 1, кург. 5, м-ка Ибрагимово-III; погр. 2, кург. 3, м-ка Тавлыкаево-IV; кург. 5, м-ка Тавлыкаево-IV; погр. 10, к-на Царев на Тоболе.

Могильные ямы данной выборки обычно имеют простую прямоугольную форму (0,72), при небольшом весе прямоугольных с одним (0,08) и тремя (0,01) уступами, но крупных размеров. Большой вес имеют глубины от 0,25 до 0,75 м. (0,4), а ямы большей глубины уникальны (0,02). Могильные ямы преимущественно ориентированы по линии СВ-ЮЗ (0,29), при равном весе иных ориентировок (по 0,15). Наиболее характерны бревенчатые перекрытия (0,46), а органические и каменные перекрытия уникальны (0,05 и 0,01, соответственно). Значителен вес деревянных оградок вокруг могил (0,08). Большое значение имеют следы огненного ритуала (0,15). Для внутреннего оформления погребальных камер характерны бревенчатые срубы (0,13), при редкости каменных ящиков (0,06). Дно могильных ям покрывалось травяными подстилками (0,15), посыпалось мелом (0,13) и охрой (0,1). Особо

следует отметить следы огненного ритуала в виде угольков и золы (0,17). Характерными являются одиночные захоронения (0,55) и труположения на левом боку в слабой степени скорченности (0,24), а также — на спине (0,22), при определенной доле труположений на спине с согнутыми ногами и в неанатомическом порядке (по 0,12). Умершие ориентированы головами на СВ (0,20), С (0,15), 3 и В (по 0,1). Определенный вес имеют ориентировки головами на СЗ и ЮЗ (по 0,06), а также — на ЮВ (0,05). Жертвенные комплексы представлены черепами и костями ног МРС (0,39), КРС (0,27) и лошадей (0,22), а также костяками лошадей (0,05). Посуда с заупокойной пищей устанавливалась в головах (0,29) и перед лицом (0,17) умерших, а также на краю могильной ямы (0,24). Значительная часть посуды находилась за головой (0,12), перед грудью (0,13), за спиной (0,03) умершего, а также на перекрытии могильной ямы (0,08). Для вещевых наборов характерны украшения (0,46), наконечники стрел (0,34), бронзовые кинжалы (0,25) и костяные псалии (0,2). Меньшую, избыточную роль играют топоры (0,08), бронзовые ножи-кинжалы (0,06), наконечники копий (0,05), навершия булав и поясные пряжки (по 0,03), бронзовые ножи и наконечники дротиков (по 0,017).

Отдел II

Тип 1 (кластер 3): погр. 1 и 2, кург. 3, м-ка Абашевский; погр. 1–11, 13 и 15, кург. 9, м-ка Абашевский; кург. 2, м-ка Земское; погр. 1, кург. 14, м-ка Виловатово-II; погр. 1 и 2, кург. 21, м-ка Виловатово-II; погр. 4, к-на Усманский; погр. 3–5, к-на Филатовский; погр. 5, кург. 16, м-ка Власовский-I; кург. 2, м-ка Кондрашевский; кург. 6/№, м-ка Горный; погр. 1, кург. 6, м-ка Губари; погр. 3, кург. 2, м-ка Дальний; погр. 1, кург. 9, м-ка Подгорное-I; погр. 2, м-ка Екатериновский, II/2; погр. 1, 4 б, 6–7, кург. 1, м-ка Старая Тойда; погр. 2, кург. 3, м-ка Старая Тойда; погр. 3 и 5, м-ка Никифоровское лесничество; кург. 7, м-ка Юкалекулевский; кург. 1 и 3, м-ка Чукраклинский; погр. 1 и 2, м-ка Чукраклинский; погр. 2, кург. 16, м-ка Чукраклинский; кург. 2, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1, кург. 10, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 4, кург. 11, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 3, кург. 55, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1 и 2, кург. 56, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 2 и 3, кург. 57, м-ка Старо-Ябалаклинский; кург. 75 и 79, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1, кург. 2, м-ка Урнякский; кург. 3 и 6, м-ка Урнякский; кург. 8, м-ка Сабашевский; погр. 2 и 4, кург. 1, м-ка Береговский; погр. 2 и 3, кург. 2, м-ка Береговский; погр. 1 и 2, кург. 7, м-ка Береговский; кург. 1, м-ка Красногорский-III; погр. 2, кург. 3, м-ка Красногорский-III; погр. 1 и 2, кург. 8, м-ка Красногорский-III; погр. 3 и 4, кург. 9, м-ка Красногорский-III; погр. 2, кург. 1, м-ка Ахмеровский; кург. 2 и 3, м-ка Набережный; погр. 1, 3 и 4, кург. 3, м-ка Баишево-XIII; погр. 2, кург. 3, м-ка Ибрагимово-III; погр. 2, кург. 5, м-ка Ибрагимово-III; погр. 3 и 4, кург. 1, м-ка Тавлыкаево-IV; погр. 1, кург. 3, м-ка Тавлыкаево-IV; погр. 1, кург. 6, м-ка Тавлыкаево-IV; погр. Мало-Кизильское.

Могильные ямы, как правило, имеют простую прямоугольную форму (0,60). Впрочем, имеется и уникальная разновидность с тремя уступами (0,01). Преобладают ямы больших метрических параметров. Большой вес имеют глубины от 0,25 до 0,75 м. (0,51), а ямы большей глубины уникальны (0,02). Могильные ямы преимущественно ориентированы по линии СЗ-ЮВ (0,28), при меньшем весе иных ориентировок — СВ-ЮЗ (0,15), 3-В (0,1) и С-Ю (0,09). Могильные ямы имеют каменное (0,11), или бревенчатое (0,1) перекрытие. Уникальными являются деревянные оградки вокруг могил (0,02), органическое перекрытие (0,04). Большое значение имеют следы огненного ритуала (0,05). Для внутреннего оформления погребальных камер характерны каменные ящики (0,1), при редкости бревенчатых срубов (0,03). Дно могильных ям покрывалось травяными подстилками (0,07) и изредка посыпалось охрой (0,01). Следует отметить большой вес огненного ритуала (0,21). Захоронения преимущественно одиночные (0,61), при большой редкости парных (0,05). Труположения совершены на спине с согнутыми ногами (0,19), или на спине (0,13). Изредка встречаются труположения на левом боку в слабой степени скорченности (0,068), в неанатомическом порядке (0,07), а также — параллельно, за спиной друг друга (0,03). В установленных случаях руки расположены в районе таза (0,09). Умерших ориентировали головами на СВ и ЮВ (по 0,13), при некотором значении ориентировок головами на СЗ (0,1), ЮЗ (0,04), 3 и В (по 0,03). Жертвенные комплексы представлены черепами и костями ног МРС (0,068). Уникальны находки костяков лошади и МРС, черепов и костей ног КРС (по 0,01). Посуда с заупокойной пищей в головах (0,27) и в ногах (0,21) умерших. Изредка посуда встречена перед лицом (0,03), за головой (0,01) умершего, а также на краю могильной ямы (0,03). Для вещевого инвентаря обычны украшения (0,3). Уникальными являются находки бронзовых ножей и кинжалов (по 0,05), наконечников стрел и поясных пряжек (по 0,03).

Тип 2 (кластер 4): погр. 12 и 14, кург. 9, м-ка Абашевский; погр. 1, кург. 1, м-ка Хохольский; погр. 2, кург. 16, м-ка Власовский-I; м-к на ул. Громова (г. Воронеж); погр. 2, 5 и 7, кург. 5, м-ка Шкарин; погр. 6 и 9, м-ка Никифоровское лесничество; погр. 2–4, кург. 1, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 2, кург. 4, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–3, кург. 6, м-ка Старо-Ябалаклинский; кург. 8, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–3, кург. 10, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–3 и 5, кург. 11, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–3, кург. 15, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–2, кург. 55, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 3, кург. 56, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1, кург. 57, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–2, кург. 58, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1, 3 и 4, кург. 59, м-ка Старо-Ябалаклинский; кург. 71 и 72, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–2, кург. 73, м-ка Старо-Ябалаклинский; кург. 77, м-ка Старо-Ябалаклинский; погр. 1–3, кург. 78, м-ка Старо-Ябалаклинский; кург. 80, м-ка Старо-Ябалаклинский;

кург. 1, 6, 11, 14 и 15, м-ка Чукраклинский; погр. 1 и 3, кург. 16, м-ка Чукраклинский; погр. 1, кург. 18, м-ка Чукраклинский; погр. 1, 3, кург. 1, м-ка Береговский; погр. 1 и 4, кург. 2, м-ка Береговский; кург. 3–6, м-ка Береговский; погр. 1 и 2, кург. 2, м-ка Красногорский-III; погр. 1, кург. 3, м-ка Красногорский-III; кург. 4–7, м-ка Красногорский-III; погр. 3, кург. 8, м-ка Красногорский-III; кург. 1, м-ка Урнякский; погр. 2, кург. 2, м-ка Урнякский; кург. 4 и 5, м-ка Урнякский; погр. 2, кург. 1, м-ка Юмаковский; погр. 1, кург. 1, м-ка Ахмеровский; кург. 2–4, м-ка Ахмеровский; кург. 1–7, м-ка Сабашевский; кург. 1, 4, 5, 7, 9, 11–13, м-ка Набережный; погр. 1–3, кург. 6, м-ка Набережный; погр. 1–2, кург. 8, м-ка Набережный; погр. 2, кург. 2, м-ка Ибрагимово-III; кург. 4, м-ка Ибрагимово-III; погр. 1, 5 и 7, кург. 1, м-ка Тавлыкаево-IV.

Подавляющее число могильных ям имеет простую прямоугольную форму (0,94) и большие метрические параметры, с глубиной от 0,25 до 0,75 м. (0,2). Могильные ямы ориентированы по линии 3-В (0,5), при меньшем весе иных ориентировок — СВ-ЮЗ (0,2) и СЗ-ЮВ (0,26). Вокруг могильных ям имеются деревянные оградки (0,05), а сами погребальные камеры — бревенчатое перекрытие (0,04). Погребальные камеры внутри оформлены каменными ящиками (0,22) и бревенчатыми срубами (0,13). На дне могил изредка отмечаются следы огненного ритуала (0,06). Обычны одиночные захоронения (0,44), при уникальности парных (0,01). Наиболее характерны труположения в неанатомическом порядке (0,31), а также — на спине с согнутыми ногами (0,09) и вытянуто на спине (0,04). Умершие ориентированы головами на В (0,13) и 3 (0,08). Жертвенные комплексы представлены черепами и костями ног МРС (0,05), КРС и лошади (по 0,01). Посуда с заупокойной пищей устанавливалась в головах (0,07), за спиной (0,03) и перед лицом умершего (0,02), а также на краю могильной ямы (0,03). Вещевой инвентарь представлен украшениями (0,27). Уникальными являются находки бронзовых кинжалов (0,02) и наконечников стрел (0,01).

Особый интерес представляют немногочисленные данные относительной хронологии проанализированных погребений, которые позволяют выявить общие тенденции в развитии абашевской погребальной обрядности. Для ареала доно-волжской абашевской культуры (По материалам кург. 1, м-ка Старая Тойда; к-на Филатовский и кург. 16, м-ка Власовский-I) уверенно устанавливается факт большей древности кластера 2 по отношению к кластеру 3. Кластер 2 синхронен кластеру 1. Для приуральских памятников уральской абашевской культуры (По материалам кург. 1, м-ка Чукраклинский; кург. 1, 11, 55–57, 59, м-ка Старо-Ябалаклинский; кург. 8 и 9, м-ка Красногорский-III; кург. 1 и 2, м-ка Береговский) устанавливается древность кластера 2 по отношению к синхронным кластерам 3 и 4. На территории Южного Зауралья (По материалам кург. 3, м-ка Баишево-XIII; кург. 1 и 3, м-ка Тавлыкаево-IV; кург. 2, 3 и 5, м-ка Ибрагимово-III)

наиболее «древним», по отношению к кластеру 2, является кластер 1. Кластер 2 же «древнее» кластера 3, а погребения кластера 4 может быть «древнее» погребений кластеров 2 (сомнительно) и 3.

Так, или иначе, но устойчиво выявляется хронологический приоритет абашевских погребений кластера 2 по отношению к погребениям кластеров 3 и, возможно, 4. Неуверенно можно говорить о большей древности захоронений кластера 1 по отношению к кластеру 2. Эти данные позволяют проследить общую тенденцию в развитии абашевской погребальной обрядности в сторону выделения двух параллельных линий: 1) в сторону разделения на преобладание меридиональной («осрубление»), или широтной ориентировок погребенных; 2) в направлении выработки новых, «упрощенных» стереотипов погребальной обрядности.

В заключении, считаю необходимым указать на две группы погребений, выявленные в процессе кластеризации — подтипы I A и I B. Если исходить из предположения,

что завершие булавы являются символами власти, то погребения подтипа I A следует соотносить с захоронениями родовых старейших, а группу подтипа I B с пышным, но неустоявшимся погребальным ритуалом и изобильным набором вооружения, — с захоронениями воинской прослойки абашевского общества. В этом отношении интересен факт, что в этой выборке, хотя и в незначительном количестве, также присутствуют завершие булавы. Несомненно важность представляют и факты относительной стратиграфии погребений подтипа I B по отношению к погребениям отдела II. Создается впечатление, что за неким хронологическим отрезком «военной активности», вызвавшим появление воинской прослойки с претензией на власть в общинах, наступает период относительного военного «спокойствия», что, в свою очередь, влекло уменьшение доли оружия в вещевых наборах. Однако, эти, сугубо предварительные, выводы требуют дальнейшей теоретической проработки и новых стратифицированных погребальных комплексов.

Список литературы:

1. Алихова А. Е. Абашевские курганы близ села Земского Рязанской области. // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64.
2. Алихова А. Е. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. // КСИИМК. – 1955. – Вып. 59.
3. Большов С. В., Ильин М. Е., Свечников Д. Г. Инвентарь абашевских погребальных комплексов севера Средней Волги. // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994.
4. Большов С. В., Кузьмина О. В. Новые исследования II Виловатовского могильника. // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. – Самара, 1995.
5. Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара, 1994.
6. Васильев И. Б., Пряхин А. Д. Бескурганный могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье. // СА. – 1979. – № 2.
7. Васюткин С. М., Горбунов В. С., Пшеничнюк А. Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы. // Бронзовый век Южного Приуралья. – Уфа, 1985.
8. Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. – Уфа, 1986.
9. Горбунов В. С., Денисов И. В., Исмагилов Р. Б. Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья. – Уфа, 1990.
10. Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа, 1991.
11. Горбунов В. С., Пшеничнюк А. Х., Акбулатов И. М. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья. // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа, 1989.
12. Денисов И. В. Кластерный анализ погребальных комплексов уральской абашевской культуры. // В центре Евразии. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2003. – Вып. II. – С. 26–53.
13. Денисов И. В. Методика разработки «Базы данных» для анализа погребальных комплексов эпохи бронзы. // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – September–October 2014. – № 9–10. – Р. 3–6. – ISSN 2310–5593.
14. Денисов И. В., Иванов В. А., Исмагилов Р. Б. Новые древности с территории Южного Урала. // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2001. – Вып. V.
15. Збруева А. В. Могильник Метев-Тамак. // КСИИМК. – 1958. – Вып. 72.
16. Корнюшин Г. И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области. // КСИИМК. – 1971. – Вып. 127.
17. Кривцова-Гракова О. А. Абашевский могильник. // КСИИМК. – 1947. – Вып. XVII.
18. Либеров П. Д. О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы. // КСИИМК. – 1980. – Вып. 161.
19. Мажитов Н. А. Тайны Древнего Урала. / Ред. Л. И. Савельева. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1973.
20. Мамонтов В. И. Раскопки курганов на орошаемых участках «Горный» и «Дальний». // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград, 1990. – Вып. I.
21. Моисеев Н. Б., Ефимов К. Ю. Пичаевский курган. // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. – Самара, 1995.
22. Пряхин А. Д. Абашевская культура в Подонье. – Воронеж, 1971.
23. Пряхин А. Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево. // СА. – 1972. – № 3.

24. Пряхин А. Д., Беседин В. И., Левых Г. А., Матвеев Ю. П. Кондрашкинский курган. – Воронеж, 1989.
25. Пряхин А. Д., Горбунов В. С. Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1979.
26. Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П. Курганная группа у хутора Шкарин. // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. – Уфа, 1993.
27. Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., Беседин В. И. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. – Воронеж, 1990.
28. Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., Разуваев Ю. Д. Усманский курган. – Воронеж, 1990.
29. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967.
30. Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. // МИА. – 1959. – № 60. – Т. I.
31. Синюк А. Т., Килейников В. В. Курган у села Введенки на Дону. // СА. – 1976. – № 1.
32. Синюк А. Т., Козмирчук И. А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона. // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. – Самара, 1995.
33. Синюк А. Т., Погорелов В. И. Курган № 16 Власовского могильника. // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. – Уфа, 1993.
34. Синюк А. Т., Погорелов В. И., Старцева Т. С. Памятники археологии Южного Придонья. – Воронеж, 1989.
35. Тихонов Б. Г. Третий Старотойденский курган. // КСИА. – 1971. – Вып. 127.
36. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.
37. Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М. Пепкинский курган (абашевский человек). – Йошкар-Ола, 1966.
38. Шарафутдинова Э. С. Начальный этап эпохи поздней бронзы на Нижнем Подонье и на Северском Донце. // Донские древности. – Азов, 1995.
39. Яминова С. А. Новые исследования памятников эпохи бронзы в Башкирском Зауралье. // Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Тез. докл. – Уфа, 1996. – С. 37–38.

Section 2. Journalism

*Makartscuk Elena Genadiievna,
Nationaluniversitöt «Lwiwer Polytechnika»
Institut des Rechtes und der Psihologie,
Doktor der Philosophies in der Geschichte, Dozent
E-mail: olena.makarchur@gmail.com*

Die Berichterstattung über den Wahlprozess in Österreich-Ungarn (Ende XIX – Beg. XX Jahrhundert) auf den Seiten der westli – ukrainischen Parteipresse dieser Zeit

Abstrakt: Die Schau verschiedener Aspekte der Wahlkampagnen Ende XIX – Anfang XX Jahrhundert und ihre Berichterstattung über die österreichisch ukrainischen Zeitschriften der Zeit.

Stichwörter: politische Prozesse in der österreich-ungarischen Monarchie der Ende XIX – Anfang XX Jahrhunderte, die Presse im Königreich Galizien und Lodomerien als Teil der österreichisch-ungarischen Monarchie, die Parteipresse.

*Макарчук Елена Геннадиевна,
Національний університет «Львівська політехніка»,
Інститут права і психології, кандидат історических наук, доцент
E-mail: olena.makarchur@gmail.com*

Освещение процесса выборов в Австро-Венгрии (кон. XIX – нач. XX вв.) на страницах западно-украинской партийной прессы того времени

Аннотация: Рассматриваются различные аспекты избирательных кампаний кон. XIX – нач. XX вв. и их освещение австрийскими украинскими периодическими изданиями того времени

Ключевые слова: политические процессы в Австро-Венгрии кон. XIX – нач. XX вв., пресса Королевства Галиции и Лодомерии в составе Австро-Венгрии, партийная пресса.

Во второй половине XIX – начале XX ст. западно-украинские земли — Восточная Галиция, Северная Буковина и Карпатская Русь — входили в состав Австро-Венгерской империи. В административном отношении Галиция и Буковина пребывали в Цислейтании (Австрии), Закарпатье — в Транслейтании (Венгрии).

Конституционно исполнительная власть в обеих частях Империи принадлежала императору (цисарю). В австрийской части Империи законодательную власть осуществлял рейхсрат, состоявший из палаты господ, назначаемых монархом, и выборной палаты депутатов. Члены палаты депутатов избирались от 4-х, а с 1896 г. от 5-ти курий: крупных землевладельцев, городов, торговых палат, сельских округов и курии «общего голосования». В первых трех выборы были прямыми, в сельской — двухступенчатыми [1, 20–21].

В четвертой курии, в отличие от первых трех, в территориальных общинах первоначально избирались

выборщики (т. н. *вальманы*), которые впоследствии избирали непосредственно депутатов. Своего избирателя-вальмана местное население выбирало устно («с голоса») голосами присутствующих на избирательном собрании (так же впоследствии избирали и депутата). Такая вольная трактовка «волеизъявления» подданных открывала возможность массовых злоупотреблений во время выборов (подкуп избирателей, применение против них административного и (или) морального давления [2, 284].

В Галиции во главе государственного управления стоял наместник, которому принадлежала высшая административная власть в крае, назначаемый непосредственно императором. После 1867 г. — как правило, из местных польских магнатов. Уездами управляли старосты, которые подчинялись наместнику [3, 366–367].

В Галиции (в г. Львове) функционировал краевой сейм как орган местного самоуправления. Он избирался по куральной системе, вследствие чего в нем преобладали

представители господствующих классов. Так, в Галицкий сейм по курии земельных собственников избирался 1 депутат от 52 избирателей-помещиков, по сельской курии (мелких землевладельцев) — 1 от 8764 избирателей. К тому же функции краевых сеймов ограничивались исключительно решением местных вопросов: организации торговли, образования, санитарными нормами т. п.

Общественные процессы в Австро-Венгрии последней трети XIX ст. привели к появлению в Галиции первых политических партий. 4–5 октября 1890 г. украинские т. н. *молодые народники* создали первую «модерную» Русско-украинскую радикальную партию (РУРП). Партия придерживалась концепции *радикализма*, популярного в то время во Франции и Италии, одновременно пребывая под влиянием идей М. Драгоманова и марксизма [4, 247]. На страницах партийных органов РУРП — газет «Народ», «Хлебороб» и «Радикал» формулировалась оппозиционная к австрийским властям программа. Наряду с комплексом разнообразных вопросов жизни австрийских русинов (украинцев) — общественно-экономических, просветительских, об «Галицкой и Буковинской интеллигенции руськой (украинской — О. М.)», литературных и т. п. — не последнее место занимали вопросы подготовки и участия в выборах поддерживаемых партией кандидатов.

Так, в 1889 г. проходили выборы в Галицкий сейм. Вот как оценивала эти процессы редакция журнала «Народ». В рубрике «По сейму» (т. е. после сейма — Е. М.) издатели писали: «В предыдущем году (состоялись — Е. М.) — выборы в сейм. Вокруг этих выборов объединились Русины всех партий — народники, москвофилы и крайние радикалы, из которых, например, М. Павлик редактировал «Батькивщину» — газету, которая имеет на народ большое влияние, а другой радикал, Иван Франко, написал туда целый ряд статей специально о том, как наш народ должен взяться за то, чтобы как можно больше руських (украинских — Е. М.) послов было избрано» [5]. «Русины, — резюмирует «Народ», — избрали 16 послов — людей разных партий и убеждений (...) — и интеллигентных, и работных (...) послы открыли руський (украинский — Е. М.) клуб и в сейме выступили солидарно, на охране конституционных свобод, поставив вопрос о: 1) нарушении прав руського (украинского — О. М.) языка; 2) судьи не обращают внимание на руськие праздники и нарушают свободу веры; 3) закон товарищества и против руських народных читалень» [5].

Активизация выборной тематики в украинско-язычной прессе усиливается с приближением выборов в венский парламент (октябрь–ноябрь 1890 г.)

М. Драгоманов в письме «На Украину» писал в то время: «Теперь на очереди совсем конкретное дело: провести депутата сей (РУРП. — Е. М.) партии в венский парламент. Для этой цели мы должны напрячься изо всех сил и, даже если бы депутат не прошел, то агитация во время выборов оставит свои следы; укрепит элементы партии, привлечет новые, познакомит с ней более широкий мир и т. д.» [6, 94]. Журнал «Народ» взял на себя финансовую сторону агитации

за депутата от РУРП С. Даниловича. К сожалению, он не прошел в парламент, и финансовые последствия выборной кампании тяжелым бременем легли на редакцию издания.

«Редакция “Народа” вынуждена была много, как на ее возможности, потратить на предвыборную агитацию, призывы к ней, что нас хорошо подкосило материально», — еще на этапе подготовки к выборам признавали издатели [7].

С началом издания газеты «Хлебороб» (25 апреля 1891 г.) одним из основных задач как партии, так и ее печатного органа стали требования «ликвидации избирательных курий и требования равного, общего, прямого голосования», «чтобы при голосовании за всяких послов (депутатов — О. М.) мужик имел такое же право, как и пан; чтобы за послов голосовали все, независимо от того, платят налоги, или нет, начиная от 21 года жизни; чтобы не было приизбирателей (привилегированных — О. М.), чтобы все просто за послов голосовали, чтобы голосование было тайное, чтобы никто не смел подглядывать в карточки (избирательные бюллетени — О. М.) (...) чтобы каждый (...) имел право так же быть послом. Это называется: общее, непосредственное, тайное голосование» [8].

20 марта 1895 г. начала выходить еще одна газета радикального направления «Громадський Голос» (Общественный Голос — О. М.). В рубриках «Дела сейма», «Предвыборная кампания», «Для тебя, радикал» особое внимание уделялось обсуждению в парламенте наболевших вопросов о земельном налоге, проведении избирательной и налоговой реформ и т. п. Значительное место в газетных материалах занимали вопросы выборов в Галицкий сейм и австрийский парламент. Выборы постоянно были одной из важнейших общественно-политических проблем. «В этот год, — пишет редакция “Громадського Голоса”, — будут избирать послов в сейм (...) создавайте свои крестьянские избирательные комитеты, выбирайте и поддерживайте своих кандидатов (желательно кандидатов — радикалов (т. е. от РУРП — О. М.) (...)) Помните, что выбираете послов на долгих шесть лет и что неприемлемые Вам послы смогут за это время навалить на Ваши плечи таких тяжестей, что и не дыхнете» [9].

Рядовому избирателю трудно было следовать этим советам в условиях частой неразберихи с местом, временем (иногда утаивался даже день выборов) и условиями голосования. Газета приводила вопиющие образчики выборов по-галицийски. Так, в с. Красном под Львовом 5 сентября 1895 г. на 2 часа пополудни были назначены выборы. Крестьяне стали собираться с 12 часов возле общественной канцелярии. Незадолго до начала выборов из канцелярии вышел комиссар и сказал, что выборы уже состоялись. На них проголосовали он (комиссар) с войтом, 4 местных еврея и двое крестьян, которых, вероятно «задними дверьми провели в канцелярию» [10].

Подтасовки, избирательные махинации, полицейские притеснения и преследования постоянно раскрывались на страницах радикального издания. Единственным выходом из ситуации, когда «враги подкупают избирателей колбасами»,

с точки зрения редакции, могло стать введение всеобщего голосования, т. е. прямого равного (не куримального) избирательного права. «Если бы каждый голосовал, — пишут авторы, — нужно было бы такую длинную колбасу, что на ней бы повесились те, кто торгует голосами» [11].

В отличие от «Народа» и «Громадського Голоса», чьими основными читателями были молодежь и крестьяне, газета «Радикал», адресовалась интеллигенции Австро-Венгерской и Надднепрянской Украины. Уже в первом номере «Радикала», вышедшем 5 октября 1895 г., проведен анализ предвыборной борьбы и результатов выборов. Редакционная статья оценивает результат радикалов как «триумф». В условиях злоупотреблений и грубейших махинаций, кандидаты радикальной партии не были избраны в парламент, но убедительная поддержка ее кандидатов на местах (например, в Жидачеве представитель партии получил 47 голосов против 59 у оппонента, в Тернополе «радикал — хлоп» П. Думка 76 голосов против 98 [12]), приводила к выводу о необходимости организационного укрепления партии на фоне усиливающейся популярности радикальных идей среди народа.

17 декабря 1897 г. о своем образовании провозгласила Украинская социал-демократическая партия (УСДП). С самого начала партия позиционировала себя как составная часть Австрийской социал-демократической партии, а лидеры ее — Семен Витык и Николай Ганкевич входили одновременно в руководящий состав Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии (ППСДГС). Партийным органом ново-провозглашенной партии с 1897 г. стала газета «Robitnyk». Издание западно-украинской газеты латинским шрифтом редакция объясняла тем, что рабочие в городах очень часто не знают «gusko ho rysma», а желательно, чтобы идеи социал-демократии были доступны и польским и еврейским рабочим [13]. На страницах издания доминируют статьи на важнейшие общественно-политические темы — о развитии социал-демократического движения в мире и его целях, о рабочем движении в Галиции и Буковине и т. п.

Вместе с тем авторы не остались в стороне от освещения вопросов выборов австрийский Государственный совет избирательной кампании в Галиции. Так, в передовой статье «Pered wyboramy» (1897 г.) остро критиковалась несовершенная избирательная система. Впервые в выборах могли принять участие городские рабочие, однако редакция обоснованно считала, что избирательная реформа была проведена в ущерб этому, набирающему силу, классу. Так, вызвали опасения ограниченное количество избирательных округов, привилегированные права зажиточных групп мещан и агрессивная пропагандистская политика некоторых польских партий. Редакция настаивала на том, что рабочее движение всегда и везде возглавляет социал-демократия. Поэтому призывала избирателей бороться за свои права и голосовать за кандидатов-социалистов.

Западно-украинская прогрессивная пресса конца XIX – начала XX вв. действовала в условиях австро-венгерской конституционной монархии. Следовательно, ее потенциальные возможности были шире, чем у украинских печатных изданий Российской империи — даже на протяжении короткого периода гражданских свобод, последовавшего после Манифеста 17 октября 1905 г. С другой стороны, задачи социального и национального освобождения австро-венгерских русинов (украинцев) в Королевстве Галиции и Лодомерии существенно осложнялись политическим доминированием польской шляхты, сложными межэтническими (польско-украинско-еврейско-немецкими) отношениями в регионе. Ставка была сделана на эволюционный путь развития, целиком в русле так называемого австро-марксизма — в противопоставление российскому «революционному» марксизму. Такой выбор обусловил доминирующее значение выборов (по сути единственной легальной возможности осуществления желательных изменений) в жизни общества. Отсюда — пристальное внимание прогрессивных украинских печатных изданий к вопросам реформы избирательного права, а также к честности и прозрачности избирательных процессов.

Список литературы:

1. Юридична енциклопедія. — Київ: Видавництво «Українська енциклопедія», 1998. — Т. 1.
2. Терлюк І. Я. Історія держави і права України. — Київ, 2011.
3. Бойко О. Д. Історія України. — К.: Академія, 1999.
4. Історія Львова. У 3-х т., Т. 2 (1772 – жовтень 1918). — Львів, 2007.
5. Народ. — 1890, Рік 1. — 1 січня. — С. 2.
6. Драгоманов М. П., Павлик М. І. Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом (1876–1895)/зладив Михайло Павлик; видав Лев Когут. — Чернівці: З друкарні т-ва «Руська Рада», під зар. Ів. Захарка Т. 6: (1890–1891). — 1910.
7. Народ. — 1890, Р. І. — Ч. 22, 15 падолиста. — С. 355.
8. Хлібороб. — 1891. Рік 1. — № 5. — С. 5–6.
9. Громадський Голос. — 1895. Рік 1. — 20 марта. — С. 3.
10. Громадський Голос. — 1895. Рік 1. — 15 вересня. — С. 43.
11. Громадський Голос. — 1895. Рік 1. — 20 цвітня. — С. 12.
12. Радикал. — 1895, Рік 1. — 5 жовтня. — С. 2.
13. Robitnyk. — 1897, rik 1. — 1 sieznia, nr. 1. — S. 3.

Section 3. History

*Aghayev Yusif Shukur,
military historian from Azerbaijan,
E-mail: yusif_agayev@yahoo.com*

Bow and arrows as the symbol of authority and elements of ritual rites of Turkic nations

Abstract: The article is about the research of bow and arrows as the symbols of authority and elements of ritual rites of Turkic nations.

Keywords: bow, arrows, Turks, nomads, symbols, authority, rituals, rites.

*Агаев Юсиф Шукур оглы,
военный историк из Азербайджана
E-mail: yusif_agayev@yahoo.com*

Лук и стрелы как символы власти и элементы ритуального обряда у тюркских народов

Аннотация: Статья посвящена исследованию лука и стрел как символов власти и элементов ритуального обряда у тюркских народов.

Ключевые слова: лук, стрелы, тюрки, кочевники, символы, власть, ритуалы, обряды.

В жизни тюркских кочевых племён лук и стрелы были чуть ли не основным оружием и неоднократно в летописях отмечали непревзойденное мастерство тюркских лучников. Однако, кроме своего прямого назначения как вида оружия, лук и стрелы олицетворяли собой ещё и главные социальные отношения в обществе тюркских кочевых племён — взаимоотношения хана (кагана) с его народом. Лук выражал у древних тюрков положение старшинства во власти, а стрела — подчиненности.

Это утверждение мы находим в древнетюркском эпосе об Огуз-Хане, в древней рукописи на древнеуйгурском языке, обнаруженной исследователями в библиотеке Шарля Шефера в Париже. Рукопись хоть и неполная, все же дает представление о событиях и взаимоотношениях тюрков в древние времена. Согласно легенде, Огуз-Хан видит во сне золотой лук, простирающийся с востока на запад, и три серебряные стрелы, направленные на север. Симптоматично, что во сне у хана лук и стрелы расположены на все части света. Поутру Огуз-Хан отправляет трех старших своих сыновей на охоту на восток, а трех младших сыновей — на запад. Старшие сыновья во время охоты находят золотой лук, а младшие — три серебряные стрелы, и приносят их отцу. Обрадовавшийся отец, ломает лук на три части и делит их между тремя старшими сыновьями, а три стрелы — между тремя младшими сыновьями. Огуз-Хан делит между сыновьями и весь свой народ, свою орду. И племена трех старших сыновей, которым он дал части

сломанного лука, стали именоваться «Бозук», т. е. «сломанный на части», а племена трех младших сыновей — «Учук», что значит «три стрелы». При этом младшие сыновья должны подчиняться старшим, как стрела луку. И посадил бозуков по правую от себя сторону, а учуков — по левую [1, 219]. По-сути, Огуз-Ханом была проведена реформа власти тюрков. При этом, лук и стрелы служили символами этой власти.

В эпосе «Огуз-намэ» средневекового летописца XIII–XIV вв. Фазлаллаха Рашид ад-Дина Огуз-Хан решил, что племена старших сыновей, которым достался золотой лук, как высшие по рангу должны составлять правое крыло войска-орды, а племена младших сыновей, которым достались золотые стрелы, должны составлять левое крыло войска-орды. Так как лук властвует подобно государю, а стрела лишь является подчиненным ему (луку) посланцем [2, 62]. В правлении старшего сына Огуз-Хана Гюн-Хане реформа власти тюрков продолжилась. У шести сыновей Огуз-Хана было по четыре сына, и весь народ был поделен между ними на двадцать четыре племени согласно своему «рангу, занятию, имени и прозвищу, со своим знаком и тамгой ... для устойчивости государства» [2, 63].

Аналогичный рассказ об Огуз-Хане мы находим в «Родословной Туркмен» Абульгази Бахадур Хана, написанный им в 1664 году [3, 141].

Во всех трех сказаниях об Огуз-Хане, нахождение золотого лука и серебряных (золотых) стрел сыновьями

Огуз-Хана объясняется как божественная воля, а не человеческий промысел. Таким образом, само воинское оружие представляется как предмет «божественного, небесного происхождения». Кроме того, у древних тюрков лук олицетворял собой небесную сферу и нахождение под ним считалось пребыванием под куполом шатра небесного правителя — Бога Тенгри, а молнии были его стрелами, посылаемые людям в наказание [4, 190].

Некоторые ученые считают, что мифический образ Огуз-Хана имеет свое историческое воплощение в лице правителя государства Хунну шанью Моэ (Мете) (209–174 гг. до н. э.), при котором государство Хунну в Центральной Азии достигло наивысшего своего могущества [3, 35]. Еще великий русский ученый И. Бичурин высказал предположение, что первый правитель всех тюрков Огуз-Хан есть никто иной как шанью Моэ (Мете). Последний, как и Огуз-Хан пришел к власти через сражение со своим отцом, завоевал многие страны, провел реформу власти, разделив страну на 24 части и назначив своих родственников старшими князьями-правителями над этими частями [1, 286].

Об этимологии же имени Огуз существует много мнений. Знаменитый венгерский тюрколог Д. Немет считает, что слово «огуз» производное от «ог+уз»: «ог» — «стрела», «род», «племя»; «уз» — «союз», «объединение» [5, 25]. Таким образом, слово «огуз» может означать «союз родов», «объединение племен». В данном случае слово «ог» означает как «стрелу», так и «род», «племя». С этим утверждением значения слова «ог» соглашается и китайский ученный Чэнь Чжунмянь [6, 166]. В тоже время, согласно древнетюркскому эпосу «Китаби Деде Горгуд» слово «уз» означает «острая», «острие» [7, 40]. Следовательно, можем предположить, что слово «огуз» означало «острая стрела» либо «острие стрелы», т. е. «наконечник стрелы». На наш взгляд, можно предложить следующую интерпретацию этимологии имени советника кагана и великого полководца периода Второго восточно-тюркского каганата Тоньюкука (646–724 гг.). Он приходился близким родственником тюркским каганам. Имена, начинающиеся со слова «тон», были распространены среди тюркской аристократии в VII–X веках, такие как Тон-ябгу, Тон-таркан, Тон-багатур [6, 166]. Если обратиться к толковому словарю тюркского языка «Диван Лугат ат-Турк», составленному в XI веке Махмудом Кашгари, то слово «тон» он же «тун» у тюрков означает «первый», «первенец» [8, 842]. Слово «юкук» производное от «юк+ук»: «юк» или же «йук» — «пероптицы», «ук» он же «ог» — «стрела» [8: 76, 847]. Тогда, слово «юкук» может означать «оперенье стрелы», а имя Тоньюкук — «первое оперенье стрелы», также как Тон-багатур — «первый богатырь». И если имя хана может означать «острие стрелы», т. е. «наконечник стрелы», то близкий родственник и советник может быть «первым опереньем стрелы», если учесть, что оперенье стрелы состоит из множества перьев. Символично, что если стрела

означает род и племя, то правитель племени — наконечник этой стрелы, а его советник — его оперенье, определяющий полет стрелы.

Подтверждение же названию племени, связанное со стрелой, мы находим в Орхонских тюркских рунических надписях на каменной стеле, воздвигнутой в честь Кюль-Тегина в 732 году, где тюрки Западнотюркского каганата названы «он ог бодун», что означает «народ десяти стрел» или же «народ союза десяти племен» — что одно и то же, а также в надписях на каменной стеле, воздвигнутой в честь Тоньюкука, где войско западных тюрков названо «он ог сю», что значит «войско десяти стрел» [9: 156, 178]. Кроме того, в древнекитайском трактате «Цзю Тан Шу», китайские летописцы показали деление тюрков Западнотюркского каганата на десять племен: «ши син» — «десять родов» или же «ши цзянь» — «десять стрел» [6, 168]. Причиной этому послужила реформа власти, проведенная Ышбара Хилаш-Каганом (634–639 гг.), который разделил Западнотюркский каганат-государство на десять племен. Во главе каждого племени поставил по вождю-шаду и каждому из них жаловал по одной стреле как символ власти. Отсюда и название «десять племен» — «десять стрел». А верховного правителя звали «каганом десяти племен» или же «каганом народа десяти стрел» [6, 175]. Во время походов, каждая «стрела-племя» выставала по одному тумену, т. е. 10-тысячному конному войску во главе с вождем-шадом и своим боевым тугом-знаменем [10, 403]. Так формировалось «войско десяти стрел» западных тюрков.

Что же касается упоминания лука и стрел в качестве символа власти, то в древнетюркском эпосе «Китаби Деде Горгуд» воспеваются подвиг героя: «Прискакал Гарабудаг сын Гарагюне... заставивший изрыгать кровь обладателя железного лука Гыпчаг Мелика». В данном выражении «обладателя железного лука Гыпчаг Мелика» возможно подразумевается статус Гыпчаг Мелика как обладателя ханской власти. В том же эпосе весьма красочно описан приём у тюрков Огузов, устроенный для своих вассалов-беков Газан Беком, во время которого сын последнего Уруз Бек, стоял перед отцом, опираясь на лук, и тем самым олицетворял для окружающих власть Газан Бека — власть сюзерена [13, 65]. Потому как, лук у тюрков Огузов считался символом ханской власти.

Упоминание лука и стрел в качестве символа власти, мы находим и в древних летописях о тюрках. Так, в древнекитайском трактате «Вей Шу» описан исторический факт, как в 490 году глава одного из родов племени гаоцзюй по имени Афучжило делегировал посла к китайскому императорскому двору, который преподнес в качестве дани две стрелы. Это символический жест. По всей видимости, тем самым Афучжило изъяснял свою покорность императору и искал у него покровительства, если преподносил ему в качестве дани символы своей власти. Согласно китайским летописям, племя гаоцзюй относилось к этнической группе сюнну (хунну), т. е. тюрко-язычным народам [11, 404]. В другой китайской летописи рассказывается о взаимо-

отношениях китайского императорского двора с претендентом на престол Западно-тюркского каганата князем Шегуем. В 612 году императорский двор пожаловал его званием великого хана и послал бамбуковую стрелу с белым оперением как символ власти [12, 156].

В средневековых летописях также встречаются упоминания о луке и стрелах как символах власти. Так, при взятии тюрками Огузами города Нишапура в 1038 году их предводитель и основатель государства Сельджукидов Тогрул Бек как символ своей власти держал в руках лук, а за поясом у него были три стрелы. А после битвы при Данданакане в 1040 году по случаю победы тюрков Огузов, на всех письмах, отправленных в соседние государства и Аббасидскому халифу, стояла личная печать-тутра Тогрул Бека с изображением лука и стрел. Так же, как на монетах, чеканенных в государстве Сельджукидов, долгое время ещё изображались те же лук и стрелы как символы их власти [14: 310, 313].

Так как и у монголов лук и стрелы были символами власти, то после заключения договора о мире между монголами и тюрками-сельджуками в 1245 году, правитель Золотой Орды Бату Хан повелел султану государства Сельджукидов в Малой Азии Гиясед-Дину Кейхусреву II управлять своим государством и в качестве символов власти передал султану лук и стрелы [14, 309]. Во времена Чингизхана четыре воина «хорчи» («стрелки»), состоявшие при хане, также как и специальные части личной гвардии турецких султанов, как атрибуты его власти, носили лук и стрелы [15, 447]. Колчан, где хранились стрелы, тюрки и монголы также причисляли к символам власти. В казахском богатырском сказании о Ер Таргыне в богатырском поединке мудрый Карткожак выстрелил из лука не в героя — не стал убивать его, а стрелой с тупым наконечником разбил его золоченый колчан со стрелами, тем самым разбил символ власти героя [16, 35]. В государстве Ильханидов законом были установлены девять символов власти, где наряду с луком и стрелами упоминается и колчан [4, 196]. Таким образом, лук и стрелы у тюркских народов считались символами власти, где лук выражал положение старшинства во власти, а стрела — подчиненности.

В эпосе «Огуз-намэ» в качестве ярлыка («повеления, приказа») и пайцзы («мандата, пропуска») Огуз-Хан использовал стрелы с золотыми наконечниками и лук. И куда прибывали его гонцы, «население, увидев эти знаки, оказывало им услуги и уважение, снабжая их самих и их животных продовольствием, фуражом и питьем» [2, 37]. Т. е. использовали эти символы власти в качестве послания или же приказа, а также мандата или же пропуска. В древнетюркском эпосе «Китаби Деде Горгуд» герой воспеваёт свой лук и стрелу с золотым наконечником [7, 134].

В средневековых летописях мы также встречаем упоминания об использовании лука и стрел в качестве послания. Так, правитель государства Караханидов Илик Хан, готовясь к войне с султаном Махмудом Газневи, для сбора войска направил гонцов со стрелами в подвластные ему

племена [14, 308]. Хорезмшахский султан Джалал ад-Дин для сбора войска в Хартберде в 1230 году направил гонцов с красными стрелами к своим эмирам, ханам и другим военачальникам. Также он поступил в конце того же года, послал гонцов со стрелами к своим эмирам для сбора войска и вызова их в Мугане [17: 255, 270]. В данном случае красные стрелы служили приказом для сбора войска и вызова. Во времена Чингизхана послы, исполняющие личные поручения хана, назывались «дальние и ближние стрелы» или же «вестовые стрелы» [15, 448]. Будучи символами власти, лук и стрелы использовались в качестве послания или же приказа правителя для вызова подчиненных на войну, охоту либо торжество. Или же наделяли гонцов особыми полномочиями и служили им верительными грамотами.

Обычай тюркских правителей не проливать царственную кровь также связан с луком, а точнее, с его тетивой. Правителей и принцев крови осужденных на смерть удашали тетивой от лука, чтобы не проливать их кровь. Так, султан государства Сельджукидов Меликшах в 1073 году разгромив под Хамаданом войска восставшего против него правителя Кирмана и одновременно родного дяди Кавурта, казнил последнего через удушение тетивой от лука [14, 316]. Такой же обычай бытовал и у монголов. Таким образом, лук олицетворяющий символ власти государя был одновременно и орудием смерти для него и его потомства.

В тоже время, лук и стрелы очень часто выполняли функцию средств ритуала в обрядах жизненного цикла, существующих в традиционной культуре тюркских народов. Например, у тюрков Огузов было принято пускать стрелы, когда молодой парень женился. И куда падала стрела, там и ставили шатёр для невесты. А девицы и молодцы пускали «стрелы счастья и судьбы», чтобы найти своего избранника или избранницу [13, 66]. В древнетюркском эпосе «Китаби Деде Горгуд» красочно воспроизведен этот обряд: «Тридцать девять девиц выпустили стрелы счастья и судьбы. Тридцать девять воинов пошли за стрелами. Сорок дней и ночей длилась их свадьба» [7, 88].

Либо обряд посвящения юноши в войны у тюрков был сопряжен со стрельбой из боевого лука. Например, в якутской народной пословице: «Парень, три раза повесивши лук, становиться взрослым» вероятнее всего речь идет о древнем обряде посвящения в войны [18, 71]. Такой же обряд посвящения молодого Карткожака в войны красочно описан в казахском богатырском сказании о Ер Торгыне: «Когда ты стрелу в первый раз боевую пустил — шесть сотен шагов пролетела она. Брат твой старший тогда ликовал больше всех, он отдал тебе лук из рогов таутеке и красные стрелы из таволги горной» [16, 39]. Т. е. вручение юноши настоящего боевого лука, сделанного из рогов горного козла («таутеке»), и боевых бронебойных стрел («красных стрел») — это и есть кульминация обряда посвящения его в войны. В древнетюркском эпосе «Китаби Деде Горгуд» среди даров, преподнесенных герою эпоса Бамсы Бейреку, в честь посвящения его в войны, был лук со стрелами [7, 67]. Уменьшенную копию лука со стрелой

как талисман крепили на колыбель и одежду мальчиков. В представлении тюркских народов амулет придавал ребенку мужество и силу [4, 191].

И наконец, обряд заклинания и заговора лука и стрел говорит о восприятии тюрками «нечеловеческого» происхождении этого оружия. Герой древнетюркского эпоса «Китаби Деде Горгуд» Бамсы Бейрек перед смертью своей прощается лишь только со своим луком как с живым существом, обращаясь к нему: *«В скольких схватках участвовал, преследовал каждого воина, тохара, о лук мой с волосяной тетивой в моих руках, измотавший врага. Ты стоишь жеребца, жеребца я отдал за тебя, мой крепкий осиновый лук. Быка я отдал за тебя, тугая тетива»* [7, 82]. Или же в казахском богатырском сказании о Кобланды Батыре, где герой закидывает лук и стрелы: *«Обращаюсь к тебе, мой булгарский лук! Настал день, когда тетива не*

будет знать покоя. Прогибайся, не преломляйся! Не натяну тетиву до отказа — моя вина! Обращаюсь к вам, мои булгарские стрелы! Ударил час, когда вам голосить свою песнь! Звените и свистите! Не пошлю вас в цель — моя вина!» [16, 230].

Магический обряд, проводимый тюркскими народами с луком и стрелами, говорит о сакральности этого оружия для них.

Как показывает проведенное исследование, лук и стрелы играли важную роль в повседневной жизни и государственном устройстве тюркских народов. И выступая в качестве символов власти и элементов ритуального обряда, они (лук и стрелы) несли в себе некую сакральность. Значение и место лука и стрелы в жизни тюркских народов ещё до конца не изучены и требуют дальнейшего своего исследования.

Список литературы:

1. Радлов В. В. Тюркские степные кочевники. – Астана: «Алтын кітап», 2007.
2. Фазлаллах Рашад ад-Дин. Огуз-намэ. – Баку: «Элм», 1987.
3. Gültepe Necati. Oğuzname. – İstanbul: «Resse», 2014.
4. Ахметжан К. С. Этнография традиционного вооружения казахов. – Алматы: «Алматыкітап», 2007.
5. Sümər Faruq. Oğuzlar. – Bakı: «Yazıcı», 1992.
6. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск: «Наука», 1989.
7. Kitabı Dədə Qorqud. – Bakı: «Yeni nəşrlər evi», 1999.
8. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. – Алматы: «Дайк-Пресс», 2005.
9. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: «Мектеп», 2003.
10. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – Санкт-Петербург: «Наука», 2006.
11. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – Москва: «Наука», 1984.
12. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – Москва: «Клышников-Комаров и Ко», 1993.
13. Агаев Ю. Ш., Ахмедов С. А. Военное искусство тюрков в огузском эпосе «Китаби Деде Горгуд». – Баку: «OL», 2014.
14. Göksu Erkan. Türkiye Selçuklarında Ordu. – Ankara: «Türk Tarih Kurumu Basımevi», 2010.
15. Бартольд В. В. Сочинения. Том I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Москва: издательство «Восточная литература», 1963.
16. Казахские богатырские сказания. – Семей: «Международный клуб Абая», 2001.
17. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. – Баку: «Элм», 1973.
18. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – Москва: «Наука», 1984.

Babkova Nadiya Vyacheslavivna,
Kharkiv State Academy of Culture,
Lecturer of the Department
of History of Ukraine and World History
E-mail: akademik_xdak@mail.ru

Timpani are an attribute of military glory of the Ukrainian Cossacks in the 16–18 centuries

Abstract: The article is examined the use of timpani as military-ceremonial musical instruments in life of the Ukrainian cossacks in the 16–18 centuries. The basic functions of public servant responsible for safety and integrity of timpani are characterized an item.

Keywords: timpani, Ukrainian Cossacks, music, dovbysh.

*Бабкова Надежда Вячеславовна,
Харьковская государственная академия культуры,
преподаватель кафедры истории Украины и всемирной истории
E-mail: akademik_xdak@mail.ru*

Литавры – атрибут воинской славы украинского казачества 16–18 веков

Аннотация: в статье рассматривается использование литавр как военно-церемониальных музыкальных инструментов в жизни украинского казачества 16–18 ст. Характеризуются основные функции должностного лица, отвечающего за сохранность и целостность литавр.

Ключевые слова: литавры, украинское казачество, музыка, довбыш.

В течение всего своего существования украинское казачество выработало свою символическую систему, что стало результатом синтеза местной и иностранной традиции. Некоторые атрибуты казацкой власти на территории Украины были известны давно, другие были переняты у соседних народов. Но все они служили для идентификации казачества как самостоятельной военно-политической силы.

Среди всего комплекса казацких клейнодов, литавры, известные из различных источников и под названием бубны, котлы, барабаны, выступали атрибутом всей казацкой общины. Они представляли собой военные музыкальные инструменты известные во всех армиях мира, что наводило ужас на врага своим громовым звуком. Котлы были средствами связи между военными казацкими отрядами, выравнивая ритмичность производного шага казацкого войска на марше или во время наступления, сигналом для пробуждения утром или отбоя вечером [1, 69; 2, 292]. Ударами в литавры сигнализировали об опасности, специальными условными сигналами во время боя передавали приказы в армии или коше. Традиционно литаврами созывали на казацкий совет. Впервые об этом обычае упоминает посол немецкого императора Рудольфа II Эрих Лясота, который находился на Сечи в 1594 [3, 199]. А во время казацкой рады 1625 барабаны, вместе с гетманским бунчуком, размещались в центре казацкого круга [1, 153].

В целом же во время совещаний сечевиков, литавры использовались для усиления эффекта определенного действия. Как отмечает историк Д. И. Яворницкий, для созыва казаков на совет довбыш бил в литавры один раз мелким дробью. После этого сечевой есаул выносил из церкви флаг, а довбыш снова бил в литавры, но уже два раза. И только в после этого сигнала начинали собираться казаки на совет [4, 164]. При выборе нового кошевого атамана «... при том приказывают Довбыш в литавры бить честь. Тот же, хотя бы и НЕ хотел, принужден принять и кланяться им, за что вторично литавренным же боем отдавалась честь ему» [5, 723].

В основном литавры добывались казаками во время военных баталей с турками и татарами, но иногда и дарились казацким гетманам польскими или российскими монархами. В 1670 так поступил польский король Михаил Вишневецкий, для подтверждения права Войска Запорожского

свободно выбирать себе гетмана [6, 97]. В 1709 русский царь Петр I предоставил казакам, среди других клейнодов, литавры в знак милости к казакам и разрешения на возобновление Сечи [7, 4].

Традицию использовать литавры, как один из военных клейнодов, переняли у запорожцев и представители украинского казацкого государства середины XVII ст. Ведь перед началом национально-освободительной борьбы, казаки, вместе с другими клейнодами, вручили Богдану Хмельницкому и медные большие котлы [8, 36]. После желтоводской и корсунской битвы, в обозе Хмельницкого насчитывалась 31 пара больших и малых котлов, три пары из которых он отправил на Сечь в благодарность за поддержку [8, 48].

Исторические источники неоднократно указывают на использование литавр во время встречи послов и гостей к украинским гетманам. Так, 1653 г. Юрий Хмельницкий и генеральный писарь Иван Выговский провожали из Чигирина московский посол под звуки труб и литавр. В 1668–1669 гг., так же переяславский, гадацкий и зеньковский полковники встречали посланцев московского царя [10, 113; 11, 375]. Как и на Запорожье, в гетманской Украине литавры сигнализировали сбор войска и его готовность выступить в поход [12, 914; 13, 413].

Если на ранних этапах существования казацкого государства, литавры чаще всего добывались в боях с различными противниками, то с середины XVII ст. они поступали от русских царей. Впервые такой случай зафиксирован во время избрания новым казацким гетманом Ивана Самойловича в 1674 г. [13, 365]. А избрание на гетманство Кирилла Разумовского в 1750 г. сопровождалось вручением ему серебряных литавр [14, 38]. Полковые же литавры обновлялись за счет подарков от гетманов. В 1661 кременчугский полковник обращался с такой просьбой к наказному гетману Якову Сомко [9, 69]. А в 1742 г. при назначении неженского и стародубского полковников генеральный хорунжий Николай Ханенко даровал им от имени гетмана литавры, которые были выданы ему в генеральной войсковой канцелярии [15, 177].

В казацком войске литавры выполняли функцию ударного музыкального инструмента в Военной (государственной) и Полковой Музыке Войска Запорожского,

аккомпанируя казацкую производную музыку. В большинстве случаев литавры: «... были медные посеребренные или окрашенные голубой, зеленой и красной краской, и разрисованные цветами, верхние бордюры были всегда серебряными» [16, 41].

Запорожцы имели литавры разных размеров. В частности, Г. М. Хоткевич приводит сведения о том, что у казаков были литавры, которые возили на четырехлошадях и в которые били одновременно по восемь человек [17, 282]. Полковые производные литавры, в отличие от стационарных котлов-литавр Военной Музыки, были гораздо меньшего размера и цеплялись они в походе к передней луке особого седла, которое давалось правительством довыбшу [18, 8]. На Сечи данные инструменты хранились в казацкой церкви, чтобы какой-то из казаков, ухватив чрезмерно водки, не поднял ложной тревоги. На территории Гетманщины литавры хранились в военных канцеляриях, изготавливались и ремонтировались за счет военной казны [19, 3]. Так, в феврале 1764 г. переяславский полковник обратился с письмом к гетманской канцелярии с просьбой оплатить ремонт полковой музыки, а именно: «двух литавр железных с яловыми шкурами ...» [20, 1, 2]. К сожалению, пока в источниках не обнаружено описания казацких литавр. Однако те экземпляры, что хранятся в фондах отечественных музеев, позволяют сделать визуальный анализ казацких литавр XVII–XVIII вв. Так, котлы, которые музейные специалисты относят к XVII в., относительно небольшие, изготовленные из меди и железа, и имеют по 7–9 винтов для крепления. Те же, что датируются XVIII в., хотя и изготовлены из идентичного материала, но имеют значительно больший размер и сделаны более аккуратно. Это может свидетельствовать о том, что последние вряд ли использовались в военных походах, а скорее всего являлись частью Военной или полковой музыки. Экспонат же из фондов музея украинского казачества национального заповедника «Хортица», представляет собой прекрасный пример того, что котлы в XVIII в. все больше приобретают церемониальной функции. На это указывают и серебряные литавры гетмана Кирилла Разумовского, что из атрибутов казацкой победы превратились в атрибут монаршей милости, и использовались только при торжественных моментах.

В казацкой среде за уходом и сохранением литавр следило определенное должностное лицо. На Запорожской Сечи это был военный довыбш, что на территории

Гетманщины назывался литаврщиком. Впервые эта должность упоминается в сеймовом постановлении от 1601 г., которое предусматривало в каждом казацком полку по 4 довыбша. Военный довыбш, боем в литавры созывал казаков на общие и частные советы, перед походами на врагов или во время приема на Сиче важных лиц [4, 184]. Кроме этого прямого обязательства военный довыбш исполнял иногда обязанности и других служилых лиц, в частности полицейских: он раздевал осужденных преступников и приковывал их к столбу позора на площади, привозил с паланок на Сечь разных «харцизов», присутствовал при исполнении судебных приговоров, принуждал посполитых к быстрой уплате налогов и немедленного приезда с зимовников на Сечь перед походами, наконец, изымал в пользу войска налог и перевозное через реки. За исполнение этих обязанностей довыбшу давали «особенную Великую всякий год плату», но как видно с военного жалования 1768 г., оно составляло не более трёх рублей в год [21, 72].

Литаврщик же впервые упоминается в исторических источниках в 1672 г., в период подготовки обороны Киева от нападения поляков [12, 651]. Е. Славутич отмечает, что в составе Военной Музыки довыбш известный во времена гетманства Ивана Скоропадского, Павла Полуботка, Данила Апостола и Кирилла Разумовского. Находясь при гетманском правительстве, довыбш, вместе с другими музыкантами, почти всегда сопровождал обладателя булавы в дальних поездках и делегациях в Москву или Санкт-Петербург. Кроме Музыки Военной, то есть государственной, в каждом полку была собственная, полковая, военная музыка. К ней принадлежали, 4–5 трубачей, 1–2 трубачей или пищалок и 2 довыбша (1 — при музыке, другой — при полковой артиллерии). За службу они получали 15 и 10 рублей в год соответственно [22: 274, 288].

Таким образом, литавры в течении всего своего существования в среде украинского казачества были атрибутом коллективного военного единства. Именно звуками этого музыкального инструмента созывали на казацкий совет для коллективного решения важных вопросов, встречали и провожали важных гостей или сопровождали украинских гетманов в их поездках. Для хранения таких важных инструментов существовала специальная должность — довыбш или литаврщик, в обязанности которого входило не только охрана литавр, но и обеспечение их сохранности и ремонта.

Список литературы:

1. Okolski S. *Diariusz transakcji wojennej między wojskiem koronnym i Zaporoskiem w r. 1637.* – Kraków, 1858.
2. Українське козацтво: мала енциклопедія. – К.: Генеза; Запоріжжя: Прем'єр, 2002.
3. Щоденник Еріха Лясоти із Стеблева (1588–1594)// Мемуари до історії Південної Русі. – Дніпропетровськ: Січ, 2005. – Вип. 1.
4. Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків: у 3 т. – К.: Наукова думка, 1990. – Т. 1.
5. Рігельман О. І. Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі. – К.: Либідь, 1994.
6. Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. – К.: Т-во «Знання» України, 1992.
7. Центральний державний історичний архів м. Київ (ЦДІАК). – Ф. 229. Спр. 1. Арк. 4.
8. Величко С. В. Літопис: в 2 т. – К.: Дніпро, 1991. – Т. 1.

9. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т. 5. – СПб., 1867.
10. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т. 7. – СПб., 1872.
11. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т. 8. – СПб., 1875.
12. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т. 9. – СПб., 1878.
13. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Т. 11. – СПб., 1879.
14. Путро О.І. Гетьман Кирило Розумовський та його доба: в 2 ч. – К.: Державна академія керівних кадрів культури і мистецтв, 2008. – Ч. 1
15. Дневник Николая Ханенко (1719–1723, 1754 гг.)//Киевская старина. – 1896. – Т. 54. – № 8–9.
16. Сементовский Н. Старина малороссийская, запорожская и донская. – СПб., 1846.
17. Хоткевич Г. Музичні інструменти українського народу. – Х.: Видавець Савчук О. О., 2012.
18. ЦДІАК. – Ф. 51. Оп. 3. Спр. 6111. Арк. 8.
19. ЦДІАК. – Ф. 269. Спр. 2690. Арк. 1,2.
20. ЦДІАК. – Ф. 269. Спр. 2691. Арк. 3.
21. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. – Одесса, 1841.
22. Славутич Є. Службовий одяг і мундирне забезпечення військової музики в Лівобережній Україні.//Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – К., 2006. – № 13.

*Bogdanovich Tatjana,
University of Latvia, master degree student,
Faculty of History and Philosophy
E-mail: tb13011@lu.lv*

The German Noble Recatholisation in Inflanty in 17th – 18th century

Abstract: An author of the article talks about the process of recatholization in Inflanty. More attention is given to the German noble converting to the Catholic faith and detection role of Jesuits in this process.

Keywords: Jesuits, Counter — Reformation, Inflanty, recatholization.

Religious orders have played an important role in the history of the Roman Catholic Church. Since the Middle Ages they served for lifting of the Church honor and authority. Establishment of new orders often coincided with the decline of faith and morals periods when the spiritual crisis threatening the Church's existence. In the 16th century Roman Catholic Church experienced a violent impact from the Reformation. The religious orders of Roman Catholic Church could not resist new ideas. Therefore Church needed a new force that would suit the spirit of the time and would restore its authority. Societate Jesu or Jesuit Order became the force of the Roman Catholic Church against Reformation. The Jesuit Order played an important role in the Counter-Reformation and eventually succeeded in converting many people around the world to Catholicism.

At the beginning of the 16th century Reformation ideas reached the territories of Poland and Grand Duchy of Lithuania. Polish kings tried to stop the spread of new ideas. For this purpose Jesuit Order was invited to the country [1, 31]. At the end of 16th century Jesuits worked all around the Polish–Lithuanian Commonwealth. In 1582 they started work in Inflanty [1, 34].

Inflanty also known as Polish Livonia was part of Livonia land that during the Livonian War in 1569 became province of the Polish–Lithuanian Commonwealth.

Inflanty had several noble families. Some of them were descendants of German knights, such as the families of Borch, Plater, Hilzen, Zyberg, Weissenhof, Tyzenhaus, Grotus, Mohl, Denhof, Rejtan, Manteufel, others were Polish or Lithuanian settlers [7, 5–6]. The German noble in 16th century was converted from Catholic to Lutheranism by influence of Reformation [7, 5]. Therefore one of the important tasks of the Polish–Lithuanian Commonwealth government was the recatholisation of the German nobility. The aim of this topic is investigate the process of recatholization of German noble in Inflanty.

The information about the religious situation among German noble in Inflanty in 16th–17th century can be found at the Dinaburg (Daugavpils) Jesuit reports. The Order missionaries gave the following characterization: “Dinaburg and all the Livonian land are overgrown with weeds of heresy” [6, 261]. The first attempts of noble's recatholization are associated with King Stefan Batory. He tried to implement the

Polish–Lithuanian Commonwealth centralization and consolidation of the nation. As the factor of unifying of the nation he chose the Catholic faith [1, 34]. To implement this political course he had to return all the Protestants in the Catholic Church, including German noble in Inflanty.

Jesuit Antonio Possevino drew up the plan of recatholization of Inflanty. He demanded Stefan Batory to stop tolerance policies that he believed only hindered the process of strengthening the Catholic faith in Inflanty. Antonio Possevino asked the provincial government to be entrusted only to Catholics and claimed to colonize the Inflanty with the Catholic population. Also he offered to invite Jesuits in Inflanty and establish the colleges and schools there [2, 184–85]. The recatholization program of Inflanty King Stefan Batory began to implement immediately after the armistice with Russia in 1582.

At first King founded bishopric of Inflanty in Venden (Cēsis). Stefan Batory appointed administrator of Inflanty — Vilnius Bishop J. Radvilos. He was an opponent of religious tolerance. The King divided the main part of administrative avocation to the Catholic noble. They had 2/3 of all posts [4, 23].

Stefan Batory took note the Antonio Possevino recommendation to colonize Inflanty by the Catholic population. The colonization aim was not only dissemination of Catholicism, but also weakening of the German Protestant noble political positions in province. For this purpose in 1582 in Inflanty land audit was started. It continued until the year 1590 and was renovated in 1599 year [5, 310–325]. During the audit castles and lands around them were confiscated from German noblemen. On the confiscated property were organized royal districts that until the 1598th year were awarded the only Grand Duchy of Lithuania and Polish representatives. As a result, the Polish–Lithuanian Commonwealth Catholic noble's hands reached almost half of Inflanty land properties [4, 23–24].

The recatolization of Inflanty, as requested by Antonio Possevino, was entrusted to the Jesuits. Jesuit colleges were established in major cities of Inflanty — Riga and Terbata (Tartu). The Jesuits also operated in Venden, Pernava (Parnu) and other places in Inflanty. The Jesuits in Inflanty faced with a very strong Protestant opposition. It was headed by the Lutheran clergy [3, 172]. Despite the Jesuit activity in the process of recatholization: the spiritual care of population of Inflanty and the educational work, however, the opposition didn't weaken. About German noble of Inflanty Jesuit Piotr Skarga in letter to General Claudius Akvaviva wrote: "There is a little hope to convert their soul to God" [1, 40].

This phenomenon can be explained by the Polish–Lithuanian Commonwealth government discriminatory policy against the German noble, which led it, began losing not only their property but also its role in the political life of the province. This led to the fact that Lutheran noble began to perceive the Polish–Lithuanian Commonwealth government and, therefore, the Roman Catholic Church as the enemy. Only during the Polish–Swedish War fearing that German noble can pass Swedish side, King Sigismund III changed tactics and tried to get the Lutheran noble favor by

giving them land ownership, as well as distributing among them administrative post [1, 41].

During the Polish–Swedish War of 1621–1625 part of Inflanty had been conquered by the Swedish Empire. In the Polish–Lithuanian Commonwealth remained only the eastern part of Inflanty. This territory was named the Inflanty Voivodeship (Polish: Województwo inflanckie). The Inflanty Voivodeship was divided into four so-called tracts, named after seats of starostas. These were Dyneburg (Daugavpils), Rzezyca (Rēzekne), Piltyn (Piltene), Marienhaus (Viļaka), and Lucyn (Ludza). The administrative center of voivodeship was Dinaburg [7, 9].

Until the signature of Andrusova's truce in 1667, the Polish–Lithuanian Commonwealth government ignored the religious problems in Inflanty. It was only interested in war-related problems: the grants of the army in Inflanty and the economic situation in the province [1, 41]. Because of war spiritual case of population of Inflanty was left in terms of the Roman Catholic Church management. All around 17th–18th century Jesuits continued to operate in Inflanty. In 1630 in Dinaburg was founded the mission, but the 1643, it received residency status [1, 41].

The Jesuits of Dinaburg's missions in their activities more attention gave to the German noble converting to the Catholic faith. Their reports particularly liberate Protestant noblemen converting facts [6, 340–426]. Noble return to the Catholic faith was an important event to Dinaburg's Jesuits, which by this time existed mainly thanks to the donations. Each nobleman was a potential supporter of the mission.

Unfortunately, the Dinaburg's Jesuits in documents of the beginning of 17th century did not mention the names of noble returned to Catholic faith, that is why it is difficult to say which Inflanty noble family converted into Catholicism in this period. From 1634 to 1641 four cases of conversion were [6: 261, 340, 342]. It is not much and show that the Jesuits did not have great success in the field of noble recatolization and they were still strongly stick to their faith.

To return the nobles under the auspices of the Catholic Church different methods have been applied. Very popular method of strengthening of religion was dissemination of legends about supernatural abilities of sacraments. For example in the year of 1647 in Jesuit's report is written that the noble Calvinist woman was seriously ill and invited Jesuit priests. After the Conversations and the Eucharist sacraments receiving she got well [6, 344–345]. A similar case regularly appears in Jesuits' reports of Dinaburg's residence. Since the Middle Ages Roman Catholic Church used peoples' faith in miracles to strengthen its authority. This method formed the conviction that God's grace could be gotten only through the Roman Catholic Church. More attention was paid to noble family heads, because other family members, servants and farmers followed them. For example, in the 1695 Dinaburg's Jesuits report was noted nobleman Grothus return to the Catholic faith [6, 276]. As a result, in the reports was mentioned big number of Lutheran conversion — 666 people [6, 276]. In Dinaburg's Jesuits residence there was always one of brothers who knew the German

language — German predicate [6, 352]. He was responsible for the German noble catechization in Inflanty.

The rapid conversion of Protestant nobility to Catholicism is observed starting with the 80s of 17th century. This can be explained by the general Jesuit operational activity that was being observed from the 17th century 70s. During this time, Jesuits managed to overcome all the losses which were caused by the Polish–Swedish and Polish–Russian wars, and they were able to focus on spiritual activities [6, 264].

Jesuit reports reveal that in Inflanty cases of conversion of noble families' were in 1681st, 1683, 1687, 1689, 1695, 1696 and 1697 [6: 270–274; 371–372]. Not always nobles were named. Precisely it is known that in 1695 in the Catholic Church two noble families were returned — Grothus and Borch [6, 276]. Dinaburg's Jesuit reports show that in 17th century their supporters became representatives of Zyberg family, but at the beginning of 18th century the residence's missionaries worked in Hilzen and Plater noble families' land [6: 271, 375–381].

1697 is the last year, when German nobility conversion case in the Dinaburg's Jesuits reports was mentioned [6, 372]. In the 18th century Jesuits wrote only about the neighbored Curland's noble returning to Catholic faith. This may suggest that recatolization of German noble in Inflanty ended at the end of the 17th century. This assertion is also supported by visiting report, which was addressed to the Polish–Lithuanian Commonwealth Cardinal Odeskalki. There is written that all Inflanty noble is Catholics. The exception is Korf noble family, which is living in Krustpils [3, 172].

Hence German noble rechatolization in Inflanty can be regarded as a very successful. But this great progress of noble

rechatolization would not be possible if noblemen should be supported by Lutheran pastor. But in the 17th century Protestant pastors were served only in one place in Inflanty — Lucina [5, 16], so Lutheran population of Inflanty practically left without spiritual care.

German noble switch to the Catholic Church was act of good faith, because in this time there was not detected pressure from the government of the Polish–Lithuanian Commonwealth. Only in 1717 Sejm determined that only Catholics may take a part in noble meetings), but in this time all noble in Inflanty were already Catholic [1, 84].

In this way the process of German noble rechatolization in Inflanty can be divided into two stages. The first starts from 1582, when rechatolization plan of Inflanty was began and it continued until 1629, when the Swedes army conquered the greater part of the territory of Inflanty. This phase of the German noble recatolization was not successful. German nobility in spite of the Polish–Lithuanian Commonwealth's government and Jesuits activity continued to stick to Lutheranism. This can be explained by the Polish–Lithuanian Commonwealth discriminatory policy towards Protestant noble in Inflanty, in the result of what the Roman Catholic Church was seen as an enemy.

The second stage begins with 1630, when the Jesuits arrived in the eastern part of Inflanty and founded missions here, and ends with the end of the 17th century, when the last noble conversion case was fixed in Jesuits' report. Due to the fact that discriminatory policy of Protestant noble was terminated and also due to the Dinaburg's Jesuits activity in Inflanty, German noble from Lutheranism switched to Catholic faith. The process of recatolization of German noble was finished.

References:

1. Bogdanoviča T. Dinaburgas rezidences jezuītu darbība Inflantijas rekatolizācijas jomā. Maģistra darbs, 2015.
2. Dunsdorfs E. Latvijas vēsture 1600–1710. – 1996.
3. Strods H. Latvijas katoļu baznīcas vēsture 1075. – 1995, 1996.
4. Якубаў В. У. Інфлянты ў знешняй і ўнутранай палітыцы ВКЛ у канцы XVI – пачатку XVII ст.: дысертация на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. – Дзяржаўная навуковая ўстанова “Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”, 2013.
5. Škutāns S. Dokumenti par klaušu laikiem. – 1974.
6. Latvijas vēstures avoti, 3. sej: Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa archīvos, 1940.
7. Manteuffell G. Ksiestwo Inflanckie XVIII–XIX stulecia. – 1897.

Popov Artem Andreevich,
Tyumen State University, the applicant for the Candidate Degree
of the Chair of History, Social Science and Humanities
E-mail: Popovartem15@mail.ru

Influence of the thesis of Fritz Fischer on formation of the neoliberal direction of the German historiography of the foreign and naval policy of Kaiser Germany devoted to problems in the 50th – the 60th of the XX century

Abstract: In article are analyzed a contribution of the German historian F. Fischer on development of a liberal historiography of the Federative Republic of Germany at the 50th – the 60th of the XX century. Also the factors providing to the historian success in work are considered.

Keywords: Kaiser Germany, neoliberal historiography, British-German sea antagonism, F. Fischer, World War I.

Попов Артем Андреевич,
Тюменский Государственный Университет,
соискатель кафедры истории,
социально-экономических и общественных дисциплин
E-mail: Popovartem15@mail.ru

Влияние тезиса Фрица Фишера на формирование неолиберального направления немецкой историографии посвященной проблемам внешней и военно-морской политики кайзеровской Германии в конце 50-х – 60-х гг. XX века

Аннотация: В статье анализируются вклад немецкого историка Ф. Фишера на развитие либеральной историографии Федеративной Республики Германия на рубеже 50-х – 60-х гг. XX столетия. Также рассматриваются факторы обеспечивающие историку успех в работе.

Ключевые слова: Кайзеровская Германия, неолиберальная историография, англо-германский морской антагонизм, Ф. Фишер, Первая мировая война.

Первая мировая война — конфликт, унесший множество людских жизней, открывающий неслыханную эру господства автоматического оружия. Впервые за многовековую историю развития человеческой культуры военные жертвы принимают массовый характер. Великий пожар 1914–1918 гг. ознаменовал собой революцию военной инженерной мысли, но с другой стороны оставив тактику ведения боя XIX столетия, заставляя молодых людей отчаянно бросаться под огонь пулеметов, становясь жертвами варварских траншейных схваток. Отстаивая каждый клочок земли, миллионы воинов противоборствующих сторон гибли под натиском артиллерийского огня и авиации, а так же на морских просторах.

На протяжении четырех лет страны Антанты и Тройственного союза, объединившиеся в два противоборствующих лагеря, стремились силой оружия перековать европейскую и мировую политическую карту мобилизовав, свыше семидесяти миллионов солдат и офицеров. Стремительное развитие технических средств ведения боевых действий позволяли создавать оружие массового поражения, однако модернизации средств защиты так и не

последовало, приводя к огромным людским потерям. Когда, наконец, смолкли орудия, мир необратимо изменился.

Страны-участники оплакивали свыше десятка миллионов погибших, искалеченных и пропавших без вести. Тысячи участников боевых действий страдали от тяжелых психических травм. Кампания 1914–1918 гг. оставила неизгладимое впечатление в памяти европейцев: по результатам Версальского мира рухнули четыре империи, нарастали кризисные явления в экономике, подавленное состояние людей и чувство безысходности. Именно в тот временной отрезок все чаще слышен термин «потерянное поколение». Со временем ужас Первой мировой войны оказался оттененным более страшными событиями 1939–1945 гг., приобретая мифический, коллективный не связанный с отдельной судьбой характер, основанный на голых фактах и цифрах военных потерь, которые нельзя забыть. Публикация ранее неизданных архивных материалов, исследовательская работа ученых и историков разных стран способствуют нашему приближению к пониманию времени, когда человеческую жизнь и смерть разделяло лишь мгновение — просвистевшая пуля. Некоторые

войны сами дают себе названия, а кампания 1914–1918 гг. по праву была Великой.

Особо следует выделить вклад немецких исследователей в раскрытие предтеч мирового конфликта. Разрабатывая достаточно широкий спектр вопросов затрагивающих политико-экономические, а также военно-морские аспекты с привлечением разнообразных историографических источников, позволило ученым вести разноплановые изыскания. Такой подход весьма способствовал увеличению научного потенциала темы и оформлению различных векторов историографического исследования в рамках освещения проблем военного маринизма.

Данный процесс наиболее плодотворно развивается с 50-х гг. XX в. усилиями ученых Федеративной Республики Германия. Планомерное открытие архивов и последующее расширение источниковой базы, а так же введение в оборот ранее не изданных материалов содействовало появлению целой плеяды маститых историков. Среди авторов наиболее плодотворно потрудившихся на ниве освящения проблем внешней и военно-морской политики кайзеровской Германии можно выделить представителей консервативного течения буржуазной немецкой историографии Г. Риттера [9; 10; 11; 12], В. Хубача, К. Шака, Ю. Ровера и т.д.

На основании своих исследований ученые отстаивали тезис о защитном характере внешней политики германского государства. Их версии агрессивные устремления Туманного Альбиона побуждали официальный Берлин наращивать темпы флотского строительства с целью обеспечения военного и экономического паритета с британской короной. Более того, «консерваторы» настаивали, что именно такие действия способствовали бурному развитию морской гонки вооружений на европейском континенте, тем самым, приближая трагический эпилог — Первую мировую войну. Однако исследования перечисленных авторов не отражали весь спектр политических воззрений немецкого общества 50х – 60х гг. XX в. Закономерным итогом стало появление неоллиберального течения немецкой исторической науки, представители которого стремились представить отличную от консерваторов точку зрения.

Настоящая переоценка ценностей западногерманской историографии англо-германского морского антагонизма произошла после публикации работ А. Дегио и Р. Штадельмана. Оба этих историка первыми в немецкой исторической науке развивали тезис о гегемонистическом типе внешней политики Германии имперского периода, выражая его в одной емкой фразе — «немец должен либо править, либо подчиняться». Выводы представленные в монографиях исследователей обстоятельно и прямо доказывают наличие захватнических и наступательных устремлений рейха во время строительства военно-морских сил. По мнению ученых, стремление германцев к мировому господству заключено в их исторической природе, поэтому полемика консервативных историков оправдывавших курс кайзеровской Германии на международной арене в начале XX в. по версии А. Дегио [5] и Р. Штадельмана [12] абсолютно абсурдна.

Однако, ценность изысканий данных авторов заключается не только в оригинальной постановке вопросов, а в подготовке почвы для развития нового вектора исторических исследований в рамках неоллиберального течения западногерманской историографии англо-германского флотского противостояния в начале XX в.

Таким толчком к пересмотру устоявшихся постулатов исторической дискуссии проходившей в русле ответственности Германии в развязывании военного конфликта 1914–1918 гг. стала публикация в 1961 г. 800-страничной капитальной монографии «Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszieldpolitik des Kaiserlichen Deutschlands» профессора Гамбургского университета Ф. Фишера [7]. На основании разнообразного архивного материала историк стремился доказать некую преемственность внешнеполитических целей германского государства начиная от правления кайзеров заканчивая послевоенным периодом. Особое внимание автор уделяет устремлениям рейха в Первой мировой войне и настаивая на агрессивной направленности его флотской политики. По мнению Ф. Фишера экономическая и политическая экспансия стала важнейшей предтечей в развязывании «мирового пожара» в связи с чем вполне логично заявление историка, раскрывающее особую роль Германии как единственной виновницы кампании 1914–1918 гг. Более того в работах ученого периода 1978–1983 гг. данный тезис целенаправленно развивается [8].

На основании досконального изучения немецких архивных источников автор формирует научную концепцию доказывающую виновность II-го рейха развязывании Первой мировой войны и сводит ее до двух существенных положений.

Во-первых, вся полнота исторической ответственности за «бойню народов» всецело лежит на немецкой стороне, ввиду сознательного провоцирования ею мирового конфликта, основой которого исследователь видел противоборство кайзеровской Германии и Великобритании, движущей силой которого была морская гонка вооружений.

Во-вторых, формирование агрессивного внешнеполитического вектора связано, прежде всего, с внутренним милитаристским лобби, отстаивавшим позиции империалистического доминирования в регионах Ближнего Востока, Африки и Восточной Европы. Более того, ученый целенаправленно придерживался тезиса о том, что военное противостояние 1914–1918 гг. являлось продуманным ходом дипломатии официального Берлина, а не «трагической ошибкой» на которой настаивали историки консервативного направления немецкой исторической науки.

На страницах своих изысканий Ф. Фишер затрагивал весьма болезненные темы для немецкого общества, для которого было вполне приемлемо утверждение о том, что именно Германия вызвала конфликт 1939–1945 гг., однако утверждение историка об «особой» роли немцев в Великой войне произвело эффект «разорвавшейся бомбы». Но вместе тем изыскания автора весьма способствовали развитию научного интереса к тематике Первой

мировой войны, что в свою очередь стимулировало появление новых работ.

Таким образом, можно констатировать, что «Фишеровская концепция» вызвала широкий резонанс не только среди западногерманских исследователей, но и мировых. В отечественной историографии работа автора получила всесторонне рассмотрение в трудах К. Б. Виноградова [1] и Ю. В. Дунаевой [2], также в статьях ишимского историка С. Н. Синегубова [3, 11–14; 4, 124–131]. Однако, точка зрения Ф. Фишера затрагивающая тему исключительно «германской ответственности» получила и шквал

критики. Итогом такой политики стало стойкое «неприятие» взглядов историка в среде «консерваторов». В числе ярых оппонентов автора можно выделить выше упомянутого историка Г. Риттера, а также исследователя Г. Шоллгена [13]. Впрочем, «Фишеровская концепция» имела и немало последователей, что в последствии вылилось в появление отдельного направления исторического исследования, посвященного проблемам флотской политики Германской империи и получившего название «школа Фишера», так или иначе стимулировавшего интерес историков к данной теме.

Список литературы:

1. Виноградов К. Б. Буржуазная историография Первой Мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. – М., 1962.
2. Дунаева Ю. В. Исследование Ф. Фишера о Первой мировой войне и европейская историография. Перспективы. – М., 2014.
3. Синегубов С. Н. Англоязычная историография германо-британского морского соперничества начала XX в. // XXIII Ершовские чтения: Межвуз. сб. науч. ст. Ч. II. – Ишим: ИГПИ им. П. П. Ершова, 2013. – С. 11–14.
4. Синегубов С. Н. Особенности западногерманской историографии военно-морской политики кайзеровской Германии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник ИГПИ. История. – 2013. – № 2. – С. 124–131.
5. Dehio L. Gleichgewicht oder Gegemonie. – Krefeld, 1948.
6. Fisher F. Die Neutralitat Englands als Ziel deutscher Politik 1908–1914. – West Berlin, 1983.
7. Fisher F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschlands. – Düsseldorf, 1961.
8. Fisher F. Krieg der Illusion. Die deutsche Politik von 1911–1914. – Königstein, 1978.
9. Hubatsch W. Die Ara Tirpitz. Studie zur deutschen Marinepolitik 1890–1918. – Göttingen, 1955.
10. Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. – Munchen, 1964.
11. Rohver J. Kriegsschiffbau ind Flottengesetze um die Jahrhundertwende. – Düsseldorf, 1972.
12. Schak K. Der Beginn des deutschen Schlachtflottenbaues 1897–1900. – Munchen, 1981.
13. Schöllgen G. «Fisher-konroverse» und Kontinutatsproblem. – Freiburg, 1981.
14. Stadelmann R. Die Epoche der deutsch-englischen Flottenrivalitat. – Laupheim, 1948.

*Rakhmonova Yulduz,
the Candidate of Historical Science,
Urgench State University, Khorezm, Uzbekistan
E-mail: Guzal7212@gmail.com*

Mythological beliefs on national jewelry of Khiva

Abstract: This article explains the history of ancient Khorezmian jewelry in Khiva and peoples' beliefs on them. The social, cultural and national importance of the decorations and patterns of them are described in detail. By this article the author tries to explain the content and purpose of wearing jewelry in ancient Khorezm.

Keywords: jewelry, Khorezm – one of the regions of present day Uzbekistan, “takhiya” – a Khorezmian national skull cap designed with beautiful metal scales, “djigha” – a symbol of bird, jewelry item for headwear of governors, “osma duziy” – a jewelry item containing three teeth of wild animals, “tumor” – amulet worn round the neck with pendent which has the lines of Quran in it, “huyi par” – a feather of eagle-owl hooked on takhiya, “Ichan Kala” – the inner city in Khiva where the residence of Khorezmian shahs situated, “feruza” – a precious stone which is in turquoise color, “Shabaka” – the most popular technique of jewelry making, “Falkol Ark” – the residence of shah.

The ancient mode people's applied art are very significant in studying the history. For instance the diversity of women's jewelry, the decorations were not only the presentation of love, respect and kindness to them but also they are considered as the valuable source for us to study the history.

These pieces of art inform us about the period of time and place, professional skills of master designers, also, economic and spiritual state of the owners of jewelry, sentiment, inter relations of social classes, in general, social, mental, economic, even political scene of the certain period. In 19th century, the

Khivian jewelers' profession developed dynamically. Jeweler's profession developed dynamically. Jeweller's polished gold, silver items with delicate stones and glass.

In 18th century sixties, there were 12 jewelers in Khiva, at the beginning of 19th their number increased to 60. There were separate jewelers inhabiting places in Khiva who dwelt by making jewelries. The jewelries were made of gold, silver, bronze, cuprum and polished with gold-bearing water. The precious stones such as pearl, emerald, color glass, onyx were used. These precious stones were brought from India, Iran, Egypt and other Eastern countries. Local people considered each stone acquiring magic feature and believed that they would bring happiness, solidarity, protect from evil spirits, and even some stones were believed to strengthen the heart, and cure from certain disease.

Jewelers used national-traditional techniques in designing jewelry items. In Khivian jewelry designing, such creative methods as pressing, tinning, stone fastening, fine designed "shabaka" were widely used.

In decorations ornaments with chain, beads, stone and in the shape of metal pressed leaves (usually on head wearing of local people preserved up to the 20th century) were mostly used, "pomegranate seeds", "apple blossom", "round patterns" were designed.

In Ichan-kala museum preservation 200 Khorezmian jewelry items have been preserved up to nowadays. There were several groups of women's jewelry which were worn on head, breast and waist. One of the items of head jewelry was "tumor" (amulet) which was hooked on takhiya (skull cap). The word "tumor" in Uzbek originated from Arabic "duo" (means prayer to God, wish for a good outcome). Usually a chapter from Quran was written on a piece of paper and put into "tumor" in order to protect a person from evil eyes and troubles. Silver and turquoise or "feruza" were used to decorate "takhya" and jewelry was polished with golden water. The peculiarity of Khorezmian skull caps (takhiya) is that its top surface is

flat and designed with ribbons, and with circumference. The "takhiya" was decorated with gold, silver and cuprum scales and "huyi par" (eagle owl's feather) on one side only.

"Osma duziy" or "wing hang" was an ornament worn on forehead which contained three teeth of wild animals. "Osma duziy" which has been preserved in Ichan-Kala museum fund belonging to the 19th century had coral, turquoise designing stone patterns.

"Takhiya Duziy" is the complex of Khorezmian jewelry designing peculiarities.

It covered the skull cap totally, these covering metals (mostly scales were fastened) took the shape of cap naturally. The head decorative item "djigha" was the symbol of ruling power or governor of the country. In "Chronology of Khorezmian shahs" the scribe Bayoniy wrote the following lines "Amir Tura came to Filhol Ark and became Khan and wearing a fur-hat with djigha, sat on the throne". The term "Djigha" was connected with the symbol of bird. The birds were always considered as the symbol of governors and his patronage, and defender. Besides, the primitive beliefs of local peoples traced its ancient history in jewelry. Owl, eagle-owl, eagle and falcon feathers were believed that they would protect people from evil spirits and devil.

In eastern countries by wishing health and prosperity to the governor, on his headwear the "djigha" was hooked with the feather of a bird. But in Khorezmian shah's crown or head wear there were no feathers it was more simple than others. But, djigha on women's and children's head wears were used with feather. On wedding day, djigha was hooked on girls' "takhiya's".

As a conclusion to our view point we would like to mention that the jewelry items coming from century to century, from generation to generation have been preserved as the precious piece of history, also we must mention that nowadays a lot of youth especially girls and women are interested in the ornament, patterns of traditional design of the national jewelry.

References:

1. Azizxojayev A. Khiva ming gumbaz shahri. – Tashkent: "Sharq", 1997. – P. 83.
2. Ichan kala muzey qo'riqhonasi fondi. KP 580–583, KP 129.
3. Bakhodirxon Abulghozi. Shajarai turk. – Tashkent: "Chulpon", 1992. – P. 131.

*Usanova Ksenia Yurievna,
Moscow State University,
Graduate student of the Department of History
E-mail: uusanova@mail.ru*

Evolution of political lapel pins in presidential campaigns in the USA (1948–1972)

Abstract: The work presents the evolution of visual technologies in political advertising on the example of lapel pins. Their traditional and innovative forms are revealed.

Keywords: evolution, visual advertising, political lapel pins, design, psychological effect.

In view of the recognition of a «visual turn» in the historical science by scientists and increase of importance of visual culture in modern world, the researches dedicated to visual sources take a significant place [1].

Political advertising is a complex of political communications aimed at changing the opinion and behavior of people in accordance with political objectives of an advertiser. A block of visual advertising consists of posters, advertising bills, banners, stickers, pins and, since 1952, video advertising. If some issues related to the evolution of visual technologies of political advertising were covered, for instance, in the work of Steven Seidman [2], advertising lapel pins remained beyond studies in both Russian and foreign literature.

Advertising lapel pins as a technology of election campaign were first used in XVIII century under the presidency of George Washington. The pins were of several types. They didn't go radically beyond this typology till XX century. One

can trace their evolution from a traditional advertising design and psychological impact to modern types that were formed and visualized in 1972 pins on the example of election campaigns from 1948 to 1972.

Advertising lapel pins in 1948 and 1952 election campaigns traditionally have the following features that are also typical for previous periods. The most common shape of lapel pins is round; the color was within three colors of the USA national flag: red, blue and white. Sometimes, one can come across black and white photographs, because color printing was not applied yet during the considered years. From the point of visual solution, the lapel pins were a round base with a portrait of a presidential candidate; with two portraits of candidates for president and vice-president; with text; pins with a symbol and text. Thus, the pins in the 1948 and 1952 campaigns always have the text («Truman», «Dewey/Warren», «President Harry S. Truman», «Truman/Barkley» etc.) [3] (Fig. 1).

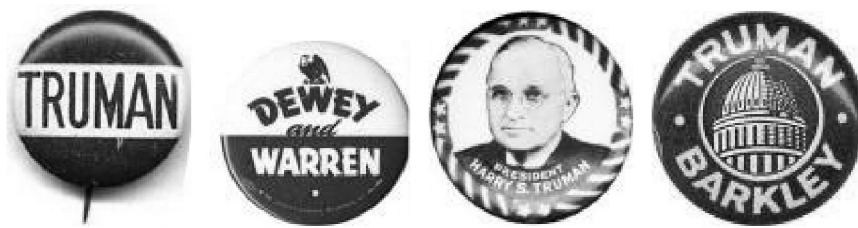

Fig. 1

From the point of psychological impact, the lapel pins were as follows:

1) agitational pins to achieve popularity and recognition of a candidate, i. e. they identified a certain candidate for president without calls for actions or negative connotation of the candidate from the other party («Truman», «Dewey/Warren», «Truman/Barkley», «Ike» etc.);

2) directly calling for voting for a certain candidate («Elect Dewey/Warren in '48», «Vote Truman and Barkley», «Forward with president Truman/“no retreat”», «Vote for Stevenson» etc.);

3) pins calling for a change of existing order («Ohio. C. I. O.–R. A. C./60 million jobs», «Time for a change/I like Ike» etc.);

4) anti-advertising pins («Clean house with Dewey»);

5) appealing to emotions («I'm on the team/Wallace», «We like IKE», «My choice», «Hooray for Adlai» etc.). These methods became the base for psychological impact depicted on advertising lapel pins in the following years.

A careful use of images and symbols can be observed more often in the presidential campaigns of 1952 than in the campaigns of 1948. Such lapel pins depict the territory of the USA with the name of a candidate ascribing the function of the unifier of the country to the candidate («Ike», «Stevenson», «Adlai» etc.); a newly born child — such lapel pin was oriented to female voters («Time for a change/I like Ike»); and a soldier who found himself in a difficult situation after World War II appealing to vote for Adlai Stevenson («I like Stevenson») (Fig. 2).

Fig. 2

The presidential campaign of 1956 is the continuation of development of the above specified methods of influence in the advertising pins as well as the tendency for visualization of certain senses. For instance, the image of four-leaved clover accompanied with positive messages about the candidates of the party can be seen on a pin of the Democratic Party. It is

obvious that this symbol has a hidden motive: Adlai Stevenson and Estes Kefauver are an allegory of a lucky four-leaved clover. Another observation is related to the first use of manipulation in the campaigns of 1956. In psychology, «manipulation» is defined as an «act of influence on people and control of them with ease, especially with neglectful context,

as a hidden control, handling» [4]. The pins of 1956 depict such phrases as «We cannot afford a weak person. Vote for Stevenson», «Don't discredit me! I vote for democrats» and other. Such statements deliberately make a voter feel embarrassing in case of «a wrong choice».

By 1960, 80 % of American houses had television. The importance of a visual picture («image») after the first television debates is mentioned in different newspapers, for instance, in «New York Times» and «Boston Traveler». Television becomes the main source of information. Visual technologies such as posters, placards, stickers and lapel pins remain a traditional tool in attracting the votes within an election campaign, but undergo a modification. Now, when television is one of the strongest drives and «handlers» of the society as well as a means of mass information [5], other visual technologies have to be more interesting to attract a spectator.

In the campaigns of 1960, there were many pins changing the image depending on the position of a person looking at it, so called «flusher buttons»; the pins with the symbol of a party can be seen more often than in the previous campaigns (for instance, an elephant with an inscription «G. O.P.») (Fig. 3); as well as the ones with an original design which contributed to easy memorizing.

Fig. 3

For example, a lapel pin «We want/We need Kennedy» was issued, where both pronouns «We» share the same letter «W», or a white pin with red text «It's time to elect Nixon/president» — the name of the candidate is printed four times so that they create a square, which, in turn, develops into a clock due to arrows drawn inside of it (Fig. 4).

Fig. 4

Another example is a white pin of the «Greenback party», where a green dollar of the USA is depicted with two faces of the respective candidates Slacomb and Mieder. The corners of the dollar contain figures: one, nine, six and zero, which form the year of 1960.

Apart from original stories, a tendency for simplification and compactness appear in the campaigns of 1964. In some cases, the text is omitted at all and only an image specifying

a party or a candidate remains. Here are the best examples. «LBJ» is the first letters of the name Lyndon Baines Johnson, which are commonly used on the pins from the Democratic Party instead of the cumbersome full candidate's name. The text «For president/Let's/Back/Johnson in '64» is written in a column form and the first letters are marked in red so that one can read «LBJ» vertically. Other replacements of words with symbols also save space. For instance, on a pin with the text «4 LBJ», figure 4 replaces the word «for». Sometimes, the text disappears at all. It is proved by a pin depicting a symbol of the Democratic Party — a donkey stripped in red, blue and white as well as a pin depicting a glass with «H₂O» written on it appealing to the name of a candidate from the Republican Party Barry Goldwater. The idea of the message is supported by an image on the pin «In your heart/You know he's right», where B. Goldwater's portrait is placed in the red heart. By 1964, a strategy on formation of a candidate's image and their distinctive attributes such as glasses in a dark frame or «gold water» of B. Goldwater, a hat and three letters «LBJ» of L. Johnson was developed. The party symbols are seen less often than those of the candidates. Perhaps, it is related to the drop in popularity of the institute of parties and a rise of political movements supporting independent candidates [6, 412–420].

The tendency for simplification, compactness and visualization of the text is observed in the 1968 presidential campaigns. For instance, a pin with «Uncle Sam» («He is good enough for me in '68»), where Uncle Sam points the finger at the viewer. Uncle Sam is a traditional somewhat caricature image of the USA: always in a top hat the color of the American flag, which is often used to depict «the conscience of the nation». The image of Uncle Sam is used on posters during war time: «Have you enrolled in the army?». Another example is a pin «H-peace», which is a blue background with light green letter H across the space that became an identification mark of the candidate Hubert Humphrey. On top of the letter, a symbol of peace is introduced, thus, the pin depicts several stripes the meaning of which is difficult to understand immediately. However, it carries a lot of information: «H. Humphrey» and «peace» (Fig. 5).

Fig. 5

Hence, image is a symbol and bears a lot of meaning. It should be noted that a wide specter of colors is used in both images and photographs. Moreover, the pins are issued in different shapes: oval, rectangular — although, round pins prevail. From the point of psychological influence, a standard set of methods is traced in the campaigns of 1960, 1964 and 1968. However, the

new methods of attracting votes appeared. An interesting moment is related to the wife of R. Nixon, whose portrait is depicted on the pin «Pat for First Lady» in the 1960 campaign. A pin against the wife of Franklin Roosevelt «We don't want Eleanor either!» was issued for the first time in 1940. After this campaign, the pins depicting the wife of a candidate were not used until the year of 1960, which became a step to use this method again. The demonstration of the Democratic Party allegedly voting for the Republican candidate R. Nixon was used for the first time on a pin in 1964 (Fig. 6).

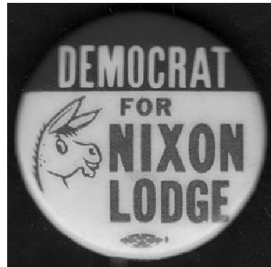

Fig. 6

Finally, the election campaign of 1972 fully reveals the simplification, compactness, visualization of meanings and narrowing of the text to minimum. For instance, a pin without text depicting G. McGovern, the candidate from the Democratic Party, showing peace with his hands was issued (Fig. 7).

Fig. 7

The colors of the pins change radically: now, apart from white, blue and red, diverse colors and tones are used: violet, green, yellow, pink, orange and other. On the one hand, the images on the pins turned into complicated pictures with a prospective and volume. For instance, the pin «McGovern/72» depicts the candidate as a «superman»: the shades emphasize his muscles (Fig. 8).

Fig. 8

On the other hand, symbols that significantly simplified the design of the pin were widely used; at the same time, they bore a certain message and meaning. A laconic pin with the

candidate's name «McG» and a symbol of peace look simple, but, at the same time, the viewer understands at once whom this pin advertises and what is offered by this candidate due to the symbol and abbreviation (Fig. 9).

Fig. 9

Psychological methods of impact remained same as during the previous years; however, in 1972, a new category of voters emerged. The age limit for voters was reduced to 18 from 1971; hence, a new approach to the new group participating in voting was required. Politicians saw music as the main interest of the youth in 1970s. Thus, a new method, that hadn't been applied before, was used — opinions and assessments of famous people. In this style, appealing to singers of music bands such as John Lennon, Carole King and others was used (Fig. 10).

Fig. 10

Advertising lapel pins evolved from 1948 to 1972 in terms of two important parameters.

In 1948–1952, visual solution for advertising pins was simple. From 1956, a tendency for visualization of text that fully opened up in 1964, 1968 and 1972 is observed. From 1964, the image dominates the text; new symbols and signs appear, which significantly facilitates the image on the pin, but bears a big message. These tendencies strengthened and manifested themselves fully in the campaigns of 1972.

Modern set of methods of influence on voters was formed by 1972. New methods of attracting votes in further campaigns were added to traditional methods such as agitation and affirmation to achieve popularity and recognition of the candidate; a call for voting for a certain candidate; a call for changing the existing order; anti-advertising and appealing to emotions. From 1956, manipulation started being used; from 1960, a new form of anti-advertising — apart from the candidate, his wife plays part for the position of «First Lady» was applied; and in 1972, a new method — use of opinions and assessments of famous personalities — especially popular today emerged.

References:

1. Mitchell W.J. T. What is Visual Culture?//Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside/ed. I. Lavin. – Princeton, NJ: Institute for Advanced Study, 1995.
2. Seidma A. Steven. Posters, Propaganda, and Persuasion in Election Campaigns Around the World. – 2008.
3. Library of Congress.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.loc.gov/> (date of access: 12.09.14).
4. Grachev G. V., Melnik I. K. Manipulation of a personality: organization, methods and technologies of information and psychological impact. – M., 1999.
5. Marshall McLuhan. Understanding Media: The Extensions of Man. – M., 2003.
6. Schlesinger A. M. The cycles of American history. – M.: Progress-Akademia, 1992.

Hionidis Pandeileimon,
Independent Researcher,
PhD in International History (LSE, University of London)
E-mail: hionidispl@hotmail.com

George Finlay and early-Victorian images of modern Greece, 1836–1845

Abstract: In the first decades of Greek independence George Finlay laid the foundations of his remarkable dominance of the British public debate on modern Greece in the nineteenth century. Finlay endeavoured to account for the “backwardness” of the Greek kingdom by vindicating the Greek peasant and charging foreign rule and, after the constitutional revolution of 1843, the selfish political elite with the failures of the state.

Keywords: Finlay, philhellenism, Victorian civilization, nineteenth-century journalism, King Otho.

INTRODUCTION

In 1868, when the London press was alarmed at the possibility of the resurgence of the Eastern Question due to the Cretan insurrection [1, 81–7], the Cobdenite *Morning Star* devoted a leading article in 10 February 1868 in an attempt to analyse the motives of the *Times*’s correspondent from Athens. The correspondent’s attitude, the discrepancy between the fact that he “is one of the severest commentators on the national policy or no policy of Greece” and the recognition that “he is surely no foe of Greece, for he has cast in his lot with her” was imputed to his “sober and rigid” personality, which left him “absolutely without anything of what people call sentiment” [26, 4, columns de]. The man whose views on the crisis supplanted the combatants in the interest of the British public was George Finlay, the Scot philhellene. But the success in Britain of Finlay’s correspondence during the period 1866–1869 was mainly due to his earlier writings on Greek affairs that had earned him a name as an expert on modern Greece.

The importance of George Finlay as a link between Greece, ancient and modern, and the British public and his influence on British opinion on the East in general have long been recognized [18, 552–67; 23, 7–8]; yet “scholars have paid him little attention” [22, 14]. The apparent inconsistency is partly due to the tendency to impute Finlay’s critical approach to Greek affairs to traits of his character, which had turned the attention of historians to whether he was “a cold sardonic man” or simply “a Scot and a Romantic” [14, 142–4].

The tendency has been decidedly reversed recently. In an unpublished thesis Milioti has construed Finlay’s texts

on ancient and modern Greece in the light of early nineteenth-century political and historical thought [17, 160–75]. Moreover, the importance of Finlay’s thought and works was decisively highlighted by two papers presented at the 2006 conference on the British School of Athens, which traced “his intellectual inheritance... [in] the optimistic and pessimistic strains of Scottish thought” [22, 24] and acknowledged his influence on British scholars who were interested in Greek affairs [24, 37]. In these three studies the writings of George Finlay acquire great importance because they are examined as an integral part of a wider framework of ideas and attitudes towards national existence in the nineteenth century. This line of analysis disperses the “shadows” surrounding his “character” and motives and rescues the study of Finlay’s comments on Greece from its solitary existence.

But still the full extent of Finlay’s impact on the formation of British perceptions of modern Greece especially during the reign of King Otho has not been examined and evaluated. Historians have focused on Finlay’s works on Greece’s past rather than on its nineteenth-century present, on the origins of his ideas rather than on their actual influence on his contemporaries, on his well-known academic endeavours rather than on his writings on the day-to-day issues of the Greek kingdom. In the following pages the focal point will be Finlay’s early journalistic career, which is examined alongside his better known works and his function as an erudite guide for British travellers. The examination of these roles highlights the keystones of Finlay’s analysis of modern Greece, provides indications as to his influence on British public debate on Greek and Eastern affairs and explains to a considerable extent the

success and longevity in Britain of his assumptions on the problems and prospects of the Greek kingdom.

By adopting a new approach to George Finlay's thought and works the study of his case would communicate with another field of historical inquiry, commentary and judgemental pronouncements on continental nationalities — on the Greek nation in particular — in nineteenth-century Britain, which as Parry has argued "turned on the purposes and values that Britain should assert, much more than on attitudes to specific overseas people" [21, 2]. Indeed, an inquiry into George Finlay, who wrote at great length about ancient and modern Greece mainly in English and for the British public, could prove extremely constructive to the study of the relation between the Greek kingdom and the formation of its image in Victorian Britain, which is still in a seminal state.

The case of George Finlay is ideal for rethinking the character of the commentators and the nature of comments on which a study of the position of the Greek kingdom in British public debate must focus. Throughout his life Finlay combined the roles of "a philhellene, a traveller, a scholar with diverse connections, a collector, an historian, a liberal" [22, 13–4]. Furthermore, in the years 1836–1845 Finlay combined the status of an emerging 'expert' on ancient, medieval, and modern Greece with the less known capacity of the *Morning Herald's* correspondent from Athens. Were the philhellenic excitement of the 1820s, his well known literary endeavours, and his increasing interest in Greek history sufficient to explain Finlay's comments on modern Greece as appeared in the columns of a London paper or Finlay's reading of the subject should be related to contemporary notions of modernity in his birthplace, Britain, and to developments in the Greek kingdom?

The overall ambition of this article is to contribute to the study of British understanding of other nations and British self-images by showing how George Finlay's criticism of modern Greece and his proposals regarding its future development during the period 1836–1845 reflected wider early-Victorian conceptions of civilization, politics and "character", and the day-to-day developments in the Greek kingdom — not his "Romantic" or "sardonic" manners. I also hope that this article, with its emphasis on the interdependence of expressions of sympathy or antipathy to the Greeks and contemporary diplomatic and political necessities, will provide a useful background to students of other aspects of Anglo-Greek contact in the first half of the nineteenth century.

This task involves a threefold process. The first step consists in presenting Finlay's life and activities in Greece in the first decades of King Otho's reign. Secondly, this article describes Finlay's analysis on modern Greece attempted in pamphlets and long articles in British magazines, which will highlight elements of continuity and change in his works. The largest part of the article, however, describes in detail Finlay's correspondence in the *Morning Herald*, which still remains unexploited by studies on Finlay and images of Greece in Britain.

GEORGE FINLAY IN KING OTHO'S GREECE

The 1830s and 1840s were the period of Finlay's more active participation in the political and economic life of modern Greece [13; 22, 13]. Born in 1799 and raised in Scotland, Finlay in 1823 decided to join the Greek cause as a volunteer: "I resolved to terminate my university studies in the tented field" [6, 668]. It seems that during the war he developed a more permanent interest in Greece and in 1827 he returned, he bought lands and houses at Athens and lived in the country for the rest of his life [15, 32; 24, 30]. The presence of British warships in the Greek ports during the first years of the kingdom's independence, as the "British government was lending support to the emerging state", probably increased Finlay's feeling of security and confirmed his decision to reside permanently in Athens [11, 199]. In the immediate years after the establishment of the independent kingdom he directed his activity to making his lands profitable and improving the conditions of life in the Greek capital; in 1836 Finlay donated money to the erection of St. Paul's Anglican Church in the Greek capital and in 1841 he was elected member of the provincial council of Attica. In addition, in 1830 Finlay applied for employment under the British government in Greece and three years later he asked, again unsuccessfully, to be named officer of King Otho [19, 388–9].

In these early years Finlay became involved in party politics opposing the government of Armandsparg, the Bavarian regent. Writing to a Greek, Louriotis, member of the "English" party, Finlay observed: "Shall we who crashed the lion (Capodistrias), shall we pay the wolf (Armandsparg) homage!!!" [28, LE1/F].

The failure of his business plans, which was partly due to the confiscation of a part of his land for the building of the palace and the royal gardens, and a growing disillusionment with Greek politics gradually took Finlay away from the public life of the Greek kingdom. As early as 1835 Finlay complained that "if I was a beggar and not a Philhellene I would not have been treated as I have been" and in 1844 he asked for the assistance of the British Legation claiming that "the state of my pecuniary affairs no longer permit me to delay making every exertion in my power to obtain justice from King Otho and His Ministers" [28, LE71/F]. In August 1846 he wrote: "I have given up Greek politics; and so completely have I done it that I read no newspapers and rarely see those who occupy themselves exclusively with political business... My own resource is in study" [15, 128]. But even if he didn't play an active part in the Greek political scene for the rest of his life, Finlay's contribution to the formation of British images of Greece remained highly significant.

Therefore, in reference to Finlay's early life in the Greek kingdom and the relations between Britain and Greece in the years 1836–1845 one element should be kept in mind. George Finlay in this early stage of his settlement in Athens was willing to take part not only in the public life but also in the party struggle and had formed a fixed opinion on Greek politics, contrary to the image of detachment that he cultivated in late life.

GEORGE FINLAY'S ANALYSIS ON THE MODERN GREEK KINGDOM

The idea of a decentralized government, which would promote agriculture and derive its material and moral strength from the improvement of the local communities, ran through Finlay's analysis of the condition of the Greek kingdom and his criticism of the political and economic arrangements during King Otho's reign. Finlay believed that, when the Greek kingdom was established in 1832, the Greeks already possessed the prerequisite elements for their future government in the form of the local municipal institutions: "All Greece is, and always has been, divided into communities enjoying the right of choosing their own magistrates, and these magistrates decide a number of police and administrative questions not affecting crimes and rights of property" [7, 351]. His severe censure against the Bavarian officers and the Greek politicians originated from the perception that they were violating these institutions by imposing on the country laws alien to the habits of the people: "the institutions of a people can never be suddenly altered by legislative enactment, for they form a more important and influential part of national existence than laws themselves" [5, 32]. Finlay strongly criticized the absolute power of King Otho and the constitutional revolution of 1843 gratified at first his hope for a representative system of government [8, 785–96]. But the function of the new institutions did not come up to his expectations and after 1850 he returned to the notion of a decentralized system based on local communities:

The Greeks themselves think that their great political want is a good systematic central administration. We believe, on the contrary, that their great political deficiency is the want of municipal institutions that would admit of their making some exertions to improve their own condition [8, 785].

On the other hand, contrary to the perception of the Greeks as a commercial people Finlay believed that "the natural bias of their character is not as much inclined either to war or commerce, as to the rural occupations and agriculture" [9, 531]. In fact it was among the peasants that the moral virtues of the Greek nation were to be found. The Phanariotes, the members of the rich Greek families at Constantinople, and the high clergymen had lived under the corruptible influence of the Turkish rule and had brought into the new state the spirit of intrigue and idleness that characterized both classes [7, 351]. However, later Finlay became more sceptical towards the Greek character observing that "the Greeks alone have enjoyed the profits of the corruption which has reigned in the administration since the year 1838; they are consequently not entitled to throw the blame on foreigners" [10, 407].

The completion of the study of the main themes in Finlay's writings and the assessment of their impact on influential statesmen and men-of-letters make necessary at this point an investigation into the intermediaries through which his opinions reached the British public. In a recent evaluation of

Finlay's 'writings on contemporary Greek society and politics', his contribution has been confined to the 1836 pamphlet and to a series of articles published in the *Blackwood's Edinburgh Magazine* [17, 162]. However, Finlay himself was aware of and concerned about the limited appeal of historical works and specialized pamphlets to the British public. Finlay described in his journal how he had to publish the pamphlet *The Greek kingdom and the Greek Nation* at his own expense obviously due to the reluctance of the publishers to undertake the publication of a work which had not much chance of attracting a wider interest [15, 114]. In addition, Finlay was facing serious problems in publishing even his historical works and in 1842 he addressed Wordsworth, whom he had met in Athens, on the subject [29, MS 2142, ff. 320–1]. Moreover, these channels did not satisfy Finlay's desire to rouse British interest in Greek affairs. In his writings Finlay repeatedly stressed the right and indeed the duty of Britain to intervene directly in Greek political life to defend the "national interest of the Greek people" and strongly criticized Lyons's tendency to equate British influence with the accession of the "English" party to power [17, 149–50].

«Φ» FOR FINLAY: GEORGE FINLAY AND THE LONDON PRESS, 1836–1845

George Finlay's capacity as the "private correspondent" of the *Morning Herald* between 1836 and 1845 provided this necessary outlet for his energies as a British philhellene. William Miller in his article "George Finlay as A Journalist", based on material in the Finlay papers, has mentioned «ten letters, signed Φ, "Phylax", or else anonymous, which appeared in the *Morning Herald* in the period 1839–1845» [18, 552]. But in the columns of the *Morning Herald* 64 letters appeared signed «Φ» — the letter of the Greek alphabet equivalent to the Latin "F" —, one letter signed "Phylax" and another from "Your correspondent in Greece". The dates of these letters coincide with Finlay's presence in or absence from Athens. In September and October 1843, for example, when correspondents from Athens covered the revolution in Greece for the English papers, no letter appeared in the *Morning Herald* as Finlay was in Paris "thus missing the threatened rising in Greece when Otho was forced to concede a constitution". Again the last letter signed «Φ» appeared on 4 November 1845 and was sent from Athens on 20 October 1845; Finlay "in late 1845... set out to explore Egypt, Palestine and Syria" [15, xxvi]. Through the columns of the *Morning Herald* George Finlay had the opportunity to bring forward to a wider public and at frequent intervals his views on Greek affairs for a period of ten years.

Moreover, Finlay's letters to the *Morning Herald* displayed affinities regarding their structure and subjects discussed. Finlay was constant in his efforts to present the political situation in the Greek kingdom and, as a result, King Otho, the running of the government, and party rivalries constituted the main themes of his correspondence. Comments on Greece's economy, public finances and brigandage were common, while the names of eminent British travellers

who visited Athens and rare reports on social, religious, and Eastern affairs also appeared in Finlay's letters.

The first interesting aspect in Finlay's correspondence is his persistent comments on the personal shortcomings of King Otho and his long reports on the party political rivalry in Greece. Of course, Finlay's conviction that "unless a representative government be given to Greece, it is impossible that the country can be kept tranquil and the revenue improved" was a common topic in his analysis of Greek affairs [26, 2 April 1839 2c]. But the intensity of criticism and the violent language employed against Otho surpassed Finlay's comments on the abilities of the king, which appeared in his pamphlet and articles in the periodical press. There is an assessment of Otho's abilities in a list of "Characters" in the Finlay Papers: "King Otho possessed little talent but Sir Edmund Lyons only exposed his own rashness and ignorance in endeavouring to persuade the world that he was an idiot" [27, E54]. In his correspondence Finlay was less free with his assessment of the king's abilities. Finlay at his most favourable criticized the king's interference in the work of the government: "the king does not allow his ministers to decide the most trifling matter, be it the expenditure of a dollar, or the removal of a tide-waiter" [26, 17 January 1843 4f]. When he was getting to the question of Otho's absolute power Finlay was becoming extremely critical with undeviating reports on the king's mental abilities. "Otho is the most absolute of Sovereigns now reigning in Europe", he was "a young tyrant", a "modern Caesar Borgia"; even worse King Otho was "a half-witted Sovereign", a judgement confirmed by his own physicians who in 1835 declared him «to be "morally and physically" incapable of governing» [26, 10 July 1838 5b; 16 September 1841 5b; 28 September 1841 5f; 17 July 1838 5a]. A king possessing such "credentials" was not only a burden to his subjects but also a serious threat to the European balance of power in the East: «King Otho is now devoted to France, and hopes to be crowned in St. Sophia's fane by the help of the "grand nation"» [26, 31 December 1841 4f]. Gradually the British public was becoming acquainted with a monarch who "now does nothing but kill time in pistol firing, exercise, gossiping, and sleeping; not only his mind, but his body, is lost in the labyrinthal masses of papers in his cabinet" [26, 5 January 1841 4f]. On the other hand, Finlay praised Mavrocordatos, the leader of the "English" or "constitutional party", as a reformer in sharp contrast to the hesitation for the talents and character of the Phanariote politician privately expressed in his letters to Leake [15, 602]. Not surprisingly, Otho preferred the members of the "French" party for his government and Finlay declared that "the French care little about the means, if the end is attained, and the object of all her intrigues is paramount influence in Greece" [26, 17 January 1843 4f]. The most distinguished members of the "French" party, now to become ministers, were "coiners, forgers, and peculators, for which the French party are renowned" [26, September 1841 5b].

In dealing with the internal condition of the Greek kingdom Finlay laboured the points most likely to rouse public excitement and affirm his conclusion that "foreign interference

alone will bring him [Otho] to his senses" [26, 28 July 1842 5c]. Finlay in particular persisted in describing vividly cases of brigandage and torture practised by the Greek authorities. When in 1839 a correspondent in a French paper challenged Finlay's high-coloured reports on the condition of Greece, he passionately defended his reading of Greek affairs insisting on brigandage as a fitting indication of the "barbarous" and "unsettled" state of the country under King Otho: "why does Otho send into Rumelia and into the Morea moveable columns of troops to hunt down brigands, who oppress the peasantry, live in free quarters, and plunder them of their sustenance?" [26, 24 June 1839 5e]. Under these circumstances the growth of the resources of the country was neglected and the finances of the kingdom were steadily worsening. "The falling-off in the revenue, whilst no attempt is made to reduce the expenditure to a proper level" and the introduction of a new commercial law "which could hardly have been equalled in its provisions by the decrees of the middle ages" brought the Greek treasury to exhaustion [26, 17 July 1838 5a; 28 July 1842 5b].

Political corruption, governmental inefficiency and a feeling of general destitution emerged as the main features of modern Greece in Finlay's letters to the Morning Herald. As Finlay came to believe that King Otho would adopt a "national" policy only under the pressure of the European powers, the columns of a daily newspaper and the brevity and regularity of journalistic contributions enabled him to access a wider section of the British public and offered him the means of discussing the day-to-day problems of the Greek kingdom. Finlay used various arguments in his effort to manipulate the British government and public against the absolute power of Otho. The ungrateful king and his government were insulting British and Ionian subjects, the latter being under British protection. In 5 November 1839 he wrote:

Will Englishmen look on tamely while their countrymen pine to death in loathsome dungeons, to which, in violation of all law and justice, they have been consigned at the capricious will of some upstart functionary, who hopes to gain favour with his superiors by heaping wrong upon British subjects? And will Englishmen submit to see the demands of their Sovereign for redress scornfully rejected? Gratitude is hopeless to expect from the despicable government which England has helped to impose upon this miserable country [26, 2c].

Russia, the greatest threat to British predominance in the eastern Mediterranean, was advancing in the region by reinforcing its influence in Greece with the connivance of Otho. The dilapidated condition of the Greek finances would never enable Greece to pay off its debt towards Britain and the measures of the government were hampering British commerce. Appealing to the moral indignation of his readers, Finlay recited sensational examples of the horrible practices of the Greek authorities, which were breaching every law of humanity. Finlay even presented Mavrocordatos as a reliable alternative solution for the problems of Greece, though he himself had

many doubts as to the qualifications of the Greek politician and the Phanariote class that he represented [15, 602].

Finlay, moreover, abandoned his violent language when his political objective, namely the institution of a representative system in Greece, was achieved in 1843. This can be seen as further evidence that the primary motive of his commentary on Greek affairs was his ideological conviction rather than any personal bitterness. Otho, the “half-witted Sovereign” of 1838, became a popular and much loved king after he had accepted the demands for a constitution: “the King gains daily increased popularity as the belief in his sincerity acquires strength” [26, 25 December 1843 5a]. Perfect tranquillity prevailed where a few months ago brigands and irregular troops were daily committing cruelties. In addition, the Greeks proved themselves fit for self-government; during the elections for the national assembly “there has been no riotous assemblage of idle people, no drunkenness, nor broken heads” and the assembly itself was proceeding industriously in forming the constitution as “the moderate party, who are attached to English principles of government, have obtained a most triumphant majority” [26, 28 December 1843 4f].

But when Colettis, the leader of the ‘French’ party, replaced Mavrocordatos, Finlay was ready to revert once more to the well-known accusations against the Greek political establishment. In a sense Colettis assumed all the characteristics which before 1843 were ascribed to Otho. He was slow in making his mind, “the chambers have now been open more than seven months, and not one measure of public utility has yet been enacted”, and, moreover, Colettis had direct links with the outlaws and in fact his political power rested on “the brigands whom he has brought to Athens, and the savage bands of Grivas and Girgiotis — these ruffians are ever eager to anticipate his wishes” [26, 7 May 1845 11c].

In fact, in his evaluation of the Greek political system, the internal condition of the kingdom, and the British government’s position over these matters as expressed in his correspondence for the *Morning Herald* George Finlay agreed with the images of Greece presented to the British public by the correspondents of the *Times* and the *Morning Chronicle* from Athens in the same period — the correspondents of these papers, James Black and John Green, had close ties with the British Legation and Sir Edmund Lyons personally [12, 46–61].

Without departing from the core of his arguments, Finlay exploited in a totally different manner the columns of the daily paper than the pages of learned periodicals and books in the same period.

CONCLUDING REMARKS

In the period 1836–1845 George Finlay had already formed and presented the core arguments on the Greek kingdom and the Greek people that characterised his analysis throughout his long association with the London press and the British public. Finlay might have been considered the embodiment of three different elements of philhellenism, classical education, active participation in the Greek revolution and political liberalism, had his well-documented concerns

on ancient and medieval Greek history found expression in his public utterances about modern Greece. But this did not happen in the years 1836–1845. When Finlay championed the Greeks in the East or castigated the shortcomings of their kingdom, in the first half of the nineteenth century, he utilized the old liberal vocabulary of freedom from oppression and insisted on the salutary influence of fiscal reform and popular institutions and their universal applicability. His correspondence from Athens did not provide an outlet for his analysis on the glories of ancient Athens and the degradation of Byzantium. Equally, his ideas in these long letters did not result from his alleged “sober and rigid personality” or his “cold and sardonic” manner either. Finlay articulated convincingly and in a systematic way contemporary scholarly and popular conceptions of British nationhood examining the Greek case in terms of the suppression of the virtues and potentials of small rural communities by a highly centralized state.

Miliori has traced the origins of Finlay’s analysis to the revival of Anglo-Saxon studies in the first half of the nineteenth century, which underlined “the communal and popular origins of British freedom” [17, 169]. Indeed nineteenth-century historians contrasted “local initiative” with “brutal centralisation” in dealing with the history of the English people [2, 140]. But the celebration of the local institutions was also deep-rooted in English political tradition and found expression in the language of civic virtue and patriotism [22, 18–9]. In the eighteenth century the defence of the “ancient constitution”, which secured liberty to the “freeborn Englishman” and “bred prosperity”, was invoked to justify opposition to the threat of tyranny [4, 59–60]. In the nineteenth century this notion evolved into an attack against the corrupting influences of centralization. As part of the radical tradition the defence of the ancient usages of the people against the pretensions of the central government emerged in the thought of radicals, of the young Disraeli, and became in the 1840s and 1850s a recurring theme in the arguments of the champions of continental nationalities in Britain [3, 225–9].

However, in the climate of apprehension or, at least, indifference towards the Greek case, which prevailed in Britain in the first decades of the reign of King Otho, Finlay’s coherent analysis of the problems of the Greek kingdom was less “popular” to contemporary readers than it is with nowadays scholars. In any case contemporaries, among them Englishmen who resided in the Greek kingdom, held the London press in high esteem and regarded its columns as an influential tribune for their views to be heard by the leading figures of the Foreign Office and the political world. Finlay was aware of the fact and he endeavoured to exploit the advantages of the daily press through the columns of the *Morning Herald*. His aim was to put pressure on King Otho’s successive governments, by exposing their perils to the “public opinion” of a great European power, to reshape Greek administration and economy according to Finlay’s proposals. A London paper and the anonymity of journalistic contributions allowed Finlay to comment on the day — to — day issues of the Greek kingdom, to describe with a fair

degree of excess individual cases of corruption, torture and brigandage, to use a vocabulary not suited for an historical essay or the pages of a learned magazine.

The state of the London press in the 1830s and 1840s seconded Finlay's to take advantage of it. Although professionalism was rapidly progressing, in the case of continental developments only piecemeal information reached the public whose interest, nevertheless, on foreign affairs kept on increasing. Newspapers could maintain, and pay, their own correspondents at Paris or Rome but were subject to the readiness and the partiality of residents when publishing news from Athens. Deprived of the promptness with which modern mass media react to global developments, early-Victorian papers secured their leading role by the scarcity of information on distant lands. In this state of affairs a small number of "experts" from Greece could easily supervise the information that reached Britain and guide it to serve their interests. Lyons, the British representative in the Greek kingdom who systematically manipulated the press on Greek affairs, activated his consul and a close friend to become correspondents and furnished them with inside information which made their reports reliable [12, 52–60]. Finlay himself had earlier, in 1833, used the London press in order to vindicate his claims against the Greek authorities for the confiscation of part of his landed property [15, 476].

For Britons residing in Greece the great advantage when addressing their countrymen was their "Englishness" as they spoke the language, they knew the habits, they shared the notions of their readers. Subjects such as absolutism, free institutions, and material progress were keen to early-Victorian readership and often featured in correspondence from Greece alongside points of political and diplomatic interest. In Finlay's case many elements of his subtle analysis on the present and future of the modern Greek state filtered through his letters published in the *Morning Herald*. But the success in Britain of Finlay's correspondence during the period 1836–1845 was partly due to a misconception as to his interest in the internal progress of Greece, which presented him as a hostile observer and an uncompromising critic of the Greek kingdom.

In the first half of the nineteenth century the press was already acknowledged as an important element in shaping public opinion and influencing domestic and foreign policy. In the period 1836–1845 George Finlay took advantage of the situation, became a key figure in the discussion of the case of modern Greece in Britain and established his dominant role in shaping the image of the country and the people for the rest of the century. But he did pay the price for his success; most admirers and the few critics focused on Finlay's exposition of the failures of Greece rather than on his explanation for the country's condition and even less on his proposals for its future.

References:

1. Bourne Kenneth. Great Britain and the Cretan Revolt, 1866–1869. // Slavonic & East European Studies. – 1956. – № 35:84. – P. 74–94.
2. Burrow J. W. A Liberal Descent. Victorian Historians and the English Past. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 308 p.
3. Claey's Gregory. Mazzini, Kossuth, and British Radicalism, 1848–54. // Journal of British Studies. – 1989. – № 28: 3. – P. 225–261.
4. Cunningham Hugh. The language of patriotism // Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity. Samuel Raphael, editor. – London and New York: Routledge, 1989. – P. 57–89.
5. Finlay George. The Greek Kingdom and the Greek Nation. – London: John Murray, 1836. – P. 32.
6. Finlay George. An adventure during the Greek revolution. // Blackwood's Edinburgh Magazine. – 1842. – № 52: 325. – P. 668–673.
7. The bankruptcy of the Greek kingdom. // Blackwood's Edinburgh Magazine. – 1843. – № 54: 335. – P. 345–362.
8. The actual condition of the Greek state. // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1844. – № 55: 344. – P. 785–796.
9. Greece again. // Blackwood's Edinburgh Magazine. – 1850. – № 67:415. – P. 526–539.
10. King Otho and his classic kingdom. // Blackwood's Edinburgh Magazine. – 1854. – № 76:468. – P. 403–421.
11. Gill David W. J. and Gill Caroline H. M. S. Belvidera and the Temple of Minerva. // Notes and Queries. – 2010. – № 57: 2. – P. 199–210.
12. Hionidis Pandeimon. The Greek kingdom in British public debate, 1862–1881 (Unpublished PhD thesis). – London School of Economics, London, United Kingdom, 2002.
13. Finlay George (1799–1875) // Oxford Dictionary of National Biography. May 2006. // [Electronic resource]. – Available from: www.oxforddnb.com/view/article/9464 (accessed 27 July 2014).
14. Hussey J. M. George Finlay in perspective – A centenary reappraisal. // Annual of the British School at Athens. – 1975. – № 70. – P. 135–144.
15. The Journals and Letters of George Finlay. // Hussey J. M., editor. – Camberley: Porphyrogenitus, 1995. – 2 vols.
16. Koss Stephen. The Rise and Fall of the Political Press in Britain. Vol 1: Nineteenth Century. – London: Hamish Hamilton, 1981. – 382 p.
17. Miliori Margarita. The Greek nation in British eyes 1821–1864: aspects of a British discourse on nationality, politics, history and Europe (Unpublished PhD thesis). – Oxford University, Oxford, United Kingdom, 1998.

18. Miller William. George Finlay as a journalist. // English Historical Review. – 1924. – № 39. – P. 552–567.
19. The Finlay Papers. // English Historical Review. – 1924. – № 39. – P. 388–389.
20. Parry Jonathan P. Disraeli and England. // Historical Journal. – 2000. – № 43: 3. – P. 699–728.
21. The Politics of Patriotism. English Liberalism, National Identity and Europe, 1830–1866. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 424 p.
22. Potter Liz. “Two thousand years of suffering”: George Finlay and the History of Greece. // Scholars, Travels, Archives: Greek history and culture through the British School at Athens. Eds.: Michael Llewellyn Smith, Paschalis Kitromilides, Eleni Calligas. – London: The British School at Athens, 2009. – P. 13–26.
23. Saab Ann Pottinger. Reluctant Icon. Gladstone, Bulgaria, and the Working Classes, 1856–1878. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. – 257 p.
24. Wagstaff Malcolm. Colonel Leake’s knowledge of events in Greece following Independence. // Eds.: Michael Llewellyn Smith, Paschalis Kitromilides, Eleni Calligas. – London: The British School at Athens, 2009. – P. 27–38.
25. Morning Herald Morning Star.
26. Finlay Papers – British School at Athens, Greece.
27. Lyons Papers – West Sussex Record Office, Chichester.
28. Wordsworth Papers – Lambeth Palace Library, London.

*Shavlokhova Elena Sergeyevna,
Doctor of History, Professor,
Pro-rector for scientific work of the Academy of Marketing
and Social Technologies — IMSIT, city of Krasnodar
E-mail: 520637@mail.ru*

Integration processes in the beginning of XX century in the ethnic environment of the North Caucasus

The publication of the article has been carried out with financial support of the Russian Humanitarian Scientific Fund in the project of undergoing scientific research “The development of the state administration of the national regions in Russia in the late 19th – 20th century (by the examples of the North Caucasus)”, Project 14–11–23006

Abstract: This article discusses the integration issues in the early XX century in the ethnic environment of the North Caucasus such as elite integration of steppe and mountain peoples in a nationwide structure of the upper classes, consideration of regional, ethnic, religious and cultural differences. In this regard, Russia’s policy in relation to the small nations can hardly be called a colonial one, Russian state has never promulgated the laws aimed at suppressing their rights and national dignity.

Keywords: Integration processes, ethnic backgrounds, multi-ethnicity of individual regions, the North Caucasus, ethnic relations, small nations.

*Шавлохова Елена Сергеевна,
доктор исторических наук, профессор,
проректор по научной работе Академии маркетинга
и социально-информационных технологий — ИМСИТ, г. Краснодар
E-mail: 520637@mail.ru*

Интеграционные процессы начала XX века в этнической среде Северного Кавказа

*Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в проекта проведения научных исследований
«Развитие государственного управления национальными регионами в России в конце XIX – XX века (на
примерах Северного Кавказа)», проект № 14–11–23006*

Аннотация: В данной статье рассматриваются интеграционные вопросы начала XX века в этнической среде Северного Кавказа. Интеграция элиты степных и горских народов в общероссийскую структуру высшего

сословия, учет региональных, этнических, религиозных и культурных различий. В этой связи политику России по отношению к малым народам трудно назвать колониальной, российское государство никогда не принимало законов, направленных на ущемление их прав и национального достоинства.

Ключевые слова: Интеграционные процессы, этническая среда, полиэтничность отдельных регионов, Северный Кавказ, межнациональные отношения, малые народы.

Введение. Процесс интеграции народов Северного Кавказа в Российскую империю был достаточно длительным, он протекал не везде одинаково с точки зрения его восприятия горскими сообществами. В этой связи необходимо отметить, что самодержавная власть проявила определенную сдержанность в решении административно-правовых вопросов адаптации горцев в сложной системе российской государственности, показала способность соблюдать взятые на себя обязательства и принимать решения, устраивающие обе стороны. Первоначально кавказская политика в рассматриваемый период была направлена на сбор сведений и изучение всех сторон жизни народов северокавказского региона, осуществление контроля над развитием ситуации, выполнение полицейских функций, а также ограниченное участие в управлении новыми территориями при соблюдении исторически сложившихся форм самоорганизации горцев, их традиций и обычаев.

В революционный 1905 год неспокойная обстановка в сфере межнациональных отношений складывалась и на юге России, хотя полиэтничность отдельных регионов, уходящая своими корнями в древние времена, выработала у большинства народов взаимотерпимость.

Материалы и методы. В статье были использованы теоретические положения видных представителей отечественной исторической мысли. В работе доминировал конкретно-исторический подход, в рамках которого каждый метод в отдельности использовался для решения определенных задач. Сравнительно-исторический метод и метод ретроспективного анализа позволили выявить основные факторы и компоненты интеграционных процессов между Россией и Северным Кавказом.

Обсуждение. Состояние историографической базы свидетельствует о том, что научный интерес к проблеме постоянно прогрессировал, а его качественные характеристики порой находились под влиянием концептуальных установок власти. Разделив литературу на три периода: дореволюционный, советский и российский, выделили в отдельную группу общеисторические издания по Отечественной истории В. В. Журавлева, О. В. Волобуева, А. А. Данилова, Л. Г. Косулиной, А. Н. Сахарова, В. П. Дмитренко, И. Д. Ковальченко, А. П. Новосельцева, В. Кожина. Они дают общее представление о тенденциях государственного развития, характеризуют общественно-политическую обстановку различных исторических этапов.

Самый низкий уровень конфликтности в начале XX века отмечался в Крыму, в Екатеринославской губернии он достигал среднестатистического показателя по России. Более сложная обстановка была характерна для Области войска Донского и Кубанской области, где

в приграничных зонах горцы и казаки традиционно обменивались набегами на соседние территории. Эти акции в основе своей имели экономическую подоплеку, предполагавшую овладение чужим имуществом, но в случае открытых столкновений порой проявлялись межэтнические разногласия. И все же национальный фактор не был определяющим, хотя имели место на бытовом уровне и пренебрежительное отношение к представителям других народов, и проявления национального высокомерия по отношению к окружающим. Несмотря на то, что имперская власть объективно не была заинтересована в разрастании конфликтов, серьезные основания для столкновений между «иногородцами» и русско-украинским крестьянством зачастую крылись в самом правительственном курсе или же в некомпетентных и неуклюжих действиях чиновников.

Особое беспокойство у властей вызывало положение в Ставропольской губернии, главным образом в ее приграничных уездах и приставствах. Оно было вполне обоснованным, поскольку в административно-территориальном отношении губерния объединила в себе множество неоднородных этнических компонентов. Здесь размещались полукочевые к тому времени калмыки и ногайцы, туркмены, достаточно многочисленные группы закавказских народов, горцы, русские и украинские поселенцы, поляки, немцы, евреи и многие другие.

Калмыки традиционно кочевали в северной части Ставропольской губернии между реками Егорлык и Калаусом на площади, превышающей один миллион десятин. Ногайцы вели полукочевой образ жизни, осуществляя сезонные перекочевки. Их кочевья были сосредоточены по течению рек Яшкуль, Калаус, Кума и Сабля. Они делились на семь родов. Самый многочисленный из них был Каспулатовский и состоял из 3191 кибитки. Кинчаковский род имел 966 кибиток, Жембулановский — 763, Наврузовский — 290. Остальные были небольшие [1].

Кочевники в соответствии с правительственным решением освобождались от различных податей, но вместо этого на них возлагались государственные повинности. Одним из таких видов деятельности степных народов была перевозка различных грузов: продовольствия, топлива, почты и др. Эти повинности не являлись обязательными для исполнения [2]. Власти при этом исходили из твердой убежденности в том, что «в краткое время и сами они ощутят пользу от сего заведения и найдут собственную выгоду в причислении их под управление, нами учрежденное» [3]. Этот и другие примеры подтверждают мнение о том, что на этнические группы кочевого населения не оказывалось давления для их закрепления на российской территории. И ногайцы, и калмыки действительно находили выгоду,

постепенно государственная повинность превратилась в вид деятельности, которая приносила прибыль.

Аналогичная судьба сложилась и у туркменского населения Ставрополя. При всех перипетиях и сложностях исторического пути оно все же смогло сохранить свои обычаи и традиции. Забегая вперед, необходимо отметить, что на их долю основные трудности выпали в послеоктябрьский период, в результате которых число ставропольских туркмен резко сократилось. Если в 1901 году в Ставропольской губернии проживали 15925 туркмен, то в 1926 году их осталось лишь 11 653 [4]. Туркмены наиболее лояльно из всех степных народов относились к новым славянским переселенцам, которым оказывалась даже материальная помощь из средств общественного капитала туркменского народа.

Со временем увеличение потока переселенцев из внутренних российских губерний потребовало принятия административных мер по упорядочению жизни кочевников. С этой целью сначала было организовано Туркменское приставство, непосредственно подчинявшееся губернатору. Приставы, как правило, назначались из национальной среды. По свидетельству современников того времени, отдельные из них «или по малообразованности, или по жадности к обогащению себя искали от занимаемой должности только корысти, тем отягощая народ, вместо доставления общему благу пользы, наносили вред» [5].

Как и на всем Северном Кавказе, конфликты на Ставрополье происходили в виде внезапных набегов и возникших вооруженных стычек, которые сопровождались убийствами и грабежами. По мнению исследователей данной проблемы М. М. Блиева и В. В. Дегоева, набеги были обращены против зажиточных населенных пунктов, привлекавших инициаторов промысловых рейдов возможностями богатой добычи. Набеги обращались не только против русских, но и против других местных народов, включая и своих единоверцев [6, 109–146]. Их целью обычно являлась чужая собственность, к которой в первую очередь относился скот. В губернии процветала кража лошадей, коров и овец. Кроме того, попутно налетчики забирали личные вещи, продукты, бытовую утварь, товары купцов и рыночных торговцев [7]. Ногайцы, калмыки и туркмены угоняли скот друг у друга, и те и другие — у русских владельцев. Русские и украинские крестьяне, в свою очередь, также совершали ночные рейды на территорию кочевых народов. Но во всех этих случаях действовал не национальный принцип, как сказано выше, скот угоняли и у соплеменников.

Так, например, жители села Арзгирского буквально разгромили один из калмыцких хуторов, на котором обнаружили украденное имущество. Дело закончилось разбирательством в суде, и конфликт дальнейшего развития не получил [8]. В другом случае «пять чеченцев ограбили крестьянина Плетнева с тремя товарищами, причем одного из последних... ранили» [9]. Таких примеров в материалах архивных фондов множество: «в Ставропольском уезде

ночью было совершено нападение на караногайцев... В этом подозреваются казаки Донского Войска...»; «...около 20-ти местных крестьян напали на кочующих близ села Благодарное калмыков, ограбили их кибитки и угнали скот» [10]. Однако единичные случаи конфликтных ситуаций не могли повлиять на динамичное развитие хозяйственной взаимопомощи различных народов, взаимообогащения хозяйственного опыта. Некоторые степные села в дореволюционный период превратились в известные на весь Северный Кавказ центры торговли, где пересекались исторически сложившиеся экономические и культурные традиции российских этносов.

Ситуация в Терской области усугублялась тем, что здесь испытывался острый недостаток в пригодной для сельскохозяйственных нужд земле. Это обстоятельство являлось основной причиной социальной напряженности, которая в ряде случаев выливалась в открытые конфликты между различными группами населения. К тому же в начале нового столетия сюда стали прибывать новые партии переселенцев из центральных губерний, что еще больше обострило их отношения с местными жителями. К территории Терской области правительство и без того уделяло повышенное внимание, так как во многих ее районах постоянно возникали инциденты между казаками и горцами. В совокупности названные факторы обусловили новую волну конфликтов и насилия, которые, однако, в большинстве своем не были основаны на этнической неприязни.

В конце мая 1906 года в ингушском ауле Яндырка произошло вооруженное столкновение между местными жителями и казаками, которые накануне убили одного ингуша, прибывшего к ним в станицу по вопросу найма на работу. В общей сложности в конфликт было вовлечено более двух тысяч человек, в том числе солдат, прибывших на помощь казакам. В результате 12 человек погибли и 30 — получили ранения различной степени тяжести. По данному факту жители аула подготовили письмо министру внутренних дел [11], в котором жаловались на то, что у них в пользу казаков изъято две трети плодородной земли, вследствие чего они вынуждены арендовать свою же землю и ежегодно платить за нее до тридцати тысяч рублей. Аналогичное послание было направлено также в Государственную Думу. Созданная по данному случаю комиссия установила, что в Терской области действительно имеют место неприязненные отношения между ингушским населением и казачеством, истоки которых лежат в плоскости укоренившихся среди ингушей традиций краж и грабежей [12].

Приведенный пример указывает на то, что центральные власти выделяли в первую очередь поводы возникновения конфликтных ситуаций, ссылаясь на устоявшиеся представления об образе жизни горцев и оставляя без внимания основные причины, которые целиком и полностью зависели от внутривластной стратегии самодержавия в национальных регионах. На Северном Кавказе она формировалась с учетом государственных геополитических интересов и была ориентирована на те

слои населения, которые обладали реальными возможностями их удовлетворения.

Такой подход отнюдь не способствовал стабилизации положения в регионе. Для этого требовалась система мер, которая учитывала бы потребности всех заинтересованных сторон, предусматривала бы использование социально-экономических рычагов и решение политико-административных вопросов. Отсутствие системного воздействия на обстановку и на деструктивные факторы ее развития создавало условия для рецидива негативных проявлений. В том же ауле Яндырка в марте 1910 года вновь обострились противоречия между ингушами и казаками, в основе которых снова лежали так и нерешенные вопросы землепользования.

Тем временем в правительственные инстанции продолжали поступать жалобы и прошения от коренных жителей Северного Кавказа, в которых всякий раз подчеркивалось ущемление их прав со стороны местных органов власти и представителей военного ведомства. В начале ноября 1910 года Дума рассматривала запрос о незаконных действиях администрации Терской области «по отношению к туземному населению при принятии мер к задержанию разбойничьей шайки абрека Зелимхана» [13]. Из селения Хунзах Дагестанской области поступила просьба разобраться с правомерностью действий командования Новобаязетского полка, военнослужащими которого в ходе столкновения было убито четыре и ранено пять гражданских лиц. В письме, написанном от имени пострадавших, указывалось, в частности: «Мы, аварцы всегда отличались верностью и не раз проливали кровь свою за царя и Отечество даже в тех случаях, когда нам приходилось сражаться с нашими же единоверцами и соотечественниками» [14].

Следует отметить, что депутаты Государственной Думы каждый раз находили свои аргументы обоснования мер, направленных на пресечение распространения негативных тенденций в этнической среде и локализацию их последствий. Чаще всего в этих целях использовались количественные показатели преступлений, которые квалифицировались как «ничем не прикрытое, ничем не оправдываемое злобное издевательство над русскими людьми». В одном из докладов думской комиссии указывалось, в частности, что в Хасавюртовском округе Терской области в период с 1907 по 1912 год было совершено 44 преступления в отношении лиц славянского происхождения. Здесь же отмечалось, что «комиссия... далека от мысли переносить вину отдельных преступников на всю народность, но следует засвидетельствовать, что в силу длительных ненормальных условий, при которых формировалась общественная жизнь Кавказа, народные массы не могли усвоить и до сих пор этой простой истины: в них живо еще чувство ненависти к некоторым народностям. Так, ингушей и чеченцев ненавидят, например, кабардинцы, осетины и лезгины, а этим последним тою же монетой платят чеченцы. Причины этого лежат в глубине истории, и уничтожить это

явление можно лишь с помощью длительных культурных мероприятий» [15].

На Северном Кавказе в то время действительно сложились непростые отношения между представителями различных горских народов. Особую обеспокоенность вызывали периодически обострявшиеся осетино-ингушские разногласия, часто выходившие за пределы допустимых норм в течение 1905–1907 годов. Селения, располагавшиеся в приграничной зоне, постоянно подвергались набегам с обеих сторон. Особой активностью отличались ингуши: в 1906 году от их нападений пострадали осетинские населенные пункты Верхний Ачалук, Ольгинское, Заманкул, Зильги и многие другие; весной 1907 года вооруженные ингушские отряды напали на поместья и хутора осетинских землевладельцев, располагавшиеся в Малой Кабарде. В конце мая 1907 года разгрому вновь подверглось село Ольгинское. По свидетельству очевидцев эта акция сопровождалась «перестрелкою с войсками, убийством беззащитных стариков, молодежи, детей, женщин, поджогами строений, ... взятием в плен людей, расхищением у 27 дворов всего имущества, обстрелом храма Божьего, разгромом квартиры священника и проявлением беспримерной жестокости...». Только с помощью прибывших на помощь казакам удалось пресечь бесчинства бандитов [16].

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что чаще всего конфликты между представителями различных народов возникали в качестве реакции на совершение уголовных преступлений, разбоев и грабежей, к участию в которых в той или иной степени были причастны выходцы практически из всех этнических групп, проживавших на Северном Кавказе. Случаи обострения обстановки на почве национальной неприязни были редкими, и в основном они являлись следствием криминальных проявлений. Вполне естественно, что властям приходилось порой жесткими мерами наводить порядки и восстанавливать спокойствие в регионе.

Это послужило основанием для вывода, сделанного в советский период, о том, что царская Россия являлась «тюрьмой народов». В кратком курсе истории ВКП (б), который в свое время являлся концептуальным фундаментом изучения исторических явлений XIX и XX столетий, говорилось также о том, что «Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности... как на низшую расу, ... воспитывало презрение и ненависть к ним» [17].

Северный Кавказ издавна являлся одним из многонациональных районов России. Здесь жили и живут люди различных национальностей, их взаимоотношения между собой составляют фундамент российской цивилизации, качественную сторону ее исторического развития. Располагаясь на пути из Европы в Азию, регион стал местом соприкосновения многих народов, их культур и религий. Начало XX столетия стало временем окончательного

формирования национальной структуры Северного Кавказа, слияния двух объективных тенденций ее становления и развития. С одной стороны, это усиление взаимосвязи и взаимозависимости народов, их стремление к интеграции, с другой — попытки сохранения экономической самостоятельности, этнической самобытности культурных, религиозных и бытовых ценностей.

Заключение. Государственные реформы на Северном Кавказе начались с административных преобразований в местах массового проживания горского населения, создания управленческих институтов. Все это делалось с учетом этнической принадлежности обществ, в то время как в территориальном отношении Северный Кавказ по-прежнему оставался единым регионом. Только после того как были улажены все формальности с учреждением административных структур, встал вопрос о распределении территорий и установлении границ. Границы после их установления на Северном Кавказе постоянно передвигались. Власти искали оптимальный вариант административного подчинения народов. При этом нередко возникали такие ситуации, когда

разные по этническому составу общества относились к одной и той же управленческой структуре, что создавало большие сложности в разрешении споров и претензий.

Нельзя не отметить разнообразность и продуманность форм освоения и управления национальными окраинами, к которым относилась и северокавказская территория, со стороны центральных и местных органов власти в исследуемый период. Интеграция элиты степных и горских народов в общероссийскую структуру высшего сословия, учет региональных, этнических, религиозных и культурных различий — все это было свойственно российскому государству. В этой связи политику России по отношению к малым народам трудно назвать колониальной, российское государство никогда не принимало законов, направленных на ущемление их прав и национального достоинства. Государственные реформы рассматриваемого периода, ориентированные на западную модель национального государства, предусматривали как развитие гражданских общественных институтов, так и чувство национальной принадлежности к России.

Список литературы:

1. Невская Т. А. История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. – Ставрополь, 1980.
2. РГИА. – Ф. 398. Оп. 4. Д. 612. Л. 52.
3. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1886. – С. 224.
4. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь, 1994. – С. 76.
5. РГИА. – Ф. 1268. Оп. 4. Д. 148. Л. 16.
6. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. – М., 1994.
7. ГАРФ. – Ф. 109. Оп. 224. Д. 36. Л. 411.
8. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. – Ставрополь, 1897. – С. 235.
9. ГАРФ. – Ф. 109. Оп. 224. Д. 39. Л. 205 об.
10. ГАРФ. – Ф. 109. Оп. 224. Д. 39. Л. 71, 72 об., 509.
11. ГАРФ. – Ф. 102. ДП. ОО. 1906. Д. 360. Л. 33–37.
12. ГАРФ. – Ф. 1278. Оп. 1. Д. 683. Л. 16–17.
13. ГАРФ. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3305. Л. 317–319.
14. ГАРФ. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2637. Л. 1–2.
15. ГАРФ. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2563. Л. 5–7.
16. ГАРФ. – Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2563. Л. 8–9.
17. История ВКП (б). Краткий курс. – М., 1945. – С. 6.
18. Щупец Е. С. История развития города Владикавказа: тенденции и особенности (1784–1917 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2003. – 187 с.
19. Шавлохова Е. С. Адааты и их влияние на социальную структуру, и правовые отношения в среде горских народов в конце XIX в. // Российский исторический журнал, г. СОЧИ «Былые годы». – № 32 (2). – 2014 г. – С. 252–257.

Section 4. Cultural studies

*Goncharova Alina Alexeevna,
Sergiev-Posad Humanitarian Institute,
postgraduate student, Humanities Department
E-mail: lynn-goncharova@mail.ru
Sukharnikova Elizaveta Andreevna,
Humanitarian Social Institute, postgraduate student,
Department of theory and pragmatics
of culture, philosophy and history
E-mail: vuz-gsi@mail.ru*

Language problems in the context of globalization

Abstract: The problem of language in terms of linguistic globalization is considered in this article. The authors take up a position of language as a component of the national thinking, which in these conditions is under threat of destruction.

Keywords: linguistic globalization, communication barriers, intercultural communication, rejection of native language, English, Japanese, intercultural competence.

*Гончарова Алина Алексеевна,
Сергиево-Посадский гуманитарный институт,
аспирант, кафедра гуманитарных дисциплин
E-mail: lynn-goncharova@mail.ru
Сухарникова Елизавета Андреевна,
Гуманитарно-Социальный институт,
аспирант, кафедра теории и прагматики
культуры, философии и истории
E-mail: vuz-gsi@mail.ru*

Проблемы языка в условиях глобализации

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема языка в условиях лингвистической глобализации. Авторы позиционируют язык как компонент национального мышления, которое в указанных условиях оказывается под угрозой разрушения.

Ключевые слова: лингвистическая глобализация, коммуникативные барьеры, межкультурная коммуникация, отказ от родного языка, английский язык, японский язык, межкультурная компетентность.

Исторически сложившаяся уникальная языковая картина мира народа с течением времени подвергается различного рода влияниям и имеет свойство изменчивости. Постоянно появляются новые языки и исчезают старые, кроме того, отдельные языки трансформируются под влиянием других. В результате многочисленных ассимиляций теряются исконные образы языков, и это, в свою очередь, не может не наложить определенный отпечаток на культуру мышления народов, выступающих их носителями. В эпоху мировой, а в особенности лингвистической глобализации перед целыми нациями встает выбор: позволить доминирующему языку распространить свое влияние в

ущерб их национальному языку, принять его и отказаться от родной речи вовсе или же оказаться в международной изоляции, столкнувшись с глобальными коммуникативными барьерами.

В данной статье мы предпримем попытку доказать, что описанную нами выше проблему можно решить без нанесения вреда национальным языкам и вместе с ними — культурной идентичности их носителей.

Коммуникативные барьеры

В условиях расширяющегося информационного пространства современного мира и, как следствие, перенасыщения всех форм общения все чаще происходят различные

виды коммуникативного недопонимания, особенно если коммуниканты принадлежат к разным лингвокультурам. На первый план выходит необходимость поиска эффективных стратегий преодоления коммуникативных, а в особенности — лингвокультурных барьеров.

Коммуникативные барьеры — один из феноменов психологической области знания, который представлен в структуре социально-психологической проблематики довольно разнообразными и противоречивыми сведениями об их сущности, причинах и факторах возникновения. Тем не менее в наиболее общем виде под коммуникативными барьерами понимается совокупность внешних и внутренних причин и явлений, мешающих эффективной коммуникации или полностью блокирующих её. Единой классификации коммуникативных барьеров не существует. Каждый учёный, разрабатывающий данную проблематику, стремится выстроить свою теорию, основанную на определенной специфике.

Классификацию, представляющую определенный интерес для нашего исследования, предложила И. А. Зимняя, которая рассматривает коммуникативные барьеры в педагогическом взаимодействии. Согласно данной концепции, существует шесть особых областей затруднений:

- этно-социокультурная, связанная с особенностями этнического сознания;
- статусно-позиционно-ролевая, возникающая в условиях асимметрии статусов позиций;
- возрастная, обусловленная принадлежностью участников общения к различным возрастным группам;
- область индивидуально-психологических затруднений, возникающая вследствие индивидуально-психологических особенностей партнеров;
- педагогическая деятельность и межличностные отношения как области затруднений [4].

Для повышения эффективности межкультурной коммуникации необходимо выявить и описать культурно-обусловленные причины коммуникативных неудач в общении представителей различных лингвокультур, то есть лингвокультурные барьеры, а также выработать рекомендации по их минимизации.

При акте коммуникации представители разных культур действуют в соответствии с нормами, принятыми в своей культуре, и незнание языкового кода, особенностей вербальной и невербальной коммуникации, как и незнание компонентов культуры, несущих национально-специфическую окраску, национальных особенностей мышления, могут стать основной причиной коммуникативных неудач. Таким образом, лингвокультурный барьер может быть вызван не только расхождением языковых и речевых норм языков, но и расхождением фоновых знаний носителей. Разработка методов преодоления коммуникативных барьеров — одна из важнейших проблем культурологии, так как, нарушая эффективность общения, коммуникативные барьеры мешают эффективной

инкультурации и аккультурации человека, что ведет к отрицательным последствиям как для отдельной личности, так и для общества в целом.

Проблема языка в условиях глобализации

В условиях глобализации коммуникативные барьеры, охарактеризованные нами выше, становятся детерминантами определенного пути развития межнациональных отношений. В связи с тем, что английский язык претендует на роль универсального языка международного общения, появилась необходимость очистить его от культурных факторов и выработать некую нейтрально-международную норму, то есть создать его международный вариант для общения всех народов вне зависимости от их национальности, культуры, религии и местоположения. Международный английский язык (или International English) является объединяющим ядром всех региональных вариантов и той разновидностью английского языка, которая лишена культурно-специфических черт и не дискриминирует говорящих по каким-либо признакам.

Дэвид Кристал, специалист по английской филологии, отмечает, что уже сегодня большинство носителей английского языка могут переходить со своего регионального диалекта на национальный стандарт и, в зависимости от социально-лингвистической ситуации, могут использовать в своей речи ненормативные языковые формы или придерживаться стандартного английского языка. Данная способность говорящего сознательно переходить с одного варианта на другой получила название *shift-styling*.

Рассмотрим положение современного английского языка мире, сложившееся под влиянием приведенной нами выше тенденции, и попробуем установить, каковы предпосылки выдвижения его на первый план. Точки зрения о том, что английский язык занимает доминирующую позицию, придерживается В. М. Алпатов, который видит в этом негативную тенденцию. По его мнению, это ущемляет право на национальную и культурную идентичность тех наций, которые не являются носителями английского языка, а люди, говорящие на нем, получают дополнительное преимущество [1]. Но очевидно, что рассмотренный нами процесс формирования универсального и лишнего дискриминационной окраски английского языка протекает лишь среди носителей тех или иных его диалектов. В других языковых пространствах наблюдается противоположная ситуация: английский язык ассимилируется с другими языками, изменяя их нормы, а это, в свою очередь, приводит к «размыванию» исходных языков и соответствующих им культур.

Возможность отказа от родного языка как проблема культурологического выбора

Проведенный нами анализ позволяет заключить, что лингвистическая проблема все же является составляющей глобализационного процесса. Это означает, что и межнациональные отношения становятся особенно подверженными влиянию коммуникативных барьеров. Сложнее всех приходится представителям наций, чей

язык не входит ни в одну из известных языковых групп. Прежде всего, это касается японцев, на особенности языка которых, ко всему прочему, повлияла продолжительная изоляция государства.

Японский язык уникален совмещением идеографического (канзи) и фонетического (кана) письма, которое формирует особую культуру мышления нации-носителя. Кроме того, он обладает большим количеством выразительных средств, непередаваемых на других языках. Рассмотрим пример: зададим японцу вопрос о его профессии. В японском языке существует несколько форм вежливости. На один и тот же вопрос японец может дать разные ответы, в зависимости от ситуации:

- 私は教師でございます (Watakushi wa kyoushi de gozaimasu);
- 僕は教師です (Boku wa kyoushi desu);
- 俺は教師だよ (Ore wa kyoushi da yo).

На английском языке во всех случаях можно сказать лишь I'm a teacher.

Иностранец не может выучить японский язык быстро: ему понадобится несколько месяцев на перестройку мышления. Это обусловлено иным механизмом восприятия иероглифов, в котором активно участвует правое полушарие. По теории профессора Т. Цуноды, изложенной в книге «Мозг японцев: рассуждение о функционировании мозга на Востоке и на Западе», из-за этого японцы способны оперировать большим количеством звуков и воспринимать мир не только логически, но и интуитивно. На основе воззрений Цуноды формировалась точка зрения о превосходстве японской нации и предпочтительной для нее изоляции от иностранцев [6].

Но в условиях глобализации это невозможно, ведь Япония стремится занять лидирующие позиции на мировой арене. Исходя из этого, появилась необходимость поиска иных вариантов решения проблемы. Полемика о полном отказе от иероглифики для облегчения межнациональной коммуникации особо острый характер приняла с девяностых годов XX века. Социолингвист К. Танака утверждал, что язык не может выступать достоянием единственного народа. Даже образованному японцу время от времени приходится пользоваться словарем, иностранцам же на приемлемом уровне овладеть японским языком невозможно. По прошествии года, что иностранец будет изучать японский язык, он все еще не сможет читать на нем. А это, в свою очередь, осложняет международные контакты Японии и, в частности, не позволяет ей стать мировой валютой [3].

Это были главные аргументы сторонников отказа от иероглифики, однако аргументов в пользу сохранения национальной письменности представилось больше. Б. Чемберлен называет язык изящным умственным оружием японцев. Во-первых, письменная речь, от которой планировалось отказаться, у этой нации превалирует над устной, что делает невозможным отказ от нее. Во-вторых, согласно многочисленным лингвистическим исследованиям,

идеографическое письмо имеет ряд преимуществ над фонетическим [5]. В третьих, знание иероглифики и по сей день ассоциируется с высокой степенью образованности и глубоким знанием японской культуры. Наконец, особенности японского письма формируют характерные черты национального мировосприятия, которые с отказом от иероглифики будут утеряны.

На примере японского языка мы показали, что в условиях глобализации ни одна нация не может отказать от своего языка или его элементов, несмотря на потребность в развитии международных контактов. Это, в свою очередь, означает, что иностранцам придется преодолевать полный объем сложностей, кроющихся в изучаемых иностранных языках. Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости формирования навыков компетентной межкультурной коммуникации для более успешного овладения иностранными языками в современном мире.

Межкультурная компетентность как инструмент сохранения культуры национального мышления

В условиях глобализации исследование межкультурной компетентности является крайне востребованным и связывается с необходимостью обеспечения межнационального согласия между народами разных государств. В процессе изучения иностранного языка человек овладевает новым языковым кодом и присущим его носителям образом жизни, обычаями, достижениями художественно-эстетической культуры.

Формирование межкультурной компетентности, в свою очередь, является конечным результатом языковой подготовки на уроках иностранного языка, оказывающим влияние на формирование значимых профессиональных компетенций. Для оптимизации учебного процесса в современных условиях образования используются различные технологии и подходы к обучению.

Один из данных современных подходов — коммуникативно-когнитивный, увеличивает шансы на положительный результат формирования межкультурной компетентности и предполагает:

- концептуализацию лексико-грамматического материала;
- обучение особенностям лингвистической репрезентации иноязычной картины мира;
- обучение социокультурным аспектам профессионального языкового дискурса;
- обучение моделям речевого поведения в различных типах коммуникации.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, предложили включать элементы сведений из сферы национальной культуры в образовательный процесс и назвали этот новый вид преподавательской работы — лингвострановедческим преподаванием, когда перед учителем стоит задача выработать в сознании своих учеников понятия о тех предметах и явлениях, которые не имеют аналогов в своей собственной культуре и языке [2].

Консолидируя частные выводы полученные в процессе нашего исследования, можно заключить, что на протяжении жизни личность сталкивается с разного рода коммуникативными барьерами, которые препятствуют ее эффективному взаимодействию с носителями других языков (а вместе с тем — людьми, у которых заложен абсолютно иной менталитет). Вариантов преодоления этих барьеров может быть несколько:

- отказ от родного языка в пользу какого-либо доминирующего иностранного;
- установление единого международного языка, которым должны владеть все люди, независимо от этнической или национальной принадлежности;
- глубокое и всестороннее овладение языками потенциальных собеседников или партнеров.

Мы считаем, что отказ от родного языка или отдельных его элементов невозможен, поскольку язык находится в неразрывной связи с духом народа, его менталитетом и миропониманием. За всю историю человечества еще ни один проект международного языка не возымел успеха. Таким образом, остается третий вариант — изучение иностранных языков с глубоким погружением в соответствующие культуры с целью осознания образа мыслей говорящих на них людей. Все вышесказанное

позволяет сделать вывод, что культура должна быть обязательным элементом программы обучения иностранному языку.

Соответственно, экстраполируя преодоление коммуникативных барьеров на адаптацию к лингвистической глобализации, мы можем заключить, что только формирование межкультурной компетентности личности позволит провести данный процесс без ущерба собственной национальной и культурной идентичности.

В рамках когнитивного подхода межкультурная компетентность рассматривается как определенные знания, воплощающиеся в поведенческих навыках и умениях, обуславливающих опыт личности в области межкультурной коммуникации. В данном случае, весь наш опыт межкультурных контактов нацелен на совершенствование понимания и повышение уровня толерантности в принятии других культур.

Учитывая, что коммуникативные барьеры, влияние которых усиливается в условиях лингвистической глобализации, оказывают давление не только на возможности личности в сфере общения, но и на ее национальное самосознание, формирование межкультурной компетентности мы можем позиционировать как эффективное средство адаптации к сложившейся ситуации без ущерба собственной языковой и культурной идентичности.

Список литературы:

1. Алпатов В. М. Глобализация и развитие языков. // Труды ОИФН РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 117–122.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Рус.яз, 1980. – 320 с.
3. Гончарова А. А. Проблемы языка в философии Востока. – Саарбрюккен, 2014. – 56 с.
4. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. Изд. 2-е. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
5. Чемберлен Б. Х. *Things Japanese*. Традиционная Япония. Нулевой уровень. Пер. А. Трачевского. – М.: Изд-во «Восток-Запад», 2008. – 256 с.
6. Tsunoda, Tadanobu (角田忠信). *Nihonjin no Nō (The Japanese brain)*. – Tokyo, Japan: Taishūkan Shoten (大修館書店), 1978. – 388 p.

*Efimenko Ekaterina Andreevna,
Moscow State Linguistic University,
applicant for a degree of the candidate
in philological sciences, the Departement
of comparative and historical philology
E-mail: kifir81@mail.ru*

The Austrians vs. Germans: the cradle of the Austrians' national self-consciousness

Abstract: The article is devoted to the cradle of the Austrians' national self-consciousness. The Austrians identify themselves as an independent nation, as the "Hapsburg nation", which demonstrate their own features, customs and manners, however many people suppose, at first sight, there are many common features that unite them with the Germans.

Keywords: the Austrian nation, national identity, Austrians' national self-consciousness, national temper/national character.

Ефименко Екатерина Андреевна,
 Московский государственный лингвистический университет,
 соискатель, кафедра общего и сравнительного языкознания
 E-mail: kifir81@mail.ru

Австрийцы vs. немцы: истоки определения австрийского национального самосознания

Аннотация: Статья посвящена истокам определения австрийского национального самосознания. Австрийцы считают себя самостоятельной, «габсбургской нацией», для которой характерны свои черты, нравы и обычаи, хотя многие полагают, что на первый взгляд существует много общего между немцами и австрийцами.

Ключевые слова: австрийская нация, национальная идентичность, австрийское национальное самосознание, национальный дух/характер.

*«Multinationalität als Ausgangspunkt zur Bestimmung
 des österreichischen Nationalgefühls»
 Menasse Robert [1, 382].*

В Австрии извели немало чернил и бумаги, пытаясь ответить на вопрос: существует ли австрийская нация? Увеличивается ли она или уменьшается? Осталось ли у нее всё в прошлом, или у нее есть будущее?

Для начала определим, что следует понимать под нацией. Одним из первых, кто попытался дать определение, был немецкий философ Гегель. В его понимании нация представляла собой народ, который объединял общий дух, дух народа (Volksgeist), проявляющийся в языке, обычаях, мифах и культуре. Эти «объективные критерии» во многих случаях применялись в качестве основополагающих для формирования наций, однако эта точка зрения не всеми признается и не может быть применима к каждой нации [2, 7].

В Австрии сложилось понятие нации, основанное на обоюдном снятии двух ее классических определений. Одно определение сформулировано в рамках немецкой романтической традиции, понимающей под нацией главным образом языковую и культурную общность (die Kulturnation), другое — в духе французской революционной традиции, в соответствии с которой нация есть не что иное, как государство (die Staatsnation), образованное на основе коллективного стремления обеспечить каждому отдельному члену общества гражданские права и свободы (die Willensnation).

Немецкое понятие нации было неприемлемо, поэтому ставка была сделана на французскую идею нации: пропагандировалась идея австрийской нации, образованной в основном коллективной волей населения, стремящегося к свободе и независимости. Вместе с тем, принимая во внимание необходимость еще явственней отмежеваться от Германии, вновь обратились к немецкой идее нации, правда, лишь для того, чтобы обратить ее против немецкого влияния: в ход шли утверждения о культурных особенностях Австрии в противовес Германии — аргумент, который на внутривластном уровне был сформулирован как «различия менталитетов» и подкреплен распротраненным в Австрии после 1945 года неприязненным

отношением к «пифке» (Piefke — так австрийцы называют немцев, а немцы в свою очередь австрийцев Ösi, причём, такие названия нелестны и могут обидеть человека). Политики использовали подобное антигерманское настроение, пропагандируя идею австрийской нации, культурное своеобразие которой, по их мнению, исторически сложилось на основе слияния многообразных культурных импульсов, исходящих от бывших стран австрийской короны [3: 15, 16].

Австрийцы некогда являлись одной из доминирующих этнических групп в обширном центрально-европейском государстве Габсбургов. Однако XIX век, отмеченный подъемом национальных движений других народов страны, принес австрийцам ощущение опасности. В итоге — усиление прогерманских настроений и отказ от австрийской, вернее, «прогабсбургской» идентичности в пользу идентичности великогерманской.

До 1938 года в широких кругах австрийской общественности удалось укоренить мнение о том, что австрийцы являются немцами, поскольку говорят на немецком языке. Даже читатели зарубежной прозы не слишком задумывались над тонкостями различий между литературами Австрии, Швейцарии и Германии, так как такая сложилась традиция: считать немецким всё то, что написано по-немецки. Однако после окончания Второй мировой войны на передний план выдвинулась проблема идентичности, выяснение вопроса «Кто мы такие, что такое Австрия и австрийская нация?».

Говоря о Германии и Австрии, нужно иметь в виду, что национальное самоопределение этих стран, а также их отношение друг к другу в силу исторических, языковых и культурных особенностей имеет свои особые черты, несравнимые с самоопределением других европейских стран и народов и свою исторически обусловленную специфику. Германия и Австрия имеют общую историю, «но не в унитарной, а в общей империи: Австрия была частью Священной римской империи германской нации и

с небольшими перерывами, на протяжении веков вместе с династией Габсбургов представляла германскую кайзеровскую династию вплоть до короля Франца II, сложившего в 1806 году корону Священной римской империи германской нации после того, как в 1804 году он стал императором Австрии» [4, 528].

Таким образом, мы рассматриваем австрийцев как «габсбургскую нацию» (“habsburgische Nation”) (термин С. Пионтека) [5, 52], которая в свою очередь, является «носителем идентичности» (“Träger der Identität”), а истоки определения австрийского национального самосознания следует, по его мнению, искать в «мультинациональности»: “Zuerst war Österreich ein riesiges Vielvölkerreich gewesen, das nach einem verlorenen Krieg in lauter Nationalstaaten aufgelöst wurde — lediglich jener Teil des alten Reiches, der danach noch immer Österreich hieß, wurde kein Nationalstaat, sondern bloß ein deutschsprachiger Rest, der Bestandteil der deutschen Nation” [1, 382].

Идею мультинациональности поддерживает П. Туррини, а также К. Магрис, назвавший Австрию «сковородой, на которой томятся народы» (“Völkerschmelztiegel”) [6: 365,76]: “Ein Österreicher, der einen Tschechen oder Kroaten beschimpft, beschimpft sich selbst. Der ethnisch reine Österreicher ist eine Erfindung. Es gibt ihn nicht!.. Was man Österreicher nennt, ist ein europäisches Gemisch gleichen Namens. Eine Promenadenmischung, die den Glücksfall ihrer Mischung

nicht wahrhaben will und sich immer wieder als deutscher Schäferhund ausgibt..... es gibt keine Wiener, sondern nur Tschechen, Slowaken, Ungarn, Böhmen, Mähren, Slowenen, Italiener, Kroaten, welche schon so lange in Wien leben, dass sie vergessen haben, woher sie eigentlich kommen, also mehr als zwei bis drei Jahre” (Brief, 1998) [7, 242].

Таким образом, австрийская нация сформировалась в результате смешения множества языков, характеров и взглядов на окружающий мир. Она впитала в себя разные культурные традиции [8, 5].

Неотъемлемыми признаками любой нации является история, национальная символика, национальная литература, национальные праздники (26 октября — Национальный праздник Австрийской республики, 11 ноября — День святого Мартина, 15 ноября — День памяти святого покровителя Австрии Леопольда) и национальные герои [2, 13]. Все эти признаки есть у Австрии.

Подкрепляя вышесказанное примерами, выделим некоторые особенности, подтверждающие национальную специфику мировосприятия немцев и австрийцев и отличающие их черты характера (Табл. 1). Как полагает Л. Джеймс, «не так-то легко выделить черты характера, присущие всем австрийцам — столько в них намешано разных кровей (швабской, кельтской, славянской)» [8, 5], но мы попытаемся.

Таблица 1. – Отличительные черты характера немцев и австрийцев

Немцам свойственно	Австрийцев отличает
1	2
любовь к порядку, аккуратность (Ordnung)	верность, преданность, основательность добросовестность (Treue) (К. Магрис)
склонность к повиновению и послушанию; немцы уделяют большое значение правилам, например, никому из них и в голову не придет переходить дорогу на красный сигнал светофора. И даже если дорога свободна, они будут стоять и ждать зеленого сигнала светофора	образ бюрократа, «верного слуги» (treuer Diener) (К. Магрис); первоосновой австрийской культуры, по мнению А. Штифтера, является «кроткий закон» (das sanfte Gesetz). Эпитет «кроткий» скрыто связан с концептом «вчувствования», общительности, диалогизма. Этимологически слово «sanft» восходит к индогерманским корням «somo-, sama-» («gleich» gehört — вместе), а также к готскому «samjan» (нравится). Таким образом, в эпитете «sanft» сходятся способность австрийцев учитывать интересы другого, быть с ним вместе и потребность — нравится, быть приятным. В Австрии эту черту обозначают словом «Entgegenkommen» — умение идти навстречу
пунктуальность (Pünktlichkeit)	вчувствование, общительность, способность представить себя на месте другого, диалогичность (Г. фон Гофмансталь)
основательность (Gründlichkeit)	самоирония (Selbstironie), «сомнение в себе» (sich selbst misstrauen) (И. Айхингер), принцип «пачкания собственного гнезда» («Nestbeschmutzung») (Т. Бернхарда)
рациональность, бережливость, экономность, практичность	нерешительность, склонность идти на компромисс (Р. Музиля) (Эссе Р. Музиля «Буриданов австриец» (1919): «Добропорядочный австриец задумчиво стоит между двумя вязанками сена — между Дунайской Федерацией и объединенной Германией. Поскольку он — старый искушенный логик, которого с почтением упоминает любая история этой науки, то он не довольствуется сравнением калорийной ценности двух сортов сена: ему слишком мало простой констатации, что имперская вязанка питательна, хотя поначалу и тяжеловата для слабого желудка» [16, 43]. Название эссе переключается с фразеологизмом «буриданов осел». Философы позднего Средневековья выдвинули теорию, по которой поступки живых существ зависят не от их собственной воли, а исключительно от внешних причин.

1	2
рациональность, бережливость, экономность, практичность (продолжение)	Ученый Буридан, живший во Франции в 14 веке, подтверждал эту мысль таким примером. Возьмем голодного осла и положим по обе стороны от его морды, на совершенно равных расстояниях, две в точности одинаковые охапки сена. У осла не окажется никакого основания предпочесть одну из них другой: ведь они в точности одинаковые. Он не сможет потянуться ни к правой, ни к левой и, в конце концов, умрет с голоду. Неизвестно, пробовали ли несогласные с Буриданом произвести такой опыт и проверить его теорию, но с того времени людей нерешительных, подолгу колеблющихся зовут «буридановыми ослами»). «Das Wort Kompromiß ist ein Leitmotiv der ganzen Geschichte, der Seele Kakaniens» [9, 37]. То есть, австрийцы нерешительны, поэтому компромисс, равновесие становится одним из ключевых концептов австрийской ментальности. Эта черта тесно связана с характерной для Австрии политикой «социального партнерства», которая представляет собой форму «уравнивания» (Ausgleich) отношений, разрешения конфликтов путем сотрудничества, благодаря компромиссу [10, 147]; “Ihre Entweder-und-Oder-Politik” [1, 79]
любовь к военной музыке, маршам	музыкальность и легкость (Зинченко, Зусман, Кирнозе)
сдержанность	«общительность без подлинного общества» господствует в австрийском кафе (Зинченко, Зусман, Кирнозе)
консерватизм: все нововведения они воспринимают с недоверием, отдавая предпочтение хорошо знакомому старому	консерватизм — австрийца нелегко склонить к нарушению вековых традиций ... Он свято соблюдает религиозные праздники и живет в своем старом добром мире (Джеймс Л.)
любовь к путешествиям (Reiselust)	любовь к титулам и ученым степеням. Хотя дворянские титулы по закону давно отменены, в стране осталось немало профессиональных званий. Официальное обращение (по званию, не по имени) получило широкое распространение во всех слоях общества (Джеймс Л.)
активная жизненная позиция, заинтересованность в общественной жизни	типичная и самая роковая (губительная) черта Габсбургов, посредственность, заурядность (die Mittelmäßigkeit) (К. Маррис)
	ощущение «самости», укрепившееся после вступления страны в 1995 году в ЕС и определенной дистанцированности от институтов, как европейских, так и евроатлантических (К.-Л. Mikoletzky).

Таким образом, можно констатировать наличие схожих черт, однако у австрийцев свои идеалы, привычки и пристрастия:

1. Мария Терезия — “*Maria Theresia gehört zu den glänzendsten Gallionsfiguren, mit denen das alte und auch das neue Österreich durch die Zeiten segelt*” [11, 65].

2. Музыка — “*Musik... Das Jahr beginnt in Österreich traditionellerweise mit dem Neujahrskonzert der Wiener Philharmoniker, das vom Fernsehen in alle Welt übertragen wird*” [1, 279].

3. Любовь к кофе. Культура кофепития (Kaffeekultur) начала формироваться, как только кофе попал на австрийскую землю, а начало XX века было связано с расцветом чисто австрийского феномена — венских кофеен. Для австрийца кафе — это особый институт. Именно в Вене кофейня приобрела особый статус: “*Wien hat daraus einen Begriff gemacht!*” [12, 71]. Кафе стали наиболее посещаемыми местами, но самое главное — атмосфера, которая складывается из нескольких обязательных компонентов: внутреннего убранства кафе; возможности предаваться любимым развлечениям; отношений доверительности между хозяином и гостями, завсегдатаями; возможность многочасового сидения за чашечкой кофе; особое меню, включающее в себя более 40 (!) наименований кофе.

4. Желание идти на компромисс, «типично австрийский, Габсбургский компромисс — не слияние (Verschmelzen) различий, а их дальнейшее сосуществование (ein Nebeneinander-weiter-Bestehen)» [6, 365].

5. Любовь к титулам и ученым степеням. В деловом контексте в Австрии принято называть ученую степень собеседника. В Германии такое обращение будет скорее исключением из правил.

6. Der Punschkrapfen — чисто австрийский десерт: “*eine österreichische Süßspeise. ... Er ist außen rosa, innen braun. ... Dass der Punschkrapfen als Symbol für die Zweite Republik gelten kann, funktioniert nur auf der Basis von zwei Voraussetzungen: Erstens ist der Punschkrapfen tatsächlich ein zwar unwesentlicher, aber doch irgendwie typischer Bestandteil der österreichischen Lebensrealität. Zweitens muss dessen Beschreibung zumindest ein minimales historisches Wissen ganz selbstverständlich evozieren, in diesem Fall die historische Bedeutung der Farbe Braun. Natürlich weiß jeder, auch wenn er von österreichischen Geschichte nichts weiß oder nichts mehr wissen will, ... dass es dieses unrühmliche bzw. finstere Kapitel, den Faschismus, in der österreichischen Geschichte gegeben hat...*” [1, 47–48].

7. Известные во всем мире шоколадные конфеты «Mozart Kugel» с марципаном — символ Вены и Австрии

в целом: *“Mozart in der Oper und als Schokoladenkugel. Schubert im Konzert und in Gips. Friß und genieß!”* [13, 13].

8. «Eiswein» — традиционное австрийское крепкое и сладкое вино из замёрзшего винограда, срезанного в морозы.

9. «Маннершниттен» — знаменитые венские вафли с ореховой, шоколадной и лимонной начинками в розовой фольге.

10. Торт «Захер» («Original Sacher Torte») с круглой шоколадной печатью — визитная карточка Вены.

11. Венский шницель из сочной телятины.

12. Кайзершмаррн — императорский омлет — сладкое мучное блюдо венской кухни.

У немцев вы найдете другие идеалы, нравы и обычаи, традиции, блюда. Немцы — это Октоберфест, истинно немецкая традиция, сумасшедший, веселый зимний карнавал (Австрийцы тоже празднуют карнавал, однако проходит он несколько по-другому) колбаски и многое другое.

Австрия является самостоятельным (независимым) государством и, как показывают всенародные опросы (в течение последних 50 лет население Австрии однозначно высказалось за идею австрийской нации (проголосовавших «за» около 80 %)), самостоятельной (независимой) нацией, однако относится, как и Германия, к одной и той же языковой общности [14, 110]. В Австрии, как известно, говорят на немецком языке, однако, население Австрии не считает немецкий язык первичным (основным) признаком для образования нации, а рассматривает его лишь одним из признаков. Кроме того, многие задаются вопросом: на «том» ли немецком говорят австрийцы?

В Австрии вы услышите и литературный стандарт немецкого языка (Hochdeutsch), и австрийский вариант немецкого языка (национальный вариант немецкого языка в Австрии, отражающий языковые особенности речи австрийцев, австрицизмы; нормирован Австрийским словарём, изданным в 1951 году по инициативе Министерства образования, искусства и культуры Австрии) один из местных диалектов. Литературный стандарт немецкого языка применим в официальных ситуациях, а на диалект австрийцы переходят при неформальном общении.

Таким образом, для каждой страны и ее народа характерны особые черты. Каждая национальная культура имеет свою собственную доминанту, а точнее набор культурных доминант, образующих национальное культурное пространство, национальную культурную сферу. При «встрече» двух культур возможны следующие варианты:

1) культуры имеют между собой нечто общее (зона контакта, полной интерференции «Это то же самое, что и у нас»);

2) культуры в чём-то похожи, но в этой схожести есть и какие-то различия (зона неполной интерференции «Похоже, но не совсем так»); и

3) зона конфликта («У вас всё совсем по-другому, я здесь жить никогда не смогу») [15, 5].

В случае с Австрией и Германией можно говорить о зоне неполной интерференции: *“Österreich und Deutschland: Zwei Nachbarländer, zwischen denen es viele Gemeinsamkeiten, aber auch viel Trennendes gibt. Sie sprechen die gleiche Sprache und auch in der Kultur gibt es viele Ähnlichkeiten. Zwei Länder, die eine lange gemeinsame Geschichte mit guter Zusammenarbeit, aber auch starke Abneigung kennen”* [2, 6].

Список литературы:

1. Menasse Robert. Das war Österreich. Gesammelte Essays zum Land ohne Eigenschaften, Herausgegeben von Eva Schörkhuber, erste Auflage Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 2005.
2. Prins Rianne. Piefke oder Lieblingsnachbar? Das Deutschlandbild in den österreichischen Medien 2005–2010. – Bielefeld: Kerber Verlag, 2010.
3. Менассе Р. Страна без свойств. Эссе об австрийском самосознании. – С.-Петербург: «Петербург – XXI век», 1999.
4. Karner-Lorenz Mikoletzky Stefan. Österreich. 90 Jahre Republik/Beitragsband der Ausstellung im Parlament. – Innsbruck 2008.
5. Piontek Slawomir. Der Mythos von der österreichischen Identität/Überlegungen zu Aspekten der Wirklichkeitsmythisierung in Romanen von Adalbert Paris Gütersloh, Heimito von Doderer und Herbert Eisenreich, 1999.
6. Magris Claudio. Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur Paul Zsolnay Verlag. – Wien, 2000.
7. Turrini Peter. Wie verdächtig ist der Mensch? Wortmeldungen. Suhrkamp Verlag. – Berlin, 2010.
8. Джеймс Л. Эти странные австрийцы. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2005.
9. Magris Claudio. Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur Paul Zsolnay Verlag. – Wien, 2000.
10. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Киринос З. И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие. – Издательство: Флинта; Наука, 2007.
11. Fussenegger Gertrud. Kaiser, König, Kellerhals. Heitere Erzählungen. Verlag Fritz Molden – Wien-München-Zürich-New York, 1981.
12. Plakolb L. Kaffeehaus. Literarische Spezialitäten und amourose Gusto-Stückeln aus Wien. – München, 1959.
13. Turrini Peter. Mein Österreich Reden, Polemiken, Aufsätze. Sammlung Luchterhand, Literaturverlag, 1988.
14. Ammon Ulrich. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. – Berlin/New York (de Gruyter), 1995.

15. Ружицкий И. В. Презумпция негативной оценки в восприятии России и русских носителями иных культур. // Русское слово в русском мире – 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: Сборник научных статей / Под ред. И. В. Ружицкого, Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко. – М., ЦП «Васиздаст», 2008. – С. 5–20.
16. Музиль Р. Эссе «Бурдиганов австрией». // Ежемесячный литературный журнал «Нева». – 1997. – № 6–1. – С. 43–45.

*Kozhukhovskiy Anatoly Nikolayevich,
Post-graduate student of the Russian State University of Tourism and Service, Moscow
Myshlyaeva Olga Borisovna,
Ph. D., professor
E-mail: akademikk@bk.ru*

Application of modern innovative technologies in the manufacturing process of architectural models to achieve its high aesthetic artistic level

Abstract: The article discusses the implementation of modern architectural and landscape layout for a high artistic level with the latest innovative technologies and materials.

Keywords: architectural models, aesthetic and artistic values, breadboard art, design, prototyping, automation, innovative technologies.

*Кожуховский Анатолий Николаевич,
Аспирант Российского государственного университета туризма и сервиса
Мышляева Ольга Борисовна,
к. ф. н., профессор, г. Москва,
E-mail: akademikk@bk.ru*

Применение современных инновационных технологий в процессе изготовления архитектурного макета для достижения его высоко эстетического художественного уровня

Аннотация: В статье рассматривается вопрос современного выполнения архитектурного и ландшафтного макета на высоком художественном уровне с применением новейших инновационных технологий и материалов.

Ключевые слова: архитектурные макеты, эстетические и художественные ценности, макетное искусство, проектирование, макетирование, автоматизация, инновационные технологии.

В настоящее время в современном процессе изготовления архитектурных макетов происходят большие изменения. Резко возросла потребность в профессионально выполненных архитектурных макетах у заказчиков, проектировщиков и дизайнеров квартир, домов, коттеджей, архитектурных комплексов и ландшафтных территорий, музеев, выставок и презентаций. В связи с этим постоянно увеличивается количество заказов на качественно изготовленные макеты на высоком профессиональном, эстетическом и технологическом уровне. Поэтому главной проблемой современного выполнения макетов стала проблема внедрения современных достижений науки и инновационных технологий в процесс изготовления макета. Этот вопрос является мало изученным и по данной теме издано недостаточное количество специальной литературы.

Производство эстетических и художественных ценностей играет большую роль в развитии общества и в уровне художественного образования и эстетической культуры людей, составляющих это общество [1, 54]. От

художественных и технологических качеств выполнения всех предметов, окружающих человека в общественной, повседневной и личной жизни напрямую зависит уровень его образования, эстетической и духовной культуры. Эстетическое начало в любой области творческой и художественной деятельности, например музыке, балете, театре или в художественном произведении эстетически организует наш духовный мир и служит цели его совершенствования. Любая творческая работа, любой вид искусства, в том числе и профессионально изготовленный архитектурный макет отражают социальные и моральные проблемы человеческой жизни. Поэтому все художественные произведения являются наиболее сильным средством художественного познания жизни и через художественное произведение передают жизненный опыт из поколения в поколение [1, 24].

Профессионально выполненный архитектурный макет показывает человеческую жизнь через художественные образы и становится настоящей летописью истории человеческой жизни. Художественно-познавательная и

эстетически-воспитательная роль макетов в изображении окружающей человека жизни очень велика. Раскрытие окружающей действительности в макете происходит через образы, приемы, методы, технологии, характерные для этого вида творческой деятельности человека. Для макета характерны символичность и достоверность, он обладает большой художественной и эстетической силой, что рассматривается в искусстве дизайна и эстетике как главный признак художественности. Основа творческой деятельности художника, работающего над макетом — это достоверный конкретный образ. У людей творческих профессий, которые чутко воспринимают проявления эстетического начала в природе, в жизни, вырабатывается путь эстетического освоения действительности и план передачи познанного ими в своих произведениях.

Воспринимая свое образное познание мира не только как познавательную ценность, художник стремится к тому, чтобы выполненное им художественное произведение было доступным и понятным для зрителя [2, 51]. В практике современного макетного искусства существуют макеты больших зарубежных городов, выполненные в наше время, которые поражают своими размерами и мастерством исполнения. При их выполнении применялись совершенно новые материалы и технологии, при помощи которых достигнут потрясающий человека изобразительный, эмоциональный и эстетический эффект. Эти макеты являются образцами настоящего подлинного искусства и несут в себе образец высокого эстетического наслаждения, пробуждая в человеке восторг, радость, настоящие положительные эмоции и эстетические чувства. В настоящее время в процессе творческой деятельности художника-дизайнера и художника-макетчика все больше используются самые передовые и современные достижения научно-технического прогресса и новейшие инновационные технологии. Это вызвано постоянно возрастающей сложностью и многоплановостью задач, решаемых в практике современного архитектурного проектирования и макетирования [4, 102].

В связи с изменением требований к уровню выполнения макета перед архитектором, дизайнером встает проблема дальнейшего совершенствования технологии макетного дела, широкого применения в нем прогрессивных методов, новейших материалов, приемов изготовления и технических средств. Поэтому с каждым годом расширяется объем внедрения передовых и инновационных технологий в архитектурное макетирование. В наше время использование новых технологий в современном макетировании является необходимым инструментом во всех макетных мастерских. Компьютеры и различные компьютерные программы используются на всех этапах создания объектов и макетов архитектурных разработок, проектирования и изготовления всех частей макета. В связи с этим все более важной становится задача широкого использования достижений в области инновационных технологий в процесс создания архитектурно-ландшафтного макета и изготовления различных объектов и предметов для него. Наиболее ярким примером

использования передовых инновационных технологий в архитектурном макетировании является использование технологии трехмерной печати или печати 3D. Эта технология является одним из основных открытий в области архитектурного макетирования [3, 96]. Над созданием макетов классическими способами в прежние времена должны работали несколько мастеров, что занимало невероятно много времени и, помимо того, созданный таким образом макет, нередко содержал множество погрешностей и ошибок.

Создание макетов путем использования инновационных 3D-технологий позволяет уменьшить материальные, экономические и трудовые затраты, учесть все вероятные ошибки в процессе проектирования, и как можно более быстро и точно воплотить идеи в жизнь, а следовательно, и уменьшить стоимость макета.

Использование 3D-технологии в макетном деле не заменяет полностью обычные варианты и способы создания архитектурных макетов, в том числе и ручной труд. Архитектурный макет представляет комплексное решение архитектурной и ландшафтной среды и, поэтому требует от дизайнера владение компьютерными программами, знание и применение большого количества новейших технических средств и материалов, красок, знание основ электрики. Все это служит качественному выполнению основной задачи проекта. Также изготовление макетов требует не только лишь математической и художественной точности передачи архитектурных замыслов, но и творческого подхода в выражении этой идеи. В связи с этим часто, произведенные при помощи трехмерной печати макеты, служат своеобразной экспериментальной базой для специалистов по макетированию [4, 85]. Применение в макетировании трехмерных технологий вместе с обычными способами изготовления макета позволяет представить изготавливаемый в макете объект с учетом всех визуальных и информационных свойств и качеств, а также сократить сроки производства макета. Это выводит архитектурные макеты на более новый художественно-эстетический и технологический уровень [3, 51]. Для того, чтобы сделать макет наиболее качественным и точным многие чертежи его деталей необходимо выполнить в различных компьютерных программах. Это является одним из направлений усовершенствования профессиональной деятельности в области макетирования. На первом этапе в профессиональных компьютерных программах Corel Draw, Auto Cad, Art Cam выполняются чертежи деталей и всех составляющих частей макета.

Чертежи, выполненные на компьютере в различных программах, затем переносятся на станки, которые осуществляют резку деталей фасадов зданий и ландшафта по готовым чертежам, после чего все детали собираются на макете. Резка деталей макета из тонких материалов по команде с компьютера выполняется на специальных машинах — плоттерах. Плоттерная резка представляет собой процесс обработки материалов с использованием специального оборудования. Плоттеры способны анализировать информацию, передаваемую от компьютера и на основании

полученных данных вырезать изделия необходимых форм и конфигураций. Эти устройства осуществляют резку виниловых самоклеящихся пленок, пластик и некоторые другие разновидности материалов. Наиболее часто применяются здесь технические средства и компьютерные программы, которые обеспечивают постоянное взаимодействие дизайнера и компьютера, результатом этого является выполнение графических или объемных моделей объектов макета.

В области объемного макетирования применение новых инновационных технологий делает только часть работы, и, поэтому изготовление макетов и в наше время требует значительных затрат высоко квалифицированного ручного труда художника-макетчика. Применение современных инновационных технологий в процессе изготовления макетов помогает наиболее точной передаче характера и особенностей объектов современной архитектурных и исторических памятники культуры и искусства.

В работе над макетом очень сложно обойтись без работ, связанных с автоматической обработкой твердых материалов на станках. Этой технологией является технология фрезеровки, которая очень важна для создания действительно правильных и эстетически красивых деталей макета. Процесс фрезеровки представляет собой наиболее быстрый и точный способ изготовления деталей макета наиболее сложных форм. После выполнения всех необходимых чертежей на компьютере, они передаются на фрезерный станок, на котором последовательно «вырезаются» все необходимые объекты архитектурного макета из специально подобранного пластика или органического стекла нужной толщины и плотности. Преимуществами фрезеровки является точность обработки материала, так как все программируется компьютером по заранее заданным параметрам [3, 43].

Архитектурные макеты являются особым видом художественного творчества человека и являются произведениями искусства. Макеты поражают воображение человека. Они могут быть как небольшими по размеру, так и крупного размера, который может доходить до размера целой комнаты или улицы, могут быть различными по экономической стоимости и затратам труда и являются результатом труда большого количества людей и большого времени кропотливой работы. Благодаря своей информационной природе эстетическое начало в процессе макетирования организует и выявляет структуру того материала, из которого изготавливается макет и превращает его в значимые эстетические и художественные объекты, вызывающие большой интерес и восхищение у большого числа людей. Применение информационных технологий в процессе работы над макетом

позволяет выявить красоту и эстетическую неповторимость изображаемого объекта.

Эстетическое воздействие архитектурных и ландшафтных макетов на зрителя выражается в том, что эстетическое начало способно пробуждать мощные эмоциональные и духовные силы в чувствах и мыслях людей, способно организовать направления этих сил, стимулировать их [2, 33]. Эстетическая настраивающая и организующая функции существует в работе представителей всех творческих профессий, она играет большую роль и в работе над изготовлением макета. Процесс художественного творчества происходит из единого процесса человеческого творчества, в котором проявляется единое начало освоения мира, его познания. Любое художественное произведение, а в частности и красиво выполненный макет, своим эстетическим воздействием способно изменить духовный мир человека. Каждое произведение любого вида искусства всегда выступает как сложный, многоступенчатый духовный и эстетический усилитель, который действует в сознании читателя, зрителя, слушателя [2, 76].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что использование в современном макетировании трехмерных технологий с классическими методами и способами изготовления макета, способствует тому, что архитектурные макеты выходят на более новый технический, эстетический и художественный уровень. Они помогают представить проектируемый объект с учетом абсолютно всех визуальных и информационных характеристик, а также значительно уменьшить сроки изготовления макета. В наше время изобразительное искусство и художественное творчество развивается как в общеизвестных областях творчества, так и в новых видах искусства. Появляются новые направления и термины в области художественного творчества. Производство макетов является одной из областей духовной и творческой деятельности человека. Без показа различных макетов в наше время не обходится ни одна крупная выставка, ни одна презентация архитектурных или градостроительных проектов [4, 65]. Глядя на выполненные в масштабе небольшие, но очень точные копии отдельных предметов или целых городов, человек поражается их красоте, изобразительной точности в передаче всех предметов. Вместе с этим, в каждом макете чувствуется творческое отношение автора к изображаемому объекту, которое проявляется в макете благодаря точному отображению его характерных качеств, использованию всех доступных изобразительных средств и применением новейших инновационных технологий в работе над макетом.

Список литературы:

1. Дзикевич С. А. Эстетика начала классической теории. – М., 2011. – С. 61.
2. Егоров П. А., Руднев В. Н. Основы этики и эстетики. – М.: «Кнорус», 2010. – С. 304.
3. Лазерные технологии обработки материалов: современные проблемы фундаментальных исследований и прикладных разработок. Монография под ред. В. Я. Панченко, раздел «Лазерные технологии быстрого прототипирования и прямой фабрикации трехмерных объектов». — М.: Физматлит, 2009. – 664 с. – ISBN 978–5–9221–1023–5.
4. Стасюк Н. Г., Киселева Т. Ю., Орлова И. Г. Макетирование. Уч. пособие. – М.: «Архитектура–С», 2010. – С. 96.

Section 5. Linguistics

Kadeyeva Maira,
Eurasian National University, Docent,
Theoretical Applied Linguistics Department
E-mail: kadmi_ru@mail.ru

Bekturova Zhanat,
Eurasian National University, Docent,
Theoretical Applied Linguistics Department
E-mail: bekturova.z@mail.ru

Actual problems of the analysis of language consciousness

Abstract: The article analyses the main theoretical statements of the cognitive linguistics in respect of the conceptualization and categorization processes. Taking the “norm” notion as an example we suggest the lingua philosophical and ethnic cultural description of this notion in the language consciousness of the native speakers. Theoretical significance of the study is in the further development of the completely new functionally — active approach, itemizing the mechanism of the “norm” concept study category notion and the linguistic means of its presentation.

Keywords: language consciousness, anomaly, conceptualization, categorization.

Theoretical foundations of the language and thinking, language thinking, language and consciousness problems from the positions of the cultural-historical and active approaches, being extremely developing nowadays spread into still new fields of investigation of the reality and consequently — scientific knowledge [4; 5; 9; 11 and others]. The norm problems as a basis of the human behavior and its subject — human person is the subject matter of *psychology, sociology, culture study, anthropology, biology, medicine, social ethnology*. Some specific sciences such as *management, ergonomics, medical deontology, criminalistics, criminology, legal psychology, delictology* and others also are interested in studying the norm as a cultural phenomenon. As a whole we may distinguish between the sciences which study the norm into two parts — *normology*, general theoretical discipline of norms and *normo study*, which is aiming at the norm study from the point of view of its cultural specifically historical and regional content.

In spite of the fact that norm, “correct” speech, have been realized centuries ago (norm realization history is very antique, when the ancient thinkers started to develop their doctrine of *analogy* and *anomaly*) the general notion of the *norm* is rather definite, though very briefly it was characterized in the E. Alman’s article «Das normative Moment im Bedeutungsbe-griff» [1], published in the Annals of the Finnish Academy of sciences. The most important notion of the article is the understanding of the language system not only as the abstraction of the definite “speaking”, but as some kind of the “normative ideology”, which consciously or unconsciously regulates the speaking. In this very general understanding, the norm, according to E. Alman, is inherent to any language idiom and is

treated by him as one of the forms of the habit normativity in the human society [1, 7]. However, in spite of existing important language norm characteristics in the E. Alman’s article, the *norm* notion is presented in detail in the works of the Czech linguists V. Matezius, B. Gavrank, B. Trnk, I. Vahk and others.

While further constructing the general *normology* theory we should firstly pay attention to the dubious norm characteristics. Besides, we should take into consideration the whole previous historical experience of the *norm* category study and systematization, of the personal and social-historical practice, world practical development. On one hand the norm may be treated in its objective-real content, i. e. in its relation to the objective reality, on the other hand — the norm possesses its practical evaluation, because in its content the human evaluation oriented relation to the world is specifically interpreted. The norm being the thinking category, i. e. the class of the definite concepts, forms a concept system inside itself, which are either antagonists to the other category, or the intermediary, or a synthesis of the opposite categorical definitions. The principle of *pairing* (dyad) and *trinity* (triad) provides for the norm description not in isolation, but in a complex of the nearest, hierarchically correlated categorical blocks (subsystems). Such “norm” image as of the polymorph formation is characterized by the bulkiness and multivariate, possessing the complex logical structure, and is the result of the reality understanding in the limits of the socially elaborated cognitive models. Norm is not only the totality of the definite principles and statements but a set of plots as well. A person facing a new situation is trying to include it into the previously familiar data structure — a frame. The norm penetrates into

the sub consciousness, which has “sufficiently automatized and because of these unconscious skills and motivational conflicts displaced from the sphere of consciousness”, “social norms absolutely acquired by the person”, “those intuitive manifestations, not related to the generation of the new information” [10]. As a result, the norm as a rule, possesses the null semiotic value: it is well-known, an individual does not have to solve the intellectual problem facing the standard familiar situation, because thanks to his previous experience he has developed the automated actions, thinking inertia, ability to reproduce the norm on the action level. And in contrast, the norm is interpreted every time, de — automation of perception takes place to such an extent, in which their automatic usage is stopped, and when an old fit doesn't work and a new fit is necessary. The norm is transferred into the presupposition, into the phone knowledge, which doesn't demand explication and verbalization, general knowledge of the society. They are aiming at the consolidation of the mandatory, typical, general. This is an invariant of knowledge of the corresponding phenomenon, shared by the community members. This provides for its usage in different situations, typical included. The norm is used for the realizing of the current situation, its development modeling. Thus we may predict, construct the awaiting system if we know the norm. “Common knowledge — are the statements and stable stereotypes dominating in the ordinary consciousness and dictating the evaluation system and determining the world outlook, i. e. everything that the ordinary people take for granted and predetermined in relation to the routine of things” [8].

According to [2], the processes of the human classifying activity, allowing him to “select and compare (identify and distinguish) the objects and events” is the base for the norm conceptualization and categorization. Decisive factors of conceptualization, preceding the categorization, are the knowledge (prevailing world view), ways of the world outlook and understanding of the world by the perceiver, i. e. the “prism”, through which all information comes. Conceptualization process, which is mediated by the linguistic consciousness, is the understanding of the information acquired by a man, and as a result “conceptual system in the brain (psycho) is formed” [2]; structuring and ordering of the system is performed in the process of the categorization. In the narrow sense the process of categorization is the structuring of a phenomenon, object or process into the definite categories of the human experience (the so called *profiling* according to R. Langacker [7], and recognition it as the member of the category; in a broad sense — it's the formation and distinguishing of the categories themselves, division of the outer and inner world of man according to the essential characteristics of its being through minimizing the number of bits and sets. Conceptualization is aiming at the distinguishing of some “minimal units of the human experience” in their ideal content presentation, categorization is focused on the unification of the units, which in some cases reveal likeness or are characterized as identical, into the more large divisions [6].

The norms should be acquired by the individual as his own, they should be “brought out”. Only in this case they will be the basis for the reality perception. Besides availability of the opposition between *due* and *thing* there exist an opposition between the formal norms, which are due to their formality extremely seldom cover the individual completely, and the other norm system, which is true for a certain individual. Consequently, we may speak about declarative and procedure norms, which difference is conditioned by the fact, that the “brought about” norm is based on the explicit knowledge, i. e. personal experience knowledge. This field of knowledge is considered to be more important and valuable (consequently the norms based on it), in comparison with the inexplicit knowledge, which are based on some external source.

The main norm function is an *evaluation* of the certain phenomena, i. e. their comparison with a base. This common function is carried out by private functions of *reflection, measuring, classification, prediction, and control* [3]. Performance of these functions by the norm is confirmed by the results of the logical and philosophical studies and is reflected in the various facts of the language.

Thus, the study of norm in the whole complex of fundamental problems of lingua philosophy, logics, semantics, stylistics, esthetics, psychology and others allows to the following conclusion:

- 1) concept “norm” as a reflection unit and interpretation of reality (physical and mental) by the human consciousness is a dynamic functional forming, determined by the worldview and cultural factors;
- 2) the norm category, ontologically associated with the *sheer* and *due* categories has been developing in the process of the human cognition of the reality and has been obtaining the logical, morphology-syntactical, semantic and cognitive interpretations (conception) in the modern integrated theory of language;
- 3) at the present stage the norm category is a complex cogniolinguistic forming, which special cognitive status is due to the dialectal ambiguity of the interaction between the thinking individual and the reality;
- 4) norm as a multifaceted phenomenon, differing in the source of formation and in the way of generalizing creates a conceptual space providing possibilities to distinguish the certain regularities in the scientific and ordinary forms of the language consciousness; understanding of the norm is based on the principles of *analogy, reproducibility, motivation, and coherence*;
- 5) norm in itself contains a value paradigm, continuity which is the basis of the strength of the world, and the behaviors which are forbidden or recommended to follow; normal functioning of any society requires compliance with a specific set of rules, regulating different spheres of society; *general, private/his and others* in the norm are intertwined;
- 6) methods of forming ideas of norm are fixed in the semantics of words and in the cognitive models, which

correlated with the superficial and deep layers of the content plane; semantic and cognitive plane layers of the “norm” concept are available to the descriptions in the form of models: semantic structures and cognitive models, containing the explicit and implicit interrelated components;

7) reflected notions of the norm is in the meaning of individual words, phraseological units, language clichés, and it is also embodied on the level of syntax constructions; in addition, language units semantic connotations, accompanying the main value are important.

References:

1. Ahlmann E. Das normative Moment im Bedeutungs begriff. *Annales Academiae scientiarum fennicae*. Ser. B, V. X. Helsinki, 7. – 1926.
2. Boldyrev N. N. Cognitive semantics [Когнитивная семантика]. – Tambov, 2000. – 112.
3. Fedyaeva N. D. Norma vs Nenorma = Expected vs Unexpected [Норма vs Ненорма = Ожидаемое vs Неожиданное]. // *The Siberian philological magazine*. – Vol. 2. – 2009. – P. 136–143.
4. Krongauz M. A. Norma: semantic and pragmatic aspects [Норма: семантический и прагматический аспекты]. *Intimate meanings: Word. Text. Culture: Collections in honor of N. D. Arutyunova*. – Moscow, 2004. – P. 137–141.
5. Krysin L. P. Language norm and speech practice [Языковая норма и речевая практика]. // *Domestic notes*. – 2005. – Vol. 2 (23). // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.classes.ru/philology/krysin-0,5htm> (08.08.2011).
6. Kubryakova E. S. Concept. Short dictionary of cognitive terms. In E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Ue. G. Pankraz, L. G. Luzina. – Moscow, 1996. – P. 90–93.
7. Langacker R. Concept, Image, and Symbol. *The Cognitive Basis of Grammar*. – N.-Y., 1991. – 395.
8. Piaget Ge. Speech and thinking of the child [Речь и мышление ребенка]. Moscow-Leningrad, 1932. – 360.
9. Radbil T. B. Norma and anomaly in a paradigm «reality – the text» [Норма и аномалия в парадигме «реальность – текст»]. // *Philological sciences*. – Vol. 1. – 2005. – P. 53–63.
10. Simonov V. P. Motivated brain. Higher nervous activity and natural-science fundamentals of the general psychology [Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии]. – Moscow, 1987. – 180.
11. Uryson E. V. Norma, sample, standard, standard, template: notes about polysemanticism [Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон: заметки о полисемии]. *The Word and language: сб. articles to Yu. D. Apresyan's 80 anniversary*. – Moscow, 2011. – P. 347–358.

*Korepina Natalia Alexeevna,
Candidate of Philological sciences,
Associate Professor, assistant professor
of the Foreign Languages Department for Technical Specialities No. 2,
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia)
E-mail: cosmir@yandex.ru*

The semantics of the word *(One)self*

Abstract: The semantics of the word *(One)self* in the Russian language is examined in the article. The word *(One)self* is analyzed as a core component of the functional and semantic category of *Self* in various contexts.

Keywords: semantics, *Self*, *Oneself*, the functional and semantic category of *Self*, meaning, a pronominal noun.

*Корепина Наталья Алексеевна,
к. фил. н., доцент, доцент кафедры иностранных языков
для технических специальностей № 2, Иркутский Национальный
Исследовательский Технический Университет, Иркутск (Россия)
E-mail: cosmir@yandex.ru*

Семантика слова *сам*

Аннотация: В статье рассматривается семантика слова *сам* в русском языке. Проводится анализ слова *сам* как ядерного компонента функционально-семантической категории самости в разных контекстах.

Ключевые слова: семантика, самость, сам, функционально-семантическая категория самости, значение, местоименное существительное.

В настоящей статье слово *сам* рассматривается как ядерный компонент функционально-семантической категории самости в русском языке [1; 2; 3]. Принято считать, что слово *сам* «пестрит» в текстах, выполняя разнообразные текстовые функции, и имеет немалое число значений [4, 82; 5, 494]. У слова *сам* можно выделить одно инвариантное значение, а подзначения выводить из типов контекстов, которые составляют относительно стандартное и закрытое множество. Это множество значений фактически описано в работах [6, 118–119; 4; 7; 8; 5; 9], которые трактуют эквиваленты русского слова *сам*, а также английского *oneself*.

В русском языке существует местоименное существительное *сам*, которое указывает на лицо или предмет, которые лично, непосредственно производят действие или испытывают какое-либо состояние: *Скажите об этом сами; Всех угощал, а сам и не притронулся; Поезжайте! — А сама? — Я вас догоню!* [10, 1142]. Слово *сам* указывает на лицо или предмет, которые совершают действие самостоятельно, без постороннего вмешательства, а также добровольно, по собственному желанию: *И сама справлюсь!; Все сделаю сам* [11, 106–441; 10, 1142]. Местоимение *сам* употребляется для усиления личных местоимений и отношений лиц, для придания особой важности личной деятельности в значении «не иной кто»: *Сам Бог защитник невинных*; а также в значении «даже, не менее того»: *Я и сам этому не рад. Меня самого обделили*; «лично, отдельно»: *От меня самой пять рублей* [12, 575].

Местоименное прилагательное *самый* употребляется при указательных и личных местоимениях для усиления их значения «именно, как раз»: *Тот самый человек; Вы товарищ Иванов? — Я самый* [10, 1142].

В новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю. Д. Апресяна [13, 351] выделяются синонимичные слова *сам* и *самостоятельно* для обозначения выполнения действия «без чьей-либо помощи»: *Мальчик самостоятельно проявил пленку; Он все делает сам*. По мнению Ю. Д. Апресяна, данные синонимы различаются по следующим смысловым признакам:

1) характеристика субъекта того действия, которое выполняется без чьей-либо помощи (*самостоятельно* предполагает, что субъект не в состоянии выполнять данное действие достаточно хорошо; *сам* предполагает, что субъекту трудно выполнять данное действие);

2) характеристика возможной помощи и ее субъекта (*самостоятельно* предполагает помощь более сильного, более умелого человека; *сам* — помощь со стороны любого человека);

3) указание на то, что у субъекта есть реальная возможность обратиться за помощью (есть только в *самостоятельно*);

4) характеристика действия, выполняемого без чьей-либо помощи (*самостоятельно* предполагает целенаправленные действия; для *сам* это необязательно, ср. *Сам догадается*);

5) возможность употребления, когда речь идет не о человеке (ею в большей мере обладает синоним *сам*).

Синоним *самостоятельно* предполагает, что субъект не может выполнять данное действие достаточно хорошо и поэтому было бы естественно помогать ему: *Больной передвигается самостоятельно; Пока учитель болел, Петя самостоятельно перевел большой текст* [13, 351].

Во всех этих высказываниях на заднем плане присутствует представление о ком-то более сильном, кто мог бы помочь субъекту в случае необходимости. Поэтому именно *самостоятельно* используется в ситуации, когда человек только учится соответствующим действиям и естественно, чтобы им руководили: *Он занимается английским самостоятельно* (т. е. без помощи преподавателя) [13, 351].

Конкретные целенаправленные действия, часть из которых мог бы взять на себя другой человек, могут быть и ментальными. Естественный вид помощи в этом случае — совет: *Он самостоятельно пришел к этому выводу* (без чьего-либо совета или подсказки); *Она самостоятельно закончила исследование* (скорее всего, ей было к кому обратиться за консультацией) [13, 351]. Синоним *самостоятельно* обычно употребляется, когда речь идет о людях, причем субъектом потенциальной помощи тоже является человек.

Для синонима *сам* характерны два круга употреблений. Первый из них тоже предполагает целенаправленные действия субъекта, часть из которых мог бы выполнять кто-то другой. Однако слово *сам* не содержит никакого указания на то, может или не может субъект выполнять данные действия достаточно хорошо — предполагается только, что субъекту таких действий может быть трудно их выполнить [14, 336–338]. Второй круг употреблений синонима *сам* не предполагает, что действия субъекта целенаправленны. Они могут быть практически любыми, а ожидаемое участие в них другого человека может заключаться в каком-либо воздействии на субъект: *Он сам в этом убедился; Петя сам догадался, как решить задачу* [13, 352]. Слово *сам* не подразумевает, что рядом с субъектом действия есть какие-то люди, которые могли бы ему помочь: *Ей пришлось самой колоть дрова и топить огромную печь* [13, 352]. Более того, синоним *сам* необязательно предполагает человека. Если речь идет о целенаправленном действии, то его субъектом может быть и домашнее животное: *Кошка сама открыла дверь* [13, 352]. Однако и в этом случае предполагаемым субъектом помощи данному субъекту или воздействию на него может быть только человек. Что касается нецеленаправленных действий, то их субъектом обычно является человек: *Ребенок засыпает сам* [13, 352]. Уместно отметить, что субъектом воздействия может быть и неодушевленный предмет: *Он засыпает сам, без таблеток* (субъект воздействия здесь — таблетки) [13, 352].

Важно обратить внимание на то, что различия между синонимами в значительной степени нейтрализуются, когда речь идет о целенаправленных действиях субъекта, причем подразумевается, что ему могли бы помочь: *Он пришел*

к этому выводу **самостоятельно** — Он пришел к этому выводу **сам** [13, 352].

Т. Е. Янко показывает, что инвариантное значение позволяет слову **сам** вступать в «семантическую реакцию» с глаголами разнообразной семантики, давая спектр подзначений (*сам знает, сам болеет, сам ест, сам варится*), и выступать в разнообразных дискурсивных фигурах, выходя за пределы предложения [15]. **Сам** — это тот, кого говорящий считает главным действующим лицом в текущий момент времени, точка отсчета глобальной ситуации в целом, например: *Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц. В большой гостиной, сделавшейся кабинетом главнокомандующего, собрались: сам Кутузов, Вейротер и члены военного совета. Они пили чай. Ожидали только князя Багратиона, чтобы приступить к военному совету* [16].

Благодаря своему значению **сам** встречается не только в простых предложениях (*Я сделал это сам*), но и участвует в разнообразных дискурсивных моделях, обслуживающих ситуации сопоставления (*Ибрагим полюбил графиню. Она сама ослабевала*), противопоставления (*Сам дурак!*), сравнения (*Она несет батон такого же размера, как она сама*) [15, 283].

По мнению Ю. Д. Апресяна, местоимение **сам** выполняет функцию контрастной темы, оно само несет логическое (контрастное) ударение, оставляя вершину именной группы фразово безударной: **Сам** Эйнштейн относился к квантовой механике с осторожностью. У слова **сам** есть еще одно лексическое значение, в котором оно, как и в только что рассмотренном случае, имеет ту же самую коммуникативную функцию. Это **сам** сравнимо с наречием *лично* в значении «даже такой важный человек, как X, делал то-то и то-то»: **Сам** патриарх присутствовал на церемонии. В данном примере местоимение **сам** маркирует стоящую справа именную группу как ремю высказывания, на которую падает главное фразовое ударение [17, 336].

Подтверждение данному наблюдению мы находим в работах Т. Е. Янко, по мнению которой, в предложениях типа *Она сама невинность; Он был сам Аполлон*, реализуется неизменная коммуникативная и просодическая структура, при которой **сам** плюс имя, свойства служит ремой предложения и слово **сам** «безударно» [15, 281–303]. Более того, высказывание с **сам** может выражать присоединение или неприсоединение к мнению, содержащемуся в предыдущем высказывании. Если говорящий прямо выражает смысл «а не» — это значит, что он не присоединяется к своему оппоненту, если он прямо говорит *и сам* — это значит, что он соглашается первым. Если ситуация такова, что присоединение или неприсоединение неестественны, то есть показания к той или иной интерпретации. Если ничего этого нет, ситуация остается неоднозначной.

Заметим также, что употребления **сам**, для интерпретации которых не требуется выхода за пределы предложения, в терминологии Т. Е. Янко называются локальными. К локальным относятся собственно эмфатическое (**Сам министр!**) и адвербиальное (**сам постригся**) употребления **сам**. Локальные употребления противопоставлены дискурсивным употреблениям, т. е. таким, для интерпретации которых требуется выход за пределы предложения (*Вот Васина жена. А вот и сам Вася*). Те употребления, которые мы называем, вслед за Т. Е. Янко, контрастивными (*Это сам Вася, а не его жена*), представляют переходную область между локальными и дискурсивными употреблениями, потому что противопоставление Васи его жене может быть эксплицитно выражено в контексте, и тогда перед нами заведомо дискурсивное употребление, а может — и подразумеваться (*Это был я сам* — подразумевается, что никто другой), и тогда можно говорить об имплицитном дискурсивном контексте. Говорить о локальном употреблении в последнем случае, однако, не вполне правомочно, потому что, хотя дискурсивный контекст эксплицитно отсутствует, он подразумевается. Таким образом, контрастивные употребления ближе к дискурсивным, чем к локальным.

Точно также прилагательное **сам**, субстантивируясь, не переходит в местоимение. Прав академик А. А. Шахматов, который в случаях, как **сам** знаю, **сами** знаем, видит только пропуск или невыраженность личного местоимения, вызванные наличностью глагольной формы *знаю, знаем* [18, 89]. Для социальной истории слова **сам** — в значении *хозяин* — представляет интерес такой разговор действующих лиц в пьесе А. Н. Островского «Сердце не камень»: «Аполлинария Панфиловна: Что это вы, Вера Филипповна, точно русалочка из Тележной улицы, мужа-то «сам» называете!

Ольга: Тетенька всегда так.

Вера Филипповна: Мы... люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно? Как его ни называй: муж, хозяин, **сам**, — все он большой в доме.

Аполлинария Панфиловна: Ну, нет, разница. «Хозяин» — уж это совсем низко: у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет; а и «сам» тоже разве уж которые еще в платочках ходят» [19].

Итак, необходимо отметить, что слово **сам** функционирует в ряде контекстов [15], а именно: собственно эмфатическое **сам**; адвербиальное **сам**; контрастивное **сам**; **сам** иерархической интродукции; **сам** инклюзивное; **сам** возврата темы; **сам** говорящего; **сам** в сравнительных конструкциях; **сам** деонтическое; составной рефлексив **сам себя**. Таким образом, слово **сам** имеет широкую сочетаемость, входит в разнообразные контексты с предикатной лексикой и обслуживает многочисленные дискурсивные построения, характеризующие «самостные» проявления человека.

Список литературы:

1. Корепина Н. А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19./Н. А. Корепина. – Иркутск, 2010.

2. Корепина Н.А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/Н.А. Корепина. – Иркутск, 2009.
3. Корепина Н.А. К вопросу о функционально-семантической категории самости, средствах ее выражения в языке и ее структурной организации.//Вестник ИрГТУ. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – № 7 (47).
4. Урысон Е.В. Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики. – М.: Русские словари, 1995.
5. Кибрик А.Е. Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М.: Индрик, 1996.
6. Борисова Е.Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении.//Вопросы языкознания. – 1990. – № 2.
7. Кибрик А.Е., Богданова Е.А. САМ как оператор коррекции ожиданий адресата.//Вопросы языкознания. – 1995. – № 3.
8. Baker C.L. Contrast, Discourse Prominence, and Intensification, with Special Reference to Locally Free Reflexives in British English.//Language. – Vol. 71. – N. 1. – 1995.
9. König E. Towards a Typology of Intensifiers (emphatic reflexives).//XVIth International Congress of Linguistics: Plenary sessions texts. – Berlin: Freie Universität Berlin, 1997.
10. Большой толковый словарь русского языка./под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.
11. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 2001.
12. Толковый словарь русского языка./под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1999.
13. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка./под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
14. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004.
15. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
16. Толстой Л.Н. Война и мир.//[Electronic resource]. – Available from: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/ (дата обращения: 03.07.2008).
17. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2 т. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография./Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995.
18. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941.
19. Островский А.Н. Сердце не камень.//[Electronic resource]. – Available from: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/ (дата обращения: 03.05.2008).

Section 6. Pedagogy

Brahja Anjeza,
Ph. D. Candidate, Center of the Foreign Languages,
Faculty of Physics and Mathematics Engineering,
Polytechnic University of Tirana, Tirana, Albania
E-mail: anjezabr@gmail.com

An analysis of students' best involvement in ESP learning contexts – a case study

Abstract: Teaching is an art of itself. From analyzed data of the open-ended questionnaire conducted with first year engineering and architecture students it is found out that the teacher plays an essential role in the students' progress and in creating a warm and adequate climate to ensure the best acquisition of ESP.

Keywords: ESP contexts, students' involvement, learning activities.

Introduction

Being a successful teacher means that you undertake many roles within the teaching process, all students get involved, are active and show interest throughout the learning process.

Teaching requires constant monitoring and varying degrees of teacher involvement in activities at each stage of the lesson [5, 28]. Needs analysis is like any other classroom practice in that it involves decisions based on teachers' interests, values, and beliefs about teaching, learning and language [6, 113–114]. Thus, a starting point in planning teacher education courses for prospective or actual LSP teachers is a consideration of the types of knowledge and skills that a well-qualified LSP teacher should possess [3, 80].

Teachers [4, 26] working on ESP courses often find that their understanding of the target situation or learners' needs develop as they work on the ESP course and that they use this developing understanding to modify the course. ESP teachers [7, 14] will need a reasonable understanding of the specific discipline as well as "an interest in the disciplines or professional activities the students are involved in. The positive attitude of the teacher towards tasks increases the learners' self-esteem and increases as well the self-confidence of those who lack it" [1, 136–137]. It's believed that a good teacher helps the learner discover strategies of learning [2, 134–150] that best work for them, as for example how to learn the new terms and vocabulary.

The objective of the study

This study intends to investigate the teaching aspects and learning activities that mostly help students being involved and active in the ESP contexts. Students give reasons for their answers.

Materials and method

A questionnaire consisting of open-ended questions was developed in order to collect free opinions of students towards

what helps them acquire new vocabulary and language, what urges them to be active, get involved and participate in the learning process. The questionnaire was conducted to 176 students, respectively 97 first year students studying at the Faculty of Civil Engineering (Civil Engineering, Environmental Engineering, Geodetic Engineering) and 79 first year students studying at the Faculty of Architecture and Urban Planning, Polytechnic University of Tirana.

Results

Approximate opinions have been grouped together. From collected data based on different students' opinion regarding the teaching aspects and learning activities that mostly help them being involved in the ESP context, it is found out that most students' opinions are:

27 % — The devout explanation of the teacher, saying everything in details and always being calm and patient. The assimilation of the lessons in the class. Strategies used by the teacher and the work-groups as well. The teaching experience of our teacher.

18 % — Well-organized seminars, group-works and presentations done in class. Activities done in the teaching/learning process.

15 % — The great desire to learn new English terms related to my own field of study. The teacher's explanation, the vocabulary and studying at home. My will to study as well.

11 % — Interactive teaching and the repetition of the new terms at each lesson.

9 % — The book and the teacher. The explanation of the new terms at the end of the book and the teacher's explanation with words we knew before.

8 % — The usage of CD-s and the glossary of the new terms at the end of each book.

6 % — The teacher and the internet.

4 % — Movies, songs, the teacher.

2 % — Other.

Discussion

From collected data, it comes out that at each students' response, the teacher is considered very important in helping students assimilate and foster life-long learning. Results show that most students believe that the way the ESP teacher explains and the strategies, activities used in the teaching/learning process make it possible for a faster and easier acquisition of new language.

By having a closer look at the results of the table, it's understandable that most responses are associated with the teacher as being the one who directs the different activities performed in class (the book and the teacher, the internet and the teacher, the songs, movies and the teacher, studying and the teacher).

The book and the materials used play an important role in helping ESP students, but from personal experience it must be said that by the way the teacher works with the book, makes it worthy, regardless of the book.

Data shows that students like to have a variety of activities performed in the learning process, sometimes break the norm and have some fun, by listening to songs and watch movies/documentaries etc. It's well worth using these activities as well to enlarge vocabulary and practice language (e.g. by singing, acting, role-playing).

Conclusions

The professionalism of the teacher and the way the teacher conducts the whole teaching process is considered indispensable and very important in the students' progress.

Teachers need to combine the way of conducting the lesson, by having always as a focus the student, by involving the learner at each stage of the lesson, because it can yield positive learning experiences among adult ESP learners as they bring rich experiences.

Different activities should be applied in class, to ensure the learners' active participation, interest, motivation, feedback etc. and it's important that learners take some responsibility for their own learning.

The ESP teacher should be very attentive towards the needs, interests and proficiency level of his students, to ensure an effective teaching. By involving students in some elements of course design, ESP teachers can look forward to enhancing their students' English literacy development as an aid to developing success in their learning.

Teachers should always be energetic, show a positive attitude towards activities performed, and what's more important love teaching.

References:

1. Andromaqi Haloçi, Shpresa Delija, Elida Tabaku, Artur Sula. Didaktika e Gjuhëve të Huaja I. Shtëpia Botuese e Librit Universitar, 2008. – P 136–137.
2. Willis Dave, Willis Jane. Doing Task – Based Teaching: Oxford University press, 2007. – P. 134–150.
3. Gibson Ferguson. Teacher Education and LSP: The Role of Specialized Knowledge, in Teacher Education for LSP, Ron Howard, Gillian Brown. – WBC Book Manufacturers Ltd., 1997. – P. 79–82.
4. Basturkmen Helen. Developing courses in English for Specific Purposes. – Palgrave, Macmillan, 2010. – P. 26–29.
5. Wilson Judith. Task-Based Language Learning, in ESP for the University by David Harper, Milestones in ELT, ELT Documents 123. – Pergamon Press, 1986. – P. 25–28.
6. Hyland Ken. "The Author Replies". Teaching English to Speakers of Other Languages Quarterly, 42, 2008. – P. 113–114.
7. Dudley-Evans Tony, Maggie Jo St. John Dudley-Evans T. and M.J. St John. Developments in English for Specific Purposes: A Multidisciplinary Approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 14.

*Georgiev Vasily Mikhailovich,
Odesa Military Academy,
Instructor, Department
of airborne training, Ukraine
E-mail: georgiev.vasilij@mail.ru*

Features of formation of professional competence of future officers of highly mobile airborne troops

Abstract: The article deals with the specifics of the professional activity of officers of highly mobile airborne troops, highlights the main structural components of professional competence. The author also analyzes the influence of specially organized training on the formation of professional competence of future officers of the Airborne Forces.

Keywords: training, professional competence, the structural components, highly mobile airborne troops, future officers.

*Георгиев Василий Михайлович,
Военная академия, преподаватель,
кафедра воздушно-десантной подготовки
г. Одесса, Украина
E-mail: georgiev.vasilij@mail.ru*

Особенности формирования профессиональной компетентности будущих офицеров высококомобильных десантных войск

Аннотация: В статье рассматривается специфика профессиональной деятельности офицеров Высококомобильных десантных войск, выделяются основные структурные компоненты профессиональной компетентности. Автором так же проводится анализ влияния специально организованного тренинга на формирование профессиональной компетентности будущих офицеров ВДВ.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, профессиональная компетентность, структурные компоненты, высококомобильные десантные войска, будущие офицеры.

Каждый вид военной деятельности имеет свою внутреннюю логику, содержание и выдвигает специфические требования к физическим и психологическим возможностям военнослужащего.

Высокомобильные десантные войска предназначены для охвата противника с воздуха, выполнение боевых задач в его тылу, действий в ходе специальных, антитеррористических и миротворческих операций, и выполнения задач, которые невозможно эффективно решить другими силами и средствами.

Высокомобильные десантные войска также применяются как оперативно-тактические десанты на отдельных направлениях в интересах сухопутных группировок войск в возможных локальных конфликтах.

В мирное время ВДВ занимаются боевой подготовкой, наращивают свою боеспособность, активно участвуют в миротворческих операциях [4].

Вышесказанное удостоверяет, что войска ВДВ Украины представляют мощь и престиж нашей страны на мировой арене и являются на сегодня элитными войсками. Именно поэтому профессиональной подготовке будущих офицеров ВДВ в последнее время уделяется значительное внимание.

Целью данной статьи является анализ особенностей профессиональной компетентности будущих офицеров высококомобильных десантных войск и определение методов её эффективного формирования.

Подготовка будущих офицеров к профессиональной деятельности — это системный и целостный процесс, сущность которого заключается в приобретении знаний, умений, навыков и опыта по защите государства от агрессоров, развития соответствующих профессиональных и личностных качеств, необходимых для будущего офицера.

Учитывая специфику заданий, которые выполняют высококомобильные десантные войска, мы можем утверждать, что профессиональная подготовка офицеров ВДВ происходит в нескольких направлениях: происходит овладение знаниями, умениями и навыками; совершенствуются психические состояния; определяется жизненная позиция

и ценностные ориентации будущего офицера ВДВ; формируется общая стойкость личности; приобретается профессиональный опыт ведения боя, прыжков с парашютом, применение техники, оружия и др.

Таким образом, профессиональная подготовка будущих офицеров высококомобильных десантных войск — это не только приобретение соответствующих профессиональных и психолого-педагогических знаний, умений и навыков, но и развитие личностных качеств с учетом специфики деятельности войск ВДВ, что позволит им выполнять профессиональную деятельность на высоком уровне.

Теоретический анализ понятия «профессиональная компетентность» [2; 3 и др.] показал отсутствие однозначности в трактовке данной категории разными авторами.

Так, профессиональную компетентность как высокий уровень знаний, умений и навыков рассматривают Е. Ф. Эсер, А. А. Дубасенюк, Н. В. Кичук, О. Н. Шахматова, В. А. Ядов и др.

Профессиональную компетентность как готовность личности к осуществлению профессиональной деятельности рассматривают Р. В. Ваврик, В. Р. Веснин, В. В. Косарев, Н. М. Лобанова, В. В. Ягупов и др.

Профессиональную компетентность связывают со свойствами, качествами, новообразованиями личности Л. И. Анциферова, Д. Н. Завалишина, А. К. Маркова, Е. Ф. Рибалко, Н. В. Яковлева и др.

Анализ вышеупомянутых подходов к определению понятия «профессиональная компетентность» позволяет нам сделать вывод, что профессиональная компетентность является базовым качеством профессионала, которое формируется во время профессиональной подготовки.

Под профессиональной компетентностью будущего офицера высококомобильных десантных войск мы понимаем высокий уровень его теоретической и практической подготовки, сформированность соответствующих личностных и профессиональных качеств тактико-специальной подготовки, которые влияют на способность эффективно выполнять профессиональные задания в сфере деятельности данного рода войск.

Профессиональная компетентность военных имеет определённые структурные компоненты. Основываясь на проведенном теоретическом анализе структурных элементов профессиональной компетентности военнослужащих [1; 3 и др.], мы разработали собственную структуру профессиональной компетентности будущих офицеров ВДВ, к которой относим: личностно-мотивационный; тактико-специальный; рефлексивно-аналитический компоненты.

К личностно-мотивационному компоненту мы относим: мотивацию на службу в армии, мотивацию на достижение успеха в профессиональной деятельности, моральные качества и эмоционально-волевые качества.

Тактико-специальный компонент включает: военно-профессиональные знания, знания индивидуальных особенностей подчиненных, умение принимать решение, а также коммуникативно-организационные умения.

Рефлексивно-аналитический компонент включает: умение анализировать собственную деятельность; умение анализировать деятельность подчиненных.

С целью определения состояния сформированности профессиональной компетентности будущих офицеров высококомобильных десантных войск, нами был проведен соответствующий эксперимент. В нём участвовали 182 курсанта 3 курса Военной академии (г. Одесса), которые были распределены на экспериментальную группу и контрольную группу. Нами были выбраны курсанты третьего курса, поскольку именно в этот период много внимания уделяется развитию профессиональных навыков, большинство дисциплин являются профессионально-ориентированными, что способствует формированию профессиональной компетентности будущих офицеров ВДВ.

Сравнение полученных результатов относительно уровня сформированности всех критериев, показало, что у будущих офицеров ВДВ контрольной и экспериментальной групп преобладает удовлетворительный уровень развития всех показателей. Это показывает необходимость целенаправленного формирования структурных компонентов профессиональной компетентности у будущих офицеров ВДВ.

Поскольку деятельность курсантов четко регламентирована, введение в учебную программу военного ВУЗа любого дополнительного спецкурса является проблематичным, потому для формирования профессиональной компетентности нами был разработан соответствующий тренинг с применением активных методов обучения.

Тренинговая работа проводилась нами с курсантами на протяжении двух месяцев. Каждое занятие включало

задания, направленные на развитие и формирование показателей структурных компонентов профессиональной компетентности будущих офицеров высококомобильных десантных войск.

После окончания тренинга было проведено повторное исследование. Выявлено, что высокого уровня сформированности профессиональной компетентности достигли 40 % курсантов экспериментальной группы (было 30,5 %), удовлетворительного — 56 % респондентов (было 47,5 %), на низком уровне осталось 4 % будущих офицеров третьего курса экспериментальной группы (было 22 %).

В контрольной группе высокий уровень сформированности профессиональной компетентности остался на уровне 28 %, удовлетворительного уровня достигли 50 % курсантов (было 49 %), низкий уровень остался у 22 % курсантов (было 23 %).

Проведенный сравнительный анализ результатов показал, что уровень сформированности показателей всех трех критериев профессиональной компетентности будущих офицеров высококомобильных десантных войск, которые принимали участие в тренинге, улучшился.

Для выявления наличия статистической достоверности между данными, полученными в начальном и конечном этапах экспериментального исследования, мы применили *t*-критерий Стьюдента.

В контрольной группе не выявлено статистически достоверной разницы между результатами начального и конечного этапов эксперимента.

В экспериментальной группе по показателям: «военно-профессиональные знания», «знания индивидуальных особенностей подчиненных», «коммуникативные способности», «организаторские способности», «моральные качества», «эмоционально-волевые качества», «рефлексивные умения» выявлены статистически достоверные изменения на уровне $p < 0,05$, а по показателям «мотивация на достижение успеха в профессии», «умения принимать решение» и «умение анализировать деятельность подчиненных» — на уровне $p < 0,01$. Не выявлено статистически достоверной разницы между результатами начального и конечного этапов эксперимента лишь по показателю «мотивация на службу в армии».

Все вышесказанное свидетельствует, что применение специально организованного тренинга с учётом особенностей деятельности офицеров высококомобильных десантных войск положительно влияет на формирование структурных компонентов профессиональной компетентности будущих офицеров ВДВ.

Список литературы:

1. Военная педагогика./под. ред. О. Ю. Ефремова – СПб.: Питер, 2008.
2. Маркова А. К. Мотивация воинской деятельности: содержание и проблемы. – М.: Воениздат, 1994.
3. Образцов П. И., Козачок А. И. Формирование компетентности у военных специалистов в вузе средствами профессионально-ориентированной технологии обучения.
4. Википедия.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uk.wikipedia.org/wiki/>(Название с титул. экрана).

*Makhova Anna Vladimirovna,
Associate Professor of Economics at Kuban State University,
Slavyansk-on-Kuban branch, PhD
E-mail: makhova.av05@yandex.ru*

*Rybkin Alexey Dmitriyevich,
the first-year undergraduate of the course training "Teacher Education",
Master's program "Management of educational organization",
branch of the Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban
E-mail: aleksrybk@yandex.ru*

The analysis of the quality of questionnaire for measuring on a linear scale of the aspect of creativity "complexity" in schoolchildren

Abstract: In this paper an analysis of the quality of the questionnaire of the Study of personality creative abilities by E. E. Tunik has been drawn for measuring of students' difficulties, as one of the aspects of creativity. The measuring has been carried out in the framework of the theory of measurement of latent variables based on Rush model.

Keywords: creativity, latent variables, Rush model.

*Махова Анна Владимировна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры социально-экономических дисциплин,
филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани
E-mail: mahova.av05@yandex.ru*

*Рыбкин Алексей Дмитриевич,
магистрант 1 курса направления подготовки
«Педагогическое образование», магистерская программа
«Управление образовательной организацией»,
филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани
E-mail: aleksrybk@yandex.ru*

Анализ качества опросника для измерения на линейной шкале аспекта креативности «сложность» у школьников

Аннотация: в данной статье был проведен анализ качества опросника Изучения личностных креативных способностей Е. Е. Туник для измерения у школьников сложности, как одного из аспектов креативности. Измерение проводилось в рамках теории измерения латентных переменных на основе модели Раша.

Ключевые слова: креативность, латентные переменные, модель Раша.

Под понятием креативность принято понимать способность порождать принципиально новые идеи, которые обладают абсолютной новизной. Креативность неоднородна, и состоит из множества составных частей. Дж. Гилфорд выделил четыре ее основных характеристики: продуктивность, гибкость, оригинальность и сложность. Рассмотрим подробнее последнюю из четырех характеристик — сложность.

Ученые, занимающиеся исследованием креативности, считают, что оригинальную идею нельзя считать креативной без доказательства ее полезности. Поэтому важно чтобы креативность была востребована, уместна и жизнеспособна. Креативный человек должен, воплощая свои идеи,

видеть, чувствовать и понимать глубинные процессы, связанные с областью приложения его деятельности. То есть видеть мир во всей его сложности и взаимосвязи.

Конструкт «сложность» задается операционально с помощью набора индикаторов, которые представлены в опроснике [1]. Целью исследования является анализ качества опросника как измерительного инструмента для оценивания интегрального показателя «сложность». «Сложность» будет измерена на линейной шкале и использована для сравнения учеников в зависимости от класса, пола и возраста.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– оценить совместимость набора индикаторов, из которых состоит опросник, для измерения конструкта «сложность»;

– определить дифференцирующую способность опросника;

– откорректировать набор индикаторов, если это требуется.

Индикаторы, использованные для операционального измерения интегрального показателя «сложность» приведены в таблице 1.

Таблица 1. — Операциональное определение конструкта «сложность»

№ п/п	Индикаторы
1	Мне не нравится планировать дела заранее.
2	Если что-то не удастся с первого раза, я буду работать до тех пор, пока не сделаю это.
3	Лучше я буду делать все как обычно, чем искать новые способы.
4	Я люблю выяснять, так ли все на самом деле.
5	Некоторые мои идеи так захватывают меня, что я забываю обо всем на свете.
6	Я нервничаю, если не знаю, что произойдет дальше.
7	Я люблю то, что необычно.
8	Я выбираю друзей, которые всегда делают все привычным способом.
9	Мне нравится решать даже такую проблему, которая не имеет правильного ответа.
10	Мне нравится, когда все вещи лежат на своих местах.
11	Мне было бы интересно искать ответы на вопросы, которые возникнут в будущем.
12	Я думаю, что на большинство вопросов существует один правильный ответ.
13	У меня есть много интересных дел как на работе (учебном заведении), так и дома.

В исследовании приняли участие 74 ученика 5-х классов МБОУ СОШ № 39 х.Трудобеликовского. Учащимся предлагалось ответить на вопросы теста, и исходя из степени своего согласия с положительным ответом на вопросы, оценить их следующим образом: 3 — в основном верно; 2 — отчасти верно; 0 — нет; 1 — не могу определиться.

Существует множество способов конструирования интегральных показателей (такие как метод взвешивания, экспертные оценки, индексы). Но все они имеют недостатки, такие как субъективность весов экспертов и нелинейность шкалы. Это делает использование статистических методов анализа, предполагающих линейную шкалу измерения затруднительной. В связи с этим, оценка конструкта «сложность» проводилась в рамках теории измерения латентных переменных. Данная теория на русском представлена в [2].

Для измерения латентной переменной «сложность», была использована модель с фиксированной длиной категорий (модель RSA–Rating Scale Analysis) датского математика Георга Раша. Свойства этой модели подробно рассмотрены в [4].

Выше упомянутая модель с фиксированными промежуточными категориями выполнения заданий имеет следующий вид:

$$\ln\left(\frac{P_{ijk}}{P_{ij(k-1)}}\right) = \beta_i - (\delta_j + \tau_k),$$

где P_{ijk} — вероятность выбора i -м учеником k -й категории в j -ом индикаторе; β_i — местоположение i -го ученика на шкале «сложность»; δ_j — местоположение j -го индикатора на той же шкале; τ_k — длина k -ой категории в каждом индикаторе.

Обработка данных опроса проводилась с использованием диалоговой системы ИАП, разработанной в

лаборатории объективных измерений Кубанского государственного университета [3].

При измерении латентной переменной, главной задачей является проверка совместимости индикаторов, т. е. оценка того, в какой мере индикаторы измеряют одну и ту же латентную переменную, в данном случае «сложность». Совместимость индикаторных переменных проверялась на основе критерия Хи-квадрат. Значение данного критерия оказалось равным 33,68 при степени свободы 26. Эмпирический уровень значимости соответственно равен 0,143, что говорит о совместимости набора индикаторных переменных, а значит, и о пригодности опросника для измерения латентной переменной «сложность». В таблице 2 приведена статистическая характеристика набора индикаторов.

Индикаторы в таблице упорядочены по убыванию их значений на шкале латентной переменной — от наибольшего значения (+0,433), к наименьшему (–0,512).

Не менее важным условием для применения теории измерения латентных переменных является адекватность индикаторов модели измерения. Проверка выполнения данного условия проводилась на основе критерия Хи-квадрат. На практике это реализовывалось следующим образом. Все испытуемые, на основе модели Раша, были разделены на три группы: с высоким, низким и средним уровнями. Далее, определяется среднее значение для каждой из групп и при помощи критерия Хи-квадрат проверяется соответствие этих точек теоретическим значениям, полученным на основе модели Раша.

Значение статистики Хи-квадрат равное 0,05 является критическим для уровня значимости. Если статистика Хи-квадрат для данной переменной меньше этого значения, то ее необходимо исключить из набора.

Таблица 2. – Статистическая характеристика индикаторов

Номер индикатора	Значение индикатора (логит)	Стандартная ошибка (логит)	Значение статистики Хи-квадрат	Уровень значимости статистики Хи-квадрат
1	0,433	0,096	3,365	0,185
3	0,366	0,105	3,629	0,162
5	0,286	0,099	2,398	0,301
8	0,280	0,109	4,264	0,118
9	0,275	0,100	0,576	0,749
12	0,115	0,111	1,312	0,518
6	0,055	0,103	1,264	0,531
11	-0,156	0,114	1,239	0,538
7	-0,226	0,115	2,476	0,289
13	-0,266	0,118	4,416	0,109
2	-0,273	0,135	7,447	0,024
4	-0,377	0,123	0,981	0,612
10	-0,512	0,136	0,313	0,854

Анализируя данные таблицы можно заметить, что все индикаторы, за исключением индикатора № 2, имеют значение статистики Хи-квадрат больше чем 0,05. Но и индикаторная переменная номер 2 совместима с остальными на уровне значимости 0,01. Поэтому можно сделать вывод, что все индикаторные переменные совместимы, и их можно использовать в качестве измерительного инструмента для измерения конструкта «сложность» у учеников.

Для наглядности проанализируем отличительные индикаторы:

- индикатор, который лучше других дифференцирует учеников с низким уровнем сформированности конструкта «Сложность»;
- индикатор, который лучше других дифференцирует учеников с высоким уровнем конструкта «сложность»;
- наиболее адекватный модели измерения индикатор;

– наименее адекватный модели измерения индикатор.

Самыми наглядными отображениями зависимости уровня индикатора от измеряемой латентной переменной, являются характеристические кривые. Рассмотрим характеристические кривые этих индикаторов.

Индикатор № 10 «Мне нравится, когда все вещи лежат на своих местах» характеризует наименьший уровень сформированности конструкта «сложность». Характеристическая кривая данного индикатора изображена на рис. 1.

Приведенный на рисунке график характеристической кривой, как и другие рисунки с аналогичными кривыми имеют следующую структуру.

На оси абсцисс отложены значения латентной переменной «сложность» учеников (в логитах).

На оси ординат отмечены ожидаемые значения индикатора. В данном случае значение индикатора варьируется от 0 до 3.

Номер: 10 Индикатор: Инд.10 Оценка: -0,513 Хи-кв.: 0,314 P(Хи-кв.): 0,855 N=74

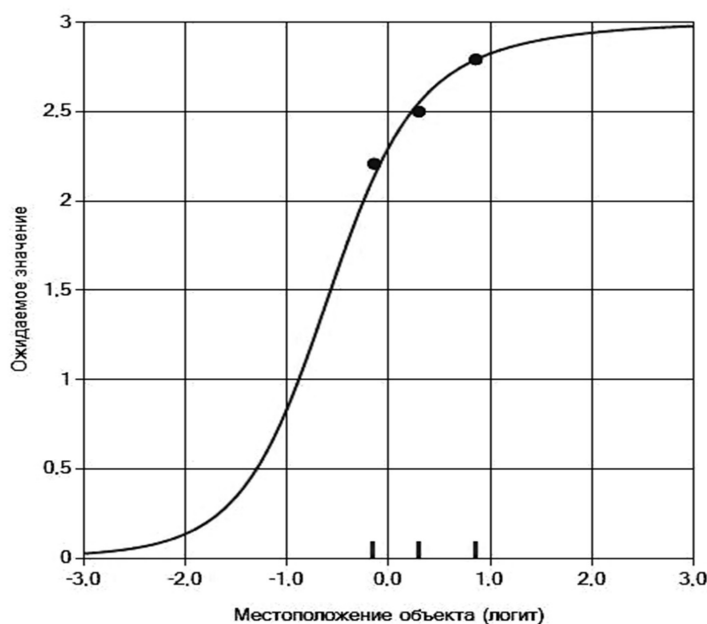

Рис. 1. Характеристическая кривая для индикатора № 10 «Мне нравится, когда все вещи лежат на своих местах»

В верхней части рисунка содержится следующая информация:

- порядковый номер индикаторной переменной (Номер 10);
- название индикатора, в данном, конкретном случае название индикатора выбрано по умолчанию (Индикатор: Инд.10);
- местоположение индикатора на шкале измеряемой латентной переменной (Оценка = $-0,513$);
- значение статистики Хи-квадрат (Хи-кв. = $0,314$);
- уровень значимости статистики Хи-квадрат Р (Хи-кв. = $0,855$);
- объем выборки ($N = 74$).

Этот индикатор лучше других дифференцирует учеников с низким уровнем интегрального показателя «Сложность», об этом свидетельствуют значения индикаторной переменной.

Самый высокий уровень «Сложности» характеризует индикатор № 1 «Мне не нравится планировать дела заранее». Это говорит о том, что данный индикатор лучше других дифференцирует учеников с высоким уровнем «Сложности». Характеристическая кривая индикатора представлена на рис. 2.

Наиболее адекватным модели измерения является индикатор № 10 «Мне нравится, когда все вещи лежат на своих местах». Анализируя рис. 1, можно легко заметить, что экспериментальные точки практически совпадают с теоретической кривой, это подтверждает высокое значение уровня значимости статистики Хи-квадрат ($0,855$).

Наименее адекватным модели измерения является индикатор № 2 «Если что-то не удастся с первого раза, я буду работать до тех пор, пока не сделаю это». Характеристическая кривая этого индикатора представлена на рисунке 3.

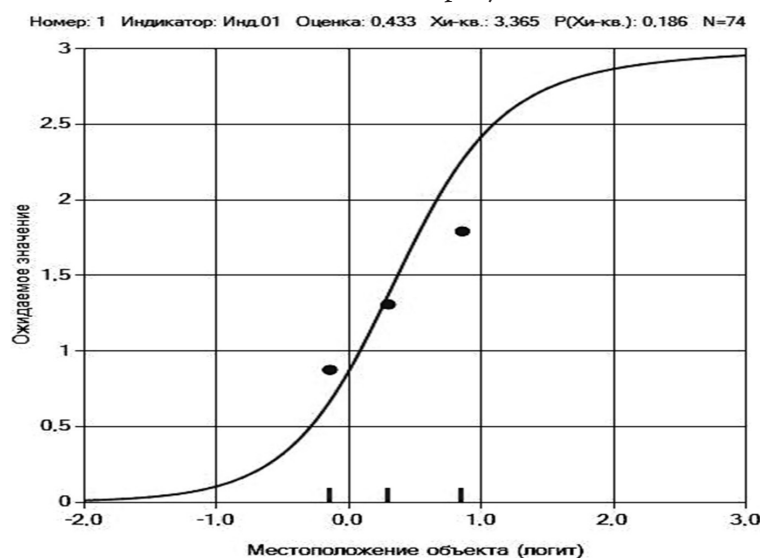

Рис. 2. Характеристическая кривая индикатора № 1 «Мне не нравится планировать дела заранее»

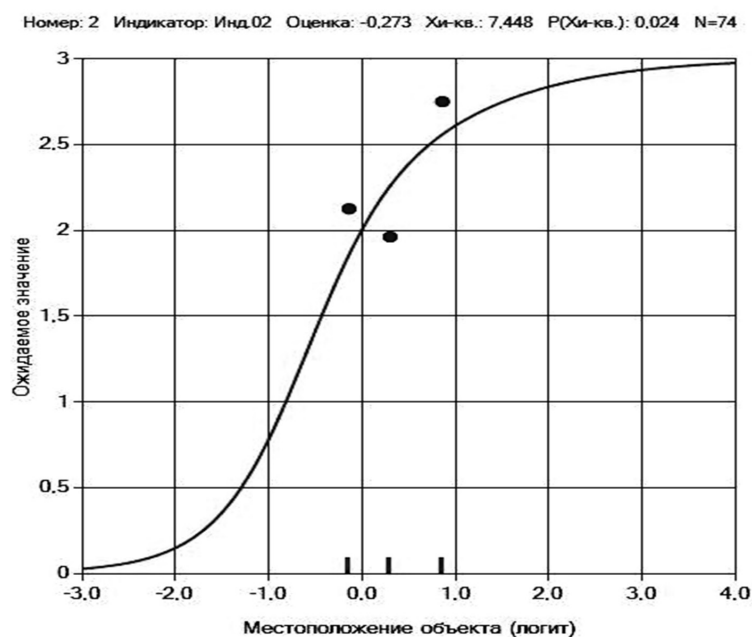

Рис. 3. Характеристическая кривая индикатора № 2 «Если что-то не удастся с первого раза, я буду работать до тех пор, пока не сделаю это»

На графике отчетливо видно, что экспериментальные точки не совпадают с теоретической кривой. Статистика Хи-квадрат (0,024) также говорит о низком уровне значимости данного индикатора, поэтому следует сделать вывод, что индикатор № 2 адекватен модели на низком уровне значимости.

На рисунке 4 графически изображено распределение оценок конструкта «сложность» студентов и индикаторов, характеризующих данный интегральный показатель.

В верхней половине рисунка изображена гистограмма с оценками конструкта «сложность» учеников, в нижней — распределение оценок индикаторов на этой же шкале.

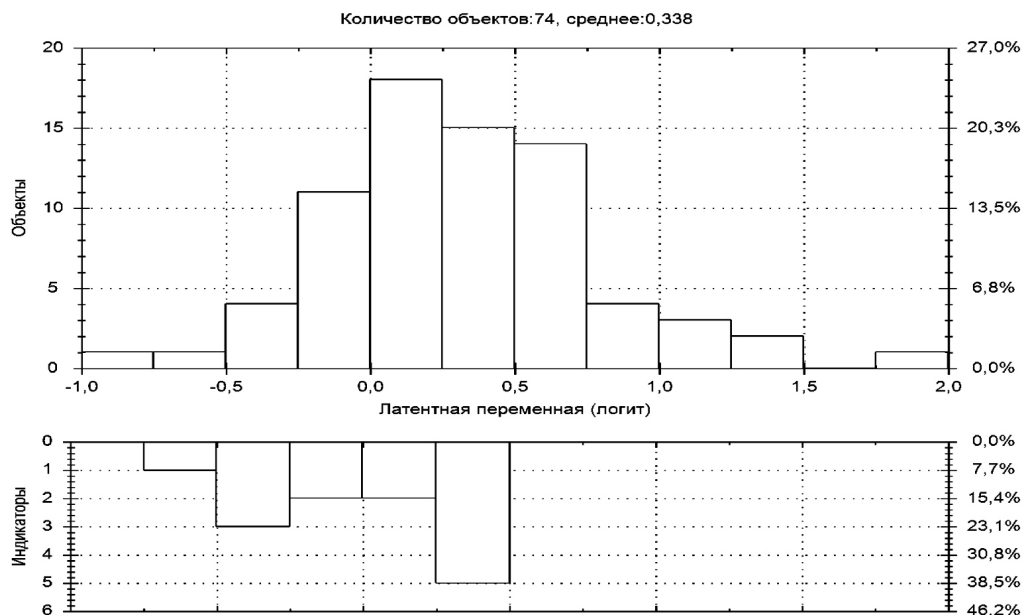

Рис. 4. Местоположение испытуемых и индикаторов на шкале «сложность»

Основываясь на данных диаграммы (рис. 4), можно сказать, что:

- оценки конструкта «сложность» варьируются в диапазоне 3 логит (от –1 логит, до +2 логит);
- диапазон варьирования индикаторов гораздо меньше диапазона варьирования оценок испытуемых — 1,0 логит (от – 0,75 до 0,5 логит);
- индикаторы варьируются в узком диапазоне, поэтому необходимо найти способы расширить диапазон их варьирования. Но, несмотря на все это, методика позволяет эффективно дифференцировать учеников по уровню «сложности».

В связи с тем, что факторы класс (фактор А), пол (фактор В) и возраст (фактор С) качественные, они обрабатывались методом дисперсионного анализа. Полученные в ходе данной процедуры данные представлены в табл. 3.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют о том, что факторы А, Б, и С являются статистически незначимыми. Исходя из этого, можно сделать вывод, что класс, пол и возраст не влияют на значение интегрального показателя «сложность».

В таблице 4 представлены средние значения показателя «сложность» в зависимости от класса, в котором обучаются испытуемые.

Таблица 3. – Дисперсионный анализ интегрального показателя «сложность» в зависимости от пола, возраста и класса испытуемых

Источник дисперсии	Сумма квадратов	Степени свободы	Средний квадрат	Фэксп.	р
Фактор А	0,373	2	0,186	0,825	0,443
Фактор В	0,246	2	0,123	0,544	0,583
Фактор С	0,517	1	0,517	2,291	0,135
Ошибка	15,358	68	0,226		
Всего	16,675	73			

Таблица 4. – Средние значения латентной переменной «сложность» в зависимости от класса

Класс	Среднее (логит)	Объем выборки	Стандартная ошибка (логит)	Нижний порг	Верхний порг
5 «А»	0,342	26	0,123	0,097	0,587
5 «Б»	0,172	24	0,108	–0,043	0,388
5 «В»	0,314	24	0,121	0,072	0,556

Данные, представленные в таблице, позволяют судить о том, что классы несколько различаются по уровню сформированности латентной переменной «сложность»: 5 «А» класс — 0,342 логит; 5 «В» — 0,314; 5 «Б» — 0,172. Но все же данные различия несут незначительный вес, и не могут влиять на общую картину.

Таким образом, проведение измерения уровня сформированности интегрального показателя «сложность» у школьников, как составной части их креативности, с использованием латентной переменной «сложность», которая определялась операционально — через набор индикаторов, в рамках теории латентных переменных,

показывает, что методика изучения личностных креативных способностей Е. Е. Туник, адаптированная авторами, подтвердила свою способность дифференцировать учеников по уровню сформированности интегрального показателя «сложность». Это подтверждается анализом полученных данных. Выбранная методика позволяет дифференцировать испытуемых по уровню сформированности показателя «сложность», хотя индикаторы варьируются в узком диапазоне. С целью повышения качества опросника, набор переменных можно изменить, добиваясь более широкого диапазона варьирования индикаторов.

Список литературы:

1. Диагностика личностной креативности (Е. Е. Туник)/Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., 2002. – С. 59–64.
2. Маслак А. А. Измерение латентных переменных в социально-экономических системах: теория и практика [Текст]: монография/А. А. Маслак. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2007. – 424 с.
3. Маслак А. А., Осипов С. А. Измерение латентных переменных. // Свидетельство о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2013618487. Дата государственной регистрации в Реестре программ для ЭВМ 10 сентября 2013 г.
4. Wright B. D., Masters G. N. Rating Scale Analysis. – Chicago: MESA PRESS, 1982. – 206 p.

*Melnichuk Marina Vladimirovna,
Financial University, Doctor of Sciences, Professor,
Head of the Chair of Foreign Languages-3
E-mail: mvmelnichuk@gmail.com*

*Osipova Valentina Mikhkailovna,
Assistant Professor, Chair of Foreign Languages-3
E-mail: valentinaaios-2012@yandex.ru*

The translation of legal and economic texts: distinguishing features of special terms

Abstract: When translating a text of economic or financial nature the translator should be able to process and understand the information to avoid ambiguities in the produced document. It implies an analysis in the contextual area which has a specific mission of confirming the correct meaning of a given term.

Keywords: translation, economic text, special terms.

*Мельничук Марина Владимировна,
Финансовый университет, Доктор наук, профессор,
заведующий кафедрой «Иностранные языки-3»
E-mail: mvmelnichuk@gmail.com*

*Осипова Валентина Михайловна,
Доцент кафедры «Иностранные языки-3»
E-mail: valentinaaios-2012@yandex.ru*

Проблемы перевода экономических и юридических текстов в контексте особенностей специальных терминов

Аннотация: При переводе экономических и финансовых текстов, чтобы избежать неточностей в завершённом переводе, переводчик должен, в целом, понимать содержание текста. Для точного перевода необходимо проанализировать контекст, который в значительной мере определяет значение термина.

Ключевые слова: перевод, экономический текст, специальные термины.

Экономический перевод — это один из видов специального перевода. В основе его лежит работа с различными материалами экономической тематики. Тексты экономического профиля, безусловно, обладают своими особенностями, которые существенно влияют на процесс и результат перевода. Прежде всего, перевод экономических текстов неизбежно связан с анализом конкретной экономической системы, ее сущности, содержания, форм и т. д., поскольку экономический текст часто представляет различные национальные экономические системы, которые при этом являются частью одной наднациональной экономической системы. Различие экономических систем — главная проблема перевода, в котором необходимо, например, передать европейские экономические реалии средствами русского языка.

С точки зрения адекватности, завершённый перевод документа, издаваемого международной организацией, должен представлять собой текст, передающий содержание документа-оригинала, его семантику, стиль и формат. Переводчик, занимающийся переводом нормативно-правовых документов таких организаций, должен учитывать тот факт, что, в частности, нормативные документы Евросоюза — это законы ЕС, имеющие прямое действие во всех странах-членах ЕС, а так как сама экономическая система ЕС является наднациональной, то ее экономические законодательные акты превалируют над национальными законами.

В целом, адекватный перевод должен передавать содержание, стиль, общий посыл и тон текста-оригинала, однако для того, чтобы корректно отобразить лексические единицы, словосочетания и фразы, входящие в текст документа, переводчик должен использовать корректные формы русского языка, его семантику и терминологию. Качественным можно считать перевод, в котором переводчик сумел передать все нюансы текста-оригинала на грамматически, орфографически и синтаксически правильном русском языке.

Но следует отметить, что к переводу специальных текстов предъявляются дополнительные требования, т. е. при переводе таких текстов должны строго соблюдаться определенные правила, которые можно рассматривать как стандарты. С одной стороны, они, безусловно, облегчают работу переводчика, но с другой — создают определенные проблемы. Работая со специальным текстом, включающим как термины, так и общую лексику, переводчик должен не только соблюдать морфологические, синтаксические и лексические нормы общеразговорного языка, но и учитывать нормы специального языка, который предназначен для выражения специальной информации, изначально рассчитанной на профессионалов. Особенностью специального языка является наличие множества синтагматических единиц и сложных терминологических конструкций, которые создают проблемы при переводе.

Перевод специальных экономических терминов представляет целый ряд сложностей. Многие термины состоят из нескольких лексических единиц, при переводе которых

необходимо не только правильно склонять существительные и образовывать множественное число (это, по сути, рутинная работа переводчика), но корректно располагать элементы, входящие в сложную комбинацию. Хотя одного знания терминологии и недостаточно для выполнения перевода, тем не менее, знание терминологии играет важную роль, так как термины определяют и систематизируют понятия. Они являются своеобразными ключами, организующими, структурирующими и кодирующими специальную информацию

Специалисты отмечают, что между экономическими системами существуют серьезные структурные различия, поэтому часто экономические реалии, понятия и модели одной экономической системы не имеют эквивалентов в другой. Многие экономисты признают, что некоторые термины являются непереводаемыми и для их передачи вполне обоснованно можно использовать заимствования и кальки [3]. Кроме того, различаются понятийные аппараты, используемые в различных экономических системах, что создает трудности, как для экономистов, так и для переводчиков.

Обычно при переводе для поиска соответствующего эквивалента экономического термина и контекста, подтверждающего правильный выбор, переводчик использует двуязычные или многоязычные электронные словари. Если же эквивалент отсутствует, то применяется описательный (экспликативный) перевод или термин заимствуется без изменений из текста-оригинала [3]. Но описательный перевод не является оптимальным решением, так как для передачи содержания документов международных организаций, в идеале, должны использоваться идентичные понятия и категории, отражающие принципы и ценности, которые признаны на всем геополитическом пространстве.

Ниже приведены некоторые профессиональные компетенции (грамматические, социолингвистические, дискурсные и стратегические), которыми должен обладать профессиональный переводчик [1]:

- грамматическая компетенция: знание языковых норм, словаря, правил словообразования, произношения и написания, структуры предложения;
- социо-лингвистическая компетенция: способность понимать и интерпретировать контекст, передавать реальный смысл высказывания;
- дискурсная компетенция: умение понимать и логически выстраивать отдельные высказывания;
- стратегическая компетенция: владение коммуникативными стратегиями, обеспечивающими донесение информации до адресата.

Перевод законодательных, экономических, политических и административных документов международных организаций должен быть строгим в отношении формы и содержания. Повторы, соблюдение структуры и стиля текста-оригинала, составленного на официальном языке международного экономического или финансового

института, свидетельствуют о высоком профессионализме переводчика.

Как правило, основными структурными элементами таких законодательных документов являются: название; преамбула, включающая вводящие слова, ссылки и констатирующую часть; постановляющая часть, включающая общие положения, основные положения, переходные положения, прочие положения и заключительные положения [5].

При переводе вышеуказанных документов переводчик не должен отступать от текста-оригинала, при выполнении такого перевода его роль никоим образом не сводится к интерпретации. Переведенный документ должен формально (по формату и расположению текста) соответствовать

оригиналу. Такой подход позволяет без труда сопоставить любую часть оригинала с переводом. Перевод всех юридических и экономических документов международных организаций должен выполняться в соответствии с этим общепринятым стандартом. С целью иллюстрации соответствия текстов по формату и структуре в таблице ниже приведен фрагмент перевода Регламента Европейского парламента 2015/751 от 29 апреля 2015 года. Таблица 1 демонстрирует строгую параллельность текстов в отношении выравнивания и шрифтового оформления: название документа оформляется прописными буквами жирным шрифтом, все слова пишутся полностью, без сокращений. Переводчику необходимо учитывать эти аспекты оформления при форматировании законченного перевода.

Таблица 1. – Пример перевода Регламента 2015/751

EN	FR	РУС
1	2	3
REGULATION (EU) 2015/751 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL	RÈGLEMENT (UE) 2015/751 DU PARLEMENT EUROPÉEN ET DU CONSEIL	РЕГЛАМЕНТ 2015/751 ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СОВЕТА
of 29 April 2015	du 29 avril 2015	от 29 апреля 2015 г.
on interchange fees for card-based payment transactions	relatif aux commissions d'interchange pour les opérations de paiement liées à une carte	о межбанковских комиссиях для платежных операций по кредитным картам
(Text with EEA relevance)	(Texte présentant de l'intérêt pour l'EEE)	(Текст применим для Европейской экономической зоны)
THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION	LE PARLEMENT EUROPÉEN ET LE CONSEIL DE L'UNION EUROPÉENNE	ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И СОВЕТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
Having regard to the Treaty on the Functioning of the European Union, and in particular Article 114(1) thereof,	vu le traité sur le fonctionnement de l'Union européenne, et notamment son article 114, paragraphe 1,	Руководствуясь Договором о функционировании Европейского Союза и, в частности, параграфом 2 его статьи 80,
Having regard to the proposal from the European Commission,	vu la proposition de la Commission européenne,	На основании предложения Европейской Комиссии,
After transmission of the draft legislative act to the national parliaments,	après transmission du projet d'acte législatif aux parlements nationaux,	После передачи проекта законодательного акта в национальные парламенты,
Having regard to the opinion of the European Central Bank,	vu l'avis de la Banque centrale européenne,	Принимая во внимание мнение Европейского Центрального Банка,
Having regard to the opinion of the European Economic and Social Committee,	vu l'avis du Comité économique et social européen,	С учетом заключения Европейского экономического и социального комитета,
Acting in accordance with the ordinary legislative procedure,**	Statuant conformément à la procédure législative ordinaire,**	Действуя в соответствии со стандартной законодательной процедурой,**
Article 18	Article 18	Статья 18
Entry into force	Entrée en vigueur	Вступление в силу
1. This Regulation shall enter into force on the twentieth day following that of its publication in the Official Journal of the European Union	1. Le présent règlement entre en vigueur le vingtième jour suivant celui de sa publication au Journal officiel de l'Union européenne.	1. Настоящий Регламент вступает в силу на 20-й день после публикации в официальном журнале Европейского Союза.
2. It shall apply from 8 June 2015, with the exception of Articles 3, 4, 6 and 12, which shall apply from 9 December 2015, and of Articles 7, 8, 9 and 10, which shall apply from 9 June 2016.	2. Il est applicable à partir du 8 juin 2015 à l'exception des articles 3, 4, 6 et 12 qui sont applicables à partir du 9 décembre 2015 et des articles 7, 8, 9 et 10 qui sont applicables à partir du 9 juin 2016.	2. Регламент применяется с 8 июня 2015 за исключением статей 3,4,6 и 12, которые применяются с 9 декабря 2015, и статей 7,8,9 и 10, которые применяются с 9 июня 2016.

1	2	3
This Regulation shall be binding in its entirety and directly applicable in all Member States.	Le présent règlement est obligatoire dans tous ses éléments et directement applicable dans tout État membre.	Настоящий Регламент является обязательным в полном объеме и подлежит прямому применению во всех государствах-членах.
Done at Strasbourg, 29 April 2015.	Fait à Strasbourg, le 29 avril 2015.	Совершено в Страсбурге 29 апреля 2015.
For the European Parliament	Par le Parlement européen	От имени Европейского парламента
The President M. SCHULZ	Le président M. SCHULZ	Председатель М.ШУЛЬЦ
For the Council The President Z.KALNIŅA-LUKAŠEVICA	Par le Conseil Le président Z.KALNIŅA-LUKAŠEVICA	От имени Совета Председатель З.КАЛНИНА-ЛУКАЧЕВИК

При переводе юридических и административных терминов, в частности, обозначающих инструменты, призванные обеспечить исполнение законодательных актов и экономических решений, необходимо найти их точные, официально принятые русские эквиваленты. Например, the Court of Justice of the EU (En), la Cour de justice de l'Union européenne (Fr), Судебная палата Европейского союза (Рус); capital account (En), compte de capital (Fr), счёт движения капитала (Рус); current account (En), le compte courant (Fr), текущий счёт (Рус). В противном случае цель перевода — воссоздание подлинника средствами другого языка — не будет достигнута.

В качестве общего замечания стоит отметить, что в русском, английском и французском вариантах документов часто используется идентичная лексика: commission (En), la commission (Fr), комиссия (Рус); inspection (En), l'inspection (Fr), инспекция (Рус); institution (En), institution (Fr), институт (Рус); operation (En), l'opération (Fr), операция (Рус); standard practice (En), la pratique standard (Fr), стандартная практика (Рус).

Помимо вышеупомянутых слов, которые хорошо известны русскоговорящему, широко используются неологизмы, образованные при помощи префиксов, которые хотя и известны носителям языка, используются преимущественно профессионалами: antimonopoly legislation (En), législation antimonopole (Fr), антимонопольное законодательство (Рус); multinational (En), multinational (Fr), транснациональный (Рус); macroeconomic analysis (En), l'analyse macroéconomique (Fr), макроэкономический анализ (Рус); non-resident (En), non-résident (Fr), нерезидент (Рус); non-monetary (En), non-monétaire (Fr), безденежный (Рус). Как видно из примеров, русские эквиваленты могут быть получены путем заимствования, калькирования или прямого перевода [4].

В целом, неологизмы, которые были созданы для обозначения новых европейских понятий и реалий, можно разделить на следующие категории:

1) неологизмы с корнем euro: euro-area, Eurobank, Eurobond, Euromarket;

2) неологизмы для обозначения международных институтов [2, 7]: (Fr) le Système fédéral de réserve (En)

Federal Reserve System, (Рус) Федеральная резервная система; (Fr) Service européen d'action extérieure, (En) European External Action Service, (Рус) Европейская служба внешних действий; (Fr) la Cour des comptes européenne, (En) European Court of Auditors, (Рус) Европейская счётная палата; (Fr) l'Office européen de sélection du personnel, (En) the European Personnel Selection Office, (Рус) Европейское управление по подбору персонала; (Fr) la Banque Centrale Européenne, (En) The European Central Bank (ECB), (Рус) Европейский Центральный Банк (ЕЦБ);

3) неологизмы, в состав которых входят имена собственные или топонимы: Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights, Obama's healthcare, Schengen visa;

4) неологизмы-аббревиатуры: GAAP — generally accepted accounting principles, PIBOR — Paris Interbank Offer Rate, FRS — Financial Reporting Standard, EIF — European Investment Fund, IMF International Monetary Fund;

5) неологизмы, заимствованные из других языков или специальной терминологии: comitology — комитология (система многочисленных комитетов, созданных Советом министров при Европейской комиссии, в которых отслеживается исполнение принятых законодательных решений ЕС); democracy-building — укрепление демократии.

Трудность перевода заключается в том, что одни и те же термины относятся к различным областям и, как правило, для поиска соответствующего эквивалента требуется анализ текста и поиск источников дополнительной информации [2, 6]. В принципе термин однозначен. Однако чистые термины очень редки. Чаще слово-термин обладает несколькими значениями. Например, слово security может стать лингвистической ловушкой, т. к. необходимо сделать выбор из имеющихся вариантов перевода: security — безопасность, защита данных, обеспечение кредита, ценные бумаги.

Между тем, существуют строгие правила перевода текстов международных организаций, некоторые из которых приведены ниже:

1) наименования институтов, принимающих решение, переводятся без сокращений (сокращения допускаются только в оригинале): THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION —

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И СОВЕТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА;

2) перевод оформляется в соответствии с нормами русского языка в отношении написания заглавных букв в названиях международных структур и организаций, например, European Data Protection Supervisor (все слова на английском языке пишутся с заглавной буквы, чего не следует делать в русском варианте) — Европейский инспектор по защите данных;

3) географические названия регионов, мест и т. д., а также даты на документах переводятся в соответствии с действующими стандартами, например, Done at Brussels, 3 March 2015 — Совершено в Брюсселе 3 марта 2015 года; the Brussels Agreement — Брюссельское соглашение;

4) имена собственные и должности подлежат переводу, т. к. являются частью переводимого документа.

Завершенный перевод должен адекватно передавать содержание текста-оригинала с соблюдением

семантических, грамматических, стилистических и орфографических норм. Эволюция политических, экономических и социальных отношений в направлении интернационализации неизбежно влияет на экономический словарь. Переводчик должен учитывать эти изменения, которые, в конечном счете, приведут к унификации экономического словаря. Гармонизация экономической системы — взаимное согласование, сведение в систему, координация, упорядочение и обеспечение взаимного соответствия экономических процессов, отношений, товаров, налогов — является важным фактором, существенно влияющим на работу переводчика. Для адекватной передачи экономических реалий с иностранного языка на русский требуются, если не специальные, то хотя бы некие фоновые знания в сфере экономики, а также представление о сложившейся экономической картине в Европе и мире. В противном случае переводчик не сможет адекватно передать содержание документов и экономических текстов.

Список литературы:

1. Bell Roger. Translation and Translating: Theory and Practice: Longman. – London and New York, 1991.
2. Глоссарий по европейской интеграции (термины договоров и соглашений Европейского Союза на английском, русском, французском, немецком и нидерландском языках). – Москва: “Интердиалект+”, 1998.
3. Хометковская А. Г. Instruments terminologiques informatisés: avantages et qualité. В: Сборник статей научной сессии XIII Невские чтения «Язык и общество: проблемы, поиски, решения». – Санкт-Петербург: Невский Институт языка и культуры, 2011, – С. 237–247.
4. Newmark P. A Textbook of Translation. – London: Prentice Hall, 1998.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/oj/direct-access.html?locale=en>
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusetsky.com>
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/about-eu/institutions-bodies/index_en.htm

*Movchan Dmytro Olegovitch,
Dnipropetrovsk Alfred Nobel University,
Aspirant, Lehrstuhl für Allgemein-und Sozialpädagogik
E-mail: movchan.dima@mail.ru*

Die Bildung von Magistern im Bereich Zoll: internationaler Kontext

Абстракт: In diesem Artikel werden die Arten von Bildungssystemen für Magister im Bereich Zollwesen auf der internationalen Ebene betrachtet. Es wird theoretisch die Bildung von Magistern im Bereich Zoll begründet und analysiert.

Stichwörter: Magister, Bildung, Bildungssystemen, Bereich Zoll.

*Мовчан Дмитрий Олегович,
Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля,
аспирант, кафедра общей и социальной педагогики,
E-mail: movchan.dima@mail.ru*

Подготовка магистров в сфере таможенного дела: международный контекст

Аннотация: В данной статье рассматриваются виды образовательных систем подготовки магистров в сфере таможенного дела на международном уровне. Теоретически обосновывается и анализируется подготовка магистров в сфере таможенного дела.

Ключевые слова: магистр, подготовка, система подготовки, сфера таможенного дела.

Мировые проблемы глобализации и регионализации значительно повлияли на вопросы реформирования и модернизации таможенных служб. С целью решения указанных задач Всемирная таможенная организация (ВТамО) разработала операционную стратегию по упрощению институциональных возможностей таможенных администраций стран — членов ВТамО (<http://wcoomd.org>). В этом контексте значимая роль была отведена региональной учебной сети ВТамО и национальным учебным заведениям в сфере таможенного дела. В связи с этим следует отметить усиливающееся внимание ученых к проблемам модернизации таможенных служб, механизмам и инструментам их институционального развития [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Так, международные организации, среди которых ВТамО и Европейский союз (ЕС), посвятили ряд исследований разработке компетенций таможенных офицеров в русле поиска эффективных механизмов и инструментов институционального развития таможенных администраций. Для нашего исследования значительный интерес представляют труды ученых, в которых изучаются вопросы профессиональной компетентности, профессиональной подготовки специалистов а условиях вуза (Т. Билоус, О. Василенко, А. Гордеева, Г. Девьятова, И. Измествева), проблемы непрерывного профессионального образования сотрудников таможенных органов (А. Беляева, О. Конькова, В. Леднев, М. Махмутов, О. Мельников, А. Крупченко, Е. Павленко), опыт внедрения международных профессиональных стандартов ВТамО в профессиональную подготовку таможенников (Е. Павленко, О. Трякина), направления развития академическоho обучения специалистов в сфере таможенного дела (Д. Виддоусан, Е. Павленко), инновационные методы и модели профессионального обучения в сфере таможенного дела (Л. Дебок, С. Дженнард, А. Поро, Е. Павленко), проблемы разработки национальных стандартов в соответствии с Профессиональными стандартами ВТамО [10]. Например разработка образовательно-квалификационной характеристики “магистра” в сфере таможенного дела, осуществленная в Украине [11].

Однако в достаточно полном объеме еще не было проведено исследований и теоретического обоснования подготовки магистров в сфере таможенного дела на международном уровне, что и является целью данной статьи.

По мнению ученых (Е. Гармаш, О. Нагорычная, Е. Павленко, О. Трякина), отечественная система подготовки магистров в сфере таможенного дела требует критического переосмысления и сопоставления с существующими лучшими международными практиками, обновления ее содержания на основе международных профессиональных стандартов. С целью перенять лучший международный опыт мы рассмотрели международную структуру профессионального образования таможенников.

В данном исследовании феномен “профессиональная подготовка” трактуется как “процесс получения образования соответствующего образовательно-квалификационного

уровня (бакалавр, специалист, магистр) по специальностям, которые обеспечивают деятельность таможенных органов [12, 156] на соответствующих международной или национальной рамке квалификаций уровнях; как “процесс овладения комплексом специальных знаний, умений и навыков, которые необходимы для выполнения профессиональных функций” [12, 41], и как система организационных и педагогических мероприятий, которая обеспечивает формирование у будущего профессионала в сфере таможенного дела профессиональной компетентности и готовности к деятельности.

Как было отмечено, уже были сделаны первые попытки проанализировать структуру и методы профессиональной подготовки таможенников. Так, сравнительное изучение профессиональной подготовки в шести странах ЕС (Германии, Испании, Италии, Нидерландах, Объединенного Королевства и Франции), проведенное Международным институтом государственного управления, представило анализ типов, содержания и методов профессионального обучения таможенных офицеров. Результат этого исследования показал, что каждая страна реализовывает свою систему подготовки таможенных кадров, однако можно говорить о превалировании двух моделей подготовки — немецкой и французской. Детально они были описаны Е. Павленко [12]. Ученой было проведено также детальное исследование структуры, содержания, методов, форм и этапов становления национальной системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов Государственной таможенной службы Украины в период 1993–2010 гг. [12, 140–198].

В ходе нашего исследования было выявлено, то профессиональная подготовка в сфере таможенного дела осуществляется на различных уровнях (показатели по странам-членам ВТамО, состоянием на 2011–2014 гг.): на международном — в аккредитованных ВТамО вузах (30 % от всех образовательных услуг в указанной сфере), региональном (10 %) и национальном (60 %).

На международном и региональном уровнях профессиональная подготовка личного состава таможенных администраций осуществляется при помощи механизмов и инструментов ВТамО с целью унификации и имплементации международных профессиональных стандартов таможенников через аккредитованные ВТамО заведения высшего образования (академические программы пяти вузов мира — Мюнстерского университета (Германия), Университета Канберры (Австралия), Университета Коста-Рики (Коста-Рика), Рижского технического университета (Латвия) и Санкт-Петербургского института бизнеса и права (Россия) — признаны ВТамО как такие, которые соответствуют требованиям международных профессиональных стандартов таможенников). Исследование подтвердило, что Центр таможенных и акцизных исследований Университета Канберры является международным лидером по подготовке магистров по узкоспециализированным

направлениям, таким как: международное таможенное право, таможенное администрирование, регулирование таможенных сборов, управление границами. Аккредитованный ВТамО, Центр играет ключевую роль в создании учебных программ очной формы обучения магистров и в развитии системы дистанционного образования в сфере таможенного дела.

На региональном уровне механизмами ВТамО для координации действий по унификации и имплементации международных профессиональных стандартов таможенников выступают: Региональные офисы модернизации (ROCB), которые координируют и направляют в регионах процесс институционального развития таможенных администраций стан-членов ВТамО; Региональные учебные центры (RTC), которые помогают в имплементации стратегии ВТамО на региональном уровне, в том числе в вопросах подготовки и повышения квалификации кадров

в рамках региональных программ. Кроме того, отдельные вузы, например, Институт менеджмента Восточной и Южной Африки (ESAMI), Университет таможенного дела и финансов (до 01.06.2015 — Академия таможенной службы Украины), Российская таможенная Академия — предоставляют возможность студентам из других стран своего региона получать высококачественную подготовку в сфере таможенного дела.

Таким образом, профессиональная подготовка в сфере таможенного дела осуществляется на международном и региональном уровнях на основе принципа имплементации международных профессиональных стандартов с учетом систематического обновления учебных материалов соответственно современным международным практикам, с использованием инновационных методов и технологий, электронных учебных инструментов, разнообразных источников обмена информацией и опытом.

Список литературы:

1. Pavlenko Olena. Facilitation and security of international trade: innovative mechanisms and Instruments/O. Pavlenko, O. Triakina, E. Garmash, E. Bogdanova, V. Jeifets, I. Babayev, P. A. Cucino, P. Zafeiropoulos//Customs Scientific Journal. — Днепропетровск: Академия таможенной службы Украины. — № 1. — 2013. — С. 15–45 (англ.), С. 102–138 (рус.).
2. Павленко О. О. Концептуальні основи розробки й упровадження міжнародних стандартів, механізмів та інструментів (на прикладі Професійних стандартів Всесвітньої митної організації).//Право та державне управління: зб. наук. пр. — Запоріжжя, 2012. — № 1 (6). — С. 109–114.
3. Pavlenko Olena. Implementation of the international standards: conceptual approach./Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Серія: Педагогічні науки. — Л.: ЛНУ, 2013. — № 1. — С. 131–147.
4. Павленко О. О. Механізми та інструменти інституційного розвитку митних адміністрацій./О. О. Павленко//Матеріали науково-методичного семінару “Впровадження міжнародних стандартів шляхом використання платформи електронного навчання ВМО”, Ч. 1, Академія митної служби України. — Дніпропетровськ, 2012. — 16 с.
5. Трякіна О. О., Єдинак Т. С. Презентація платформи електронного навчання ВМО CLiKC/О. О. Трякіна, Т. С. Єдинак//Матеріали науково-методичного семінару “Впровадження міжнародних стандартів шляхом використання платформи електронного навчання ВМО”, Ч. 2, Академія митної служби України. — Дніпропетровськ, 2012. — 18 с.
6. Buyonge C. East and Southern Africa benefits from new MBA with Customs specialization./WCO News. — October 2011. — № 66. — P. 38–39.
7. CLiKC, the Customs Learning and Knowledge Community. 2011./[Електронний ресурс]. — Режим доступа: <http://clikc.wcoomd.org>
8. Poro A. European Customs training community benefits from new knowledge sharing tool./WCO News. — February 2011. — № 64. — P. 32–33.
9. Widdowson D. Raising the academic standing of the Customs profession./WCO News. — February 2011. — № 64. — P. 29–30.
10. PICARD. Professional Standards. — World Customs Organization, Brussels, 2008. — 46 p.
11. Пашко П. В., Гармаш Є. В. та ін. Рекомендації державної митної служби України до варіативних частин освітньо-професійних програм підготовки магістрів для митної служби./П. В. Пашко, Є. В. Гармаш та ін.//Академія митної служби України. — Дніпропетровськ, 2010. — 39 с.
12. Павленко О. О. Формування комунікативної компетенції фахівців митної служби в системі неперервної освіти: дис. ... докт. пед. наук: спец. 13.00.04 “Теорія і методика професійної освіти”/О. О. Павленко. — Дніпропетровськ, 2010. — 539 с.

Ordina Larissa Leonidovna,
Ph. D., Belotserkovskii National Agrarian University
E-mail: Larisaordina@ukr.net

The essence and structure of a higher education institution cultural creative environment

Abstract: The paper aims at studying the nature of cultural creativity, defining the cultural creativity environment essence and its structural components in a higher education institution, i. e. ideological intelligence, values orientation, communicative interaction and object — structural constituents.

Keywords: cultural creativity, cultural and creative environment, structure, component.

Ордина Лариса Леонидовна,
кандидат педагогических наук,
Белоцерковский национальный аграрный университет
E-mail: Larisaordina@ukr.net

Сущность и структура культуротворческой среды вуза

Аннотация: Целью данной статьи является изучение природы культуротворчества, определение сущности культуротворческой среды, ее структурных составляющих в высшем учебном заведении: мировоззренчески-интеллектуального, ценностно-ориентационного, коммуникативно-интерактивного, предметно-структурного компонентов.

Ключевые слова: культуротворчество, культуротворческая среда, структура, компоненты.

В современном мире науки и общества актуальной задачей высшей школы остаются вопросы определения культурно-образовательных ценностей, которые необходимы для всестороннего развития и совершенствования личности.

Концептуальная идея нашего исследования заключается в признании культуротворческой среды вуза как явления, которое отражает особенности и ценностные установки современного общества, обеспечивает динамическое отображение действительности, регуляцию и ее преобразование, формирование опыта, построение модели мира.

Целью данной статьи является изучение природы культуротворчества, определение сущности культуротворческой среды, ее структурных составляющих в высшем учебном заведении.

В современной педагогике понятие «культуротворчество» активно вводится в учебный и методический процессы. Для того, чтобы определить механизмы формирования культуротворческой среды вуза мы рассмотрим природу культуротворчества, потому что, именно эта категория раскрывает глубинные интенции феномена культуротворческой среды (далее — КТС).

Ученые в разные времена критерием творческих поисков называли изготовление нового продукта (И. Гердер, К. Маркс, Р. Вайсберг.) Они рассматривали культуротворчество как экзистенциальное самоопределение человека, обосновывали историческое формирование художественного образа культуротворческой деятельности, в частности отмечали абстрагирование практики культурной

деятельности первобытного человека как имитационного испытания.

Э. Гуссерль определяет стиль культуротворчества как прием, метод, контекст которого совпадает со стилем человеческого существования [1]. Таким образом, культуротворчество имеет глубинные антропологические корни, которые воспроизводят эволюцию человека.

В украинской философской школе заложена традиция выделения и актуализации различных аспектов формализации понятийного аппарата категории «культуротворчество». В частности, в трудах и отдельных публикациях В. П. Андрущенко, Ю. Л. Афанасьева, Н. В. Хамитова проводится экзистенциальное разделение между понятиями культуротворчество и житнетворчество [2, 79–80].

Фундаментальную работу, в которой непосредственно раскрыта природа, системы, процессы культуротворчества представлено отечественным философом В. Н. Леонтьевой. В работе «Культуротворческий процесс: обоснование и начала» автор отмечает, что единицей культуротворческого процесса является культурный акт как утверждение культурного явления (единства содержания и культурной формы) [3, 56–57].

Культуротворчество, по нашему мнению — это способность человека к творчеству. В развитии способностей личности важную роль играют психологические факторы, поскольку их понимают как «характеристику индивида со стороны психических явлений, обуславливающих успешность его деятельности» [4, 461]. Г. С. Костюк отмечает зависимость способностей от мотивации: «Способность личности успешно выполнять всякую

деятельность не существует вне связи с тем, что побуждает ее к этому» [5, 311–312].

Решая творческую задачу, индивид использует широкую гамму своих творческих способностей, для чего нужен устойчивый и сильный уровень внутренней мотивации, которая является объективной характеристикой личности.

Мотивация важна в обучении, поскольку последствия ее исследования занимают одно из центральных мест в планировании процесса формирования возможных перспектив, развития, появления черт личности, которые отвечают социальным требованиям. Это означает, что для успешной мотивации студента в творческой деятельности нужно определить такие его потребности, которые формируют и контролируют его поведение.

Способность к творчеству как наивысший дар человека не может развиваться в том случае, когда отсутствует дифференциация обучения в зависимости от способностей личности. То, что творчеству можно научить, не вызывает сомнений. В культуротворческой среде творческие способности студентов определяются как:

- Потребность и умение наращивать новые знания для совершенствования профессиональной деятельности;
- Стремление к самореализации, к воплощению в производственной практике своих возможностей.

Уменьшение предвзятых и навязанных мнений и суждений, увеличение потока информации обеспечивают необходимую свободу действий. Как следствие этого, будущий специалист приобретает очень важные педагогические умения: готовность к реагированию на непредсказуемое, принятие самостоятельных решений и способность нести за них ответственность; критический подход к оценке своих и чужих действий.

Основными направлениями, которые способствуют активизации творческих способностей студентов в культуротворческой среде, являются:

- Привлечение студентов к ценностям культуры.
- Помощь студентам в развитии творческого потенциала, способностей, самореализации в высшем учебном заведении, культуротворческой среде, будущей профессии.

Теоретический анализ позволил выдвинуть предположения о том, что развивать творческие способности будущих специалистов в культуротворческой среде вуза можно при следующих условиях:

1. Наличие комплекса общих черт личности: эрудированности, чувства «нового», активности, широты и гибкости мышления.
2. Расширение самообразовательных и самоконтролирующих подходов к познанию.
3. Самоанализ как один из основных условий эффективности процесса организации самостоятельной работы.

Таким образом, мы считаем, что способность к культуротворчеству можно определить как синтез свойств и особенностей личности, способной, во-первых, использовать свой личный потенциал, опыт, как способ индивидуального

достижения культуры, во-вторых, превращать и трансформировать культурные ценности в профессиональной деятельности посредством взаимодействия с другими субъектами. Для того, чтобы сформировать способность к культуротворчеству, нужна специфическая среда, в которой субъект сможет такие способности развивать.

В нашем исследовании культуротворческая среда вуза рассматривается как система жизнедеятельности, которая включает взаимосвязанную совокупность учебной и досуговой деятельности студентов и преподавателей, формирует их культурно-образовательное мышление, актуализирует ценностные ориентации, реализует творческий потенциал и обеспечивает валеологические факторы профессионально-учебного функционирования.

Культуротворческая среда базируется на гуманистических, демократических ценностях и создает условия для развития культурно-субъектного процесса образования на основе актуализации профессионально-творческой деятельности для саморазвития, самоопределения и самореализации личности. КТС становится условием гуманистического образования, которая формирует интеллигентность личности в ориентации на культурные традиции и духовные ценности.

Сущность КТС приводит к рассмотрению целостной системы структурных компонентов и элементов, взаимосвязанных между собой и построенных в иерархической зависимости.

Наличие *мировоззренчески-интеллектуального компонента* в КТС свидетельствует о сформированности глобального типа сознания участников образовательного процесса, научных представлений об основных закономерностях мира и общества в нем, понимании смысла собственного бытия, обеспечении своей индивидуальности, развитии творческого мышления, как формирования целостной личности.

Мировоззренчески-интеллектуальный компонент КТС выступает динамическим отражением действительности и ее преобразованием, построением модели мира, регуляцией действительности. Это накопление творческого потенциала личности в процессе познавательной деятельности, которое органично сочетает приобретенный опыт (знания, умственные навыки и умения, способности, одаренность, умение творчески решать новые задачи, проницательность, сообразительность, любознательность, языковое совершенство, свойства мышления, эрудированность) и способность самостоятельного его приобретения и творческого применения на практике. Включает элементы: теоретико-практические и логично-образные, а их взаимодействие обеспечивает целостность и актуализацию творческого потенциала личности.

Одновременно мировоззренчески — интеллектуальный компонент шире системы знаний, так как обеспечивает, прежде всего, сознательное отношение к действительности.

Основой *ценностно-ориентационного компонента* КТС являются ценности и ценностные ориентации, которые представляют ядро социо-культурной системы и

включают субъекта в познание. Ценностная ориентация представляет духовное начало, определяет мировоззрение и является производной частью общего человеческого духа. Рассматривая духовные ценности в аспекте формирования содержания образования, мы установили, что в них заключен богатейший содержательный потенциал для развития значимых профессиональных качеств. Ценностно-ориентационный компонент отражает диалектический процесс взаимодействия традиций и инноваций в КТС вуза.

Усваивая ценности КТС и превращая их в ценностные ориентиры, мотивационные силы своего поведения, человек становится активным субъектом общественной деятельности.

Коммуникативно-интерактивный компонент базируется на общении как обмене информацией и на педагогическом взаимодействии в действии, имеет диалоговый характер.

Коммуникативно-интерактивный компонент служит определению основных путей развития интерактивного обучения в КТС, а именно:

- применение методов традиционных компьютерных обучающих систем, компьютерных вопросов-ответов;
- развитие методов информационного ресурса на базе технологий гипертекста, гипермедиа, мультимедиа и др.;

- развитие интерактивного обучения на базе телекоммуникационной сети;
- использование спутниковой связи в процессе дистанционного обучения;

Коммуникативно-интерактивный компонент характеризует КТС как условие для создания реальной ситуации субъект-субъектного взаимодействия, а важнейшей характеристикой взаимодействия выступает совместное принятие и реализация решений.

Предметно-структурный компонент КТС предусматривает архитектурно-эстетическую организацию жизненного пространства студентов и преподавателей, включает символическую и пространственно-семантическую нагрузку. В архитектурном плане вуз должен быть индивидуальным и универсальным, так как, через материальную культуру человек включается в поток времени, связывает ее с прошлым и настоящим.

Предметы и предметные структуры, визуальное наполнение КТС вуза, значимые для субъектов образовательного пространства влияют на регуляцию действия в отношении их владельцев или создателей (плакаты, стенды, уголки культурной идентификации). Важным элементом КТС считаем стимулы среды: цвет, свет, звук, ароматы, материал.

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. // Вопросы философии. – № 3. – 1986. – С. 108.
2. Хамитов Н. В. Философия человека: поиск пределов. / Хамитов Н. В. – К.: вид-во КПИ, 1997. – С. 79–80.
3. Леонтьева В. Н. Культуротворческий процесс: основания и начала. – Х.: изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2003. – С. 56–57.
4. Здібності // Загальна психологія / М'ясоїд П. А. – К.: „Вища школа”, 2001. – С. 416–432.
5. Костюк Г. С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості. – К.: Рад. шк., 1989. – С. 98–193, 307–373.

*Paskalenko Vitaly Vladimirovich,
Nickolayev transport infrastructure college,
teacher of economics
E-mail: paskalenko_vitalii@mail.ru*

Rymins life story and his enlightening activity

Abstract: This article analyzes some facts which influenced on the formation Ryumins outlook as an enlightener and teacher at secondary technical schools at the beginning of the 20th century.

Keywords: outlook, formation, familys influence, secondary technical schools, enlightening activity.

*Паскаленко Виталий Владимирович,
Николаевский колледж транспортной инфраструктуры,
преподаватель экономики
E-mail: paskalenko_vitalii@mail.ru*

Жизненный и творческий путь В. Рюмина

Аннотация: В статье раскрыт жизненный путь В. Рюмина и проведен анализ факторов, которые повлияли на формирование его мировоззрения просветителя естественных наук и педагога в средних технических учебных заведениях начала XX века.

Ключевые слова: мировоззрение, влияние семьи, учебные заведения, просветительская деятельность.

Цель исследования: Изучение педагогического наследия В. Рюмина связана с раскрытием факторов, которые способствовали формированию мировоззрения персоналии. В статье рассматривается, как влияла на формирование личности В. Рюмина его семья и учебные заведения, в которых он проходил обучение. Кроме того, установление периодизации жизни и деятельности В. Рюмина.

Анализ актуальных исследований: К изучению жизни и творчества В. Рюмина обращались в своих

работах В. Зотов, А. Пильненький, Ю. Белый, Е. Мирошниченко и др. Авторы рассматривали отдельные фрагменты жизни и деятельности персоналии.

Изложение основного материала: Владимир Владимирович Рюмин (1874–1937) вошел в историю как инженер, педагог, популяризатор науки и техники.

Обстоятельно изучив жизненный и творческий путь В. Рюмина, считаем целесообразным предложить такую периодизацию его жизни и деятельности (табл. 1).

Таблица 1. – Периодизация жизни и деятельности В. Рюмина

№ п. п.	Годы жизни	Периоды	Краткое содержание
I-й	1874–1891	Период формирования личностных качеств В. Рюмина	Жизнь в семье, учеба в Лодзинском техническом училище
II-й	1891–1899	Период поиска себя	Подготовка к поступлению и учеба в Харьковском технологическом институте
III-й	1899–1917	Период педагогической деятельности и расцвет просветительской работы	Работа в техническом училище, главный редактор научно-популярных журналов
IV-й	1917–1920	Период лет бездеятельности	Ухудшение здоровья, социальные потрясения в стране
V-й	1920–1937	Период популяризации научной литературы естествознания и техничного направления	Написание 35 научно-популярных книг по физике, химии, электротехнике

Родился В. Рюмин 11 июля 1874 года в селе Большая Усмань Воронежской губернии [1; 2]. В 1879 году семья Рюминых переезжает в Москву. Когда Владимиру исполнилось десять лет, его отдают в первый класс реального училища.

Генеалогическое дерево семьи В. Рюмина раскрывает историю славных родов Рюминых и Ангелей, которые в течение своего существования подарили России известных литераторов, педагогов, архитекторов, инженеров.

Рюмины — старый дворянский род из Воронежской губернии. Дед, Владимир Михайлович, работал преподавателем литературы в Петербурге в Дворянском полку, посещал кружок И. Веденского, был известен в столице как человек с широкими прогрессивными взглядами, имел широкие связи в кругах литераторов 60-х годов XIX века, лично был знаком с революционером-демократом М. Чернышевским и прогрессивным литератором Д. Писарем; держал типографию, выпускал журнал либерального направления «Общезанимательный вестник» [2].

История семьи Ангелей (материнская линия) начинается с прадеда Карла Людвиг (1778–1840). Главным делом жизни Карла Людвиг становится застройка центральной части города Хельсинки (Финляндия) архитектурными сооружениями. Имя Карла Людвиг Ангеля является уважаемым в современной Финляндии, оно входит в сотню самых известных исторических фигур страны [3].

Выбор отца относительно Лодзинского среднего технического училища для своего сына был связан с наличием значительной материальной базы, рассчитанной на основательную подготовку техников химического и механического профиля. Срок учебы в училище был шесть лет [4].

Моральные ценности в семье Рюминых держались на христианской основе. Соглашаясь с аргументами о

материалистической основе мира, В. Рюмин всегда оставался человеком верующим.

В юношеском возрасте, а именно в период прохождения учебы в училище Владимир начинает интересоваться театром.

В 1890 году семья Рюминых переезжает в Николаев. В. Рюмин (отец) работает в должности главного фабричного инспектора.

В должности главного инспектора В. Рюмин (отец) заслуживает почет за справедливость, принципиальность, умение уладить производственные конфликты. Авторитет принципиального главного инспектора В. Рюмина был оценен не только руководством, но и широкой общественностью местной общины города Николаева [5].

В начале XX ст. отец В. Рюмина проводил большую общественную работу в городе. Он считался мастером фельетона, в котором раскрывались актуальные проблемы жизни города, вопросы развития науки которые печатались в местной прессе [6].

В 1891 году по 1894 года В. Рюмин делает несколько попыток поступить в Харьковский технологический институт. Лишь с третьей попытки Владимир поступает в Харьковский технологический институт. 22 августа 1894 года его зачисляют студентом технологического института [7].

В июне 1899 года В. Рюмин закончил Харьковский технологический институт, сдал выпускные экзамены, получил звание инженера-технолога [8].

Получив хорошее профессионально-техническое образование, В. Рюмин приезжает на постоянное местожительство в Николаев, город, в котором проживала его семья. С начала своей инженерной карьеры В. Рюмин начинает работать в Бюро архитектурного проектирования, вскоре переходит на работу в Николаевское техническое

железнодорожное училище на должность преподавателя [9], но вскоре остается только на должности преподавателя в техническом училище [10]. С 1899 года начинается третий период его жизни на поприще педагогической деятельности.

Основными направлениями его деятельности становятся педагогическая работа в должности преподавателя в технических училищах города Николаева, на протяжении которой раскрывается талант преподавателя и воспитателя молодежи. Параллельным направлением работы В. Рюмина становится широкая просветительская деятельность. С 1900 по 1917 гг. В. Рюмин — главный редактор журнала «Физик-любитель», а также издатель и главный редактор журнала «Электричество и жизнь» [11, 102].

Третий период жизни В. Рюмина, который характеризовался активной общественной деятельностью и преподавательской работой, закончился в 1917 году. В. Рюмин теряет слух, таким образом, утратив 65 % работоспособности [12].

Четвертый период жизни с 1917 по 1920 гг. проходит в бездеятельности. В течение революции и гражданской войны В. Рюмин не работал, пытался прожить продажей личных вещей. К установлению Советской власти в Украине отнеслся сдержанно [13].

В 1920 году В. В. Рюмин после установления Советской власти устраивается консультантом-инструктором при Николаевском профобразовании, но на административной должности он работает недолго и увольняется с работы в связи с ухудшением состояния здоровья [14, 2].

Считаем, что с 1920 по 1937 год наступает последний творческий период в жизни В. Рюмина, когда он занимается исключительно популяризацией достижений науки и техники.

В монографии А. Черняка «История технической книги» раскрываются основные тенденции выпуска научной, учебной и популярной технической литературы в СССР в 20-е и 30-е годы. Автор монографии утверждает, что в

20-е годы научно-популярную литературу естественного и технического направления представляли авторы: О. Ферсман, Я. Перельман и В. Рюмин [15]. В течение 20-х и 30-х годов XX ст. В. Рюмин написал 35 научно-популярных книг из физике, химии, электротехнике.

Его учебники, справочники, очерки истории науки и техники выдавались и переиздавались ежегодно. За период с 1901 г. по 1937 г. было издано свыше 60 научно-популярных книг (общий тираж 550 тыс. экземпляров) [16].

В 1937 г. прикованный к постели, В. Рюмин работает над книгой по агрохимии, которая, к сожалению, так и осталась незаконченной. Незадолго до смерти он писал: «Я счастлив, что дожил до той поры, когда имею возможность писать не для сотен читателей из господствующих классов, а буквально для сотен тысяч трудящихся» [17, 17].

Умер В. Рюмин 8 апреля 1937 года. Похоронен на старом кладбище г. Николаева. На могиле В. Рюмина построен памятник из черного гранита, на котором написано: «Здесь похоронен заслуженный педагог, деятель науки, друг и пропагандист идей Циолковского В. Рюмин. 1874–1937» [18, 2].

Увековечена память о выдающемся педагоге, популяризаторе науки и техники в названии одной из улиц города Николаева. На доме № 13 по улице Артиллерийской, где В. Рюмин прожил 46 лет, установлена мемориальная доска [19].

Выводы:

- Представлена периодизация жизни и деятельности В. Рюмина;
- Установлено, что на формирование личности В. Рюмина как педагога и просветителя повлияли его семья и учебные заведения, в которых он учился;
- Приоритетными в творчестве В. Рюмина стали — развитие технического образования в начале XX века и популяризация научно-технических достижений человечества.

Список литературы:

1. Ф. 2859 Рюмин Владимир Владимирович, инженер-технолог, педагог, пропагандист идей К. Е. Циолковского. – Оп. 1., Спр. 2. Особисті документи та матеріали до біографії В. В. Рюміна. 1883–1937 рр. – 51 арк.
2. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Письма 1838–1878: в 15 т. – Т. 14. – Москва, ОГИЗ, 1949. – 899 с.
3. Коллекция биографий. Сто замечательных финнов. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
4. Абдулмуталинова Т. А. Соотношение общего и специального образования в профессионально-технических учебных заведениях России конца XIX – начала XX веков / [Текст]: дис ... канд. пед. наук: 13.00.01 «Общая педагогика» / Абдулмуталинова Тамара Адамовна; Московский педагогический государственный университет. – М., 1998. – 154 с.
5. Блиндерман А. М. Местная хроника. / А. М. Блиндерман // Южанин. – 1901, 13 ноября. – С. 2–3.
6. Николаевцы 1789–1999. Энциклопедический словарь (2000 персоналий, 1500 портретов и иллюстраций). – Николаев: Возможности Киммерии, 1999. – 375 с.
7. Ф. 2859 Рюмин Владимир Владимирович, инженер-технолог, педагог, пропагандист идей К. Е. Циолковского. – Оп. 1., Спр. 122. Щоденник В. В. Рюміна. 1 січня – 31 грудня 1894 р. – 62 арк.
8. Ф. 2859 Рюмин Владимир Владимирович, инженер-технолог, педагог, пропагандист идей К. Е. Циолковского. – Оп. 1., Спр. 3. Диплом про закінчення В. В. Рюмінін Харківського технологічного інституту. 1899 р. – 1 арк.
9. Рогожин В. О. Наш земляк В. В. Рюмін – популяризатор хімічних знань: матеріали IV республіканської конференції з історії краєзнавства / В. О. Рогожин. – К.: 1989. – С. 608–609.

10. Зотов В. С. Первый забезчик./В. С. Зотов//Наука и жизнь. – 1976. – № 7. – С. 84–88.
11. Пильненький А. О. В. В. Рюмін — популяризатор наукових знань (до 90-річчя з дня народження).//Нариси з історії техніки на Україні/А. О. Пильненький. – Київ, 1964. – С. 97–103.
12. Ф. 2859 Рюмін Володимир Володимирович, інженер-технолог, педагог, пропагандист ідей К. Є.Цюлковського. – Оп. 1., Спр. 1. Автобіографія В. В. Рюміна для представлення в комісію сприяння вченим при Миколаївській міськраді. 8 березня 1933 р. – 8 арк.
13. Чунихин В. О. В. В. Рюмін – о политике. Актуальная история/В. О. Чунихин//Южная правда. –1992, 18 января.
14. Ф. 2859 Рюмін Володимир Володимирович, інженер-технолог, педагог, пропагандист ідей К. Є.Цюлковського. – Оп. 1., Спр. 146. Альбом фотографій листів В. В. Рюміна К. Є.Цюлковському 1924–1935 рр. – 40 арк.
15. Черняк А. Я. История технической книги./А. Я. Черняк. – М.: Книга, 1981. – 318 с.
16. Ф. 2859 Рюмін Володимир Володимирович, інженер-технолог, педагог, пропагандист ідей К. Є.Цюлковського. – Оп. 1., Спр. 109. Матеріали бібліографічного характеру складенні Т. В. Рюміною (список книг та брошур, видавництва) Машинописні копії. 1961 р. – 79 арк.
17. Ф. 2859 Рюмін Володимир Володимирович, інженер-технолог, педагог, пропагандист ідей К. Є.Цюлковського. – Оп. 1., Спр. 7. Матеріали про хворобу та смерть В. В. Рюміна (довідки, історія хвороби, телефонограми, некролог) 1934–1937 рр. – 17 арк.
18. Білий Ю. О. Перший серед відважних./Ю. О. Білий//Радянське Прибужжя. – 1999, 4 груд. – С. 50–53.
19. Серединський О. Перший у сміливості./О. Серединський//Ленінське плем'я. – 1986. – № 44. – С. 3.

*Yahodnikova Viktoriya Viktorovna,
Odessa institute, Interregional Academy of Personnel Management,
director, Ph. D. in Pedagogical Sciences, associate professor,
Odessa, Ukraine
E-mail: yagodnikova@mail.ru*

Formation of innovative orientation educational process secondary school

Abstract: The article reveals the essence of innovation orientation of the educational process, certain stages of the innovation orientation of the educational process, their content and given them a description.

Keywords: innovative orientation of the educational process, stages of the innovation orientation of the educational process.

The reality today, manifested in an effort to preserve the unity and strengthening of the country in conditions of intense and dramatic changes taking place in all spheres of Ukrainian society and every individual requiring innovative processes in national education and upbringing. Therefore, before modern school there is the problem of finding innovative solutions to the problem of rethinking approaches to education, updating content, forms and methods of formation and development of the modern individual capable of normal life in a dynamic social progress.

Modern educational process of a comprehensive school that meets the needs of society and education is directed, according to I. Kremen, the formation of personality with innovative thinking, innovative type of culture, capable of innovation — “only such a person will be competitive, such people can make mobile society, mobile nation” [1].

Reforming of education, which is carried out for a long time does not solve the main problem — the education of the citizen and patriot of independent and free Ukraine, able to conduct innovation aimed at achieving their own success and affirmation of durability and prosperity of the country.

Promote solving this problem, in our opinion, will be the orientation innovative the educational process of a comprehensive school.

Analysis of recent research and publications shows that world and national pedagogy conducted many studies which revealed general theoretical and methodological problems of innovation in education and training, in particular, J. Beh, M. Borytko, A. Vishnevskiy, V. Galuzinskiy, I. Dychkivska, M. Evtuh, L. Kanyshvetska, V. Karakovsky, L. Kondrashov, Z. Kurlyand, L. Novikova, V. Orzhhevska, L. Povaliy, S. Polyakov, G. Poustovit, V. Selivanov, V. Hymynets, V. Yagoupov and others.

Features innovative pedagogical technologies and their educational potential is a subject of scientific research T. Demyanyuka, A. Kiyashko, V. Safulyna, V. Stelmashenko, K. Chernoy and others.

However, the problem of innovation orientation of the educational process of secondary school is not detected, which defines the purpose of this article.

Analysis of key concepts of innovative pedagogy (I. Bogdanov, I. Dychkivska, V. Hymynets etc.) [3; 5; 7] and the theory

of education (J. Bech, A. Wisniewski, M. Evtuh etc.) [2; 4; 6] gives grounds to consider that innovation orientation of secondary school the educational process — the interaction of education, focusing on the process of creating, deploying and promoting innovation in the educational process in the course of which the development of interactive.

Characterized by the phenomenon that the objectives, tasks, content of education to modern requirements, speed of response and adaptation of the educational process to the new conditions of globalization and integration, humanization and democratization of society activity and consistently find ways to update the education of, implementation of

scientific achievements, the spread of perspective teaching experience.

Modern research results and teaching practice show that innovative orientation the educational process of a comprehensive school as a pedagogical phenomenon requires purposeful formation, by which we understand purposeful, qualitative and quantitative changes in the activity of the educational process aimed at effective use of innovations in the educational process comprehensive school.

Formation of innovative orientation the educational process of secondary school is for certain stages: preparatory, organizational, operational and production (fig. 1).

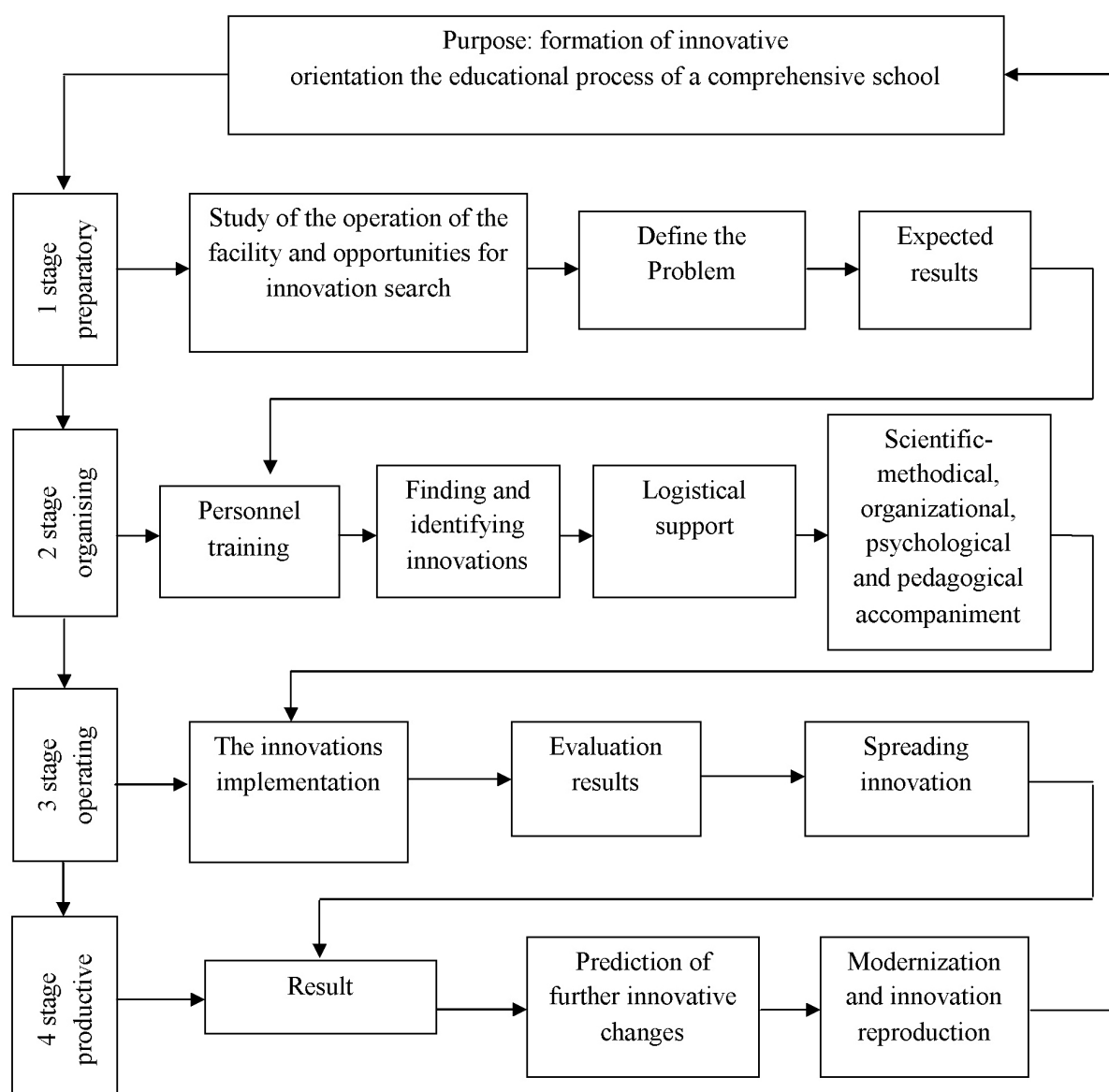

Fig. 1. Stages of formation innovative orientation the educational process of a comprehensive school

The stages involve sequential actions of the educational process, ensuring the efficiency of formation of innovative orientation the educational process of a comprehensive school. Consider them in more detail.

At the preparatory stage is studied and analyzed the state of the object changes, that educational process, the educational process subjects, class groups, etc., formulated educational problem, which focused innovation, innovative ways

determined search resources (financial, technical, financial, personnel, information) the possibility of providing innovative educational activities are opportunities change individual elements of the educational system, content of education, educational technology, etc., are forecast expected results.

The organizing stage provides the impact on an order of selection, training and appointment of teachers, teachers on the organization carried out the search and detection

innovations in education, created on physical infrastructure necessary conditions for the formation of innovative orientation the educational process, provides scientific-methodical, organizing, psychological and pedagogical accompaniment formation of innovative orientation the educational process of a comprehensive school.

Operational stage involves the innovation process in the process of secondary school educated, coordination of the innovation process, monitoring and evaluation of it, is diagnostic of current results, getting an innovative product that puts the process on the prevalence of innovation in other schools.

In the productive stage the diagnostic outcomes that are consistent with the aim of finding innovative, trend analyzes and projected of further changes made modernization and innovation reproduction in the educational process. Thus confirmed the position of a cyclical process of innovation and its ability to continuous updating.

Note that the formation of innovative orientation of secondary school the educational process can be efficient and effective if the educational process of a comprehensive school will be provided with the necessary material and technical means, relevant professional staff and appropriate

information base. This will be the basis of effective interaction of innovative educational activities aimed at their search and creative work for the solution of educational problems. In turn, it is continuous monitoring, assessment and analysis of innovative educational activities contributes to the qualitative and effective search, the learning, introduction of, application and dissemination of innovations in education, innovation orientation forming a secondary school educational process, and if necessary, correction of the process.

Thus, the formation of innovative orientation the educational process of secondary school is the defined stages, each of which provides a solution to a local problem, and together achieved the main goal of efficient and effective formation of innovative orientation the educational process of a comprehensive school.

Prospects for further research should be directed at studying the characteristics of innovation in the educational process, innovative educational activities, the creation of social, psychological and pedagogical conditions of formation with innovative methods and technologies of motivation rhyming the educational process of a comprehensive school.

References:

1. Kremen V. G. Phenomenon of innovation: education, society, culture / V. G. Kremen, V. V. Ilyin, S. V. Proleyev etc. (ed. V. G. Kremen). – K.: Pedagogical thought, 2008. – 472 p.
2. Bech I. D. Educational process of deep psychological deepening as an innovative idea. / I. D. Bech // Pedagogy and Psychology. – 2000. – № 4. – P. 5–20.
3. Bogdanova I. M. Educational Innovation: Scientific textbook. / I. M. Bogdanova. – O.: TPS, 2000. – 165 p.
4. Vishnevskiy O. I. Ukrainian national educational ideal and character. (leaks, deformation and modern challenges) / O. I. Vishnevskiy. – Drohobych, publisher Svyatoslav Surma – 2010. – 160 p.
5. Dychkivska I. M. Innovative educational technology: Scientific textbook. / I. M. Dychkivska. – K.: Academic publishing, 2004. – 352 p.
6. Evtuh M. B. Modern trends in training of teachers. / Evtuh M. B. // Psycho-pedagogical foundations of humanization of educational process at school and college / Red. count. A. S. Demyanchuk, resp. by vol. Y. Peleh. Ministry of Education and Science of Ukraine, Acad. ped. Sciences of Ukraine, International University of "International Economics and Humanities University by S. Demianchuk S. Demianchuk." – Rivne, Volyn mascots, 2002. – Edition. 3. – P. 170–175.
7. Hymynets V. V. Innovative educational activities. / V. V. Hymynets. – Ternopol: Traveler, 2009. – 360 p.

*Sheplyakova Irene Alexandrovna,
post-graduate student of department of social pedagogy
of the Kharkiv State Academy of Culture
E-mail: sheplyakova78@mail.ru*

About the specifics of the deontological culture of social pedagogue

Abstract: On the basis of the theoretical analysis of scientific literature the article discloses the content of the concept of «the deontological culture of social pedagogue». Essence of this phenomenon which is subject to the forming during the process of professional preparation of future social pedagogues was analyzed; connection of this category with a concept of «the deontological culture of a specialist» is revealed. The particularity of the concept of «the deontological culture of social pedagogue» was exposed.

Keywords: social pedagogue, the deontological approach, the deontological culture of specialist, the deontological culture of a social pedagogue.

Шеплякова Ирина Александровна,
аспирант кафедры социальной педагогики
Харьковской государственной академии культуры
E-mail: sheplyakova78@mail.ru

О специфике деонтологической культуры социального педагога

Аннотация: На основе теоретического анализа научной литературы в статье раскрыто содержание термина «деонтологическая культура социального педагога». Проанализирована сущность данного феномена, который подлежит формированию в процессе профессиональной подготовки будущих социальных педагогов, раскрыта его связь с понятием «деонтологическая культура специалиста». Выявлена специфика понятия «деонтологическая культура социального педагога».

Ключевые слова: социальный педагог, деонтологический подход, деонтологическая культура специалиста, деонтологическая культура социального педагога.

В новом тысячелетии стратегические преимущества будут принадлежать тем государствам, которые учатся эффективно использовать человеческий потенциал, и, в первую очередь, инновационный потенциал развития, носителем которого является молодежь. Задание государства — обеспечить воспроизводство этого интеллектуального, творческого, социального и трудового потенциала. Решение этого сложного задания невозможно без усовершенствования системы высшего образования и требует достижения принципиально нового уровня качества подготовки будущего специалиста, который должен быть всесторонне развитой, профессионально образованной, творческой личностью, способной к самоусовершенствованию, а также — к самостоятельному принятию ответственных решений в ситуациях морального выбора. Безусловно, это касается и социального педагога как специалиста по социальному воспитанию, ведущей целью деятельности которого является «интеграция воспитательных усилий нации для повышения социальности личности путем поддержки и стимулирования человека к активной жизнедеятельности, создания условий для его саморазвития и самодуховности» [3, 349].

При этом профессиональная деятельность социального педагога по своей природе, характеру и результату обязательно включает деонтологический компонент, поскольку ее эффективность зависит именно от сформированности у специалиста внутреннего императива профессионального долга перед обществом и понимания ответственности за невыполнение либо ненадлежащее выполнение этого долга. Использование деонтологического подхода является необходимым как при формировании содержания профессиональной подготовки социального педагога, так и при оценке его соответствия требованиям общества к будущему специалисту.

Теоретический анализ научной литературы свидетельствует о том, что в контексте деонтологической проблематики предметом научных изысканий большинства украинских (И. Бенедик, В. Горшенев, М. Васильева, и др.), российских (Е. Веселова, В. Соколов, А. Кудерина, К. Левитан, А. Шевченко и др.), казахских (К. Кертаяева,

Е. Жуманкулова, Б. Каирбекова и др.) ученых, как правило, является «деонтологическая подготовка» («деонтологические основы подготовки») или «деонтологическая готовность» специалистов определенной профессии; проблемы формирования «деонтологических качеств» (в ряде работ определенных как «профессионально значимые качества») или «деонтологических ценностей» будущих профессионалов; проблемы «деонтологического воспитания» детей и молодежи, а также исследования основ общей и профессиональной деонтологии (отдельных ее видов) как отрасли науки и сферы практической деятельности.

В то время, как (в контексте актуальной сегодня проблематики культурологической направленности образовательного процесса высшей школы) теоретически и практически значимым представляется изучение именно проблемы формирования деонтологической культуры будущих специалистов, в частности, деонтологической культуры будущих социальных педагогов. При этом установлено, что проблематика формирования деонтологической культуры будущих специалистов в процессе профессиональной подготовки в высшем учебном заведении отражена в диссертационных исследованиях российских (Д. Деккерт, Г. Караханова, М. Кропачева, С. Селимова) и украинских (Л. Переймыбида, С. Хлестова) ученых. На основе синтеза указанных авторских концепций определения понятия «деонтологическая культура специалиста» и собственных выводов относительно сущности исследуемого явления, под деонтологической культурой специалиста понимаем составляющую профессиональной культуры личности, представляющую собой интегрированное личностное образование, которое формируется в процессе овладения человеком профессиональной деятельностью и приобретения необходимых профессионально значимых качеств на основе присвоения специалистом определенной системы ценностей, проявляющееся в должном (соответствующем общественным ожиданиям) поведении профессионала. В свою очередь, деонтологическая культура социального педагога, являясь разновидностью деонтологической культуры специалиста, представляет собой интегрированное

личностное образование, которое на основе знания о базовых профессионально-групповых ценностях, принципах и нормах должного профессионального поведения, их теоретического осмысления, осознания и субъективации в виде ценностных доминант формируется в процессе овладения профессиональной социально-педагогической деятельностью и проявляется в совокупности приобретенных профессионально значимых качеств, наличие которых обеспечивает должное профессиональное поведение специалиста.

Цель статьи — выявить и обосновать специфику деонтологической культуры социального педагога, выделяющую ее среди других видов деонтологической культуры специалиста.

В этой связи значимой для нас стала позиция С. Хлестовой о том, что «каждая из профессий системы “человек — человек” имеет свои особенности деонтологической культуры» [4, 33], которые, по мнению автора, связаны, прежде всего, со спецификой объекта деятельности. При этом мы считаем, что если профессиональная принадлежность может обуславливать специфичность деонтологической культуры специалиста, то не будет преувеличением предположить, что и принадлежность профессионалов одной профессии к разным специальностям также может обуславливать, при общем подобии, специфичность содержательного наполнения их деонтологической культуры. А значит, кроме всего прочего, необходимым является ответ на вопрос о специфических чертах профессии «социальный педагог», выделяющих ее среди других специальностей, прежде всего педагогических.

В результате анализа научных работ О. Безпалько, Р. Вайнолы, М. Васильевой, И. Зверевой, А. Капской, Л. Мардахаева, Л. Мишик, А. Рыжановой, С. Савченко и других авторов, посвященных специфике профессиональной социально-педагогической деятельности, ее нормативной регламентации, особенностям подготовки социальных педагогов, мы пришли к выводу о том, что специфика деонтологической культуры социального педагога обусловлена:

– во-первых, своеобразием профессиональной деятельности (содержание которой, в самом общем виде, заключается в создании условий для относительно управляемой социализации личности — социального воспитания), что определяет либо вообще специфичность видов выполняемых социальным педагогом профессиональных функций (по сравнению с функциями других педагогических специалистов) (например, выделение социально-педагогической функции), либо специфическое их толкование в контексте социально-педагогического подхода и соответствующее этому содержательное наполнение (например,

определение содержанием деятельности в рамках выполнения воспитательной функции «обеспечение целенаправленного воспитательного влияния всех социальных институтов на поведение и деятельность социального субъекта» путем «полноценного использования воспитательного потенциала общества, микросреды и потенциальных возможностей самой личности как активного субъекта воспитательного процесса» [2, 146]). Своеобразие профессиональной деятельности находит практическое выражение в форме специфического перечня профессиональных обязанностей, закрепленных в соответствующих нормативно-устанавливающих документах и определяющих границы профессионального долга и ответственности специалиста;

– во-вторых, спецификой объекта профессиональной деятельности специалиста — человек на протяжении жизни (от детского до пожилого возраста) — в контексте интеграции воспитательных усилий нации с целью создания условий, благоприятных для формирования и развития социальности, стимуляции социальной субъектности личности. При этом, объектом профессиональной деятельности социального педагога, опосредствовано, могут быть и специалисты других профессий (учителя, врачи, социального обеспечения) при оказании им помощи в максимальном использовании возможностей социально-воспитательного влияния семьи и социального окружения на индивида, достижению более значимых результатов взаимодействия, а, значит, и более эффективного выполнения указанными специалистами своих профессиональных функций;

– в-третьих, спецификой субъекта деятельности — социального педагога как специалиста — обусловленной положением профессии «социальный педагог» в обществе, разнообразием социальных ролей, выполняемых в процессе практической деятельности, общественными идеалами и ожиданиями относительно комплекса профессионально значимых личностных качеств социального педагога, его профессионального поведения, и, как результат, четкой регламентированностью со стороны государства требований к личностным характеристикам специалиста. В частности, как субъект деятельности, социальный педагог должен соответствовать совокупности параметров, отображенных в виде определенной нормативной модели специалиста — квалификационных требованиях, отраженных в содержании отраслевого стандарта.

Таким образом, специфика деонтологической культуры социального педагога обусловлена специфичностью выполняемых профессиональных функций, характера нормативной регламентации, требований, предъявляемых к личностным характеристикам профессионала, специфичностью объекта приложения профессиональных усилий.

Список литературы:

1. Медведева Г. П. Профессионально-этические основы социальной работы: учебник для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 272 с.
2. Мішик Л. І. Теоретико-методичні основи професійної підготовки соціального педагога у закладах вищої освіти: Дис. докт. педагог. наук: 13.00.05. — Запоріжжя, 1997. — 432 с.

3. Рижанова А. О. Развитие социальной педагогики в социокультурном контексте: Дис. ... докт. педагог. наук.: 13.00.05. – Харьков, 2004. – 456 с.
4. Хлестова С. С. Формирование деонтологической культуры студентов высших учебных заведений в процессе социально-педагогической работы: Автореф. дис. канд. педагог. наук: 13.00.07. – Киев, 2011. – 18 с.

*Tseeva Lydia Husenovna,
Adyghe State University, Professor,
Faculty of Education and Psychology
E-mail: Rimma.simbuletova@mail.ru*

*Panesh Bela Hamzetovna,
Associate Professor, Faculty of Education and Psychology
E-mail: belapanesh1@yandex.ru*

*Simbuletova Rima Kazbekovna,
Associate Professor, Department of Foreign Languages
E-mail: Rimma.simbuletova@mail.ru*

Innovative approaches to the formation of ethnic and cultural awareness of preschool children

Abstract: The article is updated to use innovative approaches to social and personal development of the young generation with the multi-ethnic nature of the environment. Identified and the theoretical bases and organizational-pedagogical conditions of formation of ethno-cultural awareness among children in preschool educational institution.

Keywords: ethno-cultural awareness, innovative forms and techniques, integrated classes, preschool age.

*Цеева Лидия Хусеновна,
Адыгейский государственный университет,
профессор, факультет педагогики и психологии
E-mail: Rimma.simbuletova@mail.ru*

*Панеш Бэла Хамзетовна,
доцент, факультет педагогики и психологии
E-mail: belapanesh1@yandex.ru*

*Симбулетова Рима Казбековна,
доцент кафедры иностранных языков
E-mail: Rimma.simbuletova@mail.ru*

Инновационные подходы к формированию этнокультурной осведомленности детей старшего дошкольного возраста

Аннотация: В статье актуализируется использование инновационных подходов к социально-личностному развитию подрастающего поколения с учетом полиэтнического характера среды. Выявлены и раскрыты теоретические основы и организационно-педагогические условия формирования этнокультурной осведомленности детей в дошкольном образовательном учреждении.

Ключевые слова: этнокультурная осведомленность, инновационные формы и методы, интегрированные занятия, дошкольный возраст.

В эпоху глобализации и новых технологий актуальным явлением в современном обществе является трансформация образовательной системы и высшего профессионального образования в целом. Сегодня исследователи отмечают смену позиций объекта образовательного воздействия на позицию субъекта, который в рамках обучения получает

широкий спектр образовательных услуг, направленных на формирование всесторонне развитой личности, освоение общих и специальных знаний, а также овладение профессиональными компетенциями.

Данные преобразования обусловлены запросами общества, ориентированного на формирование

универсального кадрового потенциала, и отражены в Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы от 07 февраля 2011 г. [1].

Анализ справочной и научной литературы позволил выявить следующие подходы к определению данного феномена. Так, по мнению исследователя А. И. Пригожина, инновации представляют собой целенаправленные изменения, которые вносят в среду внедрения новые стабильные элементы (новшества). В. И. Загвязинский и М. М. Поташник определяют инновации как новообразования, возникающие в результате творчества. В. А. Сластенин расширяет данное понятие и справедливо полагает, что инновация детерминирует введение нового в цели, содержание, методы, формы обучения и воспитания [2; 24–25].

Ныне перед различными социальными институтами, в том числе перед образовательными учреждениями, стоит задача разработки новых стратегий и подходов к социализации подрастающего поколения с учетом полиэтнического характера среды. Успешная социализация в такого рода среде включает знание основ культуры других народов, иначе говоря — этнокультурную осведомленность, и уважение к различным ее проявлениям. Этнокультурная осведомленность — это не просто представление об истории и культуре других наций и народностей, это признание этнокультурного разнообразия нормой, обусловленной самой природой человеческого бытия. Дошкольный возраст, как известно, характеризуется интенсивным вхождением в социальный мир, сензитивностью формирования у детей начальных представлений о себе и обществе, чувствительностью и любознательностью. С учетом этого можно сделать вывод об актуальности и благоприятных перспективах формирования у дошкольников этнокультурной осведомленности.

Разработанная коллективом авторов вуза (А. Х. Цева, Б. Х. Панеш, В. В. Зайко) региональная программа «Я и мой мир» нацелена на оказание помощи педагогам раскрыть ребенку-дошкольнику своеобразие большой и малой Родины, выявить и развить его потенциальные возможности, формировать позитивную «Я-концепцию». Программа «Я и мой мир» проецирует инновационный подход в приобретении этнокультурного опыта дошкольником в различных видах деятельности [3].

Успех формирования этнокультурной осведомленности зависит от форм и методов обучения и воспитания. Анализ экспериментальной работы по указанной выше программе показал: предпочтение при выборе инновационных форм организации данного процесса следует отдавать тем из них, которые имеют многофункциональный характер, способствуют развитию у детей познавательной активности и их самореализации, интересны самим детям, органически вписываются в современный воспитательно-образовательный процесс. К таким формам относятся следующие:

1. Циклы интегрированных занятий, включающие согласно Федеральному государственному образовательному стандарту различные виды деятельности: познавательную,

художественно-эстетическую, игровую, конструктивную — на основе единого содержания.

В соответствии с темой занятия мы определяем доминирующий вид деятельности: в одном случае это может быть конструктивная деятельность, в другом — музыкально-хореографическая, в третьем — познавательная. Например, на познавательном занятии по теме «Праздники народов мира» дети узнают, какие праздники есть у разных народов и как они их отмечают. В дошкольном учреждении проводятся народные праздники, в ходе которого дети узнают культуру, традиции и быт народов: «Масленица», «Ильэсыклэ» (Новый год) и т. д.

2. Развлечения и праздники с этнокультурной и государственной тематикой включают: «Рождение ребенка», «Кушъэхапх» («Укладывание ребенка в колыбель»), «Лъэтегъэуцу» («Первый шаг ребенка»), «Чэщдэс» («Посиделки»), «ЖъонэкЮ джэщ» («Праздник в честь пахаря»). При этом формируются этикетные нормы общения, гостеприимства, у детей воспитывается правильное отношение к разным этнокультурам. Эти действия, непосредственными участниками которых являются дети, дают им колоссальный эмоциональный заряд, что в свою очередь, обостряет наблюдательность, восприятие, обогащает чувственный опыт, а, следовательно, формирует неподдельный интерес к этнокультурным явлениям.

3. Фольклорные концерты и театрализованные представления. Они могут воспроизводить календарные и семейные праздники с сопровождающей их фольклорной обрядностью, отражать те или иные этнографические реалии (например, инсценировки посиделок, приема гостей, трудовых действий и т. п.).

В решении данной проблемы огромная роль принадлежит родителям. Именно в семье дети получают первые представления о культуре своего народа, формируется уважение к представителям других культур и к самим этим культурам, без чего этнокультурная осведомленность дошкольников так и останется на уровне теории. Таким образом, одним из важных педагогических условий формирования этнокультурной осведомленности дошкольников является активное включение родителей в эту деятельность. Использование потенциала семьи осуществляется путем: привлечения родителей к проведению занятий (знакомство детей с обычаями народов, представителями которых являются они сами, или обучение их какому-либо ремеслу, умению с этнокультурной спецификой: вышиванию, плетению из лозы, вырезанию по дереву, игре на народном музыкальном инструменте); участия родителей в выставках семейного творчества; устройства презентаций национальных раритетов, семейных традиций; создания мини-музея семейных коллекций в групповой комнате; совместного с детьми участия в фольклорном концерте, спектакле или развлечении с этнокультурной тематикой; выступления взрослых членов семьи в качестве информаторов с целью знакомства детей с традициями и обычаями народа, представителями которого они являются; ведения

вместе с детьми исследовательской деятельности (метод проектов) с дальнейшим представлением ее результатов в образовательном процессе.

Построение программы «Я и мой мир» основано на применении методов, направленных на повышение познавательной и эмоциональной активности дошкольников как на наиболее эффективных для формирования у них этнокультурной осведомленности.

Общеизвестно огромное значение игровых методов и приемов в развитии личности. Их достоинство заключается в том, что они вызывают у детей повышенный интерес, положительные эмоции, содействуют концентрации внимания на учебной задаче, которая становится не навязанной, а своей личной целью. Используя различные игры (дидактические, ролевые, подвижные и др.), воспитатель органично и целенаправленно вводит детей в мир народной культуры, этики, человеческих отношений. Любые игры легко насыщаются этнокультурным

содержанием дидактического, развлекательного характера. Неслучайно игровой опыт дошкольников непременно включает народные игры, фольклорные прибаутки, считалки, подвижные, шуточные и другие игры со сверстниками и взрослыми.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет метод моделирования и конструирования, сочетающий словесное объяснение, практическую реализацию и игровую мотивацию. Данный метод незаменим при работе с глобусом, со схемами, с картами, при конструировании типовых архитектурных сооружений различных народов с помощью различных макетов городских сред и ландшафтов, характерных для определенных географических широт.

Все перечисленные инновационные методы используются педагогами в разных организационных формах и видах деятельности. Они повышают уровень и качество сформированности этнокультурной осведомленности дошкольников.

Список литературы:

1. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы от 07 февраля 2011 г. № 163-р.
2. Горяинова А. И. Инновационный подход в обучении студентов в процессе подготовки к профессиональной деятельности. // Наука, инновации, технологии. – 2007. – № 6. – С. 24–29. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/> Научная электронная библиотека (дата обращения: 07.04.2014).
3. Программа личностного и социального развития детей дошкольного возраста «Я и мой мир». / Л. Х. Цеева, Б. Х. Панеш, В. В. Зайко. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2006. – С. 92–127.

Section 7. Political science

*Deeva Natalya Vladimirovna,
Moscow State Pedagogical University,
PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Political and Social Sciences Chair
E-mail: nvd2004@yandex.ru*

Social contract and the problems of modern education in Russia

Abstract: The article is devoted to the problem of the formation of the subjects of the common public agreement and modern education in Russia.

The process of upbringing forms the definite political views which can be controlled and directed by various institutions and groups such as society, elite, intelligent communities etc.

The State and the Society is to take part in the formation of the common public agreement and the process of upbringing.

Keywords: social contract, education, elite, political ethics.

*Деева Наталья Владимировна,
Московский педагогический государственный университет,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и социологии
E-mail: nvd2004@yandex.ru*

Общественный договор и проблемы современного образования в России

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования субъектов общественного договора и современного образования России. Воспитание гражданина формирует у него определенные политические ценности и направлять этот процесс могут различные институты и группы, такие как общество, элиты, интеллигенция и т. д. Государству и обществу необходимо участвовать в формировании условий общественного договора и воспитании гражданина, формулируя общенациональные ценности и идеологию.

Ключевые слова: общественный договор, образование, элиты, политическая этика.

Образование является одним из важнейших факторов развития современного мира. Информационное общество предполагает определенный уровень образования граждан для формирования субъектов общественного договора и условий его существования.

А. Аузан, размышляя о перспективах развития России, отмечает значимость институтов социализации, и в первую очередь, образования. Он отмечает, что «дело все-таки в культуре, но в культуре, которая может меняться под воздействием образования, всякого рода долговременной работы с населением, ... ее можно сдвинуть на протяжении 10–15 лет в нужную сторону и снять блокировки на пути развития» [1].

А. Зиновьев писал о том, что советская система образования, унаследованная от царской России, трансформировалась не столько в институциональном плане, сколько самими преподавателями, сохранявшими эту

преемственность и передававшими лучшие традиции поколениям нового, советского общества. В социологическом романе «Русская трагедия (гибель утопии)» он отмечал, что «... советская система образования была единой для всех слоёв населения, стандартной, обязательной, бесплатной (и даже оплачиваемой в значительной части), светской (нерелигиозной) общеобразовательной до известного уровня и профессионализированной выше этого уровня. По всеобщему признанию (включая даже врагов коммунизма) это была самая демократичная система образования. Вплоть до недавнего времени специалисты во всем мире считали её самой совершенной в истории человечества и противопоставляли ей западную систему, не вылезавшую, по их утверждениям, из состояния кризиса» [2].

Что же происходит сейчас в этой значимой для нынешних и будущих поколений российских граждан сфере?

Одной из проблем для государств современного глобализирующегося мира, в том числе и для России, становится получение образования за рубежом. С одной стороны, это повышает мобильность будущих специалистов (точнее, бакалавров и магистров) при трудоустройстве в пространстве единой Европы, США и других стран, способствует формированию дружеских и партнерских отношений между людьми из разных стран, облегчая в дальнейшем экономические и политические контакты. Несомненно, есть сферы, где необходимо не просто иметь представление о происходящем в других странах, но и непосредственно участвовать в этом. Это связано с открытиями в естественных науках, в сфере технологий, в экологической сфере и т. д.

Однако в сфере управления политикой и экономикой есть некоторые подводные камни. Что мы видим с другой стороны? Достаточно раннее образование вне национального государства приводит к тому, что молодые люди, не получившие «прививку» национальных ценностей, легко впитывают западные паттерны, воспринимая их поверхностно, видя только внешнюю атрибутику. Взрослый же человек иначе видит инокультурную, иноценностную систему, может относиться к ней критично, принимать действительно положительные моменты и отсеивать отрицательные, с тем, чтобы эффективно реформировать действительность в своем Отечестве.

Воспитание «гражданина мира», наряду с положительными моментами, чревато и негативными тенденциями. Формируемая из обученных за рубежом детей представителей высших эшелонов власти, экономики, культуры, образования, эта элита не ориентирована на сохранение национальных богатств, народа как национального достояния, она, скорее, мыслит, как все это использовать вплоть до уничтожения в погоне за сугубо экономической эффективностью, извлекая максимальную пользу для себя. С этой проблемой сталкивается не только Россия, но и страны Западной, и особенно Восточной Европы, когда элита принимает экономические и политические решения, не сообразуясь с интересами большей части своего народа.

Т. Карадже отмечает, что «... в политическом поле нравственная оценка одних и тех же действий и поступков будет различной. Политическое — это пространство противостояния «своих — чужих», и на политически «чужого»/«врага» не распространяются те нравственные императивы, которые регулируют отношения внутри «своей» группы. «Чужой» исключен из пространства морали, в зависимости от накала политической борьбы к нему могут применяться все виды насилия вплоть до уничтожения...» [3, 111]. Парадокс нынешней ситуации заключается в том, что «чужие» в данном случае — граждане своего же государства.

Не случайно А. Аузан обращает внимание на то, что элите (в любом государстве, не только в России) не нужна модернизация, не нужны реформы и улучшение жизни в стране, т. к. она имеет свободный доступ ко всем мировым

благам (товарам, услугам, курортам и т. д.). И элита-то как раз не стремится жертвовать своими частными интересами ни ради интересов другого гражданина, ни ради неких коллективных интересов.

А. Глинчикова, говоря о специфике России и рассматривая возможность сочетания частного интереса с общественным, пишет, что необходимо осознать «ценность частного интереса другого, т. е. ценность интереса, противоположного моему частному интересу. Признание этой ценности и важности для тебя частного интереса другого или других и является ОБЩЕСТВЕННЫМ интересом, который в определенном смысле не только противостоит твоему частному интересу, но, что самое важное — ограничивает твой частный интерес» [4]. Однако здесь есть некое скрытое противоречие между ценностью личного и коллективного. Можно ограничивать себя, но возникает проблема: ради кого мы готовы или не готовы себя ограничивать, жертвовать своими интересами. Где гарантии того, что другие будут себя ограничивать или жертвовать ради тебя? Какими средствами это должно достигаться, и как долго это нужно формировать? Через сколько поколений будут воспитаны граждане, способные ограничивать себя ради общественного интереса?

Еще одним аспектом формирования образовательной элиты стала специфическая конкуренция в этой среде. Особенностью постсоветского образования стало значительное количество людей с дипломами о высшем образовании, кандидатскими и докторскими степенями. Однако те, кто пытается догнать образовательную элиту, ставшую уже «классической» для нынешней России, получившую высшее и послевузовское образование в Советском Союзе, сталкиваются со многими проблемами. Энциклопедические знания, культурно-образовательная среда, в которой формировалась советская научная и образовательная элита, и сейчас позволяют этим людям выгодно отличаться от нынешних «специалистов», пусть не технологически, но интеллектуально и креативно.

Эта категория ученых и научных работников являются не просто возрастным балластом, но носителями российского культурно-исторического кода, в них заключены лучшие традиции теперь уже советского образования. Они пока прочно занимают свои ниши в научной и образовательной среде, и очевидно, что догнать их уже невозможно, однако можно переиграть. Нынешние управленцы от образования на ходу меняют правила игры, что кажется нелогичным с точки зрения здравого смысла, однако оказывается очень выигрышной стратегией. Новые требования и правила в сфере образования не просто отличаются от действовавших много лет, но и кажутся настолько неразумными, что многие их не исполняют, надеясь на русское «авось». Таким образом, эта группа попадает в зону риска при использовании так называемого «эффективного контракта».

Россия стала поставщиком для Запада не только природных богатств, но и интеллектуального продукта,

производимого пока ещё в нашей стране благодаря традициям советской системы образования. Однако превращение науки и образования в сферу услуг, а также специфика повышения эффективности в образовании могут привести к разрушению тех очагов образовательной культуры, тех научных коллективов, которые, как островки в половодье, кое-где еще сохраняются. Это не значит, что в современных условиях невозможен научный дискурс, однако сейчас он имеет иные формы. Исходя из мыслей А. А. Зиновьева, писавшего о деловом аспекте Запада и коммунальном аспекте России, можно отметить, что эти коллективы по-прежнему могут генерировать идеи, которые порой нельзя немедленно продать, но которые могут быть полезны стратегически.

В настоящий момент по-прежнему есть некоторая проблема с языком, а, следовательно, с цитированием, ведь

большая часть наших работ — русскоязычная. Не случайно А. Глинчикова отмечает, что у нас есть определенные ограничители, которые связаны с тем, что большинство ученых всего мира обучались на Западе, а у нас — собственные истоки, образование и так далее. У нас должен быть подготовительный период: государство, инстанции, которые отвечают за сферу образования и науки, должны обеспечить централизованные переводы наших ведущих, блестящих произведений [См. 5]. Однако многие из этих идей рождаются для данной страны, для населения с соответствующим набором ценностей, ментальных характеристик, что неразрывно связано и с языком.

Безусловно, все вышеобозначенные проблемы, особенно в условиях нынешней геополитической ситуации, требуют решения как государственных институтов, так и дополнительного внимания российского общества.

Список литературы:

1. Александр Аузан отвечает на вопросы Владимира Познера. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ltv.ru/sprojects_edition_p/si=5756&fi=34728
2. Зиновьев А. А. Русская трагедия (гибель утопии). – 2002. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-tragedia.pdf>
3. Карадже Т. В. Этика политических институтов как составляющая политической этики. // Власть. – 2014. – № 7. – С. 111. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2014/2014_07/Karadzhe.pdf
4. Глинчикова А. Г. Частная собственность и общественный интерес – дилемма России. // Вопросы философии. – 2011. – № 3. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=284&Itemid=52
5. Глинчикова А. Г. Авторитаризм – это наркотик. // «Свободная Пресса», «Открытая студия», интервью от 8 июня 2015 года.

Section 8. Psychology

*Potapchuk Natalia Dmitrievna,
Candidate of Psychological Science,
Senior Fellow Research Division
of the National Academy of State Border Service
of Ukraine Bohdan Khmelnytsky
E-mail: djugunvika@inbox.ru*

*Potapchuk Evgeniy Mihailovich,
Doctor of Psychology Science, professor,
head of the chair psychology and pedagogy,
Khmelnytsky National University
E-mail: potapchuk1@mail.ru*

Features nascency of the rumors among the population in an emergency situation

Abstract: The article made analysis of the phenomenon rumors. Determined the role of rumors in emergency situations, features of their emergence and spread. It was found the main conditions appearance of the rumors, stages and their channels of dissemination, among which is dominated by: central, local TV channels, cable TV, video, radio, print media.

Keywords: rumors, extraordinary situation circulation, society, manipulation, causes.

*Потапчук Наталья Дмитриевна,
кандидат психологических наук,
Старший научный сотрудник
научно-исследовательского отдела Национальной
академии Государственной пограничной службы
Украины имени Богдана Хмельницкого
E-mail: djugunvika@inbox.ru*

*Потапчук Евгений Михайлович,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой практической психологии и педагогики
Хмельницкого национального университета
E-mail: potapchuk1@mail.ru*

Особенности возникновения слухов среди населения в условиях чрезвычайной ситуации

Аннотация: В статье осуществлен анализ феномена слухов. Определенна роль слухов в чрезвычайных ситуациях, особенности их возникновения и распространения. Выявлены основные этапы и каналы их распространения.

Ключевые слова: слухи, чрезвычайная ситуация, циркуляция, общество, манипулирование, причины возникновения.

Постановка общественной проблемы

В настоящее время резко возросла психологическая напряженность населения, которая была вызвана политической, финансовой нестабильностью и неопределенностью,

шаткой экономической ситуацией, недоверием к руководству и его руководящих намерений, отсутствием достоверной и однозначной информации о событиях в стране, в частности на ее востоке. Такие события стали основой

для возникновения и распространения различных слухов, благоприятным фактором порождения которых стало желание людей стать свидетелями чего-то необычного в жизни, поскольку узнав информацию о необычном явлении они стремятся передать ее другим людям. Однако на сегодняшний день отсутствуют научные работы, в которых исследовались бы особенности, условия и причины возникновения слухов в чрезвычайной ситуации. Учитывая это, **целью данной статьи** является исследование особенностей возникновения слухов среди населения в условиях чрезвычайных ситуаций.

Изложение основного материала исследования

Анализ научно-психологических источников [1; 2; 7] свидетельствует о том, что чрезвычайная ситуация по своему характеру тревожная, напряженная, тяжелая обстановка, которая содержит угрозы для жизни людей, поэтому возникновение слухов прежде всего связано с поиском людьми путей обезопасить себя, стремлением спрогнозировать последствия неприятных событий и подготовиться к ним. В чрезвычайных ситуациях слухи это — источник новостей, которым не нашлось места в официальных средствах информации. В общем, слухи появляются тогда, когда средства массовой коммуникации не разъясняют определенные события. Информация, содержащаяся в слухах, обычно удовлетворяет определенную психическую потребность, интерес человека или группы людей, не удовлетворен другими средствами. Для того, чтобы какая-то информация стала слухом, необходимо чтобы: информация была значимой для объекта воздействия и касалась его интересов, понятной всем участникам процесса трансляции слуха и владение этой информацией способствовало повышению престижа транслятора слуха. Слухи это способ объединения большого числа людей и является продуктом их совместного творчества.

В условиях чрезвычайной ситуации населения с помощью слухов ориентируется в ситуации; адаптируется к меняющимся социальным условиям; соотносят свои действия с действиями других; вырабатывают общие правила поведения и способы действий, моделируют свое поведение; компенсируют недостаточную информацию. Исследователь Г. Почепцов [5] отмечает, что слухи циркулируют благодаря действию определенных факторов: слухи отражают определенные коллективные представления, установки и стереотипы; слухам присуща содержательная яркость; слухам свойственный исключительно устный механизм функционирования, поскольку при попадании в СМИ, они перестают быть самостоятельными и теряют свою неофициальность. Иначе говоря, циркуляция слухов происходит тогда, когда человек сопровождает оценки, мнения, отношения, планы неизвестными собеседнику сведениями о предмете, ложными или вымышленными признаками, преувеличениями.

Результаты анализа научных источников [1; 7] указывают на три характерные тенденции преобразования слухов в процессе их распространения: сглаживание,

обострение, приспособления: с течением времени происходит постепенное сглаживание сюжета, он становится более конкретным, поскольку несущественные с точки зрения публики детали информации исчезают; детали слухов становятся более выразительными, выдвигаются на первый план, путем увеличения их масштаба и социальной значимости, сюжет обрастает новыми подробностями; появляется тенденция к приспособлению слухов под стереотипы и установки людей, подстраиваются отдельные элементы сюжета, в корне меняется психологическое содержание информации.

Природа возникновения слухов может быть объективной (или стихийной) и субъективной (или целенаправленной). Анализ межличностного коммуникативного пространства участников информационного процесса, позволяет выделить три группы причин, которые способствуют довольно широкому распространению слухов: психологические, социально-психологические и социокультурные.

– **психологические**: мотивационная сфера участников; общие желания и интересы; психологическая готовность участников информационного процесса; стереотипность мышления; физиологические особенности; особенности характера и тип темперамента коммуникатора и реципиента; возможности человека (интересы, умения, знания, способности); стратегия поведения и действий; степень осознания, понимания и сопереживания; характеристики волевой сферы.

– **социально-психологические**: динамика внутригрупповых процессов; психологический климат в группе; особенности процесса передачи и усвоения информации; характер взаимодействия участников коммуникативного действия; наличие механизмов психологического воздействия (заражения, подражание, внушение); способность отдельных лиц группы подвергаться воздействию других; устойчивые социальные установки; асоциальное поведение.

– **социокультурные**: морально-психологические и несбалансированные правовые нормы; низкая прозрачность экономики и управления; продажность средств массовой информации; наличие информационных барьеров; высокая степень неопределенности условий политической активности; менталитет населения; культурные ценности.

Возникновение слухов может также быть вызванное многими другими причинами, среди которых исследователь А. Бойко [1] выделяет следующие: недостаточное количество информации по вопросам, которые затрагивают интересы людей; стереотипность мышления; проблемная ситуация, порождающая неопределенность; сознательное, преднамеренное «сливание» информации; недостаток аутентичности между информацией из официальных источников и каналов массовой коммуникации; действие механизма психического заражения, желание идентификации с группой; естественная склонность человека к обсуждению; желание самоутверждения; компенсация эмоциональной недостаточности; ощущение

солидарности; выдвижение собственных гипотез по развитию определенных событий; длительная задержка в принятии решений; попытки перевести внимания общественности на обсуждение второстепенных вопросов. Итак, главными условиями возникновения слухов является интерес населения к определенной проблеме, ее высокая актуальность, связь с жизненными потребностями и фрустрация этого интереса. Кроме этого, распространению слухов будет способствовать среда, в которой зародились данные слухи. Особенно вероятно возникновение слухов в ситуациях катастроф, социальных беспорядков, чрезвычайных ситуаций, когда происходит возбуждение общественного мнения, возникает асоциальное поведение, что приводит к массовым беспорядкам, агрессии, вандализму. Среди главных характеристик информационной среды считают информационный вакуум, недостаток информации, необходимой для удовлетворения актуальных потребностей людей. Характеристики информационной среды являются теми необходимыми условиями, без которых слухи не возникают. Стоит отметить, что основными каналами распространения слухов являются: центральные, местные каналы ТВ, кабельное ТВ, видеокассеты, радиоэфир, печатные издания. Исследуя каналы распространения слухов, стоит обратиться к работам ученых А. Ольшевский и Е. Ольшевская [4], которые убеждены, что идеальным каналом для распространения слухов

является человек, который имеет гипертрофированную склонность к процессу активного обсуждения и отличается неосведомленностью. Слухи в процессе обсуждения множатся, независимо от активности источника. Но сам запуск слухов — это трудоемкий с организационной и методической точек зрения процесс, который имеет четыре этапа: выбор целевых групп, на которых будут направлены слухи; выбор источника для запуска слухов; формулировка слухов; запуск слухов. Обратим внимание на то, что на скорость распространения слухов влияет время и ситуация, в которой они возникают, чем критическая ситуация, тем быстрее распространяются слухи. Большое значение принадлежит лицу ретранслятора, его возрастным, статусным характеристикам.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

По результатам анализа научных источников [2–3; 6] мы пришли к выводу, что слухи являются распространенным, массовым явлением. Прежде всего слухи служат катализатором социально-политических настроений и событий, который возникает в связи с важными для больших групп людей событиями, и является следствием политической и экономической неопределенности в обществе, социально-психологической нестабильности и недостатка информации. Среди перспективных направлений дальнейших исследований данной проблемы является рассмотрение типологии слухов в условиях чрезвычайной ситуации.

Список литературы:

1. Бойко А. Слух как инструмент политического манипулирования. / А. Бойко. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Sup/2011_22/Rozdil_2/13_Boyko.pdf. (Заголовок с экрана).
2. Отношение к жизни и смерти в условиях чрезвычайной ситуации: ценностно-смысловой аспект: монография / Лебедев Д. В., Лебедева С. Ю., Назаров А. А., Онищенко Н. В., Садковой В. П., Садковой А. В., Тимченко А. В. – Х.: УЦЗУ, 2009. – 128 с.
3. Лысенко В. Слухи – активное средство модификации общественного сознания. / В. Лысенко // Политический менеджмент. – 2004. – № 6 (9). – С. 96–100.
4. Ольшевский А. С. Негативные PR-технологии. / А. С. Ольшевский, Ольшевская Е. В. – М.: Инфра-М, 2004. – 329 с.
5. Почепцов Г. Г. Информация и дезинформация. / Г. Г. Почепцов. – М.: Ника-Центр, Эльга, 2001. – 256 с.
6. Тогобицька В. Д. Психологические особенности распространения слухов в условиях чрезвычайной ситуации. / В. Д. Тогобицька // Сборник научных трудов Национальной академии Государственной пограничной службы Украины, Серия: педагогические и психологические науки. – 2013. – № 4 (69). – С. 393–402.
7. Христенко В. Е. Психологические приемы нейтрализации слухов в очаге чрезвычайной ситуации. / В. Е. Христенко // Проблемы экстремальной и кризисной психологии. Сборник научных трудов. – Выпуск 12, Часть 2. – Харьков: НУЦЗУ, 2012. – С. 143–150.

*Madzhuga Anatolij Gennadjevitsch,
Doktor habil für Psychologie, Professor,
Lehrstuhlleiter für Psychologie Sterlitamaker Filiale
FGBOU VPO «Baschkirische Staatliche Universität»*

*Sinicina Irina Anatoljevna,
Kandidat der psychologischen Wissenschaften,
Oberlehrer des Lehrstuhls für Psychologie Sterlitamaker Filiale der
FGBOU VPO «Baschkirische Staatliche Universität»*

E-mail: irinasinica@mail.ru

*Karimova Rimma Khatipowna,
Doktor der philologischen Wissenschaften,
Dozent des Lehrstuhls für germanische Sprachen Sterlitamaker Filiale der
FGBOU VPO «Baschkirische Staatliche Universität»*

E-mail: kar-rima@rambler.ru

Die Methodologie des modernen Geisteswissens: Fraktalresonanzherangehen

Abstrakt: Im Artikel wird die Methodik des neuen integrativen Herangehens — die der Fraktal-Resonanzmethodik beschrieben, die als eines des konzeptuellen Herangehens der postnichtklassischen wissenschaftlichen Erkenntnis angesehen wird. Zum ersten Mal werden präsentiert und theoretisch behandelt die Prinzipien des Fraktal-Resonanzherangehens. Es wird der Zusammenhang zwischen den Phänomenen des “Fraktals” und der “Resonanz” beleuchtet, die es ermöglicht, ein System von Determinanten festzulegen, die die Formierung der aktiven schöpferischen Position des Subjektes des Bildungsprozesses beeinflussen. Es werden die die Potenzen des Fraktal-Resonanzherangehens im Bildungsprozess der Schule und der Universität erschlossen.

Stichwörter: synenergetisches Weltbild, Nichtlinearität, Variantenvielfalt, syntonisches Interaktionsmodell, Fraktal, Resonanz, Fraktal-Resonanzherangehen, die Prinzipien des Fraktal-Resonanzherangehens.

Die Methodologie des gegenwärtigen Geistesangehens wird von den Forschern als Typ des rationell-reflexiven Bewusstseins angesehen, der auf die Forschung, Erarbeitung, Entwicklung und Ausnutzung der Methoden der theoretischen und praktischen Tätigkeit gerichtet ist. Im weiteren Sinne des Wortes gilt die Methodologie als Wissenschaft über die Rationalisierung der Tätigkeit, als spezieller Aspekt, als Art des wissenschaftlichen Wissens, die keine einheitliche und absolute Wahrheit enthält, die aber immer in den Krisensituationen des Zerfalls der traditionellen Vorstellungen aktualisiert wird, in besonderen Schwierigkeiten und Kompliziertheiten, die berufen ist, Erkenntnistätigkeit und praktische Tätigkeit zu gestalten, ihre Optimisierung zu gewährleisten und aufgrund deren ihre Effektivität zu erhöhen. Im engeren Sinne des Wortes stellt die Methodologie ein kompliziertes hierarchisches System der sinnvollen und approbierten Methoden, Methodiken dar, die in entsprechenden Tätigkeitsarten verwendet werden [3]. Es ist wichtig zu betonen, dass im Rahmen postnichtklassischer wissenschaftlicher Rationalität in der Methodologie des gegenwärtigen Geisteswissens, das Streben erscheint, in die Erklärungsschemata die menschliche Kategorie einzuschließen, was ermöglicht, solche geistig-psychologische Realien zu analysieren als Subjektivität, Individualität, Persönlichkeit, “geistiges Ich”, Bewusstsein, Gewissen, Moralität und andere.

In dieser Hinsicht ist es nötig, ein neues integratives Herangehen zu erarbeiten und es theoretisch zu begründen, nämlich: Fraktal-Resonanzherangehen, das in sich in eine logisch-sinnlichen Raum einige Strukturen vereinigt, als deren Ziel die Entwicklung beim Subjekt des Bildungsraums die Prozesse reflexiver Eigenschaften zu verstehen ist, als auch der emotionelle Hilfsbereitschaft und emphatischer Fähigkeiten, die für die Formierung und Entwicklung der geistig-moralischen Kultur der Persönlichkeit notwendig sind.

Im Rahmen des besprechenden Problems ist es nötig zu präzisieren, dass Fraktal (lat. fractus-zerkleinert, zerbrochen, zerschlagen) als nichtreguläre, aber selbstbildende Struktur zu verstehen ist, in der sich ein und dasselbe Motiv in kontinuierlich abnehmenden Maßstab wiederholt. Über solche Figuren sagt man, dass sie sich selbst modellieren und sich eine Mehrheit darstellen, deren Bestandteile dem Ganzen ähnlich sind.

Heutzutage wird der Begriff Fraktal weit in den Naturwissenschaften, in der Computergrafik, bei der Analyse der Börsenwerte verwendet. Außer Geometrie und Architektur, wird die Idee des Fraktals für die Beschreibung der Verordnung der Prozesse aus dem Chaos in den komplizierten sozialen Systemen auf dem Niveau der Gemeinschaften, der Organisationen verwendet, z. B. in der wissenschaftlichen Literatur werden solche Begriffe vertreten wie sozialer Fraktal, kultureller

Fraktal, Kompetenzfraktal und andere. D. H. Der Begriff Fraktal tritt als inhaltsreicher Begriff auf, und seine Verwendung in der modernen Pädagogik und Psychologie gilt als gesetzmäßig und natürlich, weil man den Menschen als informationelle selbstähnliche Struktur betrachten kann, die den physischen Körper durchdringt und als Quelle der nichtlinearen Fraktale auftritt. Also, im Rahmen des Fraktalherangehens finden seine Erklärung die Besonderheiten des Funktionierens komplizierter Systeme, als deren Beispiel der Mensch auftritt.

Die Schlüsselidee des Resonanzangehens in den Geisteswissenschaften besteht darin, dass richtiger und schneller jene Stimule wahrgenommen werden, die den Bedürfnissen, Werten der Persönlichkeit entsprechen (K. J. Wasina, O. S. Petrov). Bei dem Menschen wird die Reaktion auf äußere Wirkung durch die Einheit psychophysiologischer Prozesse versichert — durch seine individuelle Rhythmen, deren Haupteigenschaften die Kraft, die Beweglichkeit, das Gleichgewichtetheit der Nervenprozesse sind. Bei der Resonanzbewirkung sind nicht ihre Kraft und Intensivität von Bedeutung, sondern korrekte räumliche Organisation der Wirkung, als Folge dessen ganzheitliches reflektor- diagnostisches Gebilde entsteht, das die Subjekte der Kommunikation vereinigt.

Indem wir die Vorteile des Resonanz- und Fraktalangehens nicht weigern, soll es betont werden, dass für das Studieren mehrdimensionaler nicht linearer Phänomene, zu denen man vor allem moderne Ausbildung zählt, die Kombination einiger Herangehen, die seine verschiedene Aspekte widerspiegeln, wichtig ist. Es ist wichtig zu betonen, dass anhand der Vorstellungen des postnichtklassischen Geisteswissens sich der Mensch in die Wissenschaft nicht nur als Forschungsobjekt einschließt, sondern als besonderer Ordnungsparameter auftritt, der das Ergebnis des wissenschaftlichen Wissens beeinflusst. Außerdem bei der Formierung des wissenschaftlichen Weltbildes soll die Quintessenz des natürlichen und metaphysischen Wissens berücksichtigt werden, in der der Mensch als mehrdimensionales Wesen in der Einheit der Hierarchien der körperlichen und geistigen Organisiertheit auftritt. Eben deshalb spielt in der Methodologie des Geisteswissens das neue methodologische Herangehen eine führende Rolle, nämlich Fraktal- Resonanzherangehen, dessen Wesen und die Prinzipien die Autoren vertreten.

Das Fraktal-Resonanzherangehen setzt die Berücksichtigung der bio- sozio- kulturell-existenzionaler Natur des Menschen voraus, mit ihm heterogenen Systemeigenschaften: Mehrdimensionalität, Hierarchiertheit, Polydeterminiertheit, Dynamik und Selbstorganisation im Prozess seiner Wechselwirkung mit Wirklichkeit und Erarbeitung an dessen Grund Bildungstechnologien, die die Realisierung des syntonischen Modells der Wechselwirkung annimmt (von griech. *syntony* – in Harmonie mit Umgebung, Gerichtetheit zur Umgebung). Dieses Modell wird auf der Idee aufgebaut, dass jeder Mensch sein eigene Weltansicht hat, seine eigene Methode der Repräsentation von eigener Wechselwirkung mit der Welt, der Vektor der Berührung mit der Wirklichkeit und die Kommunikation wird als Resultat komplizierter Wechselwirkung

der Wahrnehmungsprozesse und des Denkens betrachtet und die hauptsächlichen Können der Kommunikation — die Feststellung der erwünschten Ziele, Sensorschärfe, Flexibilität, Kongruenztheit, Ressourcenzustand, die ermöglichen, sein Benehmen in der Abhängigkeit von den Umständen zu verändern, auf das Benehmen des Partners zu reagieren, in seinem Benehmen die Besonderheiten seiner Wahrnehmung, seiner Denkweise zu erkennen.

Infolgedessen soll es unterstrichen werden, dass das Fraktal-Resonanzherangehen die Besonderheiten der Entstehung ganzer Gebilde betrachtet, für deren Errforschung ist es nicht möglich, von der Position des harten Determinismus und der Linearität heranzugehen. Daraus resultierend, tritt als Bestimmendes im Rahmen des genannten Herangehens die Gelegenheit der Herausbildung des zusätzlichen Thesaurus, ihrer Charakteristiken, Parameter, und Größen, die in den Grenzen der Synenergetik angewendet werden (Nichtlinearität, Nichtgleichgewichtetheit, Chaos, fraktales Umherirren, Mehrdimensionalität u. a.) und Erklärung der Fraktalstruktur mehrdimensioneller Phänomene (z. B. Kultur), die aufgrund der Resonanzwechselwirkungen in offenem soziodynamischem Raum entsteht. Betrachten wir die Besonderheiten der Prinzipien, die im Prozess der Realisierung des Fraktal-Resonanzherangehens als führende im Bereich der Bildung gelten:

- Prinzip der hierarchischen Regelung – diese setzt voraus die Notwendigkeit der Berücksichtigung nicht nur äußerer Seite der Hierarchie, sondern die der funktioneller Beziehungen zwischen den Niveaus der Hierarchie. In dieser Hinsicht wird der Bildungsraum als Mehrheit der Bildungssysteme betrachtet, dabei wird jedem von ihnen ein bestimmter Platz vorgesehen, wo das System nicht isoliert von anderen Systemen existiert, sondern mit ihr durch verschiedene Kommunikation mit dem Milieu verbunden ist, dabei wird dynamische Einheit der Subjekte des Bildungsraums und ihrer Beziehungen versichert. Abhängig von den Bedingungen, in denen sich die Subjekte befinden, verläuft die Tätigkeit auf verschiedenen Niveaus ihrer Hierarchie: operationellem (Mensch- als Darsteller), taktionellem (Mensch als Täter), strategischem (Mensch als Schöpfer).

- Prinzip des Resonanzes – besteht in der Verwendung im Bildungsprozess der Stimule, die den Bedürfnissen oder Werten der Persönlichkeit entsprechen, dabei werden sie richtiger und rascher wahrgenommen als die ihnen nicht entsprechende. Das genannte Prinzip wird ausgedrückt in der Fähigkeit des Pädagogen beim Studierenden bestimmte Einstellung zu schaffen-im Prozess der Translation der sozio-kultureller Erfahrung, dessen Attribute Erkenntnisinteresse, Orientierung des Menschen auf eine anderen sind, seine Fähigkeit, sich einen anderen anzuhören.

- Prinzip des Selbstähnlichkeit, der die fraktale Natur der Menschenorganisation als offenes System erschließen ermöglicht, das vom Gleichgewicht weit ist, in dem innere Dynamik der Entwicklung, altersentsprechend, wesentlich von den Intervallen äußerer Bedingungen abweicht. Das Prinzip der Selbstähnlichkeit lässt flexibel die Prozesse der Diversifikation

adaptieren, die im Gebiet der Bildung in den Bedingungen der Globalisierung und der Integrierung geschehen, die Prozesse der Verwaltung vom Menschenkapital und von den pädagogischen Innovationen optimieren. Es ist wichtig zu betonen, dass die Senkung der Selbstähnlichkeitsstufe in der weiten Diversifikation der Herangehen, die für die Erläuterung der pädagogischen Phänomene und Bildungstechnologien verwendet werden, die maximal das Potenzial der Subjekte des Lehrprozesses aktualisieren zu ermöglichen. Unter diesem Prinzip wird der Aspekt der Holographie beliebiger organischer Form gemeint, wenn ihr jedes Fragment in sich die Potenz des Ganzen enthält. In dieser Hinsicht ist es zweckmäßig, dies in der Verbindung und in der Zusammenbedingtheit mit dem Prinzip der Naturangemessenheit zu betrachten.

– Prinzip der Naturangemessenheit orientiert sich auf Erschließung der inneren Ressourcen der Persönlichkeit des Schülers, Erschließung der heterogenen Angelegenheiten der Persönlichkeit und Reproduktion der Menschheit, die ein hohes Niveau des intellektuell-schöpferischen und physischen Potenzials besitzt, als Kriterium der Effektivität des Bildungsprozesses gilt dabei seine ökologische Angemessenheit. Die Hauptcharakteristiken dieses Prinzips sind die Angemessenheit der Bildung der Natur der menschlichen Wahrnehmung, ökologische Reinheit, die Gezieltheit und das Erschließen des höchsten „Ich des Lehrers und des Schülers durch ihr kreatives Zusammenwirken in allen Kanälen der Wahrnehmung“. Das Prinzip der Naturangemessenheit sieht vor, eigene Erfahrung des Schülers seien natürlichen Biorhythmen des menschlichen Organismus zu benutzen, dabei werden die Ressourcen der Gesundheit des Studierenden befreit, lässt die Effektivität der Aneignung der Wissen und Können erhöhen.

– Das Prinzip der Kongruenz (Angemessenheit, Regelung, Harmonie) setzt voraus die Berücksichtigung gewisser Angemessenheit zwischen entsprechenden Kennziffern, die Effektivität des Bildungsprozesses bestimmen. Von den Thesen der Theorie der sozialen Feststellung, die von D. N. Uznadze erarbeitet wurde, kann man feststellen, dass jede Bereitschaft eine Feststellung darstellt, die in sich kognitive, affektive und konnotative Komponente integriert, dabei im Rahmen des Fraktal-Resonanzherangehens kann jede Art der Bereitschaft als Fraktal bezeichnet werden.

– Prinzip des Netzzusammenwirkens setzt die Entstehung neuer Kultur, gemeinsamer Tätigkeit, voraus, die die Formierung der Bereitschaft zur Partnerarbeit der Subjekte des Lehrprozesses beim Erhalten ihrer Individualität versichert. Das Netzzusammenwirken stellt eine gemeinsame Tätigkeit der Subjekte des Lehrprozesses dar, die dem Studierenden eine Möglichkeit gibt, seinen eigenen Weg im Inhalt bei der Verwendung der Ressourcen des Informations- und Bildungsraums zu erschließen.

Nach der Meinung von N. N. Moiseev, «der einzige Weg des Menschen in der Biosphäre sei ein Weg der Koevolution, d. h. solcher Veränderungen in der Lebensweise der Menschen, der ihre Bedürfnisse mit Möglichkeiten der Biosphäre in jenem Kanal der Evolution regelt, der das Phänomen

des Menschen schuf und der nicht zur Zerstörung führe» [9]. In dieser Hinsicht sieht das Prinzip der Koevolution (lat. co- gemeinsam, lat. evolutio – Entfaltung) Die Ko-Entwicklung zusammenwirkender Systeme (Mensch, Kultur, Gesundheit, Bildung, Natur), die ihren allgemeinen Progress sichert, vor.

– Prinzip der Fraktalharmonie bestätigt die Idee über die Notwendigkeit der harmonischen Entwicklung des Menschen-emotioneller, ästhetischer, intellektueller, physischer Entwicklung als System, wo jedes Element in der Zusammenwirkung und der Gegenabhängigkeit miteinander. Jeder dieser extensioneller Phänomene der Psyche des Menschen, solche wie Vernunft, Bewusstsein, Selbstbewusstsein, Moral, Wille und andere, ist eine integrale Charakteristik seines Wesens als etwas Ganzes, als geregelte Kooperationseigenschaft des Systems. Gleichzeitig unter dem Prinzip der Fraktalharmonie versteht man das Vorhandensein im Bildungsprozess des goldenen Schnittes und Kombinierung der Konsonanz und Dissonanz, die nach Oktavenregel gebildet sind. In Laufe solcher gemeinsamer dialogischen Zusammenwirkung der Subjekte des Bildungsprozesses wird die Harmonie aller drei Methoden der Wirklichkeitsaneignung versichert- kognitiver, emotioneller und wirksamer.

– *Prinzip der Selbstorganisation und Selbstbildung*, anhand dessen steht im Zentrum des Bildungsraums selbstbestimmende Persönlichkeit, der Studierende als Subjekt des Bildungsprozesses, des Erziehungsprozesses und der Entwicklung, die aktive Position einnimmt, seine Freiheit in der Selbstbestimmung und der Selbstrealisierung des Ich äußert, seine individuelle Strategie in der Ausbildung und weiterer Lebens — und Berufsbestimmung sucht. Im Rahmen dieses Prinzips wird die Orientierung auf Verwaltungsmechanismen versichert, die die Aktivität, Optimismus, Selbstständigkeit, Fähigkeit zum Selbstbildung und zur Formierung der humanistischer Ideale im extenziell – geistigem Bereich unterstützt, wo die Regelmäßigkeit der Handlungen, der Kooperation der Bemühungen, die für die Lösung gestellter Ziele notwendig sind, die wesentliche Rolle spielt.

– *Prinzip der Selbstbestimmung* berücksichtigt nicht nur die Wirkung, die durch den Einfluss der Umwelt auf den Menschen bedingt sind, sondern auch seine eigenen Bestrebungen und Fähigkeiten, äußere Forderungen mit seinem Potenzial zu regeln für das Erreichen des gestellten Ziels. Das genannte Prinzip berücksichtigt die aktive Position des Menschen selbst, sowohl auch die Verbindung der Prozesse der Sozialisierung mit den Prozessen der Individualisierung. Also, Prinzip der Selbstdeterminierung ist auf die Entwicklung der Fähigkeit des Menschen, wählen und gewählt zu werden, gerichtet, sich fühlen, nicht der Bekräftigung, Stimule oder irgendwelche andere Mächte, die als Determinanten seines Benehmens auftreten können.

Als Schlussfolgerung kann man konstatieren, dass als methodologische Grundlage für die in der vorliegenden Arbeit vorgenommenen Erklärung des Wesens mehrdimensionaler Phänomene, die zum Bildungsprozess gehören, dienen

die Vorstellungen über die Kategorien: Fraktal, Resonanz und ihre Integration in Theorie und Praxis der modernen Ausbildung.: Das Fraktal-Resonanzherangehen, indem er die Beziehung zwischen Phänomene Fraktal und Resonanz bestimmt, lässt methodologisch die Wertigkeit des Prozesses der Selbstbestimmung und der Entwicklung der Persönlichkeit

als Subjekt der Tätigkeitverstärken, das Gleichgewicht des Bildungsprozesses und seine Entsprechung der Natur der menschlichen Wahrnehmung, Gezieltheit auf die Erschließung des Persönlichkeitspotenzials der Subjekte des Bildungsprozesses im Kontext des syntonischen Modells der Wechselwirkung sichern.

Referenz:

1. Vasina K. J. Selbstentwicklung des Menschen: Resonanzzusammenwirkung mit der Welt und mit sich selbst)Konzeption, Erfahrung/K. J. Vasina – M.: Gup, 2005. – 123 s.
2. Vojtechovitsch V. E. Fraktale und Attraktoren der Sozialevolution.//[Elektronische Ressource]. – Erhältlich ab: <http://www.inauka.ru/> (Verwendungsdatum 30.06.2015).
3. Sagvjasinskij W. I., Atakchanow R. Methodologie und Methoden der psychologisch-pädagogischen Forschung. – 2 Verlag. – M.: Akademie, 2005. – 208 s.
4. Ignatowa V. Konzeptionen der modernen Naturwissenschaft. – Tjumen: Tjumener Universitätsverlag, 2005. – 208 s.
5. Knjaseva E. N. Grundlagen der Synenergetik./E. N. Knjaseva, S. P. Kurdjumov. – M., 2002. – 414 s.
6. Madshuga A. G. Zusammenwirkung der synergetischen, kamertonischen und emotionellen Kultur der Persönlichkeit: Fraktal-Resonanzherangehen./A. G. Madshuga, I. A. Sinizina, R. R. Gilvanow, W. A. Melnikow//Wissenschaftliche Studien der Universität. – 2014. – № 8 (114). – S. 114–120.
7. Madshuga A. G. Gesundheitsschonende Pädagogik: Theorie, Methodologie, Erfahrung, Perspektiven der Entwicklung: Monographie/A. G. Madshuga, I. A. Sinizina. – M.: Logos, 2014. – 508 s.
8. Modellierung mit Hilfe NLP./Robert Dittl; Übersetzung aus dem Englischen von A. Anistratenko. – M., Sankt-Peterburg, 2008. – 276 s.
9. Moiseev N. N. Noch einmal zum Problem der Koevolution./N. N. Moiseev//Frage der Philosophie. – 1998. – № 8. – S. 26–32.
10. Tarasenko W. W. Metaphysik des Fraktals.//[Elektronische Ressource]. – Erhältlich ab: <http://filosof.historic.ru/books.-> (Verwendungsdatum 12.08.2014).
11. Mandelbrot B. B. The fraktal Geometry of Nature. – San-Francisco: W. H. Freeman and Company, 1982.

Section 9. Regional studies and socio-economic geography

Kotyk Liubov Ivanivna,
Ivan Franko National University of Lviv,
Assistant, Faculty of Geography
E-mail: kotyklub@gmail.com

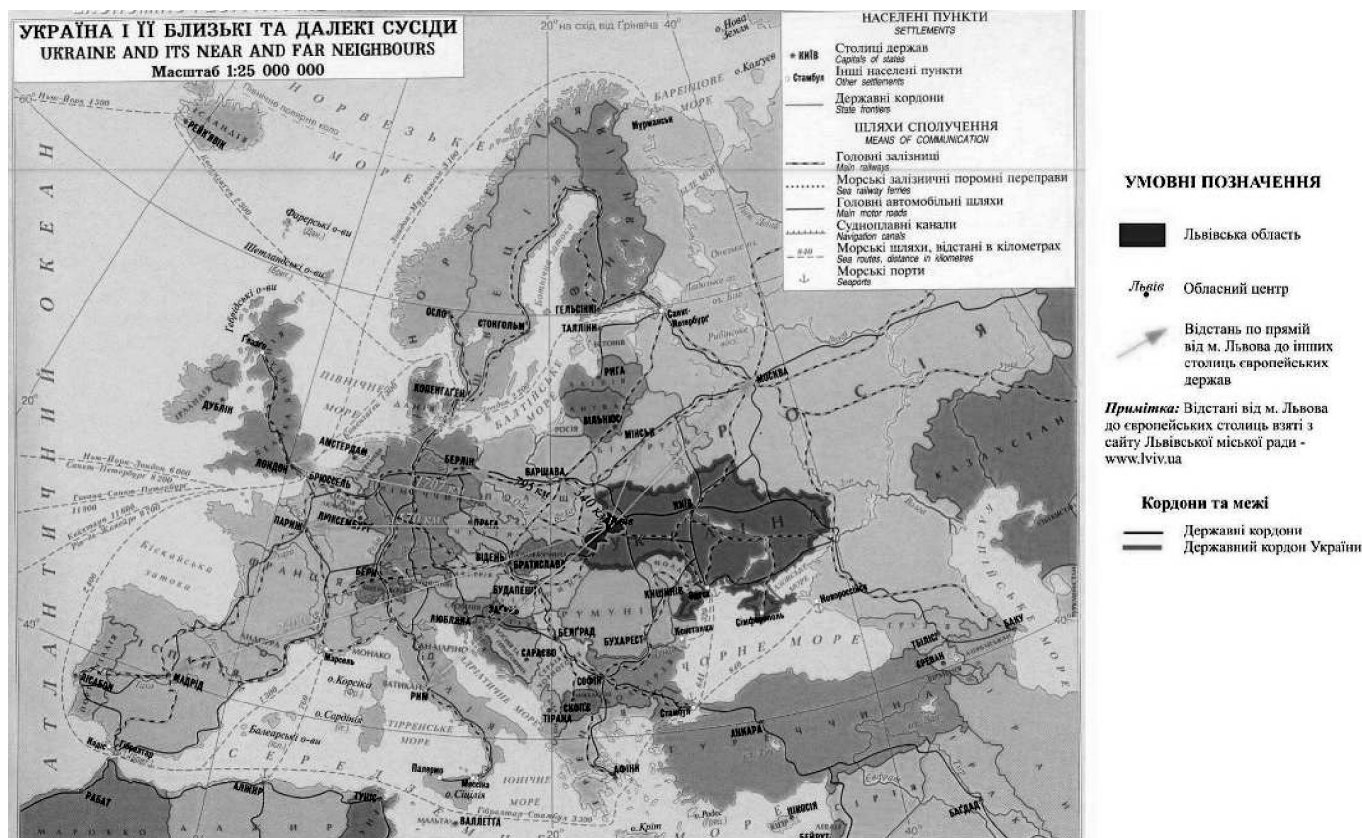
Human-geographical problems of structural transformation of the economic complex in Lviv region

Abstract: In this article human-geographical problems of the economic development and functioning in the condition of transformation in Lviv region are considered. Attention is paid to structural changes in the economic sector, the development of modern forms of enterprise combinations, the flow of investment and innovation processes etc.

Keywords: transformation of economic complex, structural transformation, new industrialization, modern forms of enterprise combination, associations, clusters.

In the conditions of protracted socio-economic crisis of Ukraine, which is reinforced and exacerbated by military operations in the east of the state and violation of its territorial integrity; on the background of the need to implement effective changes in functioning of the economic system of the country and the implementation of administrative-territorial reform in order to decentralize the power, transformational changes of the economic complex of certain regions

of the state deserve special attention of investigation. One of such regions is Lviv region, which is characterized by advantageous geographical location (proximity to EU member — Poland; developed transport network, remoteness from areas of active military actions and areas of instability); by challengingly formed structure of the economy and significant potential for socio-economic development of this region (pic. 1, 2).

Pic. 1. Ukraine and its near and far neighbours

Pic. 2. Location of Lviv region in Ukraine

Under the transformation of economic complex we realize some change, conversion of type and form of social and industrial relations. Nowadays these problems are studied by geographers: H. Balabanov, O. Hladkyiy, O. Zastavetska, S. Ishchuk, V. Nahirna, L. Niemets, O. Nyzhnyk, H. Pidhrushnyi, V. Smal, O. Topchieyv, O. Shablii, L. Shevchuk; by economists: V. Zakharchenko, M. Dmytrenko, S. Ierokhin, V. Savchuk, U. Sadova and other. They investigate sectoral and regional aspects of the course of the economy transformation, develop a theory of transformation of economic complex of the region, thoroughly analyze the impact of factors on the course of transformation processes [1; 4; 6; 7].

Considering the substantial bonds that are formed between the components of the complex during the process of transformations and based on theoretical work on the theory of transformation of industries can distinguish four types of economic complex transformation: structural, functional, organizational,

administrative [2]. In particular, the structural transformation should be considered in sectoral and territorial sections.

In sectoral section it is manifested through certain changes of elements of the economic complex; facilities and scope of services; employment of population by industry sector; the sectoral structure of the complex as a whole.

There are such results of manifestation in the transformation of economic sector in the territorial aspect as: changing the existing territorial structure; isolating of depressed, peripheral areas and growth poles; forming of business networks, clusters, areas of priority development and so on.

In the economic sector of Lviv region for 2010–2013 years, reduction of the amount of enterprises that are subjects of economic activity (especially small and micro enterprises); reducing the number of employed and employees; slight increase in the volume of goods and services and gross regional product (GRP) are registered (table 1).

Table 1. – Main indicators of functioning of the economic complex in Lviv region

Indicators	2010	2013
The amount of enterprises that are subjects of business activities, units for 10 thousand people	20 343 80	18 762 74
The amount of employed workers, thousands of people	403.8	356.3
The amount of employees, thousands of people	398.5	350.1
Sales volume, mln hryvnias	98 047.1	131 081.6
Gross regional product, mln hryvnias	41 655	61 962

Note: Compiled by [5, 43, 180].

The largest decrease in the number of employed workers occurred in the field of construction (by 33.2 %), wholesale and retail trade (by 19.3 %), financial and insurance activities (by 34.7 %), but increased the number of employees in the field of information and communications (by 3.8 %) and in the field of sports, entertainment and recreation (by 47.0 %) [5, 181], that is due to the implementation in the Lviv region of innovative projects: IT cluster (c. Lviv, 2010), tourism cluster (c. Lviv, 2009) [3].

For 2001–2011 years in the structure of gross value added of Lviv region by economic activity recorded a significant decline in the share of agriculture and forestry (21.7 % in 2001 against 9.8 % in 2011) and manufacturing (15.3 % and 10.8 % respectively); reducing the share of construction (4.5 % and 3.6 %), transport and communications (16.7 % and 14.1 %); a significant increase in the share of financial activities (2.2 % and 5.3 %), trade (9.3 % and 16.6 %), real estate operations (6.0 % and 10.1 %) [5, 45]. Changes in the structure of gross value added in the economy suggest the economic transformation of Lviv region towards the development of service sector (tourism, finance, IT services). However, challenges of the present and available potential of labor resource of the region provide the basis for the development of reindustrialization processes on the basis of new industrialization policy. Implementation of the latest is advisable to depressive, old industrial areas of Lviv region (c. Novyi Rozdil, c. Drohobych, c. Stebnyk, c. Chervonohrad) and also nearby scientific and educational centers of the region (c. Lviv).

Operation of modern combination forms of enterprises, including associations, consortia, trusts, clusters positively affect on the structural transformation of the economy of Lviv region.

Associations actively operate in the regional area (135 units per 01.01.2014 p.): defend the interests of business combinations, promote their business ideas, popularize activity, and stimulate transformations of the region. For example, 16 associations are organized to develop tourism industry in Lviv region; 21 — for popularizing the ideas of SMEs at the regional level, 5 — for promotion in foreign markets competitive products of Lviv producers and service providers [5]. Activities of associations cover all areas of regional economic. Most associations operating in the Lviv region, geographically registered in Lviv properly (42 % of operating associations within the region (2012)), in Kyiv (24 %), cities of regional subordination (18 %), other settlements of the region (16 %). Due to the current socio-economic crisis, the effectiveness of the association declined significantly: 2/3 associations exist only illegally and they do not carry out active operations.

Long term functional conjunctions and conjunctions of direct nature are absent between active associations. That fact significantly impedes the solution of local/regional socio-economic problems. Today strengthening, rethinking and horizontal conjunctions, especially at the local level, are required. For example, between associations of Yavoriv district («Yavoriv District Farmers Association», «Association of Yavoriv Employers», etc.) to the effective use of border

and advantageous transport and geographical position of the area, overcoming the problem of unemployment and creation of new centers of business activity; between associations of Skole district («Association of Regional Development of Skole District», «Skole Resort Association», «Association of the Lviv Council», «Association of Slavsko resort») to sustainable economic development, tourism and recreation of the area and so on.

Consortiums operate at the territory of Lviv region. The majority of the consortiums (both local and national («Ukrhydroenerhobud», «Consortium of border universities»)) have well-defined scope of operation, their activities are geographically linked with city Lviv or locations of strategically important companies/resources (c. Horodok, c. Stryj, c. Truskavets, c. Mostyska). Consortiums weakly interact among themselves (dominated by episodic, indirect, functional conjunctions). This leads to inhibition of the regional socio-economic development. From 2010 global scale consortiums went out on the market area: «Chevron» (US production of hydrocarbons, winner (2012) for the development Oleska areas), «PTV AG — VCDB GMBH» (Germany, strategic adaptation and development of transport networks, design of transport network Lviv city).

The trusts are present in the structure of economic complex of Lviv region from the middle of twentieth century: 1940 organization of trust «Lvivuhlerozvidka» to conduct a systematic geologically exploration works. During the transformation of the regional economy «Ukrzakhidvuhlebudrest» (c. Chervonograd), «Trust of green economy» (c. Lviv), «Constructing and mounting trust of Lviv Railway» (c. Lviv) and etc. separated into single structural units and independent entities. Most trusts of Lviv are unprofitable and require a competent restructuring, search of new markets for providing services and sale of turn-off products, modernization of production, and implementation of the principles of effective management.

Concerns in the Lviv region are represented by functioning of PJSC «Concern Hliboprom» («Lviv bakery № 1», «Lviv bread-baking plant № 5», «Pastry shop», «Sambir bakery», «Yavirmlyn»); JSC «Concern Electron» (Television Plant «Electron», factory «Polymer-Electron», plant of television equipment «Electron», financial and leasing company «Electron-Leasing», LLC «Plant» Electropobutprylad» Scientific-Production Association «Carat») and others. Concerns of the food industry are actively working. There are close structural and functional relationships among them. Concerns of the mechanical engineering and chemical industry are at the stage of recession. Their potential (labor resource, engineering-communication infrastructure, the availability of free areas) should be used for the development of new centers of industrialization (Industrial Park Riasne-2 (c. Lviv), Yavoriv Industrial Park, Novorozdilsk Industrial Park: creation of parks is provided by CBC Programme Poland-Belarus-Ukraine 2007–2013) and the process of reindustrialization of the region.

The launch of financial-industrial group «Rosan» at the region territory (1990) is positive. It operates in the segment of logistics services and combines ten enterprises of different directions (postal operator «Rosan», asset management company «Rosan-Capital», investment company «Rosan-Invest», bonded operator «Rosan-Global» courier service «Bridge Express» tourist company «Bridge tour»). The central office FIG is located in Lviv, in 40 cities of Ukraine and 7 countries (USA, Canada, Greece, Poland, Italy, Spain, Germany) — open affiliates of the company.

In the territorial structure of the economy in Lviv region changes are associated with the formation of new growth poles (tourist centers: v. Plavie (Skole district), v. Rozhiche (Stryi district), v. Rozluch (Turka district)); overcoming of

depression of old industrial districts (Yavoriv district, Mykolaiv region); launch of clusters: IT clusters (Lviv, 2010, based on resources of companies «Soft Serve Inc.», «ELEKS Software», «N-IX» and «Symphony Solutions»); clusters of woodworking and furniture industry (Lviv, 2010, resources of the companies «Svitanok», «Buk-Holding», «Uniplyt», «Lviv furniture factory»); tourist cluster (Lviv, travel agencies, hotel facilities, institutions of restaurant industry).

In general, the economic complex of Lviv region is in the process of significant transformational changes caused as historical and globalization challenges (the transition to the information society) and the socio-economic realities of Ukraine development (socio-economic crisis, political instability, etc.).

References:

1. Ierokhin S.A. Structural transformation of the national economy (theoretical-methodological aspect): Scientific monograph/S.A. Ierokhin. – K.: The World of Knowledge, 2002. – 528 p.
2. Kotyk L.I. Approaches to typing the transformation of economic complex of the region/L.I. Kotyk//Region-2011: optimal development strategy: mater. conf. – Kharkiv: Kharkiv National University by V.N. Karazin, 2011. – P. 184–187.
3. Kotyk L.I. Socio-geographic aspects of the combination of the latest forms of enterprises in Lviv region//L.I. Kotyk//Scientific Bulletin of Chernivtsi Univ, Coll. Science. works. – Chernivtsi: Chernivtsi Nat. University, 2014. – Vol. 724–725: Geography. – P. 157–162.
4. Shabliy O.I. Human geography: theory, history, Ukrainian studio./O. Shabliy. – Lviv: Type. Center LNU. Franko, 2001. – 744 p.
5. Statistical Yearbook of Lviv region for 2013 – in 2 vols. – Lviv: Goal. Exercise. statistician. in Lviv reg., 2014.
6. Transformational structure of Ukrainian economy: regional aspect./[ed. G. V. Balabanov, V.P. Nahirna, O.M. Nyzhnyk]. – K.: Millennium, 2003. – 404 p.
7. Zakharchenko V.I. Transformational processes in industrial territorial systems of Ukraine./V.I. Zakharchenko. – Vinnytsia: Hipanis, 2004. – 547 p.

Section 10. Philology

*Atajonova Malohat Ilhomovna,
teacher of English, Urgench State University*

*Mamatova Maksuda Shonazarovna,
student of English department,
Urgench State University*

*Nurmetov Jasur Nurmuxamatovich,
Master student, specialization Linguistics
(English language), Foreign languages faculty
E-mail: Guzal7212@gmail.com*

Different approaches to the content-based instructions in language learning and teaching

Abstract: This article is about different approaches to the content — based instructions in language learning. The study of a subject matter makes its learning easy and meaningful for learners. It is necessary to provide meaningful input to have productive output. The teacher should use effective and special methods to make the student be able to speak about the content and purpose of learning English for their field of subject.

Keywords: approaches, language acquisition, comprehensible, instruction, immersion programs, proximal development.

According to theories in foreign language learning, content-based instruction fulfills the necessary conditions for a successful language acquisition or leaning. According to Krashen “Second language acquisition occurs when the learner receives comprehensible input, not when the learner is memorizing vocabulary or completing language exercises” [1]. Therefore, content-based instruction accomplishes that assumption, because the study of a subject matter makes the input more comprehensible and meaningful for learners, as Krashen highlights, “What rather than how”. In addition to the comprehensible input proposed by Krashen, there is also a study in Canadian immersion programs, Swain suggests that “In order to develop communicative competence, learners must have extended opportunities to use foreign language productively” [1], this means that in order to inquire learners to produce meaningful output, they must have meaningful input.

In addition, both theories from Krashen (1984) and Swain (1985) complement each other. Both hypothesis were important in the research work because the cope was to motivate learners to talk about important issues for them in a different language; during teaching experience we have wondered why students do not speak English, and we have found out that they do not know how to communicate what they want, and what it is important for them in the target language, this situation may happen because the information given is not as meaningful as language teachers think it is. Therefore, it is necessary to provide meaningful input to have productively output. Going depth to social and philologists issues

surrounding content-based instruction; Vigotsky’s notions of “[1] Zone of proximal development, [2] private speech (internally directed speech) as strategies for problem solving a rehearsing” [1].

Students in CBI classes have plenty of possibilities to interact and negotiate with the content they are learning in order to communicate with a peer and practice comfortably the knowledge acquired. Another assumption that is important in teaching a language comes from Ausubel (1983), who proposes in education the concept of “Meaningful learning” where teachers use students’ prior knowledge in order to create a new one, Ausubel (1983) states that teachers should not take for granted students’ minds, “Their minds are not in Zero”. Ausubel suggests this in general educational field. However, it could also be taken to the language teaching field, where teachers can elicit information from students in order to construct new knowledge and allow students to participate in their own process of learning. Finally, the assumption by Novak (1994) who states that learners choose consciously to integrate new knowledge to knowledge they already possess, that is learners make knowledge meaningful when they relate it with knowledge they already own.

Moreover, Cummins’ work provides theoretical base for consideration of the integration of language and content instruction. “There is a paradigm in which language tasks may be characterized as context reduced or context embedded and in which the tasks addressed through language may be cognitively demanding or undemanding” [1]. Therefore, learners require clear guidance in order to develop the tasks well,

and it is also necessary that those activities develop demand a level of difficulty, with the purpose of mastering not only simple daily circumstances, but also an academic background to survive in academic learning contexts.

Additionally, it is important to clarify that CBI aided language development in terms of effectiveness in the learning process; it means that the four skills were fully developed during the implementation of CBI. As said by Brinton et al (2003) the content development makes the best use of skills in the target language in order to aid learners to use the content and understand the language significantly. Therefore, language and content were balanced developed and worked.

All the before mentioned about language acquisition and CBI, was important in the research work, because to implement a certain strategy, teachers need to know the learners' minds, in order to understand what they want and need. Therefore, teachers can create knowledge along with learners. Besides, learners should be ready to face academic language in their professional life. Consequently, English teachers should provide learners contents through which they can improve academic language and knowledge.

Another issue which is important to mention is, the autonomous learning. In CBI the role of the student is student-centered. According to Stryker and Leaver "One goal of CBI is for learners to become autonomous so that they come to understand their own learning process and take charge of their own learning from the very start" [1]. Thus, the role of the students is to stop being passive, they become involved in their own process and with their own rhythm of learning.

To finish, according to Anderson cited in Stryker & Leaver "teaching approaches which combine the development of language and content knowledge practice, using this knowledge and strategy training to promote independent learning" [1]. In traditional context it is difficult to increase autonomous learning, since students are used to receive the whole information and not to have consciousness of their own process of learning. This special fact was a weakness in the research work.

However, in this point we gave special attention and tried to apply different strategies to improve students' autonomous learning.

"Even though content-based instruction (CBI), is gaining popularity and research support in the ESL setting, it is still relatively new in much of the EFL field" [1]. However, according to Tim Murphey "Few teachers have experienced in content teaching" [1]. This means that even though, the institutions say that they apply content-based, there are a few teachers that have experience using CBI.

Throughout history of second and foreign language teaching the word content has had different interpretations. Historically, in methods such as grammar translation, content was defined as the grammatical structures of the target language. In the audio-lingual method, content assisted of grammatical structures, vocabulary, or sound patterns presented in dialog form. More recently, communicative approaches define content in an altogether different way.

More recently, another definition of content has emerged as an approach.

According to Snow "Content, in this interpretation, is the use of subject matter for second foreign language purposes. Subject matter may consist of topics or themes based on students interest or needs in an adult EFL setting, or it may be very specific, such as the subjects that students are currently studying in their elementary classes" [1].

Other authors have also related to content-based and in order to clarify the term it was necessary to define it from the point of view of different authors. Drawn from Met "The term content-based instruction is commonly used to describe approaches to integrating language and content instruction" [1], but it is not always used in the same way. For example, Crandall & Tucker, cited in Hardman define content as "... an approach to language instruction that integrates the presentation of topics or tasks from subject matter classes (e.g., math, social studies) within the context of teaching a second or foreign language" [1].

Curtain and Pesola use the term in a more restricted way, limiting it to only those "... curriculum concepts being taught through the foreign language ... appropriate to the grade level of the students ..." [1]. Krueger and Ryan cited in Met "Distinguish between content-based and form-based instruction and note that the term discipline-based more appropriately captures the integration of language learning with different academic disciplines and contents". There is also a variety of definitions of "content".

As can be seen from Crandall and Tucker's definition, "Content is clearly «academic subject matter»" while Genesee Cited by Hardman suggests that content "... need not be academic; it can include any topic, theme or non-language issue of interest or importance to the learners". Chaput cited in Hardman defines content as "... any topic of intellectual substance which contributes to the students' understanding of language in general, and the target language in particular". Met has proposed that "... «content» in content-based programs represents material that is cognitively engaging and demanding for the learner, and is material that extends beyond the target language or target culture".

Despite of the different definitions and the different ways to conceive the term Content-Based Instruction, all of the programs, models, and approaches that integrate language and content share a common characteristic; students engage in some way content using a foreign language.

To finish, CBI is defined by the researcher; content-based instruction is actually a high-quality strategy for teaching a foreign language because it is taken into consideration learners' prior knowledge, interests and needs in order to teach another language. Moreover, if it is given to the learners meaningful input, they will produce meaningful output, in other words students will develop a communicative competence that helps not only the foreign language development, but also to strength competences in the native language.

References:

1. Anderson Keith, Wendy Allen and Leon Narvaez. "The Applied Foreign Language Component in the Humanities and the Sciences", 103–13, in Merle Krueger and Frank Ryan, eds., *Language and Content: Discipline and Content-Based Approaches to Language Study*. – Lexington, MA: DC Heath, 1993.
2. Crandall J. A. Content-centered learning in the United States. *Annual Review of Applied Linguistics* 13, 111–126. – 1993.
3. Curtain H. & Pesola C. A. B. *Languages and children: Making the match*, Foreign language instruction for an early start grades K–8. White Plains. – NY: Longman, 1993.
4. Cummins J. The role of primary language development in promoting educational success for language minority students. In California State Department of Education (Ed.), *Schooling and language minority students: A theoretical framework*. – Los Angeles: National Dissemination and Assessment Center, 1981. – P. 3–49.
5. Krashen S. D. *Fundamentals of language education*. – Columbus, OH: McGrawHill, 1992.

*Matchanov Muzaffar Ruzimbaevich,
the English teacher of Applied English department,
Foreign Languages Faculty, Urgench State University*

*Karimova Yulduz,
student of the English language and literature department,
Foreign Languages Faculty, Urgench State University*

*Rakhmanova Aziza,
student of the English language and literature department,
Foreign Languages Faculty, Urgench State University
E-mail: Guzal7212@gmail.com*

Identifying allocating and managing resources for language tests

Abstract: From early years of independence Uzbekistan state policy paid great attention to the education of the youth and adopted a number of decrees, orders and established continuous development process of learning process. New standards, new curriculum and models of educational syllabus have been suggested in order to reestablish and change traditional approach to education in the republic.

Keywords: educational syllabus, diagnostic, assignment, reproduction, problem-solving tests, Traditional approach.

We can find very convenient information on the issue in the following constructions by Berk R. A., Baltimore, Fitzpatrick R., Morrison E. J. R. and L. Thorndike. This discussion of act charge addresses the topic from some exclusive perceptions. For instance, the authors give a great attention to the concept of reproduction, the application of high technology in performance assessment, the basic perceptions of devotion, cost, and the essentials of good recreations. In addition, they emphasize the procedure of situation tests such as in-basket tests, games, contests, and diagnostic problem-solving tests in which examinees engage in some real-life tasks.

Here we can introduce you with explanation of the term of "language test resource allocation". Resource sharing out is the assignment of valuable resources to various uses. In the context of an entire language teaching, resources can be allocated by knowledge of learners and their language proficiency, by central planning, or by some combination of the two. In project management, resource allocation or resource management is the scheduling of activities and the resources required by those activities while taking into consideration both the resource convenience and the project time.

Strategic planning of resource allocation is a content draft for using available resources, for example human resources, especially in the near term, to achieve designed target for the future. It is the process of allocating uncommon resources among the various projects or business units. There have been a number of approaches to solving reserve allocation problems for instance, the resources can be allocated using a handbook approach, an algorithmic approach, or a combination of both. There may be eventuality mechanisms such as a priority ranking of items excluded from the plan, presentation which items to fund if more resources should become obtainable and a priority position of some items included in the plan, showing items should be sacrificed if total funding must be reduced.

Resource allocation may be decided by using computer programs applied to a specific domain to mechanically and with dynamism distribute resources to candidates, and this type of resource allocation usually called in science as "algorithm".

One of the most significant stages in any test development procedure in stock of the available resources and approximation the resources essential in the previous chapter, practicality is the

association between obtainable required properties. If steps are not taken to be representative about resources one might take on a development that will either be impossible to wide-ranging or will be exhausting. One way to get a better feel for the kinds of resources that may be needed is to list the main steps in test development and request what kinds of resources will be elaborated in carrying out each step. One can then breakthrough a list of available resources. We now deliberate some of the resources typically mandatory for test development. In English language skills assessment the resources are divided into human resources and material resources. One critical component of test development is the individuals who carry it out. Human resources can unsurpassed be thought of roles or functions. In some situations, personalities will have very clearly defined part and functions, while in other cases they may take dissimilar roles and tasks as test development profits. In most assignments several parts will be filled by the same person. Human resources may be test developer, test writers and test raters and scorers, test administrators, clerical support. Equipment also plays an important role in test development and production. The list is long, and includes, for instance, typewriters, word processors, overhead projectors, tape recorders, video recorders, computers, language test center, machine counting devices, etc.

Test materials include whatever the test itself made of and whatever may be used in the process of taking the test. This may comprise pencils, test booklets, answer sheets, computer disks, video tapes, audio tapes.

Time is a critical resource which needs to be considered with respect to each of the other resources. There are two aspects to this development time and the time required to complete the parts of each stage of the development process. It is important to estimate the total amount of time available from personnel and apparatus such as computers, language laboratories.

Resources can be classified into the personnel; they are the project director, test writer, editor, raters, administrators, and ecclesiastical support.

Space can be acknowledged for test development and test management.

Equipment is additional necessary item in language tests the computer, recording studio, VCR and monitor. Language tests may be classroom tests, high-stakes tests, steps in an interactive team effort. The followings are some of the major steps in an interactive team effort: Selecting a team, eliciting input, creating a first draft of a proposal, eliciting reactions to the first draft, revising the suggestion based upon comments, influential the amount of support, dealing with lack of support.

A test can give the teacher valued information about where the students are in their learning and can mark what the teacher will cover next. They will help a teacher to decide if her teaching has been operative and help to highlight what needs to be reviewed. Testing can be as much an assessment of the teaching as the learning. Tests can give students a sense of achievement as well as information about what they be acquainted with and what they need to review.

References:

1. Berk R.A. (Ed.) Performance assessment: Methods and applications. – Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1986.
2. Alderson J.C., Clapham C. & Wall D. Language Test Construction & Evaluation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

*Merkotan Lesia Yosypivna,
Kamenets-Podolskyi Ivan Ohienko National University,
Postgraduate Student, The Department of the Ukrainian Language
E-mail: merkotanl@i.ua*

Precedent texts of the 19th century in the discourse of modern Ukrainian prose

Abstract: The article deals with the review of the precedent texts of the 19th century actualized in the discourse of the modern Ukrainian prose. The author describes native precedent texts as well as the precedent texts of the foreign origin verbal representation of which occurs the most frequently in the corpus of the Ukrainian prose of the beginning of the 21st century.

Keywords: precedent text, actualization, discourse, prose, source.

The problem of the precedence has become the key one in the investigations of the scholars in the sphere of cognitive (D. Bagaeva, D. Hudkov, V. Dzhanaeva, I. Zakharenko, H. Slyshkin), structural and semantic (I. Arnold, L. Hryshaeva), lingo-cultural (S. Bannikova, V. Kostomarov, A. Proskurina) approaches of the precedent phenomena

researches. However, little research has been undertaken to study the problem of the precedent texts in the discourse of the modern Ukrainian prose and to investigate their origin.

This study seeks to understand the main sources of the precedent texts dating back to the 19th century and to focus on their national indications.

The material of the paper is the prose works of the Ukrainian writers: Yu. Andruchovych, H. Vdovychenko, L. Denysenko, L. Deresh, I. Karpa, A. Kokotiukha, Dara Kornii, V. Lys, T. Maliarchuk, S. Povaliaeva, I. Rozdobudko, V. Shkliar.

Taking into consideration the scientific achievements of the linguists (Yu. Karaulov, D. Hudkov, V. Krasnykh, H. Slyshkin), we suggest that the precedent text is a text essential for the language personality in the emotional and cognitive aspects and the appellation to which can be repeatedly regenerated in the process of communication with the help of the precedent utterances, precedent names and precedent situations connected with this precedent text.

The 19th century is the time of significant developments in all the cultural spheres, it's the golden age of the literature, the feature of which is the appearance of new names in literature and their influence on the social life. It gives good ground for reflecting their achievements in the modern Ukrainian prose.

T. Shevchenko's creative work became the turning point in the Ukrainian language formation, that is why it's quite natural that his works predominate among the sources of the precedent texts of the analyzed discourse: *Генек склав руки перед собою і почав підвивати писклявим голосом школярки-відмінниці, яка чесно заробляє свій бал з української літератури: — Світає, край неба палає... [2, 198] — the poem "The Dream" ("Son") (1844); Моя мама до того плакала лише двічі — коли жбурляла у тата квашиєм помідором і коли читала мені перед сном "Наймичку" [12, 513] — the poem "The Farm-Labourer" ("Naimychka") (1845); Зоря моя вечірняя, зійди над горою, поговоримо тихесенько в неволі з тобою... Ніч. Неточна цитата. Жінка. Що? Ніч. Ти неточно процитувала Шевченка [10, 199] — the poem "The Princess" ("Kniazhna") (1847–1848).*

Among the sources of the 19th century precedent texts M. Gogol's works also prevail: *Звідки, думаєте, джерело черпає свої сили? Читали Гоголя, може? В тому і полягає випробування — пройти до таємного джерела серед ночі, коли в лісах панує нечисть [8, 113] — the horror short story "Vii", first published in the first volume of the collection of tales entitled "Myrgorod" (1835); Гоголь зі своєю фінальною ревізорівською сценою відпочивав, коли Віталька побачив перед екзаменом абітурієнтку Соломію Роцук [11, 332] — the satirical play "The Government Inspector" ("Revizor") (1836).*

The literal process in Ukraine of the second half of the 19th century was formed under the influence of such writers as L. Hlibov, Panas Murnyi, I. Franko: *Ліда навіть боялася його довгих, схожих на галюцинації, розмірковувань про природу того чи іншого твору Тичини, Йогансена, Плужника, Пастернака, Ружевича, зв'язок вірша (одного!) з цілою долею поета, про те, як він уявляє собі самогубство героя Франкового "Зів'ялого листа"... [10, 175–176] — the social issue "Withered Leaves" ("Ziviale Lystia") by I. Franko (1886–1896); Можна було отримати "відмінно" лише за те, що тупо перелічили риси характеру якого-небудь Чіпки: "мужність", "бадьорість", "сміливість" — одне слово, дивись у вікно й бубони [15, 88] — the novel "Do the Oxen*

Bellow, When Their Mangers Are Full?" ("Khiba revut voly, yak yasla povni?") by Panas Murnyi (1875); Так от, у нього тахикардія і він плачеться на гірку доленьку, а в мене, надлюки дикої, не знати чого піднявся настрій і хороше, і весело на білім світі стало жить [6, 268] — the poem "Sorrow" ("Zhurba") by L. Hlibov (1859).

The development of the national literatures and the world literature formation opened a lot of new names in the sphere of prose, poetry, drama, that is why the works of the 19th century world literature classics are the sources of the precedent texts even in the discourse of the prose of the 21st century.

The data indicate that the Russian literature of the 19th century is also the source of the precedent texts in the language of the modern Ukrainian prose.

The intensive usage of the precedent texts appealing to the classics of the Russian literature has been noticed. In this connection particular importance should be attached to the names of F. Dostoevskyi, O. Pushkin, L. Tolstoi, O. Griboyedov, O. Ostrovskyi, I. Turgenev: — *Достоевський мав рацію, — сказав він без найменшого акценту. — Краса врятує пекло [16, 171] — the allusion on the novel "The Idiot" by F. Dostoevskyi (1868); Ден зустрічає дніпропетровську Русалку, яка сидить на гілочці кипариса, — ну прямо в натуре "русалка на ветвях сидіт"! — й посилає Дена матом... [13, 224–225] — the poem "Ruslan and Ludmila" ("Ruslan i Liudmila") (1818–1820); Вся "дев'ятка" — Віт, Гул, Зон, Рут, Вів та Аяс — страшенно пишається, що їхній літсуд над Анною Кареніною поки що був найпоказовішим: всі його учасники отримували по сто балів [14, 27] — the novel "Anna Karenina" by L. Tolstoi (1873–1877); А російський консул делікатно поправляв йому краватку і, легко потицявши в неї пальцем, наче птах дзьобом, по-філософському зауважував із класичною грібоєдовською інтонацією: "Горе от ума. Да-с, батенька" [3, 51] — O. Griboedov's comedy in verse "Woe from Wit" ("Hore ot Uma") (1822–1824); — Кнуров моє прізвище. Як у того, в "Безприданниці", знаєте? Купець там був — Мокій Кнуров... [7, 92] — O. Ostrovskyi's play "Without a Dowry" ("Bespridannitsa") (1879).*

The analysis of the language material confirms the tendency of the modern Ukrainian prose to the verbalization of the precedent texts denoting English works of the 19th century: *Кохання мало своє ім'я, її звали — Алісою. Аліса з дивовижної країни [3, 17] — the novel "Alice's Adventures in Wonderland" written by Lewis Carroll (published in 1865); Багато сторінок цього щоденника присвячено діалогам з роману "Джен Ейр". Бабуся казала, що мій дідусь, який загинув на війні у 27 років, був дуже схожий на графа Рочестера, адже так само красиво розмовляв із нею [15, 84–85] — the novel by English writer Charlotte Brontë "Jane Eyre" (1847).*

Furthermore, nowadays the discourse of the modern Ukrainian prose is full of the precedent texts of the French origin: *Тим більше, що саме сьогодні ми судимо мадам де Ренуаль з "Червоного та чорного" і я, саме я, маю честь вперше в житті бути її прокурором [14, 14] — the historical psychological novel in two volumes by Stendhal "The Red*

and the Black" (1830); *Не підкопаєшся за прикладом графа Монте-Крісто, нігтями не продряпаєш, головою не протараниш* [7, 250] — the adventure novel by Alexandre Dumas "The Count of Monte Cristo" (1844–1845); *Почуття реальності збіглося, як шагренева шкіра, але він цього не помічав* [2, 197] — a novel by French novelist and playwright Honoré de Balzac "The Magic Skin" (1831).

The important source of the precedent texts dating back to the 19th century is the fairy tales by the Danish author H. C. Andersen: *А ще годуй їх, а жеруть вони, ці сучасні дюймовочки, забагато, їх нагодувати складніше, ніж двох елітних вепрів* [4, 23] — the fairy tale "Thumbelina" (1835); *Можна спокійно прогулюватися, уявляючи себе принцесою з казки Андерсена "Кресало" або Карлсоном, що живе на даху* [9, 13] — "The Tinderbox" (1835); *З мусором — істерика, а тут ще дві наші "снігові королеви" вчетверте вламуються до відділка...* [13, 199] — the original fairy tale written by H. C. Andersen "The Snow Queen" (1844).

The works of the German writers and poets dating back to the 19th century also enrich the store of the precedent texts sources verbalized by the modern Ukrainian writers: *Майя — його можливість зіграти маркіза де Сада. Його тиха заплава, в якій шелестить бамбук і гейша читає вголос Книгу Пісень* [5, 62] — the collection of poems "Book of Songs" written by Heinrich Heine (1827); *Але він лише кивнув і приховано посміхнувся самими кутиками вуст: Заратустра дозволяв нам навіть і це* [1, 258] — the philosophical novel by German philosopher Friedrich Nietzsche "Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None" (1883–1885).

To summarise, modern Ukrainian prose reflects not only the Ukrainian legacy but also comprises the works of foreign writers and poets representing cultural and social life of their countries. So the precedent texts represent cultural values, ethnic character and mentality which influence the everyday life of the Ukrainian cultural society.

References:

1. Андрухович Ю. Лексикон інтимних міст. Довільний посібник з геопоетики та космополітики/Юрій Андрухович. – Кам'янець-Подільський: Meridian Czernowitz, ТОВ «Друкарня "Рута"», 2012. – 424 с.
2. Вдовиченко Г. Купальниця: [роман]/Галина Вдовиченко; передм. Г. Гудзьо. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2012. – 240 с.
3. Денисенко Л. Кавовий присмак кориці: [роман]/Лариса Денисенко. – К.: Нора-Друк, 2011. – 240 с. ПК (Популярні Книжки).
4. Денисенко Л. Корпорація ідіотів: [роман]/Лариса Денисенко. – К.: Нора-Друк, 2010. – 276 с.
5. Дереш Л. Голова Якова/Любо Дереш; передм. Ю. Іздрика. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2012. – 240 с.
6. Карпа І. Довбо і зло/Ірена Карпа. – Харків: Книжковий клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2008. – 319 с.
7. Кокотюха А. А. Живий звук: [роман]/Андрій Кокотюха; худож.-оформлювач О. Г. Жуков. – Харків: Фоліо, 2008. – 282 с.
8. Кокотюха А. Таємне джерело: [роман]/Андрій Кокотюха; передм. Ю. Макарова. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2013. – 288 с.
9. Корній Дара. Гонимарник: [роман]/Дара Корній; передм. Любо Дашвар; худож. А. Єрьоміна. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2012. – 336 с.: іл.
10. Лис В. С. Острів Сильвестра: [роман]/Володимир Лис; худож.-оформлювач І. В. Осіпов. – Харків: Фоліо, 2009. – 210 с. – (Література).
11. Лис В. С. Соло для Соломії: [роман]/Володимир Лис; передм. Т. Прохаська. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2013. – 368 с.
12. Малярчук Т. Божественна комедія/Таня Малярчук; худож.-оформлювач О. Г. Жуков. – Харків: Фоліо, 2009. – 825 с.
13. Поваляєва С. В. Замість крові: Роман із циклу "Колишні коханці"/Світлана Поваляєва; худож.-оформлювач І. В. Осіпов. – Харків: Фоліо, 2007. – 255 с. – (Графіті).
14. Роздобудько І. ЛСД. Ліцей слухняних дружин: [роман]/Ірен Роздобудько; передм. Т. Вергелес. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2013. – 320 с.: іл.
15. Роздобудько І. Одного разу: [роман]/Ірен Роздобудько; передм. Л. Ворониної. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2014. – 224 с.: іл.
16. Шкляр В. Кров кажана: [роман]/Василь Шкляр. – 2-ге вид. – Харків: Книжковий Клуб "Клуб Сімейного Дозвілля", 2013. – 272 с.

Milyutina Anna Aleksandrovna,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
graduate student
E-mail: anitutita@mail.ru

Implementation of the author of the course "formation of media competence of the younger students at Russian lessons" in the educational process of primary school

Abstract: The article deals with the author's course "Formation of media competence of the younger pupils Russian lessons", its implementation in the educational process of primary school. Specifies the content for each topic of the course and the main types of educational activity of younger students.

Keywords: media competence, information society, media tools, the Internet, the algorithm.

Милютина Анна Александровна,
Челябинский государственный
педагогический университет, аспирант
E-mail: anitutita@mail.ru

Внедрение авторского курса «Формирование медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка» в образовательный процесс начальной школы

Аннотация: В статье рассматривается авторский курс «Формирование медиакомпетенции младших школьников уроках русского языка», его внедрение в образовательный процесс начальной школы. Определяется содержание по каждой теме курса и основные виды учебной деятельности младших школьников.

Ключевые слова: медиакомпетенция, информационное общество, медиа средства, сеть Интернет, алгоритм.

Авторский курс «Формирование медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка» представлен четырьмя отдельными содержательными модулями, каждый из которых содержит определенный набор тем и заданий, с которыми учитель и учащиеся работают в процессе обучения предмету «Русский язык».

На эти упражнения и задания должно тратиться определенное время от урока русского языка, в соответствии с возрастными психологическими и физиологическими особенностями учащихся начальной школы, требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО).

Условия жизни современного общества обязывают человека владеть элементарными способами общения, взаимодействия, рабочей, исследовательской и научной деятельности с помощью медиа средств. Обладание этими качествами невозможно без медиакомпетенции, её сформированность указывает на уровень развития гражданина современного медиа общества, оказывает влияние на успешность и реализацию в социуме.

Формирование медиакомпетенции должно происходить уже в младшем школьном возрасте, так как ведущей становится учебная деятельность. Также, в соответствии с ФГОС НОО в этом возрасте ребёнок начинает осваивать универсальные учебные действия, способы работы с информацией, знаково-символическими, графическими моделями и др. [1].

Авторский курс «Формирование медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка» направлен на логически выстроенную, чёткую модель работы с младшими школьниками на уроках русского языка по созданию грамотной медиа личности.

Первый модуль, с которым начинают работать учащиеся на уроках русского языка — «**Медиакомпетенция человека в рамках современного информационного общества**». В него входят:

- представление информации с помощью различных медиа средств, знакомство с понятием медиаобразованности человека;
- мотивация учащихся к медиа потреблению, развитию своих учебных и творческих способностей;
- работа с упражнениями, текстами учебника и беседы о сведениях, которые можно получить из упражнения, как представить ее более компактно и что в этом случае использовать;
- работа по разграничению медиа средств как способов поиска и работы с информацией и других средств, применяемых в этой же области в рамках урока «Русский язык»;
- компьютерный практикум;
- включение в упражнение по русскому языку заданий по формированию медиакомпетенции и последующее оценивание учителем состояния медиакомпетенции младшего школьника.

На уроках русского языка, во время освоения этого модуля используются следующие задания:

1. Указать с помощью стрелок способы выполнения и представления другим участникам учебного процесса упражнения по русскому языку:

Завершить предложения (добавить подлежащее, сказуемое (сказуемые), грамматические основы в предложение о медиа. Например:

С помощью компьютера ...

Интернет ...

В электронной презентации ...

Социальная сеть даёт возможность ...

2. Набор простого текста (сочинение, изложение) или рисование какого-либо орфографического правила в графическом редакторе.

3. Составление кратких информационных сообщений по картинкам на слайдах (правила, схемы, алгоритмы, разборы, языковые ситуации).

Самостоятельная работа по выделению нужной информации из аудио или видео ряда (начертить грамматическую основу услышанных, увиденных предложений или определить орфограмму, о которой говорилось в данном ряде, или правильно написать слово на основе услышанного или увиденного правила).

4. Самостоятельный поиск с помощью сети Интернет языкового понятия, необходимого для работы на уроке, нахождение дополнительной информации, актуальной по данной теме.

5. Выполнение упражнения в документе формата Microsoft Word, затем обмен работами с одноклассником (смена мест) для осуществления взаимной проверки. Одноклассники печатают допущенные ошибки и меняются местами обратно [2].

6. Задания можно сформулировать к любому упражнению. Например: определить медиа средство по его описанию совместно с обозначением орфограмм, разборами слов, предложений; представить правило в виде знаковых форм, найти в сети интернет значение выделенного в упражнении слова и др.

Второй модуль, с которым начинают работать учащиеся на уроках русского языка — «*Основные способы использования медиа средств, при работе с содержанием тем по русскому языку в начальной школе*». В него входят:

- непосредственная работа с компьютером (ввод, вывод, хранение, обработка информации);
- работа с сетью Интернет;
- различные формы представлений содержания тем предмета «Русский язык», отработка понимания схемы, рисунка как упрощённого изображения объекта;
- компьютерный практикум.

На уроках русского языка, во время освоения этого модуля используются следующие задания:

1. Перечисление основных элементов компьютера, выполнение заданий по русскому языку и сохранение их в документе Microsoft Word (текстовом редакторе),

сохранение документа на диск или карту памяти (работа проводится дважды — первый раз с помощью учителя, затем самостоятельно).

2. Работа с терминами фонетика, орфография, морфология и др., определение ключевых слов, понятий, которыми можно воспользоваться в каждой из областей языкознания.

Непосредственная работа с упражнением по русскому языку и нахождение ответов на теоретические вопросы (которые помогут правильно выполнить упражнение) с помощью сети Интернет.

3. Соединить стрелками задание по русскому языку и наиболее удобное для его выполнения медиа средство.

Получить зрительную информацию (видео ряд с заданием по русскому языку на определение орфограммы в словах), затем представить эту информацию в виде текста (определить правило и применить на практике).

Дома или в компьютерном классе представить правило, задание в виде рисунка, схемы (в графическом редакторе) или текста (в текстовом редакторе) и сохранить на карту памяти.

4. Задание «Что можно сделать с информацией» — учащиеся записывают как можно больше глаголов на эту тему.

Изобразить предложенное слово, состоящее из гласных и согласных букв в виде рисунка, схемы, чтобы остальные учащиеся догадались, какое количество и каких букв в этом слове содержится.

5. Выбор правильного представления выполненного задания (графическое или текстовое).

Определение алгоритма поиска необходимого ответа на теоретический вопрос в упражнении по русскому языку, самостоятельный поиск в сети Интернет и запись правильного ответа.

6. Кодирование (представление в другом виде, форме) языковой информации с помощью самостоятельно выбранного медиа средства.

Третий модуль, с которым начинают работать учащиеся на уроках русского языка — «*Технология подготовки и оформления результатов самостоятельной учебной и познавательной работы младших школьников по русскому языку с использованием медиа среды*». В него входят:

- использование электронных тренажёров по русскому языку;
- компьютерный практикум;
- определение возможных вариантов преодоления информационной потребности в рамках предмета «Русский язык» с помощью медиа средств;
- работа с понятиями культура, информационная и языковая культура;
- введение понятия «толерантное медиа общение».

На уроках русского языка, во время освоения этого модуля используются следующие задания:

1. Упражнения по русскому языку выполняются с использованием интерактивной доски, коллективное создание

мультимедийных презентаций, документов, графических изображений с помощью компьютера и проектора.

2. Самостоятельный поиск и работа с информацией по русскому языку с помощью сети Интернет, электронных энциклопедий, справочников, учебников.

Применение на уроке русского языка компьютерных программ коммуникации для передачи на проверку учителю (однокласснику) выполненного упражнения (e-mail, социальные и сети и др.).

3. Сравнить три варианта текста и определить отличия, затем исправить их (сделать идентичными).

Определение различных заданий по работе с информацией (представление, поиск, обработка, кодирование

и др.) и распределение их на группы, выявление различных медиа средств, которые могут быть использованы в решении заданий по русскому языку.

4. Каждой группе даётся упражнение по русскому языку с дополнительными заданиями, включающими работу с медиа средствами на анализ, синтез, определение важной (главной) и второстепенной информации, нахождение свойств объектов и их отличий.

5. Общение через социальную сеть (электронную почту) с одноклассником, соблюдая нормы языковой и информационной культуры, толерантность в процессе медиа общения, применяя изученные правила русского языка.

Список литературы:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://standart.edu.ru>. (дата обращения: 1.05.15).
2. Матвеева Н.В. Информатика и ИКТ: методическое пособие/Н.В. Матвеева, Е.Н. Челак и др. – 3-е изд. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. – 399 с.

Moroz Olga Wladimirowna,
Staatliche Universität Tscherepowez,
Doktorandin, Lehrstuhl für Germanische Philologie
und Interkulturelle Kommunikation
E-mail: frost.get@inbox.ru

Sechs-Glieder-Paradigmen der Quellensprache (Englisch) und ihre Entsprechungen in der deutschen und russischen Sprachen am Beispiel der Konzeptosphäre “Ultraschallprüfung der Stahlmaterialien”

Abstrakt: Der Artikel beschreibt die Besonderheiten der Sechs-Glieder-Paradigmen der Quellensprache (Englisch) und ihre Entsprechungen in den deutschen und russischen Sprachen am Beispiel der Konzeptosphäre “Ultraschallprüfung der Stahlmaterialien”.

Stichwörter: Paradigma, terminologische Einheit, terminologisches System, stilmarkierende, stildifferenzierende und stilneutrale Sprachzeichen.

Der vorliegende Artikel ist der Forschung der Besonderheiten der Sechs-Glieder-Paradigmen der Quellensprache (Englisch) und ihren Entsprechungen in den deutschen und russischen Sprachen am Beispiel der Konzeptosphäre “Ultraschallprüfung der Stahlmaterialien” gewidmet.

Es sei hervorgehoben, dass das Forschungsmaterial aus etwa 1380 terminologischen Einheiten aus jeder der drei operierenden Sprachen einschließt, die die Forschungsarbeit eines Ingenieurs und eines Wissenschaftlers vom Bereich “Ultraschallprüfung der Stahlmaterialien” widerspiegeln. Für unsere vergleichende Analyse wurden die Termini der Quellensprache (Englisch) und zwei Zielsprachen (Deutsch und Russisch) aus den Wörterbüchern und Lehrbüchern, entsprechenden Dokumenten und Standards des jeweiligen Bereiches entnommen. Daher glauben wir, dass unser Forschungsgut ziemlich repräsentativ ist.

So enthält das gemeinsame terminologische System der Quellensprache nur einige Paradigmen, die aus sechs Gliedern

bestehen. Ihre konstituierende Kernkomponenten sind die Konzeptnominationen “contact”, “indication”, “surface”, “tandem”, “time”.

Zu den Sechs-Glieder-Paradigmen gehört die folgende Gesamtheit der terminologischen Bezeichnungen vom Gesamtsystem der Termini, die mit “Ultraschallprüfung” vereinigt sind: 1) *contact flexibility*, *contact resistance*, *contact technique*, *contact probe*, *contact testing technique*, *contact tip*; 2) *indication form*, *indication location*, *indication report*, *indication sensitivity*, *indication size*, *indication zone*; 3) *surface condition*, *surface grinding*, *surface machining*, *surface noise*, *surface penetration*, *surface roughness*; 4) *tandem probe connection*, *tandem scanning*, *tandem technique*, *tandem ultrasound test*, *tandem-direct technique*, *tandem T-technique*; 5) *time base*, *time base adjustment*, *time base range*, *time of flight diffraction method*, *time reversal Mirror*.

Analyse des Paradigmas [1], deren Grundlage die Nominierung eines wichtigen Konzeptes “Kontakt” (“контакт”) ist, zeigt, welche wichtige Rolle bei der Ultraschallprüfung

es spielt. Die verschiedenen Erscheinungsformen des Begriffs „Kontakt“ („контакт“) wie Härte, Festigkeit, Verfahren, Scanning, Prüfkopf (der ist auf den Kontakt bezogen) und Spitze bezeichnenden Paradigmatglieder veranschaulichen das Wesen und die Rolle dieses Phänomens als ein Konzept-Begriff vollständig. Es sei bemerkt, dass die Paradigmatglieder [1] der Quellsprache in den verwandten und nicht verwandten Sprachen ihre adäquate Bezeichnung finden: „contact flexibility“ — „Kontaktflexibilität“ — „контактная гибкость“.

Hier gibt es nur einen Unterschied nur in der morphologischen Bezeichnung im Russischen, wo eine Wortverbindung statt der Komponenten von verwandten Sprachen funktioniert. Es lässt sich durch Besonderheiten der grammatischen Struktur der russischen Sprache vollständig erklären.

Etwa ephemere Bezeichnung „Düse“ lässt sich nur im deutschen Paradigmatglied (f) „Kontaktdüse“ beobachten. Das Wörterbuch von G. Wahrig [2, 975] definiert „Düse“ als „Rohrleitung mit allmählich. abnehmendem Querschnitt“. Diese Bezeichnung entspricht der englischen Bezeichnung „tip“ und der russischen Bezeichnung „наконечник“ semantisch nicht. Was die deutsche Sprache angeht, können wir vermutlich von einer Sprachlücke für die exakte und adäquate Bezeichnung für „tip“ sprechen.

Kernnomination der Paradigmatglieder [2] ist das Lexem „indication“. Wie die Analyse des Forschungsmaterials und des terminologischen Bezeichnungssystems zeigt, spielt diese Verbalisierung bei Konstituierung der ganzen Gesamtheit der Termini, weil Konzept — Begriff — Indikation und Angabe einer der wichtigsten Parameter des Ultraschallprüfungssystems sind.

Deutsche und russische Entsprechungen benutzen nicht nur ein internationales Lexem, aber auch andere gleichwertige Bezeichnungen. So zum Beispiel benutzen die deutschen Termini der Paradigmatglieder (e, f) ein internationales Wort „Indikationsplatz“, „Indikationszone“, indem Paradigmatglieder (a, c, d, e) zur Nomination „Anzeige“ greifen, die in der deutschen Sprache weniger eindeutig als „Indikation“ ist. Nicht verwandte russische Sprache hat folgende Situation: Paradigmatglieder (a, b, e) benutzen Nomination „показание“: „форма показания“, „место показания с потоком показаний“, „размер показания“, „зона индикации информативного параметра“, aber das Paradigmatglied (d) ist durch „индикационная чувствительность“ bezeichnet. Vermutlich ist es eine nicht ganz treffende Bezeichnung des Paradigmatgliedes (f) in der russischen Sprache, weil sie redundant ist. Die Nomination „информативного параметра“ wiederholt das, was die Bezeichnung „зона индикации“ in semantischer Gesichtspunkt schon enthält. Vergleichen wir zum Beispiel „Indikationszone“.

Greifen wir zur Analyse des Paradigmas [3]. Semantische konstituierende Dominante ist hier eine Bezeichnung von einem Bestandteil des Forschungsmaterials — „surface“.

Alle sechs Glieder des Paradigmas charakterisieren dieses klassifizierende Merkmal mit den zusätzlichen

differenzierenden Merkmalen, wie „Zustand“ („состояние“), „Beschleifen“ („шлифовка“), „Behandlung“ („обработка“), „Geräusch“ („шум“), „Vorbereitung“ („подготовка“), „Rauigkeit“ („шероховатость“).

Es wird deutlich, dass die paradigmatische Einheit durch die Komponentennomination des Paradigmatgliedes zu den Wenigen gehört, in denen sich fast volle semantische Entsprechung den Paradigmatgliedern von Allen der Sprachen mit Ausnahme der deutschen Entsprechung „Oberflächenbehandlung“ im Vergleich zum Paradigmatglied (c) der Quellsprache beobachten lässt.

Die Tatsache ist, dass die englische verbale Form „machining“ und der deutsche Begriff „Behandlung“ semantisch nicht identisch sind. „Machining“ meint darunter den Prozess, wenn etwas der mechanischen Bearbeitung unterzogen wird. Aber das deutsche Lexem „Behandlung“ hat in seiner semantischen Struktur kein solches Sem.

Betrachten wir die Analyse des Paradigmas [4]. Es zeigt, dass sein gemeinsames integrierendes Merkmal die Nomination „tandem“ ist. Diese Nomination ist vielen als ein Sportbegriff bekannt. Er ist in dem terminologischen System der Quellsprache nur zur Bezeichnung der Glieder dieses Paradigmas benutzt. Das mehrdeutige englische Wort hat folgende Bedeutungen im Russischen: 1) экипаж, запряженный парой лошадей цугом; 2) велосипед для двоих; 3) техн.: тандем, расположение гуськом.

Auf solche Weise enthält das Lexem in seiner semantischen Struktur die folgenden Seme: 1) *mehr als ein* (zwei oder drei) und 2) *Anordnungsweise* — (расположение) цугом, гуськом. Diese zwei Seme bestimmen die Benutzung dieser Nomination zur Bezeichnung der Verbindungsweise der Prüfköpfe in dem zu analysierenden terminologischen System voraus.

Die Nomination „тандем“ ist im Paradigma für Bezeichnung derselben Methode benutzt: „tandem technique“ „tandem duet technique“, „tandem-technique“. Außerdem ist die Nomination „tandem“ in der paradigmatischen Gesamtheit zur Bezeichnung der Scanningmethode — „tandem scanning“. Es sei darauf hingewiesen, dass die im Ultraschallprüfungsbereich benutzende Nomination „tandem“ in den Paradigmatgliedern in Verbindung mit anderen Nominationen dieses Bereiches zu einer stilmarkierenden Einheit wird. So verwandelt sie sich in eine besondere Einheit und verliert ihren Status der stilmarkierenden sprachlichen Nomination.

Die verwandte germanische Sprache benutzt auch diese internationale Bezeichnung für die Nomination der entsprechende Paradigmatglieder: „tandem probe connection“ — „Tandemwandlerverbindung“. Das russische terminologische System enthält auch diese integrierende Nomination für Bezeichnung von allen Paradigmatgliedern. So zum Beispiel: 1) „tandem probe connection“ — „соединение преобразователя способом тандем“; 2) „tandem duet technique“ — „метод тандем-дуэт“ usw.

Im nächsten Paradigma [5], in dem die Nomination „time“ — einer der wichtigsten Faktoren und Angaben der

Ultraschallprüfung — als eine integrierende Dominante funktioniert. Wie es sich beobachten lässt, spezialisieren sich die Paradigmaglieder auf Charakteristik der Methode mit unmittelbarer Hinweisung auf “*время*” (“Zeit”), zum Beispiel: “*время распространения сигнала*”.

Das Glied [1] des Paradigmas [5] — “*time base*” — besteht aus einer integrierenden Komponente und der Nomination “*base*” (ось) und bedeutet “*развертка*”. Dieser Begriff wird in der verwandten deutschen Sprache durch die Nomination des Kompositums “*Zeitachse*” ausgedrückt. Das Glied (c) des Paradigmas [5] — “*time base range*” — nominiert in der russischen Sprache den Begriff “*диапазон развертки*”; die deutsche Entsprechung hat die Nomination “*Justierbereich*”, in der “*Justier*” auf “*justieren*” — *genau einstellen* zurückgeht. Hier geht es um die genaue Einstellung der Zeitachse, was die deutsche Nomination “*Justierbereich*” teilweise impliziert.

Glied (f) des Paradigmas “*time reversal Mirror*” enthält die Objektivierung von den drei Konzepten: 1) *time*; 2) *reversal*; 3) *Mirror*, und muss die Enthaltung des Frames in der russischen Sprache als “*зеркало обращения времени*” wiedergeben. Der englische Begriff “*reversal*” (реверсивный) wird in der deutschen Entsprechung durch die Nomination “*Umkehr*” als Teil des Kompositums “*Spiegelzertumkehr*” wiedergeben.

Es sei darauf hingewiesen, dass es keinen Bestandteil des Kompositums gibt, der stilmarkierende Funktion ausübt. Sie sind alle stilneutrale sprachliche Einheiten, aber wenn sie als ein Teil des Kompositums fungieren und den Bereich der Ultraschallprüfung bedienen, erhalten sie einen neuen Status — stilmarkierende sprachliche Einheiten.

Auf solche Weise, werden stilneutrale Einheiten der Sprache zu den unverzichtbaren Elementen des terminologischen Systems. Sie können ihren Status ändern, weil sie relevante Einheiten eines terminologischen System sind.

Referenz:

1. Dictionary of Non-Destructive Testing (English – German и German – English). – Düsseldorf, 2009. – 138 s.
2. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Bertelsmann-Verlag, 1974. – S. 4185.
3. Блох М. Я. Преобразование предложения в парадигматическом синтаксисе. // Проблемы языкознания и теории английского языка. – Вып. 1. – М., 1978.
4. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. // Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. – Казань, 1883. – Т. XIX. – Январь-Апрель. – 148 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
6. Михайлов Л. М. Парадигматические отношения в синтаксической концепции В. Г. Адмони и современное состояние разработки проблемы. // Научное наследие В. Г. Адмони и современная лингвистика. Материалы международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 171–172.

Norboyeva Shukurjon,
senior scientific researcher, Urgench State University
E-mail: Guzal7212@gmail.com

Some facts about professional lexis in Khorezm region

Abstract: Although the regional dialects have been studied since the second half of the last century, some lexical units such as professional terms are already out of use, and have changed into archaisms or old fashioned words. Besides, some of these lexical units are used as the parts of hyphenated words as their meaning was not understood fully by the speakers of the dialects. For instance the hyphenated words in Uzbek dialect.

Keywords: regional dialects, professional lexis, Khorezm dialect, hyphenated words, cloth, supra-sanach, scientific critical issue, ethographism.

Although the regional dialects have been studied since the second half of the last century, some lexical units such as professional terms are already out of use, and have changed into archaisms or old fashioned words. Besides, some of these lexical units are used as the parts of hyphenated words as their meaning was not understood fully by the speakers of the dialects. For instance the hyphenated words in Uzbek dialect: supra-sanach, i (ə) dish-ayaq.

Though the borrowed word “supra” in hyphenated word “Supra-sanach” came from Arabic, it doesn’t mean the “the

food taken to eat on the road” as in original, but in general it means “table cloth”, “food”, “meal” [1]. For this reason, its relativeness to the words “safar” (journey), “musofir” (passer by) could be recognized. For instance, in the following lines by Alisher Navoi we can see the word “supra” as the close word to “dasturkhon” (table cloth):

Yeyar anga **supra**ki, ul och emas,
Berur anga to’nki, yalang’och emas [2]
Means: Lays him table, though he is not hungry,
Gives him coat, though he is not bare.

In this sense even the word “supra” is written as it is spelt [3], in scientific critical issue of “Hayrat ul-abror”, according to the original version of the work is written as ‘sufra’. The word “sufra” acquired its present meaning “a cloth specially designed to sift the flour”. As a proof to the point, we can see the following lines in “Zarbulmasal” by Gulkhaniy (Uzbek poet and writer), «No any flour in “sufra” (“a cloth specially designed to sift the flour”), but two “tandir” (stoves) on the roof» (a proverb).

In regional dialects, this word can be pronounced as “s (ə) pra” as a cloth specially designed to sift the flour on it. On base of this word, the party organized for relatives or friends for the successful accomplishment of wedding and anniversary ceremonies is called as “səpraqaqdə” ethographism originated in the dialect [4].

The word “sanach” in “hyphenated” word, means “the sack made of animal’s skin” [4]. In Uzbek academic definition dictionary gives the following definition to the word “the dish, sack made of animal skin” and defines it as the historical word [5]. The genetic layer of the word is not given in the dictionary. The word is not included into the “Etymological dictionary of Uzbek words”.

We can find some facts about the etymology of the word “idish ‘ədəsh” in research works by Sh. Nosirov. But his opinion “the word originated from the verb “əd” meaning to eat” differs quietly from Sh. Rakhmatullayev’s opinion [7].

The word “idish-ayaq”, “ədəsh-ayaq”, originated from the word “ayagh” which means “kosa”, “piyola”, “qadah” (in English a cup and a glass) [8]. In Old Uzbek language there was another form of the word “zərf”.

With general meaning of dish, which was used in literature by Alisher Navai. For instance, “Bir kuni ul murid do’konga yetganda ul murid hamul dastur bila bir ayaq osh kelturub, Shayx ayag’ ustida turub, ul oshni ichadur edikim, bir darvesh etishdi va oq pokiza xirqa kiyib erdi” (“Nasoyim ul muhabbat”).

In old Uzbek the word “ayaq” means, a part of body or “a leg” and “idish” or “a dish”. This phenomenon was defined by Sh. Rakhmatullayev as following, “This noun must have been originated from old Turkish word which meant the digged place” [9], and formed by the “ay” form of the noun word “agh” and the suffix “-(a)q” with the meaning of “small”. We can add the following points to the statement. The stem of the word as a verb is “ay” – means “be separate”, “get divorced” or “to diverge”, which we can met in represented speech in the form of “ayirmoq” (to separate), in our dialect it is pronounced as “ayilmoq” (which means get out of the drunk state). For this reason, in Khorezmian dialects the person who has already out of drunk state is called “ayəiq”: for instance, “ayəiq vaxtə gaplash” or in literary language “xushyor patda gaplash” (speak to him when he is not drunk). It is important to say that the word “ay” with the meaning of “be separate” and the stem of the verb “ayair” was used in the form of “ay”, “ad” or “az” [10]. The form “ad” was used in Urxun-Enasoy scripts in verb form “adral”: “Turk bodun qanəi bilan bo’ lmayin, Tabghachdan

ayrəildi’ — or in literary Uzbek “Turk xalqi xoni bilan bo’ lmayin, Tabghachdan ayrildi” [11].

Now we can deal with the meaning of dish of the word “ayaq//ayagh”, the verb meaning of the words “az/ad/ay” had another meaning “ayil” (otning ayili), which can be seen in “aylan” (walk in round or circle way). From this verb the word “ayya” – “walk in circle way” originated and a meaning was to express the outcome of the activity with the suffix -q, for example “ayaq” (in curcle or round shape) and began to be used as a noun. The problem is that, if we continue to analyze in this way, it comes out that this word had experienced the same phonetic changes as its homonymy in the form of azaq//adaq//ayaq. Otherwise, it would be difficult to explain that the word with a stem of “ad” and the word with a stem of “agh” had nearly the same form in all cases. Besides, the next explanation coincides with the principle of naming things and substance (according to the form and volume). This word, even in rare cases, can be seen in fiction in the form “oyoq” which means a large dish which is used to put and drink the liquid. In dialect forms, the hyphenated word “əidəsh-ayaq” explains that the word hasn’t been forgotten totally in the language. So, the use of the word by later literary creators shows from one hand that the vocabulary stock of Navai’s creative works served for them as the source and in other hand, it can be explained that, the word has always been in oral use in Uzbek dialects. For instance, the word “ayaqchi” as the works by Alisher Navai can be met in gazelles by Shermukhammad Munis with the meaning of “soqiy” (a rank in Turkish sultans reign) [12] as in the following lines: “Ayaqchi tut manga bu dam chog’irni”. In Alisher Navai’s works the words “ayaq//ayagh” meant “to step”, originated in “ay” form of the word “ad” [13]. This form preserved in literary language in the word “odim” and in dialect word “adəim”. The result of swallowing once was called “yutum”, the outcome of squeezing once was called “qisim”, and so is the result of stepping once was called “odim”. So, “odim otmoq” (to step) is the old verb “ad//at” but not in the meaning of throw or shoot. According to this analysis, these words later were differentiated by the marks of short and long forms and meant “the movement done from one place to another”.

Another term “qaytaqi” – a kind of winter cap, the wearing side is tight and the upper part is wide [14]. Looking at the shape of the cap, we can say that the word is originated from the verb “qay” in old Turkish which meant “fold it back” and the suffix “ət” and the adjective forming suffix “-aqəi”. As it can be seen in many names of clothes, as a result of substantivization of adjectives “qaytaqi” began to be used as a noun denoting a type of cap. If take into consideration the fact of that the names of some clothes had the structure of containing adjective, there is no doubt that it was used in early times in the form of “qaytaqi to’ppi” or “qaytaqi popoq”.

Another word is “guppi” denoting an outwear cloth sewn by placing the fur of camel, sheep or cotton. S. Rakhmatullayev claimed that the word was originated from old Turkish verb “ko’p” which meant “dumbay” by adding the suffix -u; the

consonant “p” is doubled as a result of affixation. Later the initial consonant “k” changed into “g”, the vowel “o” assimilated to “u”, and soft mark of the vowel “u” was lost in Uzbek [16].

This analysis of initial k and g//g and k, even if it was not so typical phonetic change, and can be observed in qorluq and qipchoq dialects of Uzbek language, the doubling of the

consonant “p” had influenced on extra-shading the meaning of the word.

According to the facts above, the analysis study of lexical layer of regional dialects shows the importance of studying general outlook of Khorezm regional professional lexical layer of the dialect.

References:

1. Аннаъим. – Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти. 2003. – Б. 375.
2. Алишер Навоий. Мкаммал асарлар тўплами. Еттинчи том. – Тошкент: Фан, 1991. – Б. 146.
3. Алишер Навоий. Ҳайрат ул-аброр. Илмий-танқидий матн. Тузувчи Порсо Шамсий. – Тошкент: Фан, 1970. – Б. 86.
4. Абдуллаев Ф. Хоразм шевалари. – Тошкент: Фан, 1961. – Б. 110.
5. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Беш жилдди. Учинчи жилд. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. – Б. 441.
6. Носиров Ш. Шевалар лексикасининг соҳалар бўйича группалари.//Ўзбек шевалари лексикаси. – Тошкент: Фан, 1991. – Б. 141–142.
7. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати. – Тошкент: Университет, 2000. – Б. 108.
8. Тўйчибоев Б., Қашқирли Қ. Зоминнинг тил қомуси. – Тошкент: Akademnashr, 2012. – Б. 238.
9. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати. – Тошкент: Университет, 2000. – Б. 250.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, I. – С. 115.
11. Абдурахмонов Ғ., Рустамов А. Қадимги туркий тил. – Тошкент: Ўқитувчи, 1981. – Б. 71.
12. Наджип Э. Тюркский язык дельйского солтана XIV века.//Советская тюркология. – 1982. – № 2. – С. 86.
13. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, I. – С. 103.
14. Абдуллаев Ф. Хоразм шевалари. – Тошкент: Ўзбекистон Фанлар академияси нашриёти, 1961.
15. Маҳмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. Муталлибов. II жилд. – Тошкент: ЎзФАН, 1961. – Б. 263.
16. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати. – Тошкент: Университет, 2000. – Б. 87.

Norbaev Uktam Saparbaevich,
teacher of the English language and literature department,
Foreign Languages Faculty, Urgench State University
Madraximova Nazokat,
student, English language and literature department,
Foreign Languages Faculty, Urgench State University
Jumatov Rashid,
teacher of the English language and literature department,
Foreign Languages Faculty, Urgench State University
E-mail: Guzal7212@gmail.com

General linguistic principles of the secondary predication in English

Abstract: One of the essential characteristics of a secondary predicate construction is the fact that a single clause contains two predicative constituents, which do not form a complex predicate in the way serial verbs or periphrastic predicates do. In every sentence there is bound to be predication, without which there would be no sentence.

Keywords: predicative expression, periphrastic predicates, recitatives, Subject-oriented.

Secondary predication is still reckoned pervasive in languages and under debate in current public linguistics. A secondary predicate is a (mostly adjectival) predicative expression that conveys information about the subject or the object but is not the main predicate of the clause. One of the essential characteristics of a secondary predicate construction is the fact that a single clause contains two predicative constituents, which do not form a complex predicate in the way serial verbs

or periphrastic predicates do. In every sentence there is bound to be predication, without which there would be no sentence. In a usual two-member sentence the predication is between the subject and the predicate. In most sentences this is the only predication they contain. However, there are also sentences which contain one more predication, which is not between the subject and the predicate of the sentence. This predication may conveniently be termed secondary predication. In this

article secondary predication is analyzed according to types of secondary predication, its functional character, its syntactical phenomenon.

Firstly, secondary predication is usually classified into two categories of constructions depictive and recitatives — illustrated in further examples respectively. The common depictive semantically encrypt a physical, emotional or motivational state or condition in a construction with a verb of motion, manipulation/affect, change of state or incorporation. e.g.

Depictive predication:

July came into the room happily. “Subject-oriented”

July ate the vegetable raw. “Object-oriented”

Consecutive secondary predication in English is productive, though the subject to a number of restrictions well-known from literature. Consecutive predication with an adjectival form or consecutives that can be considered as a special form of secondary predicates, occur rarely.

Consecutive predication:

Henry hammered the metal flat.

Consecutive secondary predication must be distinguished from the other widely attested kind of secondary predication, specifically the depictive, which we will not be concerned with here (see Andrews 1982, Stowell 1983, Winkler 1994).

- (3) a. Mark drove home drunk. Subject-oriented depictive
b. Don't eat the meat raw! Object-oriented depictive

Syntactical phenomenon which is best, considered under this heading of transition to the composite sentence is based on what is very appropriately termed “secondary predication”. In Modern English there are several ways of expressing secondary predication. One of them is what is frequently called the complex object, as seen in the sentences.

a. Ann saw him run.

b. We heard them sing.

Let us take the first of these sentences for closer examination. The primary predication in this sentence is between the subject “Ann” and the predicate saw. “Ann” is the doer of the action expressed by the predicate verb. But in this sentence there is one more predication, that between “him” and “run”: the verb “run” expresses the action performed by him. This predication is obviously a secondary one: “him” is not the subject of a sentence or a clause, and run is not its predicate. The same can be said about all the sentences given directly above. On the syntactic function of the group him run (or of its elements) opinions vary. The main modification is between those who think that him run is a syntactic unit, and

those who think that him is one part of the sentence, and run another. If the phrase is taken as a syntactic unit, it is very normal to call it a complex object: it stands in an object relation to the predicate verb “saw” and consists of two elements. If, on the other hand, the phrase “him run” is not considered to be a syntactic unit, its major element is the object, and its second element is conveniently termed the objective predicative. The choice between the two interpretations remains arbitrary and neither of them can be proved to be the only right one. In favor of the view that the phrase is a syntactical unit, a semantic reason can be put forward.

In some cases, that is, with other verbs, the separation of the two elements may not bring about a change in the meaning of the sentence. Thus, if we look at our example/“saw him run”, and if we stop after him: “I saw him”, this does not contradict the meaning of the original sentence: “I saw him run” implies that/“saw him”. Another case in which the two elements of the phrase cannot be separated is found when the verb expresses some idea like order or request and the second element of the phrase is a passive infinitive. With the sentence he ordered the man to be subpoenaed we cannot possibly stop after man. There is no doubt, therefore, that with some verbs (and some nouns, for that matter) the two elements of the phrase following the predicate verb cannot be disconnected. It is, however, not certain that this is a resistant of the syntactic unity of the phrase. The objective predicative need not be an infinitive: it may be a participle (“I saw him running”, “We heard them singing”), an adjective (“I found him ill”, “They thought him dead”), a state verb (“I found him asleep”), sometimes an adverb, and a prepositional phrase. One of them seems to be the more usual, takes the sentence as an equivalent of the sentence “There I found him”: the adverb there is then an adverbial modifier fitting to the verb find. The other interpretation would make the sentence equivalent to the sentence “I found that he was there”. In this latter case the adverb there does not show where the action of finding took place, and it is not an adverbial modifier in the right place to the predicate verb found. It is part of the secondary predication group him there and has then to be taken as an objective predicative: I found him there is syntactically the same as I found him ill, or I found him asleep.

Secondary predications can be used in restrictive attributive constructions, restrictive object constructions, and restrictive appositional constructions in order to define the main verb of the sentence.

References:

1. Baylin John. “The syntax of Slavic predicate case”. ZAS Papers in Linguistics. – 2001. – 22, 1–23.
2. Bowers John. “Predication”, in: M. Baltin, C. Collins (eds.): The Handbook of Contemporary Syntactic Theory. – Blackwell, Cambridge, MA, 2001.
3. Winkler Susanne. Focus and secondary predication. – New York, 1997.

*Radjapova Feruza Abdullayevna,
The researcher of the chair "Uzbek literature",
the faculty of Uzbek filologic, Urgench state University
E-mail: Asalina.09@mail.ru*

New psychological interpretation in the modern Uzbek narrative

Abstract: In this article is analysed the narrative "Black book" by Uzbek writer N. Eshonkul in comparison to the narratives of Russian literature. Besides, the new means of psychological descriptions are investigated in authors narrative.

Keywords: Psychological analyses; internal monologue; monologue-discussion; monologue-dream; monologue-memory; dreaming.

*Раджапова Феруза Абдуллаевна,
Соискатель кафедры «Узбекская литература»
факультета узбекской филологии
Ургенчского Государственного университета
E-mail: Asalina.09@mail.ru*

Толкование нового психологического анализа в современной узбекской повести

Аннотация: В данной статье анализируется произведение узбекского писателя Назара Эшонкула «Черная книга» в соответствии с русской литературой. Помимо анализа, идет изучение психологического описания в работах других авторов.

Ключевые слова: психологический анализ, внутренний монолог, монолог-дискуссия, монолог-мечта, монолог-воспоминание, мечтать.

Человек является основным объектом описания литературы. Это — общеизвестная научно обоснованная истина. Следовательно, «описание человека означает описание внутреннего мира, его переживаний» [1, 53]. Необходимость подобного описания обуславливается природой художественного творчества, необходимостью передачи «объекта» со всей совокупностью индивидуальных и общих качеств. В этом процессе основную роль играет психологическая интерпретация. Следовательно, «психологический анализ это — эстетическая категория, отражающая психические процессы человека, развитие различных мотивов его мыслей и чувств, раскрывающее аналитически душевный мир героя» [4, 17–18].

Если рассматривать сегодняшнее повествование сквозь призму реализма чувств — художественного психологизма, в отличие от литературы прежних десятилетий, можно заметить рост мастерства художественного исследования человека и взаимосвязанной с ним социальной жизни с помощью контрастности чувств и интенсивной динамики переживаний. Например, если в художественно-литературном творчестве 70–80-х годов привелегировали социологический подход и соответствующее ему художественное сознание, то на сегодняшний день доминирует принцип духовно-философского описания, анализа и интерпретации жизни и человека. Подобное в той или иной мере можно наблюдать почти во всех современных литературных жанрах. Однако следует особо отметить, что каждый литературный вид и соответствующий ему жанр имеет

специфическую возможность психологического описания. К слову, узбекское литературоведение располагает огромным количеством научных исследований, посвящённых проблемам психологического описания в узбекских романах [4; 5; 2]. Серьёзно изучены специфические особенности, средства и способы психологического описания в жанре роман, однако эта проблема не достаточно глубоко изучена в жанре повесть. Некоторые стороны этой проблемы частично освещены лишь в докторской диссертации А. Холмуродова «Узбекская повесть: проблемы прогресса (последняя четверть XX века)». Современная повесть характеризуется разнообразием тематики, многослойностью значений, глубиной чувств, специфической особенностью сокровенного мира писателя, сложностью психологического анализа, усилением философского образа, многообразием переворотов сознания. Это свидетельствует о том, что в сознании людей появилось созвучное времени особое настроение, и чувство самосознания, что требует в передаче многогранного процесса уместного применения художественных средств и приёмов. Психологический анализ является одним из таких средств.

Недостаточно раскрыты возможности, средства и приёмы этого жанра в освещении душевного мира характера в узбекских реалистических повестях, особенности этих проблем в современной узбекской повести. При этом средства и приёмы цельного описания направлены на деятельность отдельного лица, если в одном месте какой-либо эпизод или наброски природы служат для передачи его грустного

и печального состояния, то в другом месте в зависимости от действительности, условий и случая описание направлено на радостное и весёлое состояние героя. Если придерживаться этого принципа, у создателя открывается большая возможность глубокого и тщательного описания душевного мира отдельно взятого героя в пучине его приключений.

В повести невообразимо широка возможность душевного описания. Однако со временем эти возможности видоизменяются в непрерывной связи с развитием художественного мышления. Если проследить только реалистические повести, не говоря уж о классических повестях, можно сделать вывод о том, что возможности психологического описания постоянно видоизменялись. Например, в 50–80-е годы, XX века описание психики передавалась в непосредственной связи с действиями исключительно героев, а описание действий героя и душевного описания служили для обоснования друг друга. Конфликт между Каландаровым и Саидой в повести «Синичка» А. Каххара служил для передачи их психики. Начиная с 80-х годов авторы узбекских повестей в передаче душевного состояния героев начали прибегать к использованию внутренних размышлений, монологов, сновидений. Этот принцип значительно усилился в повестях узбекских писателей А. Ёкубова, П. Кадырова, У. Хашимова, А. Мухтара, Т. Мурада. Начиная с 90-х годов прошлого века психологизм в узбекских повестях более усилился. Анализ душевного мира начал доминировать над описанием событий. В результате, в повестях последних десятилетий начинают привилегировать два принципа. Первый из них — следование традиционным принципам в передаче душевного мира героя, использование традиционных средств, значительно обогащённых новыми средствами и приёмами описания (Произведения Э. Аъзама, Ш. Бутаева, С. Вафо и других). Специфическая особенность и преимущество этого принципа в том, что при этом психология человека раскрывается в непосредственной связи образом жизни и средой обитания героя. Согласно именно этому принципу, герой повести детерминируется в качестве сына социальной жизни. Это служит подчёркиванию того факта, что каждое его движение непосредственно связано с изменениями его душевного состояния. Традиционное душевное описание в повести увеличивает интерес читателя к душевным состояниям. Поскольку герой более глубокое проникновение в душевное состояние героя с одной стороны даёт возможность лучше усвоить произведение, а с другой — служит более тщательному описанию сложных и противоречивых сторон образа человека. Именно поэтому можно смело заявить, что в 80–90-е годы узбекская повесть значительно прогрессирует.

Второй принцип можно условно назвать нетрадиционным описанием психики. Этот принцип сложился в основном под влиянием литературы других народов, в частности модернистских течений Запада (Н. Эшонкул, Х. Дустмухаммад, Ш. Хамро, У. Абдувахоб).

В силу того, что модернистское течение ещё не полностью сформировано в нашей литературе, вполне

закономерно наличие различных, иногда противоречивых мнений по поводу этого направления. Некоторые литературоведы и писатели (Б. Сарымсаков, С. Мели, Э. Очилов, Ш. Холмирзаев) недоброжелательно относятся к нему, а точнее к привилегированию в нем психологизма и трагической интерпретации. Из этого следует логический вывод, что основным свойством этого принципа является то, что психологическое состояние героев нигде не обосновывается с социальной или психологической точки зрения. Они недостаточно доказуемы с точки зрения критериев времени и места, национального духа и гуманности. А ведь душевный мир человека, в первую очередь, проявляется во взаимной связи с национальным характером, а нация имеет определённые границы времени и места, свойственное исключительно ей психологическое мышление. Описание героев произведений вне этих необходимых качеств снижает восприимчивость психологического описания, сводит на нет интерес читателя к произведению, и самое главное, уничтожает место и значение литературы в формировании морального духовного облика человека.

Анализируя нетрадиционное описание душевного мира, проф. Б. Сарымсаков в частности пишет: «... следует открыто заявить, что в ряде рассказов и повестей описание психики очень зыбко, и не в состоянии возбудить воображение и душу читателя. Такое впечатление, что в произведении “Книга черни” автор, символично описывая широкомасштабную действительность, безмерно предаётся душевному спокойствию. Я это говорю потому, что душевные переживания, горечь отца, сыновья которого полностью поддались влиянию Демона, и задушившего собственноручно единственную дочку, забеременевшую от Демона, почему-то нисколько не затрагивают читателя. Описание психики в повести слишком поверхностно и не передаются вовсе читателю. И если вспомнить высказывание А. Кадыри выясняется причина нашей неудовлетворённости этой повестью. Великий писатель утверждал, что если “твое произведение не заставляет плакать и смеяться тебя, оно не никак не может повлиять на другого” и в своём творчестве полностью придерживался этого принципа. Исходя из этого, можно предположить, что повесть Назара Эшанкула была написана не в пучине эмоциональных чувств, а под влиянием логической мысли» [3]. Нам предстаёт, что в этой оценке несколько и преувеличены дух отрицания и негативные краски, однако она несёт долю правды. И действительно, данная повесть Н. Эшанкула богата психологическим описанием, однако эти описания не могут повлиять на душу человека. Причина невосприимчивости психологического описания данного произведения в том, что герой повести не обладает национальными признаками, это — человек вне времени и места. Не выражается ярко его заинтересованность, заинтересованность его детей в национальном чувстве, трагедии нации, любви к родной земле и Родине. Автор создаёт данную повесть под воздействием философско-эстетического течения экзистенциализм. Насколько бы ни была объёмной описание психики в произведении, оно

будет оставаться невосприимчивым, если художественное время и место не будут взаимосвязаны с реальной жизнью и национальностью посредством описания действий человека, его переживаний и размышлений. В связи с этим, нам хотелось бы особо отметить ещё один факт. Насколько бы не прогрессировало человечество, его мысли, знание, культура, он настолько же насыщается чувством национального достоинства. Сегодня стало очевидным, что доминировавшая когда-то философская догма «нации не станут, вечным останется только понятие человека» не оправдали надежд. Скорее наоборот, национальное чувство, национальный облик превращается в главенствующий принцип в философско-политической, экономической и культурной жизни не только узбеков, но и национальностей всего мира. Если создатель в своём творчестве будет делать упор именно на этот феномен, произведение всё более приблизится к реальной действительности, а его герои найдут своих приверженцев. Художественная цель, выраженная в произведении посредством описания психики героя, создается не непосредственной эмоциональной интерпретацией, а посредством символов и образов, внедрённых в общее содержание повести. К сожалению, не всем читателям суждено понять это. Общеизвестно, что в произведениях течения модерн, описание психики направлено на освещение сущности невольной личности абсурдного, то есть бессмысленного мира. Личность без воли — плод социальной среды, где правит насилие и безжалостность, в котором растоптана человеческое достоинство. Он существует только физически, а на самом деле он лишён человечества, нет его свойственного «я», он не способен к сосуществованию с другими. Эти качества отражаются в душевном мире, душевном состоянии и размышлениях абсурдного героя. Очевидно, что это свойственно и множеству рассказов Назара Эшанкула а также его повестям «Книга черни» и «Решётка ночи». Общая

трагедия героев повестей, их безличностный облик и пессимистический дух, ужасающие картины общества, основанного на неправомерности и лжи раскрываются посредством жестокого отношения к человеку. Однако и в этом есть специфичность. В частности, если в «Книге черни» трагедия человека и времени передаётся посредством описания трагических судеб двух сыновей и дочери героя произведения, поддавшихся влиянию Демона, то в «Решётке ночи» раскрывается от уст автора-героя на фоне его собственных психологических переживаний. В этом плане, если изменения в психологическом состоянии героя первого произведения обосновываются судьбами детей, оказавшихся жертвами зла, то во второй повести подобное обоснование кроется в личной жизни героя, в его душевном мире, «скрывающегося за решётками».

Есть множество литературных средств, выражающих художественную цель автора, характеров героев и душевного мира человека. Из них наиболее популярными являются монолог, сновидение, случай и художественные детали. Различаются внешний и внутренний монолог, первый из них более широко применяется в драматических произведениях, а второй — в поэтических и прозаических. Уместное применение видов монолога зависит от жанра и тематических особенностей произведения, а также метода писателя. В прозе Назара Эшанкула встречаются все вышеуказанные виды психологического описания, в частности больше внутренние монологи, и редко — внешние. Такие виды монолога, как монолог-воспоминание и монолог-мечта свойственны его повестям, а монолог-обсуждение — рассказам. В общем, прогрессирование психологического анализа в созидании и описании духовного толкования мира и человека дают возможности пополнения арсенала методических направлений и специфических средств художественного описания авторов повестей.

Список литературы:

1. Адабиёт назарияси. I том. — Тошкент: Фан, 1978. — Б. 53.
2. Исаева Ш. Б. Ўзбек тарихий романларида характер рухиятини тасвирлаш усуллари. Фил. фанл. номз. дисс. автореферати. — Тошкент, 2001.
3. Мустақиллик даври насри: Таҳлил ва талқинлар. // Ўз АС. — 2005, 22 май.
4. Умуров Ҳ. Бадий психологизм ва ҳозирги ўзбек романчилиги. — Тошкент: Фан, 1983. — Б. 17–18.
5. Холмурадов А. Психологизм в романах Адыла Якубова. Автореф... дисс. канд. филол. наук. — Тошкент, 1991.

*Cheremnykh Inna Vladimirovna,
Kiev National University of T. Shevchenko, Institute of Journalism,
Assistant Professor, PhD of the Social Communication
E-mail: Innache99@gmail.com*

Human resource management on TV

Abstract: Problems of mismatch development technological and human resources on TV for the further progress of IT technology is examined in the article. The organizational structure of the TV-company is analyzed for the purpose of production efficiency through human resources.

Keywords: human resources, efficiency of production, TV.

Черемных Инна Владимировна,
КНУ имени Тараса Шевченко, Институт журналистики,
доцент, кандидат наук из социальных коммуникаций
E-mail: Innache99@gmail.com

Управление человеческими ресурсами на телевидении

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы несоответствия развития технологических и человеческих ресурсов на телевидении, в следствие дальнейшего прогресса IT-технологий. Проводится анализ организационной структуры телекомпании с целью увеличения эффективности производства за счет человеческих ресурсов.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, эффективность производства, телевидение.

Стремительное развитие и внедрение новейших технологий в различные сферы жизни человека, инновационные процессы, которые охватывают все больше отраслей, дерегулирование экономики, создание банков персональных данных способствуют кардинальным изменениям современного медиа рынка. Ресурс технологичности на телевидении возрастает благодаря этим процессам, но человеческий фактор из-за медленного привыкания, обучения и внедрения в производство, во многом тормозит эти процессы.

“Повышение производительности интеллектуального труда — самая важная из задач менеджмента в XXI веке”, — считает известный теоретик менеджмента Питер Друкер. Кроме того, он уверен, что за последние сто лет, то есть в XX веке, лидерство в мировой экономике, в большей степени зависело от умения добиваться высокой производительности физического труда. Сегодня это может сделать любая страна, отрасль, компания — с помощью методов, которые были разработаны нынешними развитыми странами и внедрены в повседневную практику за 120 лет, прошедших с того времени, когда Фредерик Тейлор впервые взялся за изучение физического труда. Сегодня кто угодно и где угодно может применить эти методики для обучения персонала, организации труда и повышения производительности, даже если работники едва умеют читать, или вовсе неграмотны, или совершенно не обучены [1, 80].

Но если с физическим трудом все просто и понятно, то с внедрением стратегий повышения интеллектуального труда, пока возникает много вопросов: «Может ли интеллектуальный труд быть коллективным?», «Какая правильная стратегия определяет организационную структуру?», «Менеджмент сфокусирован на внутренней стороне предприятия?». Поэтому сегодня необходимы новые взгляды на решение проблем повышения производительности труда, в том числе и в медиа индустрии, свежие предложения инновационного менеджмента с точки зрения управления человеческими ресурсами, повышения эффективности интеллектуального труда, употребления индивидуального труда, снижения финансовых рисков.

Удержаться на гребне волны в конкурентной среде ныне задача не из легких не только для молодых и неопытных, но

и для маститых зубров со стажем в своей отрасли. Возникает вопрос: «Почему?».

Американский футуролог Элвин Тоффлер заметил, что «главный навык нашего времени — умение разучиваться и переучиваться» [2, 436]. И лучше — быстрее, чем конкуренты. Глобализация и всепоглощающая интенсификация информации сделали свое дело — сегодня новые знания нужны не только молодым специалистам, но и опытным работникам.

Ныне, чтобы обойти конкурентов на медиарынке, необходима чрезмерная гибкость в работе и обучении. А этого зачастую не хватает опытным сотрудникам, которые не всегда готовы обучаться наравне со студентами. В результате, потребители контента являются заложниками ситуации снижения квалификации менеджеров, средний возраст которых едва достигает 25 лет.

Как правило, представители молодой, так называемой элиты, всю свою работу перекладывают на плечи опытных сотрудников, которые менее подкованы с точки зрения технологичности производства, но умеют профессионально работать с информацией и могут обеспечить безупречную грамотность в создании медиа контента.

Таким образом, возникает проблема несоответствия развития технологических и человеческих ресурсов на телевидении, в следствие дальнейшего прогресса IT-технологий. Она кроется, прежде всего в том, что более опытные специалисты не хотят и не стремятся работать на результат, поддерживая малоквалифицированных младших коллег. Старшее поколение сотрудников считает, что молодые работники еще жизни не видели, не все творческие и технические процессы до конца понимают, не разбираются в тонких психологических аспектах общения человека в коллективе, плохо ознакомлены с социальными рычагами управления, а уже стремятся руководить.

Как быть руководящему составу телекомпании в таком случае? Как завоевывать авторитет и доверие старшего поколения менеджерам среднего звена? Какие ресурсы задействовать для оптимизации производительности труда и создания качественного контента? Для этого необходимо произвести детальный анализ организационной структуры телекомпании, понять причины, которые могли бы привести к ухудшению производительности труда и спрогнозировать

возможности устранения проблем с целью увеличения эффективности производства за счет человеческих ресурсов.

Исследовательский центр портала «Работа Mail.ru» провел опрос среди жителей России и выяснил, что 15 % работников хотя бы раз в жизни пропускали работу без уважительной причины. Отметим, что за последний год каждый второй из тех, кто прогуливал, делал это 1–2 раза, 6 % — 3–5 раз, 17 % — более 5 раз. Оставшиеся 28 % пока не скомпрометировали себя подобным образом. Основные причины отсутствия на работе без уважительной причины: стресс и депрессия (52 %), встречи с друзьями (31 %), поездка на отдых (8 %). Интересно, что 75 % тех, кто работу без уважительной причины еще не пропустил, не собираются этого делать. Но если вдруг люди надумают пропустить работу, то поводами для этого могут стать стресс и депрессия (10 %), поездка на отдых (2 %) или встреча с друзьями (1 %) [3].

Данные этих статистических исследований говорят об редуцирующем факторе производительности труда человеческих ресурсов из-за состояния стресса и депрессии — 52 %. Это зачастую касается людей опытных, которые годами накапливали стрессовые симптомы и, если вовремя ситуацию не исправить, она приведет к депрессивным накоплениям.

Встречи с друзьями (31 %) для более молодого поколения иногда важнее задач трудового коллектива, обязательств присутствия на работе и создания качественного контента.

Все эти цифры говорят о том, что в большинстве случаев специалисты медиапредприятий не до конца мотивированы для получения результата, неверно осознают свое место в общем знаменателе творческого и технологического процессов, элементарно забывают о современных вызовах и гиперконкурентной среде, когда журналисты информационного вещания стремятся хотя бы на несколько минут опередить сообщения своих конкурентов.

Вызовы, о которых мы думаем как о далеком будущем, незаметно, но уверенно внедряются в нашу реальность. Директор крупнейшей американской исследовательской лаборатории «Nieman Journalism Lab» от Гарвардского университета Джошуа Бентон на Львовском медиафоруме поделился известием об автоматизации новостей. 4 мая 2015 года в Лос-Анджелесе произошло землетрясение в 4 утра, когда большинство репортеров еще досматривали последние сны. Тем не менее, главная газета Лос-Анджелеса «Los-Angeles Times» сумела опубликовать новость об этом всего через 4 минуты после происшествия. В контенте содержался минимум необходимой информации — когда случилось землетрясение, где эпицентр, какова сила ударов и как оцениваются разрушения. Молниеносная скорость публикации объясняется тем, что ее создавал робот [4].

Сегодня, чтобы выжить в конкурентной среде многие «традиционные» СМИ, среди которых печатные медиа, радио, телевидение, соединяют информационное пространство, банки данных, создают единый медийный

архив и постепенно переходят на платформу конвергентности. Но при этом журналисты постепенно становятся индивидуалами производства (тот, кто занимается трудовой деятельностью, работает по патенту), им больше не требуется применение коллективного труда в том объеме, что был раньше. Примером такой реорганизации производства и реструктуризации производительных сил может быть НТКУ.

Национальная Телекомпания Украины (НТКУ) — канал с самым большим покрытием Украины (93 %), при этом, охват аудитории до смешного невелик — всего 0,84 %. Топ-менеджмент компании решил, что для завоевания аудитории, в первую очередь, нужен качественный новостной контент, который можно получить путем реформирования ньюзрума в конвергентную редакцию. Дальше — научить журналистов работать эффективнее — по тем принципам, по которым работают лучшие мировые каналы. Это станет возможным благодаря тесной кооперации и общему планированию на весь ньюзрум — тогда в разы меньшее количество журналистов сможет настолько же эффективнее работать. Тесная кооперация экономит время, которое можно будет использовать на более тщательное изучение темы и обработку информации.

Кроме того, каждый специалист сможет самостоятельно работать на двух-трех платформах для ТВ, веб, радио. Правда для начала, если возникнет необходимость — с помощниками в «экспертном центре». Каждый корреспондент будет ответственным не только за поиск историй, сбор, проверку информации и подготовку сюжетов, но и за самостоятельное форматирование и распространение их на нескольких платформах [5].

Главное, чтобы производя мультимедийный контент для массового потребления с использованием индивидуалов, это не сказалось на качестве товаров, а оперативность не стала заложником качества новостной продукции.

Практическая деятельность, как руководителя департамента эфирного промоушн одного из общенациональных украинских телеканалов ICTV, режиссера многих программ и проектов на телевидении, а также преподавательский опыт создания студенческого онлайн телевидения «Студент TV», позволяет мне утверждать, что для эффективной работы трудового коллектива или создания инновационного проекта, необходима максимальная вовлеченность всех человеческих ресурсов в творческо-технологический процесс создания контента на основе бизнес-плана и дорожной карты в конкурентной среде с обязательной установкой на конечный результат.

Концентрация усилий на конечном результате должна быть определяющей на протяжении всей деятельности как для руководителя, так и для членов коллектива. На чем необходимо сосредоточиться менеджеру:

- составить четкий бизнес-план с возможными вариантами замены на план В, С и т. д., сроки выполнения которого есть обязательным условием эффективного

производства. Бизнес-план может быть преобразован в детализированную дорожную карту;

- максимально верное распределение обязанностей среди членов коллектива, по необходимости использовать индивидуальный труд;
- принятие быстрых решений по устранению спорных моментов производства и налаживанию комфортного психологического климата в коллективе;
- своевременное внедрение инновационных технологий и процессов производства, что поможет внедрить проект быстрее и эффективнее;
- контроль выполнения дедлайнов и, по необходимости — «латание дыр».

Какими качествами должен обладать успешный руководитель и какие стратегии организационной структуры следует применить для повышения производительности труда за счет человеческих ресурсов:

• **стратегия саморазвития:**

- быть самоосознанной личностью, уметь идентифицировать свое «Я», четко понимать свое место во Вселенной, мире, стране, коллективе. Знать свои сильные и слабые стороны (за методикой TEST U), уметь развивать сильные качества и управлять ими [6, 120]. Максимально знать или быть хорошо ознакомленным в вопросах новейших технологий, инноваций в своей отрасли;
- уметь управлять саморазвитием — способность быстро переключаться с одной деятельности или задачи на другую и быть flexible (гибким) к решению проблемных вопросов в коллективе. Руководитель должен уметь рассматривать стрессовую ситуацию как возможность самосовершенствования, развития. Быть всегда спокойным, совершать логические поступки, легко озвучивать критические моменты и быть способным посмеяться над критикой в свой адрес;

• **стратегия вовлечения:**

- знать, как управлять развитием отношений в коллективе — вовремя находить лидеров мнений, поручая им самые ответственные задачи, уметь вовлекать «балласт» коллектива, доверяя им самые сложные и ответственные задачи с условием, что это им должно быть очень интересно и, в результате, они смогут занять позиции лидеров. Менеджер обязан создавать атмосферу здоровой конкуренции без интриг с привлечением индивидуального труда;
- перманентно актуализироваться в своей отрасли благодаря активному участию в инновационных симпозиумах, конференциях, мастер-классах, проектах. Общаться с большим количеством людей благодаря новейшим ресурсам.

• **стратегия прогнозирования:**

- умение вовремя принять ответственные решения базируется на понимании и прогнозировании

возможных позиций на основании своего опыта, знаний, четкого видения ситуации в целом. Отличные знания процессов производства и инновационных технологий дадут менеджеру ключ к оценке работника на основе количественно-качественных показателей. Руководитель должен понимать сколько времени, сил, технических и материальных ресурсов потребуется для выполнения той или иной задачи.

Учитывая вызовы медиа индустрии и стремительно меняющиеся тенденции развития медиа рынка, менеджеры телекомпаний должны вовремя применять вышеизложенные стратегии по устранению возникающих проблем. После диагностики организационной структуры, с целью увеличения эффективности производства за счет человеческих ресурсов, могут быть применены следующие действия:

- устранить наличие переизбытка человеческих ресурсов, которое может лишить медиа предприятие конкурентоспособности. Эффективно использовать индивидуальный труд. Кризисные экономические события последних лет влекут за собой увольнение сотрудников телеканалов, обеспечивая при этом более высокий процент технологичности процесса.
 - политика выплат должна соответствовать рыночной структуре зарплат;
 - оценка исполнения обязанностей сотрудников с помощью ежедневного вербального общения для поддержания мотивации;
 - диагностика потерь рабочего времени (в т.ч. и невыход на работу по неуважительной причине), что прямо влияет на рентабельность предприятия;
 - политика поощрения специалистов за сверхурочную и высококвалифицированную работу (премии, грамоты, социальные пакеты), наказания за срыв сроков выполнения договоренностей (обычно эта норма закрепляется в процедурных документах);
 - поощрение креатива и новаторства — лояльное отношение к работникам, которые небезразличны к мелочам, могут сами решать производственные задачи, являются лидерами мнений;
 - управление способностями — обучение и профессиональное развитие (активное участие сотрудников в конференциях, мастер-классах). Обучение может происходить как за счет инвесторов, так и за счет статьи расходов.
- Таким образом, предлагаемая новая парадигма стратегий организационной структуры предприятия с использованием индивидуального и повышением эффективности интеллектуального труда, призвана помочь решению проблем повышения производительности труда и снижения финансовых рисков с точки зрения управления человеческими ресурсами. Как в дальнейшем распределяться обязанности индивидуалов и настолько это может повлиять на эффективность интеллектуального труда — проблемы, которые будут рассматриваться в следующих статьях.

Список литературы:

1. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века. – Изд. дом: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 272 с.
2. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
3. Каждый седьмой прогуливал работу без уважительной причины/12.06.15//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edumarket.ru/library/career/20638/>
4. Джошуа Бентон. Как выживать медиа в цифровую эпоху./Яна Беляева, 04.06.15//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mymedia.org.ua/articles/media/jushua_benton.html
5. Как будет устроен новый ньюзрум первого: цифры, факты и планы./Яна Беляева, 29.05.15//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mymedia.org.ua/articles/psb/ntku_newsroom.html
6. Черемных И.В. Телевизионный маркетинг. – К.: «Экспресс-полиграф», 2013. – 204 с.

*Shirinova Raima Khakimovna,
PhD, assist. prof.,
Nationale University of Uzbekistan
E-mail: Raima71@mail.ru*

Lexicographical problems of translation

Abstract: This article is devoted to translation of national. Lingvocultural words, which appears to be one of the problems of lexicography and translation theory. In the article is given scientific basement to creation explanatory dictionary national lingvo cultural words as for translators as well as for the process of literary translation in future.

Keywords: Visual dictionary, national-linvo cultural words, literary translation, adequate translation, principles of combining dictionaries.

*Ширинова Раима Хакимовна,
к. ф. н., доцент
Национального университета Узбекистана
E-mail: Raima71@mail.ru*

Лексикографические проблемы перевода

Аннотация: Данная статья посвящена переводу национального-культурных слов, что является одной из проблем лексикографии в переводоведении. В статье приводится научное обоснование создания толкового словаря национально-культурных слов как для переводчика, так и для самого процесса литературного перевода в будущем.

Ключевые слова: Визуальный словарь, национально-культурных слова, литературный перевод, адекватный перевод, принципы составления словарей.

Как сказал французский лексикограф Алан Рей, современная цивилизация — это словарная цивилизация. Не без основания руководитель нашего государства отметил, что «издание этимологических и сравнительных словарей, разработка нужных терминов, выражений, понятий и категорий, одним словом, всестороннее развитие на научной основе узбекского языка несомненно служит благим целям как осознание своей национальности, чувства Родины» [1, 87]. В последние годы в узбекской лексикографии появилось много заслуживающих внимания работ. Подтверждением тому является создание таких словарей, как «Ўзбек тилининг маънодош сўзлар лугати» [2] («Словарь синонимов узбекского языка») О. Шукурова, Б. Бойматова, «Ўзбек тилининг ўқув этимологик лугати» («Учебный этимологический словарь узбекского языка») Т. Жумаева,

«Ўзбек тилининг ўзлашма сўзлар лугати» («Словарь заимствованных слов узбекского языка») Ё.Хамраевой, «Ўзбек тилининг шаклош сўзлар ўқув лугати» («Учебный словарь одноформенных слов узбекского языка») Х. Сувоновой, Г. Турдиевой, «Ўзбек тилининг зид маъноли сўзлар ўқув лугати» («Учебный словарь антонимов узбекского языка») У. Тўраевой, Д. Шодмоновой, «Ўзбек тилининг сўз таркиби ўқув лугати» («Учебный морфемный словарь узбекского языка») Б. Менглиева, Б. Бахриевой, «Ўзбек тилининг ўқув топонимик лугати» («Учебный топонимический словарь узбекского языка») Т. Нафасова, В. Нафасовой, «Ўзбек тили ибораларининг ўқув изоҳли лугати» («Учебный толковый словарь выражений узбекского языка») Б. Менглиева, О. Бойматовой, М. Худойбердиевой, «Французча-ўзбекча-русча провэрбиал фразеологик

лугат» («Французско-узбекско-русский провербальный фразеологический словарь») А. Маматова, А. Носирова, «Қисқача ўзбекча-русча мақол-маталлар лугати» («Краткий узбекско-русский словарь пословиц и поговорок») М. Содиковой, «Ўзбек тилининг фразеологик лугати» («Фразеологический словарь узбекского языка») Ш. Рахматуллаева, «Немисча-русча-ўзбекча фразеологик лугат» («Немецко-русско-узбекский фразеологический словарь») М. Умарходжаева и т. д. Однако среди вышеуказанных словарей нет дву- и многоязычных толковых словарей, которые содержали бы узбекские национально-культурные лексемы и давали их полное толкование. Ю. Исмоилов отметил: «Отличие специфических слов от общеупотребительных в том, что они создают ряд трудностей для изучающих иностранный язык» [3, 51]. Лексемы, связанные с культурой каждой национальности, заставляют вести глубокие изыскания не только изучающих языки, но и занимающихся переводами на родственные и европейские языки опытных переводчиков, потому что при художественном переводе решение проблемы адекватной передачи национально-культурных лексем средствами языка-реципиента равносильно длительному «исследованию» процесса художественного перевода.

Известно, что за границей накоплен большой опыт в этой области. Такие толковые словари национально-культурных лексем, как «Словарь культурных терминов Германии» (2013) Н. В. Муравьева, «Словарь русской культуры» (2004), Alain Rey va Danièle Morvan «Dictionnaire culturel en langue française» (1994), «Petit dictionnaire les mots rares et anciens de la langue française» могут служить подтверждением этого. Отставание в этой сфере узбекской лексикографии и отсутствие до сих пор подобных словарей свидетельствует о наличии нерешенных проблем и необходимости ведения научных исследований в этой области.

Каждая нация имеет свойственные только ей специфические слова, выражающие национальный менталитет термины, а также средства художественного изображения, присущие национальной литературе. При отражении национальных особенностей наши переводчики нередко испытывали трудности и допускали достаточное количество ошибок. В связи с этим учеными-теоретиками разработаны некоторые принципы создания адекватного перевода, но в помощь переводчикам для предотвращения ошибок до сих пор не созданы **орудия их труда** — словари культурем.

Итак, настало время найти ответы на вопросы: кто должен создавать такие словари, на основании каких принципов они должны быть написаны, в каком порядке должны быть расположены слова в таких словарях и т. д. Специалисты в этой области должны направлять своих учеников на исследование и решение подобных проблем. За рубежом известные издательства достигли больших успехов в основном в создании и систематизации нового поколения словарей — электронных, визуальных. В качестве примера

можно привести словари Robert, Hachette, Larousse, Richelet, Alain Rey, Furetière, Oxford. Особо нужно отметить, что во Франции ежегодно систематически выходят серии словарей («Larousse Encyclopédique 2014», «Larousse Encyclopédique 2015»), которые содержат новые слова, входящие во французский язык. Например, слов **selfie, vapoter, drone, hachtag, barista, burrata** мы не найдем в «Larousse Encyclopédique 2014», их можно встретить в «Larousse Encyclopédique 2015». Значит, раз язык постоянно развивается, то и новые словари должны постоянно издаваться. Это подтверждает правильность мысли о том, что «глобализация мировой экономики и науки и расширение средств информации в настоящее время вызывают потребность в объемных словарях» [4, 233].

Сегодня требуется новый подход к каждой науке, ведение крупномасштабных научных изысканий. Раньше переводчик должен был в совершенстве знать тот язык, на который переводится произведение, а лексикографы должны были собирать слова и издавать словари. В настоящее время и лексикограф, и переводчик должны быть хорошо осведомлены в таких областях, как история, география, культуроведение, политология, лингвокультурология. Результаты исследований привели к основополагающему выводу о том, что и лексикографы обязаны быть информированными об экстралингвистических явлениях, так как каждая нация имеет свои неповторимые особенности. Есть слова, которые вызывают трудности при переводе на другой язык, поэтому каждый профессиональный переводчик, работая над произведением, где колоритно и ярко изображена, например, наша история и культура, вынужден будет искать словари, вновь и вновь обращаться к различным энциклопедиям. Но иногда даже длительные поиски бывают напрасными, потому что слова, отражающие национальную культуру, трудно найти в дву- и многоязычных словарях. Такие слова, конечно, содержатся в «Ўзбек тилининг изоҳли лугати» («Толковом словаре узбекского языка») Ш. Рахматуллаева. Но речь идет о другой стороне вопроса — о составе дву- и многоязычных словарей. Например, в Узбекистане создано несколько узбекско-французских словарей, однако и в них не полностью отражены свойственные узбекской культуре слова.

Ни в один из этих словарей не включены лексемы, обозначающие такие узбекские национальные обычаи и обряды, как *чаллар, келинкўрди, чиллагурузон, идиш қайтди, хомталаш, жумалик, қудачақириқ, куёв салом, келин салом, ифтор, қирқ*. В двуязычные словари не полностью включены также названия узбекских национальных игр, такие как *чиллак, улоқ, кураш, от минди, иннана, бизбизак, қўчқор уриштириш, кўпқари*. Даже самые опытные переводчики затрудняются при переводе текстов, где изображены национальные традиции, обычаи, обряды узбекского народа. В ходе исследования мы проанализировали деятельность переводчиков, которые затруднялись найти единственно правильный перевод вышеназванных явлений национальной культуры, и пришли к выводу, что в таких случаях

переводчики или опускали национально-культурные слова, или же были вынуждены заменить название самого обряда или церемонии названием имеющейся церемонии в языке перевода. Это приводило к неадекватности произведения и оригинала и искажению национального колорита, смешиванию национальных реалий.

Например, при переводе сказки «Сехрли қалпоқча» («Волшебная шапочка») в книге Худойберди Тухтабоева «Сариқ девни миниб» («Сев на желтого великана») переводчик опустил название узбекской национальной игры *чиллак* и в результате до французского читателя информация доведена не полностью. Например, в оригинале:

“Яшириб нима қиламан, кўча чангитиб юргандан кўра командага бўлиниб олиб, тўп тепган ёки холироқ жойга, масалан, ойинг чақирса ҳам овози етмайдиган жойга бориб **чиллак** ўйнаган минг марта яхши” (Тухтабоев Х.: 2009). («Не буду скрывать, чем шататься по пыльным улицам, в тысячу раз лучше разбиться на команды, гонять мяч или же уйти в укромное место, например, где не слышен зов матери, и играть в **чиллак**»).

Перевод на французский язык (переводчик — Шавкат Холмуродов):

“Je préfère jouer au football ou a **d'autre jeux** avec mes copains, là où les appels de maman ne nous parviennent pas”. (Kh. Tukhtabaev Kh, *Le chapeau magique d'Ouzbékistan*: 1999).

Дословный перевод:

«Я любил играть с друзьями в футбол или **другие игры** в местах, где не слышен зов матери» (Перевод наш — Ш. Р.).

В данном случае переводчик, затруднившись перевести название узбекской национальной игры *чиллак* на французский язык, перевел его как «*другие игры*». Адекватная трактовка специфических слов, выражающих образ жизни народа, полное доведение до читателя национального своеобразия оригинала считается самой ответственной и невероятно сложной задачей. К. Х. Юсупова в своей статье «Эквивалентизм хос сўзларни таржимада бериш муаммоси» («Проблема передачи безэквивалентных слов в переводе») указав, что в переводе романа Айбека «Болалик» («Детство») на английский язык узбекские игры *ошиқ* и *чиллак* были переведены как «узбекские дети играют в кости и палочки», уместно отметила: «... эти игры, а не бросание костей и палочек туда-сюда, выражают свойственные нашему народу ловкость, расторопность и мастерство, формируемые древними играми» [5, 253].

Перевод служит расширению культурного кругозора читателя и пропаганде во всем мире культуры нации. Исходя из этого, в будущем словаре слову *чиллак* можно дать следующее толкование на французском языке:

Le tchillak — jeu d'enfants avec deux bâtons, l'un étant long, l'autre — court.

(**Чиллак** — детская игра при помощи одной длинной и одной короткой палочки).

Начинающие переводчики, работая над художественными произведениями, постоянно сталкиваются с

проблемой выражения в переводе национально-культурных слов и реалий, содержащихся в оригинале. Единственное решение данной проблемы и самый простой путь облегчения труда переводчиков — это создание дву-, трех- и многоязычных толковых визуальных словарей национально-культурных слов.

Что должны отражать слова, имеющие национально-культурный характер? Это традиции, обычаи, национальные церемонии, национальные блюда, национальная одежда, национальные народные инструменты, национальные украшения, предметы быта, национальные праздники, игры и т. д. Итак, создание толкового словаря национально-культурных слов — веление времени.

Мы в своем исследовании сделали попытку определить принципы, на которых должен основываться толковый словарь национально-культурных слов, его структуру и состав. Изучили имеющийся в этой сфере опыт, обратились к толковым, энциклопедическим словарям и научным источникам.

Количество в настоящее время в узбекской лексикографии словарей национально-культурных слов явно недостаточно. За последние годы изданы «Ўзбек тилининг изоҳли лугати» [6], дву- и трехязычные словари, фразеологические словари [7], этимологический словарь [8], синонимические словари, словарь пословиц и поговорок [9; 10], провербальные словари [11]. Однако упомянутого выше словаря национально-культурных слов узбекского языка, который мог бы стать настольной книгой переводчиков, ни на русском, ни на английском, ни на немецком, ни на французском языках до сих пор нет.

Вопрос передачи национально-окрашенных слов, отражающих национальный и культурный характер, стал предметом нашего исследования, в ходе которого изучался зарубежный опыт, велись дискуссии на вузовских занятиях по природоведению и спецкурсах по лексикографии. Мы пришли к выводу, что, как указывалось выше, единственное решение данной проблемы — это претворение в жизнь идеи создания визуальных словарей национально-культурных слов.

Считаем целесообразным основываться на следующих принципах при создании словаря национально-культурных реалий:

I. Национально-культурные слова нужно объединить в группы. При этом можно выделить следующие группы: названия национальных церемоний, названия национальных обрядов, названия национальных блюд, названия национальной одежды, названия национальных песен, названия национальных музыкальных инструментов, названия национальных предметов быта, названия национальных украшений, названия национальных праздников.

II. Сгруппированные по тематическому принципу слова, имеющие национально-культурный характер, целесообразно расположить по алфавиту на латинской основе. Их толкование должно быть взято из толкового словаря узбекского языка.

III. При подаче слов, имеющих национально-культурный характер, можно использовать сокращения.

IV. Учитывая то, что данные в словаре слова нужно дать в контексте, можно привести примеры из переводов произведений с узбекского языка на французский.

V. Если во французском языке есть эквиваленты слов, обозначающих национальные игры, национальный образ жизни, то их необходимо привести. Например, *перетягивание каната* — “tir à la corde”, *прятки* — “cache-cache”, *змеи* — “cerf-volant” и т. д.

VI. Если словарь будет рецензирован носителем французского языка, это повысит его качество.

В заключение можно отметить, что, учитывая то обстоятельство, что к словарю обратятся много читателей, нужно рассмотреть вопрос о включении национально-окрашенной лексики и в двуязычные словари.

В связи с этим необходимо расширить научные исследования в сфере лексикографии, совместно с переводоведами создавать словари, решать эти вопросы на разных уровнях.

Список литературы:

1. Каримов И. Юксак маънавият енгилмас куч. – Тошкент: Маънавият, 2010.
2. Шукуров О., Бойматов Б. Ўзбек тилининг маънодош сўзлар луғати. – Т., 2009.
3. Исмоилов Ю. Немис тилида хос сўзлар ва уларнинг икки тиллик луғатларда ифодаланиши. // Лексикография ва фразеографиянинг долзарб муаммолари. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. – Т., 2014.
4. Норбоева Ж., Эрназарова А. Махсус таржима луғатларини тузиш муаммоси. // Замонавий тилшунослик ва лингводидактиканинг коммуникатив аспектлари. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. – Самарқанд, 2015.
5. Юсупова К. Х. Эквивалентсиз хос сўзларни таржимада бериш муаммоси. // Замонавий тилшунослик ва лингводидактиканинг коммуникатив аспектлари. Илмий-амалий анжумани материаллари. – Самарқанд, 2015.
6. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. – Т., 2000.
7. Садыков М. Краткий узбекско-русский фразеологический словарь. – Т., 1989.
8. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати. – Т., 2000.
9. Немисча-ўзбекча мақол ва маталлар луғати. – Т., 2013.
10. Мусаев С. Французча-ўзбекча мақоллар луғати. – Т., 1998.
11. Маматов А., Носиров А. Провербал луғат. – Т., 2014.

Section 11. Philosophy

*Antonenko Victoria Vladimirovna,
Smolensk State University, Laboratory Assistant
at the Department of General Psychology
E-mail: lyubimayaviktoriya@mail.ru*

The problem of theodicy in Russian moral philosophy

Abstract: The article analyses the definition and solution of the problem of theodicy by Russian philosophers. General and specific peculiarities typical for Russian philosophical theodicy are distinguished on its basis. Russian philosophers take a rational approach to the solution of the problem and give it a socio-ethic direction.

Keywords: theodicy, Russian philosophy, universal evil, good, original sin, freedom, responsibility.

Every person faces evil in life. To deny its obvious existence is senseless. Where does the evil come from? This eternal question has been pondered much and it will be pondered by both ordinary people and great thinkers.

Philosophical concepts and all religions have their own explanation of the evil's origin. Their combination is called theodicy (derived from two Greek words: «theos» and «dikē», which means «justifying God»). During different historical epochs, theodicy had its specifics in different national and religious confessions, reflecting socio-cultural character of an epoch and peculiarities of mentality. The definition and solution of the problem of theodicy is also specific in Russian philosophy.

F. M. Dostoevsky was one of the first to think about the question of the evil's origin. According to him, «the nature of the evil is internal, metaphysical, but not external, social. A man, as a free creature, is responsible for evil» [1, 91]. Evil is personal; hence, only a personality can bear responsibility for it.

Sufferings help the man purify and elevate themselves to a higher spiritual level. It should be noted, that a desire to suffer can appear due to the inborn original sin. For instance, wishing something very much, the man torments themselves with waiting, postponing doing something.

The problem of evil is directly related to the problem of immortality. If there is no immortality, then everything is allowed and people are not responsible for evil. Evil is not absolute and death is a relative evil, which only kills the imperfect in the man enabling them to elevate themselves to a new spiritual level. The man should realize the end of their existence, reconsider their life and start striving for moral perfection.

Thus, according to F. M. Dostoevsky, evil «has a deep spiritual nature» [1, 55], and, consequently, only the man, as a free creature, makes a decision to commit evil; nothing and no one forces them to commit bad deeds; hence, they should not blame anyone but themselves.

The problem of theodicy is described in a more subject-related and purposeful manner by N. O. Lossky in the work «God and universal evil. Basics of theodicy» [4].

According to the philosopher, evil «is not primary and not independent» [4, 346]. Its appearance was caused by «excessive love to oneself, preference of own self to other personalities» [4, 347]. People should not blame God for the existing evil, because they abused their freedom and created the life full of sufferings on their own. But «derivative miseries experienced by us have a high curing sense» [4, 366]. And the mankind will learn it with time.

To explain sufferings of children and animals, N. O. Lossky develops a study about the pre-existence of souls and reincarnation. According to it, after death every doer chooses the environment that is more favorable for them and develops an imperfect body, which they will live in on their own, and God is not responsible for that.

Thus, N. O. Lossky created quite a logical learning about theodicy giving it a personalistic character. His solution of the problem is related to the theory of reincarnation without which it is impossible to substantiate theodicy and answer the questions about the evil's origin, inherited sin, meaning of sufferings and what awaits the man after death. The idea of personalism and reincarnation gives justification of personal responsibility for evil in the world due to the man's own egoistic nature. Disposal of egoism will come gradually in a few generations.

For V. Solovyov, the world is not a purpose but a means to achieve perfection. «Internal freedom, i. e. voluntary and conscious preference of good to evil in everything, is the main, principle condition of this perfection and absolute good» [5, 293]. The man can reach perfection, but it takes time. Thus, the philosopher considers evil as a means of improvement and sees a possibility of good in all that exists.

According to S. L. Frank, the problem of theodicy cannot be solved rationally due to its essentially required non-solvability, but not due to the man's weakness of cognitive abilities:

«Any rational theodicy, any attempt to logically non-contradictorily bring together the fact of world evil with almighty and omnibenevolence of God is not only logically impossible, but also essentially and religiously inadmissible, because it reveals in itself some justification of the evil» [8, 29]. To explain this evil, one has to find its basis, which coincides with the sense. But, having explained the evil, the man justifies it thereby. It should not be explained but destroyed.

According to S. L. Frank, the simplest solution is to relate the appearance of evil with the man's freedom, i. e. the freedom of free choice between good and evil. But, in the philosopher's opinion, «evil is never chosen freely; — on the contrary, we are involuntarily drawn, attracted and driven to it; because evil attracts us. We lose our freedom in this very fact of attraction to the evil; we only strive for the good purely voluntarily, because only it ... forms authentic internal basis of our being» [6, 221]. Almighty and omnibenevolence of God is manifested in the fact that evil is not capable of destroying the universal good, because it is deprived of authentic being and is an illusory reality, although, it actually exists in the world possessing a huge power. However, it doesn't relieve the man of the responsibility for both personal committed evil, the source of which they themselves are, and evil existing in the world, which they do not oppose.

Evil, just like good, is invisibly profound in the man's soul and one cannot destroy evil by any violent actions. «Sin is overcome only in the man's soul ... It disappears on its own before good and love as dark disappears before light» [7, 392].

Realization of own sinfulness makes the man feel responsible for sins and judge themselves through their own voice of consciousness. Hence, suffering is required to heal the soul. However, subjective sense of responsibility is sometimes inversely proportional to the measure of personal sinfulness, because the ability to feel someone else's guilt is related to the degree of development of moral consciousness. A remarkable example is the substitutive sacrifice of Christ.

Thus, S. L. Frank concludes that rational theodicy doesn't exist; it is only possible in its inconceivability and trans-rationality. He states that theodicy is not only impossible in the rational form, but also an attempt to build it is spiritually impermissible.

Another philosopher covering the entire complex of theodicy problems is L. I. Shestov. He was particularly interested in the story of the Fall from grace, which, according to him, can explain the reasons of the evil's appearance. Moreover, speculations of Lev Shestov are closely related to his contemplation of Kierkegaard's philosophy, who considered the understanding of the Fall from grace from the point of personal experience and judged a man who didn't sin from this position. Speaking about the world before the Fall from grace, he notes something else in it, something opposing the being and calls it — Nothing, the main activity of which is awakening of fear.

But Lev Shestov criticizes such approach. Because the nature of the man changed as a result of the Fall from grace

and it is wrong to conclude that first people had fear relying only on personal sensations. Because, fear appeared only after the Fall from grace. He reckons that fear of Nothing appears only in that soul of the man, which gained knowledge and it forces people to address the reason. While the man is learning, they are in the power of original fear.

Nothing established «the law of being» that says that all are powerless, both the wise and the stupid; herewith, the smarter the man is, the more powerless they are, because they realize their powerlessness. «The most genius, virtuous man is the biggest sinner» [9, 784]. But the man cannot free themselves from the power of Nothing, even when they see that it leads to death. One has to refuse reason. But how can the man with enslaved will do that? One can save themselves only through faith. Only it can return the pure freedom to the man. «Freedom doesn't choose between evil and good: it destroys evil turning it into Nothing» [9, 778].

Thus, Lev Shestov makes an original conclusion that the Fall from grace lies in the desire of people to learn, but not in the obedience before God or attraction by fleshly temptations. Herewith, the thinker states that ««Intelligere» sucked all power and soul from God. His will turned out to be fainted, paralyzed and enslaved by some «beginning»» [9, 800]. It means that the reason enslaved even God.

Unlike other thinkers, a Russian thinker N. A. Berdyaev relates the problem of theodicy with the sense of history. He believes that the very understanding of the sense of history as a universal process will lead to justification of God for the existing universal evil. The mankind is interested in the idea of progress which negatively affects their lives.

N. A. Berdyaev explains the nature of evil by the existence of «primary», «non-created» freedom, over which God has no power, and calls it «meonic freedom». It creates evil. He makes freedom absolute separating it from God and the man and, hence, ontologizing evil.

In his opinion, the Fall from grace is the manifestation of free spirit in the man and, hence, the man is not a fallen creature. «Freedom of evil is good, because without freedom of evil, there wouldn't be freedom of good, i. e. there wouldn't be good. The possibility of evil is the condition of good. Violent prevention of evil ... would be a big evil» [2, 51]. This is the paradox of good and evil.

Art contributes to not only struggle with evil, but also creation of the other world. Because pure art strives for the eternal. «Death, an uttermost horror and uttermost evil, is the only exit from an ugly time into eternity, and immortal and eternal life is only possible through death» [2, 216]. Thus, on the one hand, death is a result of sin; on the other hand, it is a value and goodness.

If the world existed endlessly in time, it wouldn't have gained sense. Life has no sense if there is no eternal life after death. «One cannot wait passively for the end and death of the human personality and world in longing, horror and fear» [2, 227].

Immortality implies the responsibility for committed deeds. In this respect, the problem of death is related to the

problem of hell as a retribution for sins. N. A. Berdyaev criticizes the teachings justifying hell by the idea of justice. Hell is not an eternity; it is simply an eternal continuation in time. «In fact, hell is a ghostly, phantasmagoric, non-being sphere. But it can be the greatest psychological, subjective reality for the man. Hell ... cannot be eternal, but it can be experienced by the man as the eternal» [2, 231]. Experiencing of hopelessness in hell is subjective. «Appearance of hope is already the exit from hell» [2, 238]. Thus, he didn't objectivate hell and didn't attempt to build an analogy of hell.

Hence, according to N. A. Berdyaev, it is possible to solve the problem of theodicy only in existential sense. «There is no need ... to justify all miseries, sufferings and evils of the world with the help of the idea of God» [3, 53]. And one shouldn't consider evil as a drawback of good, which was typical for most solutions of theodicy.

Russian philosophers have a rational approach to the solution of the problem of theodicy and relate the man's freedom of will to their responsibility, which has a socio-ethic direction and bears deep religious character.

References:

1. Berdyaev N. A. World outlook of Dostoevsky. – Prague, 1923. – 238 p.
2. Berdyaev N. A. About the purpose of the man. – Paris: Contemporary notes, 1931. – 320 p.
3. Berdyaev N. A. About freedom and slavery of the man. Experience of personalistic philosophy. – Paris: YMCA-Press, 1939. – 224 p.
4. Lossky N. O. God and universal evil. Basics of theodicy. – M.: Terra – Book Club; Respublika, 1999. – 431 p.
5. Solovyov V. S. Justification of the good. – M.: Institute of Russian civilization, Algoritm, 2012. – 656 p.
6. Frank S. L. The inconceivable. Ontological introduction to the philosophy of religion. – M.: AST, 2007. – 512 p.
7. Frank S. L. Reality and the man. – M.: RESPUBLIKA, 1997. – 478 p.
8. Frank S. L. Light in the dark. – M.: Published by «Faktorial», 1998. – 256 p.
9. Shestov L. I. Kierkegaard and existential philosophy. – M.: AST, 2000. – 800 p.

*Djasanova Sayyora,
Djizakh State Pedagogical Institute
after named Abdulla Kadiri,
the big teacher of the social sciences chair
in the history faculty
E-mail: Yaxshiyeva67@mail.ru*

Spiritual and moral foundations of women's social activities

Abstract: This article analyzes directions in organizational and team behavior and its coherence with individual career strategies. In this paper we present a description and analysis of the three-factor model of personal orientations in professional activity in the area of its own and defined objectives.

Keywords: individual life strategy, career strategy, organizational and team behavior, strategy of individualization.

Because of independence of the Republic of Uzbekistan, the government is paying particular attention to the issue of women. Indeed, the role of women in society and humiliated universal rights — society cannot flourish. The mosque from the early years to improve women's status, ensuring their active participation in social life, the protection of the interests of maternal and child health issues was one of the priorities of the state policy. For example, in 1998 — the “Year of the Family” in 1999 — the “Year of Women,” 2000 — “The Year of the Healthy Generation” in 2001 — the “Year of mothers and children” and the year 2012 the “Year of a family” to be announced as well as women legal, social, economic, spiritual protection of the interests of the state may be an example of the production of programs. At the same time social, spiritual and moral aspects of the activity of women in the social and philosophical, theoretical research is important. East, Central Asia, including the history of women's spiritual and moral

activity priority significance. The issue of women in the history of Central Asia, linking the past, present and future, as a nation, long recognized. All those factors offering the greatest development of the society also delivered women. They are a symbol of beauty, beautify. Therefore, paid attention to female beauty and the beauty of art.

Central Asia, which is located at the ancient archaeological monuments considered, found from Sopollitepa the first evidence that a pregnant mother can say. His social life in the past found confirms the high status of the mother. I treated him as a successor to celebrate generations also. Zoroastrianism, the religion's holy book “Avesta” as the goddess of fecundity at Anakhita. As well as the “Avesta” the family as a source of social, philosophical and humane treatment also had given wide coverage to the issue of women.

In the middle Ages to the Chach (Shash) who is side by side with the current ruler, Queen described the launch

of telling you that you have high social status of the life of the woman.

Pious and the righteous believers in the Quran — Muslims as well as Christian and Muslim and Muslim believers with the current language of the Quran and theology two states as part of a gender specific opposite poles of space.

Ancient princesses asked the country to look at the history, the horse made light of enlightenment, a poet known in the national liberation struggle, which is a symbol of courage and daring, intelligent, and many find the names of women entrepreneurs. Queen of the countries that dominated the sixth century Massagets queen Tumaris courage is proof of this.

Princess heroism and heroes of the great A. Dante and U. Revered as a model example for the women of the works of Shakespeare. In addition, A. Temurlane's wife Bibixonim, Zaxriddin Bobur policy overestimate the parents involved Nigorkhonim Memorial.

The East scientists Rizoviddin Ibn, Fakhriddin as an example of moral lesson "Hatun, diligent and educated people and educated, but Hatun, the entrepreneur, the wives of the rich people who are smart, but lazy or trait known to be poor people ..." said.

Jadidlightenment major figure Fitrat the "Family" is written in the book, "This is the fate of the nation depends on the condition of the family, younger members of the nation. Where families rely on a strong discipline on the occasion of the country and the current so strong, and the nation was in order".

Today, the influence of the West in terms of the perception of the results show. Sung classical literature had long hair, black hair painted red or yellow color. Well, as of these adverse events assertions? Conservative traditions in terms of their negative appraisal. But they must think thoroughly before making a conclusion about. First, in terms of their values and traditions which labels should be aware of the need? But in any case we are self-east, politeness and modesty is important to preserve. You can change any of the current values, but the ethics and values change.

The degree of such conditions objective reality for the people, especially the deep knowledge, has the potential to be the most important intellectual depth and take responsibility.

For this reason, the current President I. A. Karimov as the greatest courage, "not only in their own gamepads, but that has all the appearance of a woman in the spiritual life of the famous poet Zulfiyakhonim would have contributed to it as I have such a lot of people. Made his international platforms lions East women's knowledge, intellect, grace and maturity as an expression of bright teaches poetry fans humanitarian love and loyalty of millions of it is not an exaggeration to say that", venerated not accidental.

So far, "the preservation of a woman — the end to preserve the nation ...", we are absolutely right to say that.

At the same time social, spiritual and moral aspects of the activity of women in social, philosophical, theoretical research is important.

The future of young people that are the foundation of every healthy and harmonious development of primary education, of course, the woman — the mother's status as a moral ideal is of special significance. The role of women in social, political and cultural life of the community and to show their full freedom of activity is of important significance. For example, students who are conducting research in higher education institutions accounted for 70.8 % psychological, 81 % of philology, teachers accounted for 60.7 %, 62.2 % of pharmacists, physicians accounted for 59.1 %, accounted for 56.9 % of Biology, 50 % of philosophers, historians, 35.5 %, 53.3 % of the architecture, economists 34.7 %, and 50 % of politicians, lawyers accounted for 27.7 % Technical sides 26.7 % are women. As well as scientific 10.349 employees working in institutions of higher education students are women. So doctors, including 414 candidates of science are the 2554 women (status of 2004).

Indeed, spiritual, moral and spiritual development of women in the global information society and the market conditions to ensure the sustainable development of social, economic and cultural Theoretical service.

References:

1. Сафаева С.Х. The issues of women: the general public and national sides. The dissertation for scientific degree of philosophy sciences. – T., 2002, – B. 164.
2. Djaxfarova T. On the subject of features of women legal post. / "Philosophy and law" magazine. – 2011. – № 3. – P. 71.
3. "Тафаккур" magazine. – 2004, – No. 4. – P. 83.
4. Fitrat. "Family". – Tashkent: Ma`naviyat, 1998. – P. 3.
5. Begmatov A. Глобаллашув, миллий анъаналар ва ёшлар тарбияси. Ёшларни миллий истиқлол ғояси руҳида тарбиялаш. / Ватан тинчлиги ва хавфсизлигини мустахкамлашнинг муҳим омили мавзусидаги Республика илмий-амалий конференцияси. – Tashkent, 2004. – P. 65–69.
6. Karimov I. A. Юсак маънавият – енгилмас куч. – Т.: Ма`naviyat, 2008. – P. 167.
7. Karimov I. A. from his speech at the ceremonial convention for 6 anniversary of Constitution in 1998 year, December. Esteem for woman. – T., Uzbekistan, 1999. – P. 11.
8. [Electronic resource]. – Available from: http://www.statistics.uz data_finder/120.

*Zdorovenko Viktor Vasil'evich,
department of philosophy
the name of professor Valeryi Grigor'evich Scotnyi
of Drohobych state pedagogical university
the name of Ivan Franko, professor
E-mail: innovationvz@drohobych.com*

Ukrainian contemporary art as a method of forming historical consciousness

Abstract: It is shown that the modern Ukrainian art actualizes the interest in the history of the nation and its heroic past, using the images and the ability to express the mental peculiarities of national psychological traits, life principles Ukrainians, their meaning of life goals, experienced through the prism of mosaic Ukrainian soul.

Keywords: archetypal sign symbol, soul, spiritual life, mythology, modern art, plot, theme, monumental, easel art.

*Здоровенко Виктор Васильевич,
кафедра философии имени
профессора Валерия Григорьевича Скотного
Дрогобычского государственного педагогического
университета имени Ивана Франко, профессор
E-mail: innovationvz@drohobych.com*

Современное украинское искусство как способ формирования исторического сознания

Аннотация: Показано, что современное украинское искусство актуализирует интерес к истории нации, ее героическому и трагическому прошлому, используя при этом возможность изображения и выражения ментальных особенностей национальных психологических черт, жизненных принципов украинцев, их смысло-жизненные цели, пережитые сквозь призму мозаики украинской души.

Ключевые слова: архетипический знак-символ, душа, душевная жизнь, мифология, современное искусство, сюжет, тема, монументальное, станковое искусство.

Анализ сформулированной темы обусловлен важностью значения историзма сознания и, в частности, исторической памяти для организации людей в общество, способное преодолевать разрушительные тенденции стихийных или сознательно организованных движений, нацеленных на дискредитацию тех филогенетически сформированных культурных норм социального поведения, которые определяют сущностную особенность украинской культуры. Актуальность исторической памяти обусловлена многими обстоятельствами современности. Среди главных отметим глобализацию, перестройку идеократического общества с «тоталитарными» представлениями о человеке в гражданское общество свободных индивидуумов, а также процесс национально-культурного возрождения, как условия сохранения этнонационального корня культуры украинского общества.

Мы считаем, что анализ художественного потенциала современного искусства приобретает важное теоретическое значение в контексте качественного изменения антропологической модели жизни, которая отрицает идею социального равенства людей, и пропагандирует мальтузианское представление о доминировании и неравенстве

в обществе, как естественный закон жизни, поскольку позволяет сосредоточиться на уяснении того, как в искусстве артикулируется проблема исторической памяти. Ведь историческая память народа является тем пластичным мостом, который обеспечивает преемственность культуры духа между поколениями и отражает ментальные особенности национальных психологических черт, наиболее адекватно характеризует жизненные принципы народа.

Анализ последних исследований в контексте обозначенной проблемы позволяет выявить возрастающий интерес к объяснению совокупности тех ценностей, привычек, не всегда осознаваемой системе координат, психологических алгоритмов, которые образуют, так называемую, ментальность. Как именно ментальность формирует восприятие мира человеком или большой группой людей и, соответственно, определяет их поведение, исследуют А. С. Стражний в монографии «Украинский менталитет: Иллюзии. Мифы. Реальность», Л. Т. Масенко в книге «(У)мовна (У)країна», В. А. Малахов, В. Скуратовский, М. В. Попович, Б. Стебельский. Теоретические разработки О. Петровой, Э. Дымшиц, Е. Кашубы, Н. Р. Кубриш, Н. В. Мархайчук, И. Павельчук, Г. Рудык, В. Д. Сидоренко

касаются сложной и не исчерпанной проблематики: украинского модернизма, постмодернизма, трансавангарда и пост-постклассики, что способствует структурированию знаний о живом художественном процессе в Украине.

На наш взгляд, выяснению художественного потенциала современного искусства в сфере социального познания может способствовать анализ его возможностей в отображении психологического портрета украинского характера, в котором не только осознаваемые, но и иррациональные силы собирают людей в народ на общей мировоззренческой матрице. Собственно, такая постановка вопроса, позволяет расширить круг ранее предпринятых поисков ответов на вопрос о смысле культурного «генокода», в котором фокусируется коллективная память украинской нации. Таким образом, цель статьи — анализ современного украинского искусства как эффективного способа формирования исторического сознания.

В контексте темы нашего исследования уместно отметить значимость работы художников станковой скульптуры в поисках своих способов выражения и изображения сущности этнических особенностей украинской культуры. Нас не должно смущать то, что демаркация между монументальным и станковым искусством пролегает по тематической линии. Монументальное искусство, действительно, не существует вне величественного содержания темы. Иногда эту его особенность определяют как наличие большой общественной идеи. Это не совсем точно. Некорректно противопоставлять монументальное искусство станковому на основании того, есть в нем значимая идея, или ее нет. В настоящем искусстве не бывает маленьких идей, но бывают сюжеты, отражающие локальные явления жизни, через которые, в итоге, может раскрыться великая идея. И бывают значимые темы, которые охватывают весь мир, эпоху.

Анализируя серию работ малой пластики, в которых отражаются вечные ценности народной жизни, уместно обратить внимание на один принципиальный, по нашему мнению, момент. В эстетической литературе понятие «сюжет» все еще продолжает оставаться синонимом понятия «тема». Так В. Ф. Гегель считал, что сюжет есть событием, которое отобрал художник в процессе изучения жизни и так воплощен в художественном произведении, что в нем раскрывается конфликт и характеры в определенных жизненных обстоятельствах. Он пишет: «Главными является не внешний ход и изменение событий, которые бы в качестве событий и историй исчерпывали бы собой содержание художественного произведения, а нравственное и духовное формирование и те большие сдвиги души и характера, которые разворачиваются и раскрываются через этот процесс формирования» [2, 225].

В свое время А. Н. Горький, анализируя элементы, образующие содержание понятия «литература», разграничивал сюжет и тему, обращая при этом внимание на то, что сюжет — это «связи, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей — истории роста

определенного характера, типа». А тема — «это идея, которая зародилась в опыте автора, подсказывается ему жизнью» [4, 215].

Приведенные определения указывают на разные уровни темы и сюжета. Понятие «тема» — это воссоздание искусством исторических, религиозных, экологических, нравственных и других жизненных коллизий, которые имеют объективный характер направленности на действительность. То есть понятие «тема» является носителем общезначимых жизненных проблем. Указывая на сюжет художественного произведения, имеют в виду конкретное событие, ставшее основой для художественной трансформации фабулы.

Для нас это уточнение важно для понимания того, что станковое искусство также открыто для больших тем. Это, например, доказывают талантливые работы скульптора В. Наконечного, который сумел создать совершенные художественные формы, фиксирующие и передающие этническую память и ментальный образ мира в украинской истории. Культурную самобытность и духовную неповторимость украинского народа он исследовал в серии скульптурных композиций «мамаев» — концентрированных, архетипически-мифологических образах украинского «рыцаря Правды», духовного оберега, что сформировался на протяжении веков.

Само символическое название художественного проекта В. Наконечного — «7514» призвано разомкнуть культурный хронотоп от запорожских сечей, до истоков всей индоевропейской культуры. Ведь именно столько веков, согласно древнему украинскому календарю, исполнилось на момент открытия в 2006 авторской выставки. Образ первопредка вобрал в себя архетипические знаки-символы, по которым «Мамай — мужское отражение мамы, матери, хранительницы; воин, отец рода. Степные, курганные статуи в народе назывались Мамаями. Известный нам запорожский казак Мамай — это довольно поздний и канонизированный образ. Но, на самом деле, этот образ пришел к нам из исторического далека, из архаической древности, и лет ему много тысяч. Это он охраняет дерево Рода. Страж и охранник, Спаситель и странствующий одинокий рыцарь. Он вечен. Таково отношение автора проекта «7514» к данному образу. По мнению скульптора, дохристианская традиция не прервалась в новой православной, в частности, казацкой среде — не должна она прерваться и сейчас.

О Мамае или о казаке Мамае написано много, однако до сих пор он остается до конца неразгаданным. Он — никто, и он — все: тотем, богатырь-первопредок, воин-жрец, (б) Рахман, волхв, киян, кобзарь, колдун, казак-запорожец. Это все — его имена. Не потому ли все бронзовые произведения проекта <...> не имеют названий; каждая — просто нумерованная «композиция». Нумерация серии — это повод для ее продолжения, что соответствует замыслу автора. Для него эта серия не имеет окончания, как не имеет ограничений существования образ Мамай <...>.

Еще один образ Мамая под небесным покровом Богоматери-Берегини (этот мотив стал основой «Композиции II», экспонированного в музее проекта) появился во время работы над эскизом памятника для киевского Майдана Независимости во время конкурса к 10-й годовщине Независимости Украины. Тогда, в 2000 году, скульптор четко осознал, что Мамай символизирует именно Украину, все то, что является коренным, национальным и одновременно связующим страну со всем миром и даже Космосом. Это произведение украинского гения, выкристаллизованного веками в представлениях народа о своей сущности. По мнению художника, этот национальный персонаж объединяет древнюю историю Украины с новым, казацким, временем и новейшим, современным, этапом и ориентирован в будущее. Казак Мамай воплощает божественное начало, знак вечности и бессмертия, героическое и жертвенное. Нельзя воспринимать его поверхностно только как символ казачества, потому что он воплощает образ всего народа, величие и песню, жизненную силу, мощь духа, несокрушимость воли, сосредоточенность на своей судьбе» [3, 17].

Глубинный образ певца-лирника-кобзаря, хранящийся в генетической памяти обычного украинца как воплощение национального прошлого и традиций, стал мощным мотивом для художественного воплощения и средствами киноискусства. Например, успех фильма режиссера А. Санина «Поводырь, или у цветов есть глаза», превзошедший все ожидания, получил беспрецедентный прокат и вышел одновременно в 160 залах, является закономерным, поскольку, во-первых, современные обстоятельства вооруженной агрессии России в юго-восточные регионы Украины невероятно точно совпадают с лейтмотивом кинособытия; во-вторых, характеры главных героев существенными сторонами содержания произведения органично вписываются в эпическое содержание деятельности кобзарей, которые во все времена олицетворяли культурную самобытность и духовную неповторимость украинского народа, наделенную бурной внутренней экзистенцией.

В фильме сюжетная основа содержательно превосходит тему разворачивания советской жизни 30-х годов и проявления разновидности классового террора. Так, на основе реального факта 1934 года отражена ситуация, когда всех кобзарей и лирников этнографическая комиссия Академии наук УССР пригласила на съезд в Харьков, по случаю проведения Республиканской олимпиады городов и сел, а на самом деле способствовала тому, чтобы органы НКВД завезли в лес и расстреляли более двух сотен музыкантов. Автора фильма прежде всего интересует история силы, история сопротивления, которая может жить даже в одном единственном человеке, история человеческого духа, духа украинского. Воспроизводя историческую конкретность изображаемого, рассказывая о ценности индивидуально-неповторимого бытия поступков человека, авторы пытаются через этот конкретный случай раскрыть общезначимое в нем. А именно то, что в целом, в украинском

народе кобзари занимали первое место по развитию поэтических и философских способностей. Размышляя над тем, что меняется все, но неизменным остается дух предков, носителями которого были кобзари, режиссер изобразительными средствами киноискусства стремится к углубленному выражению содержательности характера ментального типа украинца, запечатленного в формуле «казак — душа правдивая».

Поскольку этот эпитет исходит из сердцевины христианского мировосприятия, в котором «правда» выступает синонимом «истины», носителем которой является сам Господь Бог («Я есть путь, и истина, и жизнь» (Ин.; 14, 6)), поэтому главным оружием певца-лирника-кобзаря является слово правды, которое он проповедует песней и молитвой. Оптимистическое измерение трагического содержания фильма обусловлено верой в бессмертие праведности бандуриста Ивана Кочерги и его братьев. Их физическая смерть становится прологом к духовной жизни, не знает временных границ, созвучна оптимистической трагедии самого Христа, Его матери и последователей, органично сочетая эту мощную мировоззренчески-эпическую традицию. Возможность киноискусства сосредоточиться на художественном освоении действительности здесь определилась способностью воплощать, доступными для него средствами, духовное содержание человеческой жизни. Эти средства авторы нашли в движениях, звучании голоса, мимике украинского кобзаря Ивана Кочерги. Поэтому фильм и открывает свободный доступ к глубинам древнего Украинского Духа.

Также национально-ментальным типом детерминировано художественное наследие режиссера М. Ильенко в фильме «ТотКоторыйПрошелСквозьОгонь». «Для Михаила Ильенко важно не только показать страдания, которые выпали на долю украинцев в XX веке — репрессии, голодоморы, войны, — хотя именно эти моменты являются узловыми в развитии сюжета. Режиссер отдает приоритет тому, как из всего этого украинцы вышли, как им удалось уцелеть в таком аду, сохранить себя. Постановщик обращается к вещам мистическим, трансцендентным <...> Обращается, не боясь их неправдоподобности. В конце концов, этому легко найти оправдание в самой истории — настоящей, а не художественно осмысленной, ведь что может быть неправдоподобнее судьбы, самой жизненной истории главного героя Ивана Орестовича Додоки, в основе которой судьба реального человека — украинского летчика авиации дальнего действия, Героя Советского Союза Ивана Доценко. Да и сам исторический контекст — реальность тоталитарного режима в СССР, когда людей (не захватчиков, а граждан своей страны) уничтожали в таких масштабах, что цифры жертв просто невозможно осмыслить <...> Злу, которое обрело зловеще-мистический характер, можно было противостоять только благодаря чему-то непостижимому, поддержке сил, которые не имеют рационального объяснения. Потому что только это непостижимое дает возможность спастись и выжить» [1, 40].

В этом произведении драматическая «одиссея» главного героя — Ивана Додоки только потому преодолевает вызовы жизни, что зиждилась на силе духа предков, сохраненном в памяти потомства рода казаков-характерников. Магия украинского характера и мифопоэтика украинского прошлого являются сквозными для всего сюжета. Изначально эти силы охраняют его. Пораженный молнией во время поединка с немецкими летчиками, Иван мистическим образом очнется в детской колыбели (люльке). Это сильный ход в привлечении зрительского воображения к праукраинскому ощущению жизни под эгидой Вселенной. Представление о миропорядке и божественной иерархии в древнеславянской языческой мифологии особенно почитало богов, ответственных за приумножение всего живого в мире людей и мире природы — Рода и Рожаницу. По верованиям, именно Род отправляет с небес на Землю души людей, когда рождаются дети. Рожаница-мать олицетворяла образ зрелого материнства, созревшего урожая. Ее именование — Лада (та которая наЛАЖивает, упорядочивает). Она не только семейное, родовое, но и космогоническое божество, мать двенадцати месяцев, из которых не только образуется год, но и устанавливается диалог с двенадцатью созвездиями Зодиака, имеющими влияние на судьбу человека. Младшая Рожаница, дочь Лады — это Леля. Не зря издавна у нас колыбель называют «люлькой», а ласковое отношение к ребенку определяют как «леліяння» (укр.). Вот в объятия какой защитницы попадает сбитый в небе Иван Додока.

От этой колыбели в дальнейшем отталкивается вся ретроспекция событий. И в этих событиях постоянно присутствует связь с сакральными силами украинского космоса. Узловыми в этом смысле являются эпизоды, где Иван с напарником пытаются спасти клин аистов, которые попали под зенитный расстрел над линией фронта. Издавна в Украине белая птица с черной отметиной — это божья птица, известная у нас как аист (лелека). По поверью он приносит в семьи детей. Малышей и сейчас у нас ласково называют «лялечкой». Цепочка семантических ассоциаций легко анонсирует родство аиста (лелеки) и лялечки, люльки, Лели-Весны, Лады-Рожаницы. И эта попытка спасения беззащитных белоснежных птиц является символом защиты высшей духовности, ради которой жертвуют собственной жизнью.

Примером трогательного диалога, где имеется непрерывная связь между миром людей и миром природы, в

фильме является удивительная песня волка как своеобразный отклик на заговор Ивана, в котором чувствует себя жизнь погруженная в ландшафтное окружение. Иван пытается осознать себя среди растений и животных. И своими заговорами дает и нам возможность почувствовать сокровенные и органические связи со всем космосом. Поэтому мотив глубокого сочувствия природе теснейшим образом связан с общими основами — ощущением единства жизни. Главный герой живет одновременно со всей природой — растительной, животной. Это ощущение бытия единства «со всеми и для всех» заставляет и нас чувствовать себя внутри космического целого.

Украинский характер выявляет силу своей магии даже в устах детей индейского племени могавков из конфедерации ирокезов, которых, по воле судьбы, в далекой Канаде их вождь-Иван украинского происхождения, названный Додока-Хийока, (ТойХтоВраженийБлискавкоюВижив) — учит словам песни «Била мене мати ...». Вдохновенное ее исполнение становится мощным «раздражителем», пробуждающим самосознание зрителей, апеллирует к их генетической памяти, поднимает национальный дух и наполняет гордостью за причастность к традициям такой мощной культуры. По справедливому замечанию Л. Брюховецкой, «подчеркивая непостижимость экранных событий, почерпнутых из реальной действительности и талантливо, с выходом в трансцендентное, показанных, должны радоваться, что есть такой фильм — удерживать эти события в сознании, помнить о них, нести бремя памяти. И восхищаться жизнеутверждением фильма, в котором воплощен образ, выходящий за пределы биографии конкретного человека — образ непобедимого украинца» [1, 40].

Опыт восприятия современного украинского искусства, как важного средства формирования историзма сознания, позволяет сделать вывод, что в нем актуализируется интерес к истории нации, ее героическому и трагическому прошлому. При этом используется возможность отображения ментальной особенности национальных психологических черт, жизненных принципов украинцев, их смысложизненных ценностей, пережитых сквозь призму мозаики украинской души. Перспективной в разработке историзма сознания представляется характеристика современного искусства как духовно-практической силы развития самосознания личности.

Список литературы:

1. Брюховецька Л. Побачити те, рідне, що поруч з нами... /Л. Брюховецька//Кіно. Театр. – № 2. – 2012. – С. 39–40.
2. Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4-х т. – Т. 1. – М.: Искусство, 1968. – 330 с.
3. Годенко О. Образи-коди пам'яті (Скульптурні Мамаї Володимира Наконечного)/О. Годенко//Образотворче мистецтво. – № 3. – 2007. – С. 16–18.
4. Горький А. М. Беседа с молодыми./А. М. Горький. Собр. соч. в 30 т. – Т. 27. – М.: Гослитиздат, 1953. – С. 210–232.

*Zykin Alexey Vladimirovich,
Saint-Petersburg State Agrarian University,
Associate professor
E-mail: zykinalex@mail.ru*

Myth as one of the traditional culture foundations (socio-philosophical analysis)

Abstract: In the article we analyze concept “myth” as one of the main foundation within the traditional culture.

Keywords: myth, traditional culture.

*Зыкин Алексей Владимирович,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет, доцент
E-mail: zykinalex@mail.ru*

Миф как одна из основ традиционной культуры (социально-философский анализ)

Аннотация: В статье рассматривается понятие «миф» как одного из базовых компонентов (основ) традиционной культуры.

Ключевые слова: миф, традиционная культура.

Культура в социальном смысле выступает способом бытия человека и общества. Человеческое бытие связано с миром материальных и духовных ценностей, которые создаются в процессе деятельности как индивида, так и общества в целом. Деятельностный подход к культуре (в данном контексте мы понимаем деятельностный подход как процесс порождения смысла понятий и людских представлений через характер социальной и культурной деятельности) поэтому выступает ведущим в социальной философии, поскольку характеризует культуру как универсальное свойство общественной жизни. Современный философ и культуролог А. Я. Флиер [1, 62–73] утверждает, что процесс культурогенеза связан с адаптацией человеческих сообществ к природным и историческим условиям своего существования, к результатам технологической деятельности. Это свойственно для всех этапов развития культуры, в том числе оно характерно и для первобытной (традиционной культуры).

Вопросы, связанные с понятием «традиционная культура», неоднократно обсуждались в научной литературе (Тимошук А. С. 2007, Костина А. В. 2009, Белик А. А. 1998, Бромлей Ю. В. 1983). Мы вслед за Э. С. Маркаряном считаем, что в основе определения традиционной культуры как элемента социальной жизни лежит принцип деятельности [2, 37–38]. В соответствии с данной методологией под традиционной культурой мы понимаем ту сферу культуры человечества, которая возникла в рамках и в результате особых, специфических способов человеческой деятельности, а именно: оседло-земледельческой, кочевническо-скотоводческой, охотничье-рыболовческо-собирательской или их сочетания [3, 190–193]. Эта сфера человеческой культуры представляет собою особый

феномен, самостоятельную часть человеческой культуры в целом. Традиционная культура обладает рядом черт, отличающих ее от остальных сфер человеческой культуры. Традиционная культура — это культура бесписьменная, внегородская, негосударственная, доиндустриальная, различные ее отрасли профессионально не специализированы. Главное свойство традиционных культур — предельно-устойчивый характер, отрицание новаций, медленное изменение. Все это соответствует в целом и для характеристик первобытного общества в марксистской трактовке как первобытной общественно-экономической формации и позиций цивилизационного подхода [4].

Жизнь и сознание людей наиболее устойчиво сохраняют архаические черты, поэтому во многих источниках понятия традиционная и архаическая (первобытная) культура иногда используются как синонимы [5, 176]. Первобытные народы, сохранившиеся до наших дней, продолжают доисторию человечества. Это народы доосевого времени. По мнению К. Ясперса происходившее в доистории историческое развитие, которое, несмотря на отсутствие письменности, тем не менее, создавало передачу навыков посредством речи, поведения, труда и объективировало их в архаичной (традиционной) культуре [6]. Традиционная культура порождает особый тип ментальности и специфические нормы социальной жизни и поведения. Традиционная культура — это такой тип «культуры, которая ориентируется на максимально полное следование установленным образцам, функционирующая в качестве «естественной основы».

С точки зрения социальных философов, под традиционной культурой понимается «... существование такого комплекса социальных связей, воссоздание которого

осуществляется по определенной канонической матрице. Она носит характер устойчивых, относительно неизменных традиций взаимодействия человека и природы, индивида и социума. Вследствие этого мир дан каждому входящему как уже сотворенный. Деятельность людей направлена на воссоздание, воспроизводство уже созданных образцов культуры» [7, 3]. В традиционных обществах отсутствуют современные механизмы удержания, хранения и передачи коллективного опыта, единственным способом коммуникации является ритуал и слово (миф) [8, 64–77].

Миф определяется как способ моделирования социальной реальности. Так он понимался еще в архаичной культуре. Как отмечает Ж.-П. Вернан [9], *mythos* означает «слово», «рассказ» и изначально не противопоставляется *logos*’у, первоначальным смыслом которого также является «слово». Хотя в трактовке Гераклита Эфеского логос тождественен закону. Как пишут современные авторы «Логос вечен, всеобщ, управляет всем; это мировая закономерность» [10, 9]. Напомним, что в библейской мифологии логос означает именно «слово»: так его трактовал апосто Иоанн в своем знаменитом Евангелие от Иоанна. И только впоследствии *logos* стал означать способность мышления, разум.

Начиная с V века до н.э. в философии и истории *mythos*, утверждает Вернан, противопоставленный *logos*’у, приобрёл уничижительный оттенок. Мифологическое стало обозначать бесплодное, необоснованное утверждение, лишенное опоры на строгое доказательство или надёжное свидетельство. Но даже в этом случае *mythos*, дисквалифицированный с точки зрения истинности и противопоставленный *logos*’у, не распространялся на священные тексты о богах и героях [9].

Преобладание мифологического сознания относится главным образом к первобытной эпохе и связывается прежде всего с её культурной жизнью, в системе смысловой организации которой миф играл доминантную роль [11]. Английский этнограф Б. Малиновский отвёл мифу в первую очередь практические функции поддержания традиции и непрерывности соответствующей культуры [12]. Показательна трактовка данного понятия в философском словаре: миф — сказание, воспроизводящее в вербальной форме, архаические верования древних (и современных первобытных) народов, их религиозно-мистические представления о происхождении Космоса, явлениях природы и событиях социальной жизни, деяниях богов, героев, демонов, «духов» и т.д. [13].

Традиция исследования мифов восходит к античной философии, где сформировалось весьма критическое отношение к антропоморфным верованиям древних. Рассматривая миф лишь как правдоподобные объяснения, Платон тем не менее нередко использовал их в качестве архаичной формы мысленного эксперимента, которую он противопоставлял рассуждению. Аристотель объяснял появление мифа чувством удивления людей перед необычными явлениями и, по-видимому, также не придавал

мифу серьезного познавательного значения. В последующие исторические эпохи отношение философской мысли к мифу существенно варьировалось — от попыток реанимировать древнюю мифологию и дать философско-теологическую интерпретацию мифологическим образам (неоплатонизм) до просветительской критики (эпикурейцы, скептики), отрицавшей существование божеств и даже находившей прототипы их образов в реальных исторических персонажах прошлого. Однако в целом в отношении мифологического идет процесс демифологизации. В эпоху Возрождения античные мифы служили одним из источников гуманистических идей. Французские просветители 17–18 вв. (Б. Фонтенель, П. Бейль, Ф. Вольтер, Д. Дидро), напротив, видели в мифологических представлениях лишь проявления предрассудков и суеверий. Только в конце XIX века, благодаря достижениям психологии и социогуманитарных наук, а также все более интенсивным контактам европейцев с первобытными народами, миф становится объектом специальных исследований, ориентированных на поиск первооснов человеческой культуры. На протяжении XX века выдвинуто довольно много концепций, где различные аспекты мифа — его структура, функции, происхождение, характерная для него бессознательная диалектика разворачивания мысли и тому подобное — исследуются с различных точек зрения. Согласно культурно-исторической теории, разработанной английским этнографом и антропологом Дж. Фрэзером, миф представляет собой воспроизведение в вербальной форме содержания древних ритуалов. Фрэзер в своем исследовании «Золотая ветвь» [14] пытался связать многие мифы (в частности, так называемые аграрные) со сменой верховной власти, интерпретируя их как изложение универсального ритуала убийства старого жреца и замены его новым жрецом, обладающим магической силой, которая позволяет обеспечить первобытному коллективу богатые урожаи.

Французский психолог Л. Леви-Брюль [15; 16; 17] отталкивался от разработанной Э. Дюркгеймом концепции «коллективных представлений» и рассматривал миф как феномен «пралогического мышления». Такое мышление подчиняется «закону партиципации» (или сопричастия), который управляет ассоциациями и связями представлений в первобытном сознании и мышлении и предполагает существование различных мистических форм трансляций свойств от одного объекта к другому путем соприкосновения, заражения, овладения словом, ритуальных действий и т.д. Согласно Леви-Брюлю, миф воспроизводит когнитивные особенности «пралогического» мышления, специфику восприятия древними народами пространства и времени, присущие им представления о кругообороте рождения и смерти и т.д.

Наряду с культурно-историческим и социально-психологическим подходами в начале XX века формируется психоаналитическая концепция мифа, в которой содержание мифологических представлений интерпретируется

как результат воспроизведения вытесненных в бессознательное неприемлемых для субъекта мыслей, сексуальных влечений [18; 19; 20]. Согласно З. Фрейду, в основе устойчивых, часто повторяющихся мифологических сюжетов лежит эдипов комплекс (т.е. эмоциональные отношения между матерью, отцом и детьми), который порождает чувство вины у победивших сексуальных конкурентов, приводит к обожествлению образа умерщвленного отца и формированию элементарных норм морали. Поскольку содержание бессознательного может проявить себя лишь косвенным образом — в сновидениях, оговорках, забываниях и т.д., то типичные мифологические сюжеты, образы и символы должны совпадать с символикой и сценариями сновидений. Как показал британский антрополог Б. Малиновский, эдипов комплекс и чувство вины не могли возникнуть в матриархальном обществе, поэтому эта гипотеза Фрейда не может служить универсальным ключом к пониманию истоков мифа. Малиновский, в свою очередь, предложил рассматривать миф в неразрывном единстве с ритуалом и древней магией: в силу особенностей архаического мышления миф одновременно выступает здесь и как ритуал, и как его вербальная репрезентация. Соответственно и ритуал может быть интерпретирован как «единство слова и дела».

В первобытных коллективах миф выполняет важную функцию регулятора социального поведения. Он устанавливает связь между прошлым и настоящим, гармонизирует отношения внутри общества и т.д. На это обратил внимание К. Юнг. Он, в частности, предположил, что наряду с индивидуальным бессознательным существует также и более глубинный (идентичный у всех людей) пласт человеческой психики (коллективно-родовой пласт), который он назвал «коллективным бессознательным». Содержание мифа сводится к «архетипам», которые как «присутствующая форма», как часть наследственной структуры психологического бытия отражают генетическую и генно-культурную предрасположенность людей к образованию соответствующих мифологических образов. Родовое (общинное) содержание мифологических образов, их исследование в современных философских работах в частности было продолжено петербургским философом А. С. Казенновым [21].

Первобытный менталитет составляют «коллективно-неосознанное» или так называемые коллективные представления, которые выполняют фундаментальную роль в менталитете традиционного (первобытного) человека. Коллективные представления — ключевое понятие Л. Леви-Брюля [16]. Оно раскрывает понятие «коллективные представления», впервые введенное в научный оборот классиком европейской социологии Э. Дюркгеймом. Коллективные представления не заимствуются человеком из его непосредственного опыта, а как бы навязываются им социальной средой. Коллективные представления, по Юнгу, являются коллективным бессознательным в структуре человеческой психики, имеющим древнее,

еще дочеловеческое в своих архетипах, происхождение и существующее независимо от осознания [22; 27; 23, 216].

Формой проявления коллективного бессознательного служат архетипы (первообразы). Юнг отмечает, что архетипы — это нечто, что по своей природе не имеет точного определения, но представляет «куски самой жизни», универсальные прообразы, праформы поведения и мышления, корреляты инстинктов, интуитивное постижение которых спускает «курок» инстинктивного действия в соответствующей ситуации [24]. Функция архетипов заключена в определении типических для человека способов восприятия и понимания действительности, идущих из глубины веков [14]. К. Юнг, определял архетипы коллективного бессознательного как некие бессодержательные психические праформы, которые наполняются конкретным содержанием в зависимости от эмпирического опыта людей. Все это находит выражение в коллективных представлениях, религиозных верованиях, мифах, нормах морали и права и других социокультурных феноменах. Первобытный дух владеет языком не абстракции, а простыми естественными и не естественными аналогиями и соответствует символическому способу выражения (Э. Тайлор, Дж. Фрэзер, Ф. Шеллинг, К. Леви-Строс, Э. Кассирер, А. Ф. Лосев и др.).

Первобытный дух, мифологический менталитет объективировались в таком явлении первобытной культуры как антропоморфизм, сущность которого состоит в очеловечивании природы, перенесении на нее человеческих качеств. Антропоморфизм существует в трех основных формах — в форме тотемизма (З. Фрейд, С.А. Токарев, Ю.И. Семенов), анимизма (Э. Тайлор), и магии (Дж. Фрэзер, Б. Малиновский, А. Элькин). Неживые предметы наделяются душами, имеющими человеческий облик (духи гор, рек, лесов и т.п.), первоначально изображаются существами двойной природы (полулюди, полуживотные) при этом все предметы, животные, явления природы и т.д. связаны между собой человеческими отношениями. Осмысление и обобщение явлений мира происходят в нем эмоционально-ассоциативно.

Для первобытного менталитета свойственно неразличение «начала» и «принципа», в силу чего сходство или смежность преобразуются в причинную последовательность, а причинно-следственный процесс имеет характер материальной метафоры. Перенесение человеческих качеств на весь окружающий мир ставит человека в положение объекта и одновременно принципа, с помощью которого моделируются и объясняются все явления социального, природного, космического порядка. Данная особенность первобытного менталитета выражается в представлениях архаичного человека о себе самом, о природе, мире, вещи, обществе и т.п.

Анализ взаимосвязи традиционной культуры через миф позволяет сделать следующие выводы:

1. Культура представляет деятельностный способ бытия человека, она создает его антропологический образ. Феномен деятельности имеет исходную адаптивную

ориентацию, поэтому культура предстает как адаптивно-деятельностный способ бытия.

2. Культуре свойственна динамика, главным стимулирующим фактором которой является необходимость адаптации людей к меняющимся внешним условиям их существования (первоначально преимущественно природных, затем во все возрастающем масштабе — социально-исторических).

3. Архаичный менталитет основывается на мифологическом элементе как определенной исторически сложившейся форме духовного освоения и формирования социального мира, представляющей основу культуры дописанных, традиционных обществ и выражающейся в культурном феномене — мифе. Миф выступает отражением архетипов коллективного бессознательного, являющихся основой архаичного менталитета. Миф выражает способ моделирования реальности и иллюзорного

отражения желаний, стремлений тех или иных социальных общностей, но воспринимаемого как реальность. Миф — универсальное качество культуры. Мифологический элемент менталитета архаичного человека продолжает жить и в историческое время как материал для естественного национального языка.

4. Сущность архаичного (первобытного) менталитета передается понятием «первобытный синкретизм», обозначающим слитность, нерасчлененность знаний, эмоций и действий. Первобытный менталитет опредмечен в культурном феномене — антропоморфизме, который объективируется в тотемизме, анимизме, магии как наиболее ранних форм религии. Отождествление себя с теми или иными существами или явлениями природного и предметного мира, цикличное восприятие времени выражается в преобладании образно-эмоционального мышления и материализуется в культуре посредством аналогий и символизма.

Список литературы:

1. Флиер А. Я. Культура как смысл истории или обоснование исторической культурологии. // Философские науки. – 2000. – № 1.
2. Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. – М., 1972.
3. Селезнев А. Г. Традиционная и этническая культура: сферы функционирования и границы понятий. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2001.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anticapitalist.ru/books/engels_family_chastSobstv.pdf
5. Садохин П. А. Этнология. – М.: Гардарики, 2000.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.
7. Морохоева З. П. Философия и история культуры: национальный аспект. – Улан-Удэ, 1992.
8. Лосева И. Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию. // Вопросы философии. – 1992. – № 7.
9. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. / Пер. с фр. / Общ. ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича. – М.: Прогресс, 1988.
10. Обухов В. Л., Алябьева З. С., Оропай А. Ф., Гарба И. Д. Античная философия: учебное пособие. – СПб.; Сухум, 2015.
11. Райкова О. А. Древнегреческий миф классической эпохи. / Дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Томск: ТГПУ, 2012.
12. Мелетинский Е. М. Мифология. // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010.
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/philosophy/Mif-1390/>
14. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980.
15. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М., 2014.
16. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 2014.
17. Леви-Брюль Л. Первобытная мифология. – М., 2012.
18. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. – М., 1989.
19. Фромм Э. Мужчина и женщина. – Москва: Аст, 1998.
20. Jung C. G. Experimental Researches. – N. Y.: Princeton University Press, 1973.
21. Казеннов А. С. Самоорганизация рода как антропологическая основа разрешения социальных противоречий: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Санкт-Петербург, 2004.
22. Юнг К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее. – М.: Мартис, 1995.
23. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М., Киев, 1997.
24. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989.

Section 12. Economics and management

*Alekseeva Luiza Nikolaevna,
Southern Federal University,
postgraduate student, the Faculty of Management
E-mail: luiza.alexeeva@gmail.com*

The use of e-administration in order to increase the publicity of the public administration system

Abstract: the article discusses the levels of managerial decision-making, special attention is paid to transparency of information. The analysis of the mechanisms of technology use of electronic administration in public administration.

Keywords: e-administration, public administration, publicity authorities, transparency.

*Алексеева Луиза Николаевна,
Южный федеральный университет,
аспирант, факультет управления
E-mail: luiza.alexeeva@gmail.com*

Механизмы использования технологий электронного администрирования в целях повышения публичности системы государственного управления

Аннотация: В статье рассматриваются уровни принятия управленческих решений, особое внимание уделяется транспарентности информации. Проводится анализ механизмов использования технологий электронного администрирования в государственном управлении.

Ключевые слова: электронное администрирование, государственное управление, публичность органов власти, информационная открытость.

Говоря о механизмах использования технологий электронного администрирования в целях повышения публичности системы государственного управления, стоит отметить, что их существует несколько. Вовлекая граждан в процесс принятия управленческих решений, можно наладить контакт публичной власти с обществом. Система принятия решений включает в себя два уровня: верхний (уровень принятия решений) и нижний (уровень реализации решений).

Верхний уровень принятия управленческого решения можно представить в виде четырех взаимосвязанных уровней, которые выделяются по степени участия граждан в процессе принятия решения. К этим уровням относятся: уровень получения информации (к примеру, это может происходить через веб-сайты, средства массовой информации); уровень консультации; уровень диалога (через форумы или семинары) и уровень партнерства (на основе работы комитетов, рабочих групп).

Рассмотрим подробней уровень получения информации. К ключевым характеристикам этого уровня можно отнести гласность и информационную открытость. Именно на этом уровне граждане получают информацию о

деятельности органов государственной власти и о принимаемых ими решениях. Таким образом, у населения формируется целостное представление об органах публичной власти.

В рамках процесса информатизации в России был принят Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». На основе этого закона ведется активная работа по предоставлению электронных государственных услуг, основным достоверным источником информации становятся официальные сайты государственных органов.

Можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день право на информацию и на доступ к информации о деятельности органов государственной власти является неотъемлемым правом человека. По степени закрепления и реализации этого права можно судить об уровне демократии в стране.

Одним из важных средств описания информационной составляющей государственного управления является понятие транспарентность, то есть транспарентность органов государственного управления. Transparency в

перевод с английского означает гласность, открытость. Именно поэтому транспарентность является одним из значимых показателей эффективности функционирования органов государственной власти, а также неотъемлемым элементом обратной связи граждан с государством.

Использовать технологии транспарентности для обеспечения максимальной открытости информации о деятельности органов государственной власти становится возможным с помощью публикации информации в удобных форматах, преимущественно благодаря электронным технологиям. Это также позволяет публично всем структурам общества и бизнеса пользоваться государственными базами данных. Данное направление широко внедряется в зарубежных странах, таких как США, Великобритания, Канада, Норвегия, Италия, Румыния и других.

Свободный доступ к официальной информации, которой располагают органы власти, наглядно показывает обществу об их открытости, желании работать гласно и стремлении к демократической процедуре принятия решений.

Несмотря на наличие нормативно-правовой базы, регламентирующей доступ к информации о деятельности органов государственной власти, в Российской Федерации еще не создан аналог сайтов-порталов, подобных зарубежным. Поэтому существует большое количество разрозненных веб-сайтов как государственных, так и некоммерческих организаций, предоставляющих такую информацию.

Государственная политика Российской Федерации в области формирования и использования правовых информационных ресурсов и обеспечения этими ресурсами потребностей социального и экономического развития страны осуществляется с учетом интересов субъектов Российской Федерации, тенденций международного сотрудничества в области правовой информатики, реальных возможностей индустрии информатизации в условиях рыночной экономики.

Реализация технологии транспарентности в диалоге между гражданами и государством происходит также благодаря созданию электронного правительства, электронного парламента. Тем самым повышается публичность органов государственной власти, их открытость и подотчетность гражданам. У людей появилась возможность лично участвовать в экспертизе социально значимых нормативно-правовых актов. Нормой становится прозрачность власти для общества, реальное участие граждан в управлении страной.

Еще одной возможностью использования технологий электронного администрирования в трансформации государственного управления является краудсорсинг. Краудсорсинг — это передача работы, традиционно выполняемой назначенным исполнителем (обычно сотрудником), на аутсорсинг неопределенной, обычно большой группе людей в форме открытого обращения [1, 8–9].

Именно с развитием электронных технологий связывают появление в государственном менеджменте краудсорсинга. Он дает возможность государственным органам учитывать мнение общества, принимать во внимание предложения населения, создавать диалоговые

интернет-площадки. Таким образом, повышается эффективность принимаемых управленческих решений.

Также эта технология применяется на этапе совершенствования нормативно-правовых актов, общественной экспертизе законопроектов.

Зарубежный опыт коммуницирования государственной власти и общества при разрешении правовых, общественных и другим важных проблем с использованием краудсорсинга доказывает эффективность новых приемов и способов организации государственного управления. Во многих странах эта технология реализуется через электронные петиции. В России работа с электронными петициями официально закреплена в концепции «Российской общественной инициативы», согласно которой электронная петиция, набравшая (по аналогии с Великобританией) 100 000 подписей, станет правотворческим предложением, подлежащим рассмотрению Правительством РФ.

Грамотное применение краудсорсинга в государственном управлении основывается на транспарентности и дает возможность органам государственной власти вовлекать граждан в процесс совершенствования жизни в своих регионах.

Также следует назвать бенчмаркетинг, как еще один механизм использования технологий электронного администрирования в трансформации государственного управления и повышения публичности системы государственного управления.

Бенчмаркинг — это процесс нахождения и изучения самых лучших из известных методов ведения бизнеса; особая управленческая процедура внедрения в практику работы учреждения технологий, стандартов и методов работы лучших организаций-аналогов; постоянный и систематический процесс совершенствования продуктов, услуг и процессов организации на основе изучения опыта передовых компаний [2, 32].

Использование бенчмаркетинга как технологии электронного администрирования в трансформации государственного управления предполагает наличие комплекса средств, позволяющих выявлять лучшие практики организации процесса управления, перенимать удачные приемы и методы управления не только у других государств, но и у бизнеса. Бенчмаркетинг позволяет формализовать распространение и внедрение наиболее эффективного управленческого опыта на любом уровне государственного управления, включая региональный и муниципальный уровни.

Практики электронного администрирования в государственном секторе, которые привели к успеху в одном органе власти или даже субъекте РФ, могут быть проанализированы с помощью сравнительного анализа, адаптированы по мере необходимости, и применены к другим органам власти или субъектам РФ, чтобы улучшить операции и результаты государственного управления.

Для повышения производительности в органах государственной власти и местного самоуправления, должны быть соблюдены три условия: во-первых, изменения

должны происходить в качестве и способе предоставления услуг на всех уровнях управления государством; во-вторых, методы предоставления услуг должны быть доступны; и в-третьих, когда успех будет достигнут, полученный опыт должен перениматься всеми органами власти без исключения. Другими словами, эксперимент в области менеджмента и оказания услуг по средством электронных технологий должен проходить через все органы власти, в том числе и на муниципальном уровне.

Техника управления бенчмаркинга проявляет себя в реализации третьего указанного условия, но нынешние усилия бенчмаркинга в государственном секторе часто заканчиваются сопоставлением статистических данных и редко приводят к дальнейшему анализу операций по предоставлению услуг или взаимодействию с лидерами бизнеса в области использования в своей деятельности электронного администрирования [3].

Несмотря на то, что многие государственные органы активно внедряют практику использования электронных технологий в государственном администрировании, органы местного самоуправления гораздо медленнее реагируют на вызовы века информационных технологий. И возможности бенчмаркетинга активнее должны применяться именно на муниципальном уровне, чтобы обеспечить равный доступ всех граждан к электронным государственным услугам.

Тем не менее, открытие инновационных достижений, которые могут улучшить эффективность обслуживания и

удовлетворения растущих потребностей населения, требует от государственного сектора достаточного вложения денежных средств. Немногие субъекты Российской Федерации готовы вкладывать большие суммы денег, экспериментируя с внедрением непроверенных методов или новых технологий, которые могли бы не оправдать ожидания. Выбор лучшей практики бенчмаркинга предлагает практичный вариант в этом рискованной среды информационных технологий.

Правительства многих стран мира находятся в поиске способов, позволяющих снизить расходы, повысить эффективность государственного управления, качества предоставляемых гражданам государственных услуг. Бенчмаркетинг является технологией, благодаря которой можно использовать передовой опыт решения вышеобозначенных проблем. Главное предназначение бенчмаркетинга состоит в большей степени не в том, чтобы определить, в какой мере другие организации оказались успешней, а в выявлении факторов и способов работы, которые привели к более высоким показателям и результатам.

В настоящее время всё актуальней становится вопрос применения и внедрения технологий электронного администрирования в управлении государством. Именно информационная открытость органов государственной власти становится главной темой в трансформации государственного управления. В этой связи возникает необходимость усиления публичного характера государственного управления путем внедрения технологий электронного администрирования.

Список литературы:

1. Howe J. Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business. – New York: Crown Business, 2008.
2. Белокоровин Э., Маслов Д. Бенчмаркинг – большие возможности малого бизнеса. // Управление кампанией. – 2005. – № 1. – С. 32.
3. Tillema Sandra. Public sector organizations' use of benchmarking information for performance improvement: Theoretical analysis and explorative case studies in dutch water boards. – Public Performance and Management Review, 2007.

*Ashinova Marina Kazbekovna,
Professor of the Department of Finance and Credit
FSBEI HPE «Maikop State Technological University»*

*Chinazirova Svetlana Kazbekovna,
Pshizova Anzhela Ruslanovna,
Associate Professors, Department of Economics and Management,
FSBEI HPE «Adyghe State University»
E-mail: svetlana.9992015@yandex.ru*

Improving the competitive strategy of the building enterprise

Abstract: The article describes the main characteristics of the competitors of «New Building», the analysis of competitive strategy and SWOT-analysis, which allowed us to determine the strengths and weaknesses of the company. The results of expert assessment of the factors that enhance the competitiveness of the building enterprise. In addition, a model of the system of management of competitiveness of «New Building» using marketing methods.

Keywords: competitiveness, types of competitive strategies, complex marketing activities, model management system competitiveness.

Ашинова Марина Казбековна,
профессор, доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов и кредита
ФГБОУ ВПО «Майкопский государственный
технологический университет»

Чиназирова Светлана Казбековна,
доцент, кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

Пишизова Анжела Руслановна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»
E-mail: svetlana.9992015@yandex.ru

Совершенствование конкурентной стратегии строительного предприятия

Аннотация: В статье рассмотрены основные характеристики конкурентов ООО «Новое строительство», проведен анализ конкурентной стратегии и SWOT-анализ, который позволил определить сильные и слабые стороны предприятия. Представлены результаты экспертной оценки факторов, обеспечивающих повышение уровня конкурентоспособности строительного предприятия. Кроме того, предложена модель системы управления конкурентоспособностью ООО «Новое строительство» с использованием методов маркетинга.

Ключевые слова: конкурентоспособность, виды конкурентных стратегий, комплекс маркетинговых мероприятий, модель системы управления конкурентоспособностью.

Конкуренция обуславливает необходимость обеспечения строительными предприятиями лучших возможностей производства и сбыта своей продукции. Конечная цель любого предприятия — победа в конкурентной борьбе. Ее достижение зависит от конкурентоспособности, которая на современном этапе всё больше связывается со способностью предприятия выигрывать на рынке предложения. В этой связи требуется разработка адекватных рыночным отношениям подходов к управлению конкурентоспособностью строительных предприятий с использованием методов маркетинга, органично сочетающего новые формы маркетинговой стратегии качества и цены строительной продукции, обслуживания потребителей, сроков исполнения заказов, технологии формирования имиджа и позиционирования, оптимизации взаимосвязей различных экономических субъектов, напрямую или опосредованно, влияющих на деятельность предприятия, разработки соответствующей нормативной базы и других мер, обеспечивающих повышение конкурентоспособности. Поэтому, проблема повышения конкурентоспособности строительных предприятий, создающих базовую основу этого благосостояния через внедрение методов маркетинга является актуальной [1, 28–31].

Основными конкурентами анализируемого предприятия являются такие предприятия, как: ООО «Новый Стил», ООО «Марк-Сервис», ООО «ЛД-Строй», ООО «Стройсервис-Динара», фирма «Адыгпромстрой».

ООО «Новый Стил» и фирма «Адыгпромстрой» являются типичными представителями виолентной стратегии («гордыми львами»). Это связано с тем, что на рынке они являются фирмами — гигантами, занимающимися производством строительно-монтажных работ. Они делают ставку на снижение издержек производства за счет организации массового производства сравнительно недорогой, но качественной строительной продукции, что позволило им завоевывать и длительное время удерживать обширную долю рынка.

ООО «Стройсервис-Динара» является фирмой-коммутантом. Ее специализация на производстве строительно-монтажных, ремонтно-строительных работ, а так же выполнение капитального ремонта помогает максимально гибко удовлетворять небольшие по объему (локальные) потребности рынка по приемлемым ценам. Плюсом в деятельности ООО «Стройсервис-Динара» является способность к лучшей приспособленности к удовлетворению небольших по объему нужд конкретного клиента.

ООО «ЛД-Строй» делает ставку на дифференциацию продукта и на сосредоточении максимума усилий на узком сегменте рынка, а именно на ремонтно-строительные и проектно-сметные работы. Данная организация учитывает специальные запросы потребителя, что позволяет фирме уклониться от прямой конкуренции с ведущими предприятиями.

Таблица 1. – Основные характеристики конкурентов ООО «Новое строительство»

Наименование фирмы	Основная деятельность предприятия	Вид конкурентной стратегии
ООО «Новый Стил»	– общестроительные работы; – ремонтно-строительные работы; – производство и реализация строительных материалов; – проектно-сметные работы; – переработка и реализация отходов производства; – оказание транспортных услуг.	Виолентная
ООО «ЛД-Строй»	– общестроительные работы; – ремонтно-строительные работы; – проектно-сметные работы; – оказание транспортных услуг.	Пациентная
ООО «Стройсервис – Динара»	– строительно-монтажные работы; – ремонтно-строительные работы; – капитальный ремонт.	Коммутантная
Фирма «Адыппромстрой»	– производство всего цикла строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ; – капитальное строительство, в т. ч. жилищное, гражданское и промышленное строительство.	Виолентная

Из предложенных конкурентных стратегий к ООО «Новое строительство» относится пациентная стратегия.

Данная стратегия становится привлекательной, когда потребительские запросы и предпочтения становятся разнообразными и не могут более удовлетворяться стандартными товарами и услугами. Для этого ООО «Новое строительство», проанализировав рынок строительно-монтажных работ, стала заниматься оказанием специализированных работ. Также плюсом анализируемой организации является расширенный ассортимент оказания различных видов строительных услуг, чем у конкурентов.

Несмотря на это, реальной проблемой, стоящей перед ООО «Новое строительство», является повышение своей конкурентоспособности и увеличение числа клиентов, посредством удовлетворения их потребностей. Это происходит за счет того, что организация не использует в своей деятельности рекламные средства [2, 78–81].

ООО «Новое строительство» придерживается в данное время пациентной стратегии. Чем меньше возможности у конкурентов быстро и с небольшими затратами скопировать действия ООО «Новое строительство», тем привлекательней для нее эта стратегия. Легко копируемые отличительные характеристики товара не создают устойчивого конкурентного преимущества. Конкуренты, обладающие определенными ресурсами, могут с течением времени создать товар и оказать любую услугу. Поэтому, поддержание пациентной стратегии должно быть связано с внутренними навыками, опытом и компетенцией. Как правило, пациентная стратегия обеспечивает длительное и более прибыльное конкурентное преимущество, когда она базируется на:

- техническом совершенстве;
- качестве изделий;
- превосходной рекламной кампании.

В настоящее время возможности превзойти конкурентов в значительной степени будут повышаться у тех строительных предприятий, которые смогут создать эффективную систему маркетинга.

Управление конкурентоспособностью ООО «Новое строительство» с использованием методов маркетинга — процесс, обеспечивающий сохранение параметров конкурентоспособности, поддержание их в состоянии, целевого их изменения в соответствии с объективными закономерностями формирования и развития рынка предложения строительной продукции. Субъектами управления конкурентоспособностью строительного предприятия с использованием методов маркетинга являются руководитель предприятия, менеджер по маркетингу, руководители структурных подразделений ООО «Новое строительство» являются ответственными за выполнение отдельных функций или задач этого процесса. Объектом управления являются параметры конкурентоспособности строительного предприятия (внешней и внутренней, стратегической и тактической). Инструментом управления выступают методы маркетинга. Процесс разработки комплекса маркетинговых мероприятий представлен на рис. 1.

Для объективной и обоснованной оценки факторов, определяющих систему управления конкурентоспособностью ООО «Новое строительство», выделим ротацию по следующим факторам. Был проведен экспертный опрос специалистов — участников рынка недвижимости, результаты которого приведены в таблице 2.

В экспертном опросе принимали участие менеджеры отделов продаж инвесторов — застройщиков жилья (20 чел.), менеджеры отделов продаж компаний, работающих на вторичном рынке жилья (10 чел.), специалисты работающие в различных изданиях (8 чел.) и социологи (4 чел.).

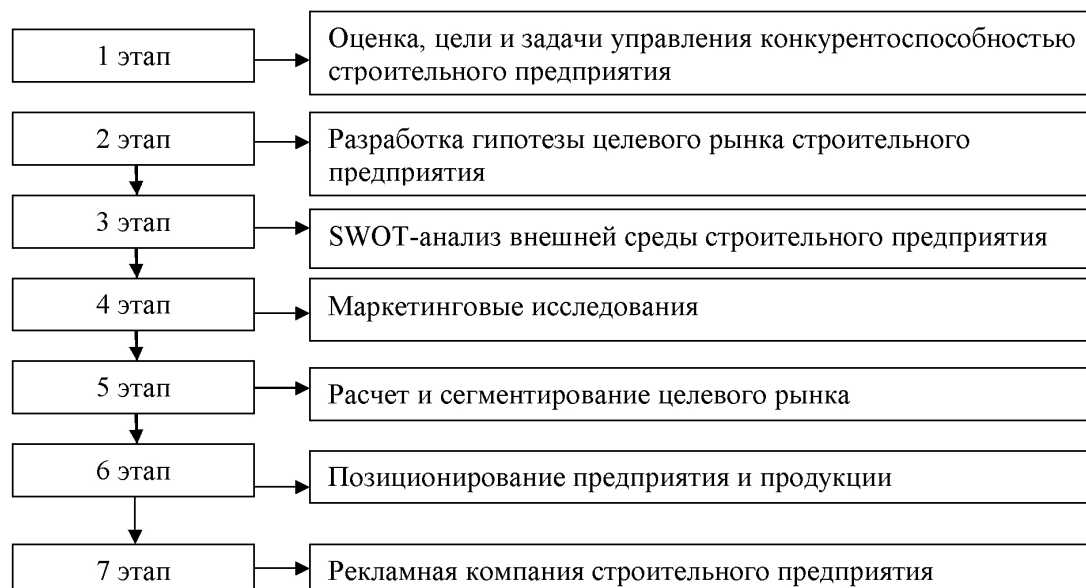

Рис. 1. Процесс разработки комплекса маркетинговых мероприятий

Таблица 2. – Результаты экспертной оценки факторов, обеспечивающих повышение уровня конкурентоспособности строительного предприятия

Факторы	Ранг экспертной оценки
Знание службой маркетинга состояния и перспектив развития рынка недвижимости, конкурентоспособности его участников (Φ_1)	17,3
Информационно-рекламная деятельность службы маркетинга (Φ_2)	11,2
Высокоэффективное строительное производство с применением современных строительных технологий и материалов (Φ_3)	24,6
Разработка и реализация программ и мероприятий по источникам инвестирования (Φ_4)	20,1
Создание профессионального коллектива и его высокого имиджа (Φ_5)	13,5
Изучение и внедрение новых научно-технических и экономических разработок (Φ_6)	7,2
Осуществление деловых связей с российскими и зарубежными инвесторами, компаниями и предприятиями (Φ_7)	6,1

Результаты опроса показывают, что отдел маркетинга в строительной компании имеет наиболее высокий рейтинг, сумма оценок связанных с ней факторов Φ_1 и Φ_2 , обеспечивающих эффективность работы компании составляет 28,5 %. На втором месте по рейтингу (24,6 %) находится фактор Φ_3 — высокоэффективное строительное производство с применением современных строительных технологий и материалов, что вполне закономерно, поскольку сроки возведения жилых домов, качество строительно-монтажных работ и комфортность жилья во многом определяются эффективностью работы проектных и подрядных организаций. Весьма значительным является рейтинг фактора Φ_4 — разработка и реализация программ и мероприятий по источникам финансирования, поскольку от этого зависят объемы жилищного строительства. В настоящее время принципиальные изменения происходят в сфере подбора персонала (фактор Φ_5). Вместо традиционного отдела кадров по найму и увольнению работников современные кадровые службы становятся центрами по профессиональному подбору и подготовке работников, обеспечивая высокий имидж строительного предприятия.

Маркетинговые исследования, организуемые и проводимые отделом маркетинга, являются основой для принятия решений в области управления предложением и осуществляются в трех формах:

- 1) ежегодные достаточно глубокие исследования потребительского поведения и его динамики, проводимые специализированными организациями, составляющие основу разработки стратегии и тактики маркетинга предприятия;
- 2) периодические (до 6 раз в год) исследования, позволяющие оперативно отследить частные изменения социального «самочувствия» потребителей, их поведения и общественного мнения по ряду вопросов;
- 3) организуемые собственными силами количественные исследования активных и потенциальных потребителей торговых предложений предприятия [3, 62–65].

Такая система маркетинговых исследований, учитывающая возможность проведения разовых исследований и обеспечения доступа к проводимым другими субъектами, позволяет оперативно отслеживать изменения ключевых параметров внешней среды и адаптировать деятельность предприятия ООО «Новое строительство» к ним.

На рис. 2 представлена модель системы управления конкурентоспособностью ООО «Новое строительство» с использованием методов маркетинга.

Особенностью этой модели является увязка и согласование целей, задач, функций и практических действий по управлению конкурентоспособностью руководства предприятия, отдела маркетинга и других структурных

подразделений в рамках комплекса маркетинговых мероприятий. Обеспечение конкурентоспособности предприятия, не может быть обеспечена деятельностью только отдела маркетинга. В предлагаемой модели выделена принципиальная роль подразделений предприятия в обеспечении внутренней и тактической конкурентоспособности предприятия.

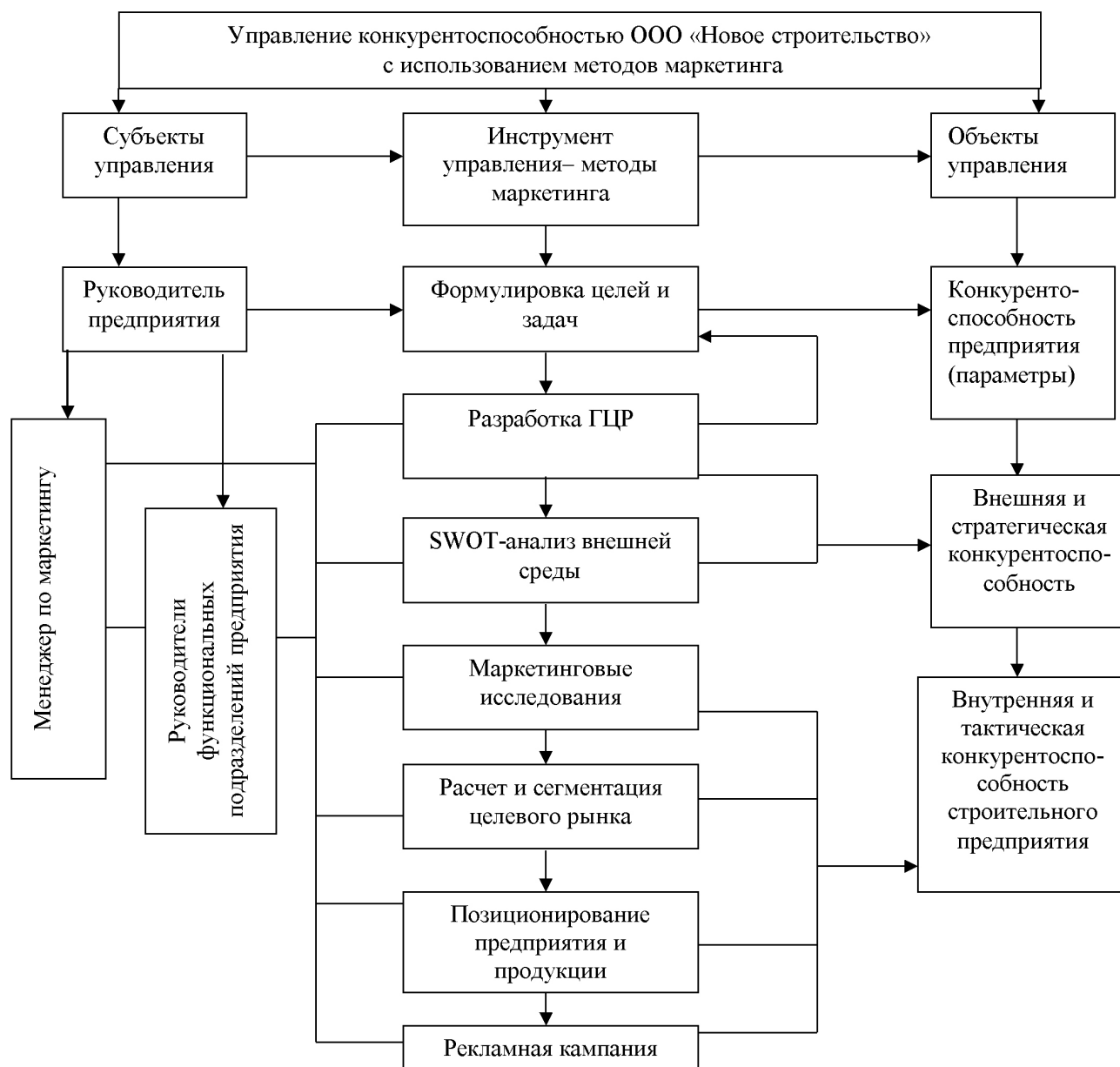

Рис. 2. Модель системы управления конкурентоспособностью ООО «Новое строительство» с использованием методов маркетинга

Список литературы:

1. Ашинова М. К., Чиназирова С. К. Оценка конкурентоспособности продукции и разработка предложений по оптимизации ассортимента. // Новые технологии. – Вып. 1. – 2015 – Изд-во ФГБОУ ВПО «МГТУ», 2015. – С. 32–40.
2. Ашинова М. К. Проблемы конкурентоспособности агропродовольственного комплекса РФ и факторы ее повышения. / Ашинова М. К., Крылатых Э. Н., Бородин К. Г., Строков А. С., Гончаров В. Д., Семенова И. В., Рау В. В., Иванова С. В. – Москва: ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2008. – Вып. 21. – 384 с.
3. Пшизова А. Р., Хатукай С. А. Повышение качества управления как фактор конкурентоспособности предприятий в условиях ВТО. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика». – Майкоп: изд-во АГУ, 2014. – Вып. 2 (141). – С. 201–207.

Vovchenko Natalia Gennadievna,
Dr Sci (Econ), Finance Department
E-mail: nat.vovchenko@gmail.com

Epifanova Tatiana Vladimirovna,
Dr Sci (Econ), Civil Law Department
E-mail: rostovshell@mail.ru

Pogorelenko Nikita Sergeevich,
Student, University College London (UCL)
E-mail: nikpogorelenko@gmail.com

Current situation and future potential of further integration between UK and EU

Abstract: The article analyses potential consequences of Brexit as well as the current costs and benefits of UK's membership in the EU, furthermore focusing on alternative agreements that may result between the members.

Keywords: financial and economic integration, economical and political institutions, European Union.

In 2013, David Cameron, British prime minister delivered a speech on Britain and Europe. He offered the British public a referendum concerning the United Kingdom being part of the European Union [1; 4]. The "Brexit" is a very structural reform that will have a substantial impact both for the UK and the EU. The UK is one of the largest members with big contributions both in economical and political spheres of the EU.

Both countries will come across the challenge of managing the process of separation. Despite the fact, that there is an article that informs the process of the separation included in the Treaty of the European Union, there has been no practical experience since the EU emerged [1; 6].

Secondly, it may change the ongoing cooperation of the European Union after the loss of one of its most influential states [2; 12].

Last but not least, it is hard to predict the relationships of the UK and the EU after the withdrawal [3, 44].

The essay is structured in the following way: first section explains what happens in the UK and its "value" for the EU. It is crucial to understand the implications of the separation in order to have a full understanding of the situation in Europe. Hence, the first section will explain why the UK may benefit without being a member state of the EU. To keep the chronology, the second section concentrates on the procedural actions towards the withdrawal and institutional changes necessary for the separation. It will take a look on the core economical and political institutions of the EU and analyse their changes after the UK withdrawal. Third section will be focused on the post-withdrawal operations of the EU and relationships between United Kingdom and the European Union.

David Cameron has announced committing a future Conservative government to renegotiating Brittan's relationship with the EU, to then be put to a referendum, widely expected to be around 2017 [1; 7].

The Euro crisis made a crucial impact on the British public's faith in the European Union. Stepping forward further integration is not something the Britons are comfortable with. The past experience of Portugal, Italy, Greece and Spain made both the UK government and the UK citizens to understand that it will be harmful to use EURO as a currency. Therefore, we can see that the efficiency of Single Currency Area Theory is not applicable for the United Kingdom at the current stage of development of the Euro Zone [4].

The UK will also be benefiting from less migration, no EU budget payments, better opportunities with emerging markets and less regulation from the EU [2; 14]. The last argument explains the actions of Cameron towards "Brexit". The big controversies between the UK and the union appeared during the EU summit in December 2011 [5]. David Cameron put a veto on the EU fiscal treaty 2011 for two reasons. Firstly, the UK did not want further European Integration; secondly, the following changes in Growth and Stability Pact may lead to economic downturn of the UK [6].

In the Article 3 of Fiscal Compact there were made some changes in Stability and Growth Pact. The main idea of the pact is that the ratio of the general government debt to gross domestic product should be significantly below 60 % in order to keep the risks of default relatively low and the structural deficit should not accumulate more than 0.5 % of nominal GDP [7]. The new fiscal treaty contained the information about stricter sanctions for the countries that accumulate higher level of debt. A country can be funded up to 0.1 % of GDP [6].

The change of pact helps Europe to minimize the risk of a default of its member states because it does not allow the country to get heavily indebted. The changes in the fiscal treaty are made to prevent a country such as Greece getting heavily indebted [6].

It is possible to look on this situation through the prism of Fiscal Fatigue theory.

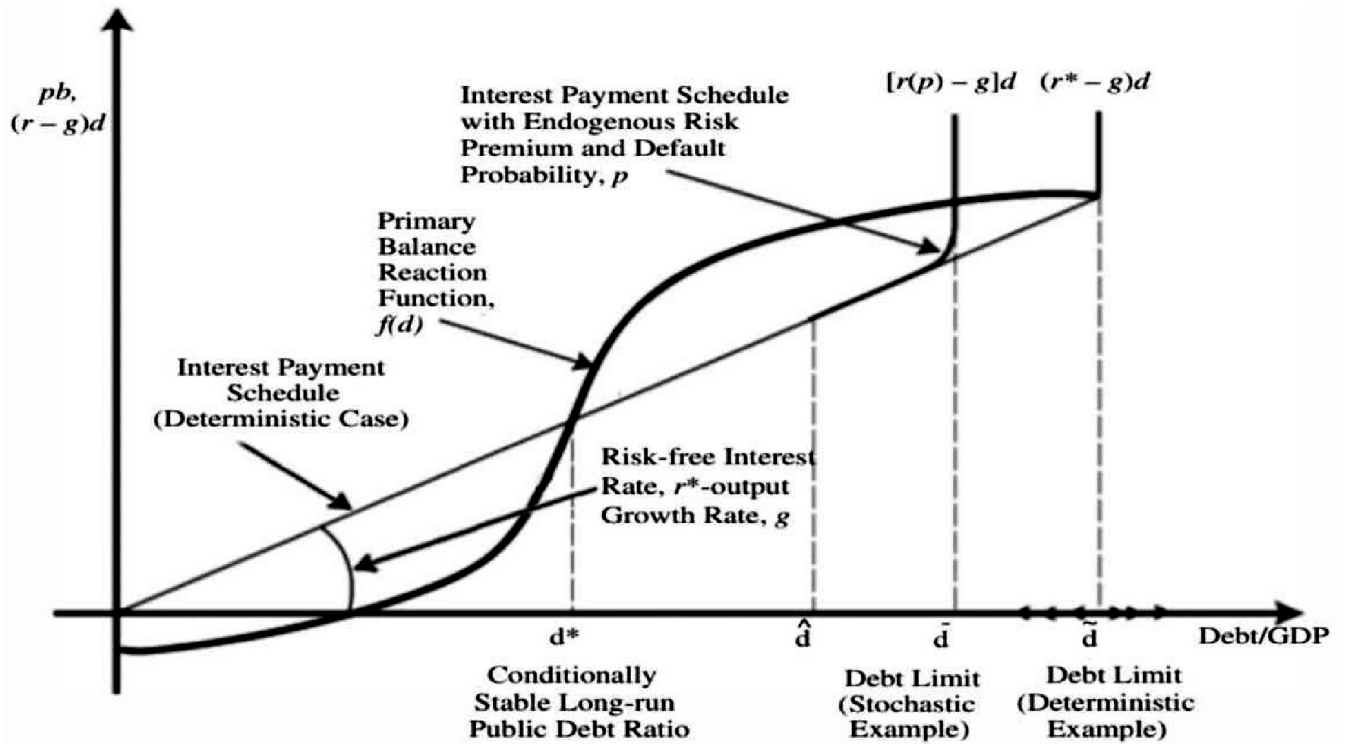

Fig. 1. Primary balance and fiscal space

The graph shows the situation that is protected by the pact. When a country's primary balance deficit affects the debt (to GDP) to accumulate faster than d^* Conditionality Stable Long-Run Public Debt Ratio, the country may be faced the increasing interest rates on the debt. When the country's GBP/Debt ratio is too high, the interest rate goes to infinity. The lenders know about the borrowing country risks and ask for higher premium. A borrower cannot pay its debt and has to default on its debt [8].

The UK had over 80 % of debt/GDP by 2012 that time and their fiscal approach diverged [9]. British model of social-economical development is different from other EU members. It always had Anglo-Saxon model, where the level of government intervention is lower, so the tax revenue is lower than in many countries [3]. Therefore, country's Primary Balance may be negative as well. Moreover, after the financial crisis in 2007, the UK had to use its expansionary fiscal policy in order to ameliorate the process of recovery by stimulating the economy [10]. Keeping the primary balance deficit takes place even now for the UK. The UK has one of the strongest financial sector and its economy is much more flexible comparing to such countries as Greece, Portugal and most of the countries in CEE (Central and Eastern Europe). This explains why David Cameron was so tactless about the new regulations coming from Brussels.

Since 1977 Ipsos MORI has periodically asked the public: "Should the UK remain in the European Union?" In November 2012, 48 % of Britons said that they wanted the United Kingdom to leave the European Union, 44 % believed that it should stay and others were not sure. While similar results have been seen in the past in 1980, when around 65 % of people in the UK polled for "getting out" [11]. That also

influenced the growth of popularity of the ideas brought by UK Independence Party (UKIP) that is commonly known to be a right-wing political party in the United Kingdom that was founded in 1993 with the primary objective of UK's withdrawal from the European Union [12]. Furthermore, the ideas of the UKIP gained the popularity even among some of the Conservatives [13].

Q If there were a referendum now on whether Britain should stay in or get out of the European Union, how would you vote?

Such pressures pushed David Cameron into making his speech. His speech and commitment failed to give a rise of popularity of UKIP. It helped to use the support of the Eurosceptics in order to get elected in 2015 by promoting the idea of the referendum "soon after coming into office" [14].

In order to proceed to the next part, it is needed to understand the scale the UK contributes to the EU. After the withdrawal of the UK, the EU will lose nearly 12.5 % of its population and almost 14.8 % of its economy. Britain's economy is the world's sixth largest and approaches the value of to € 2 trillion. It also represents 19.4 % of the EU exports (not including the trade within the European Union) [15]. The City of London is the world's pre-eminent financial service center that is both beneficial to the EU and the UK. A lot of investment in EU institutions constantly takes place there. Being one of the best and rapidly developing economies, the UK is a big contributor to the EU budget. In 2011 it was the sixth largest net contributor per capita and the UK gross contribution was € 7.255 bn [16]. This is a relatively big proportion of the EU budget as such countries as Austria, Sweden and Finland have contributed € 2.6 bn, € 3.3 bn and € 2 bn respectively [17].

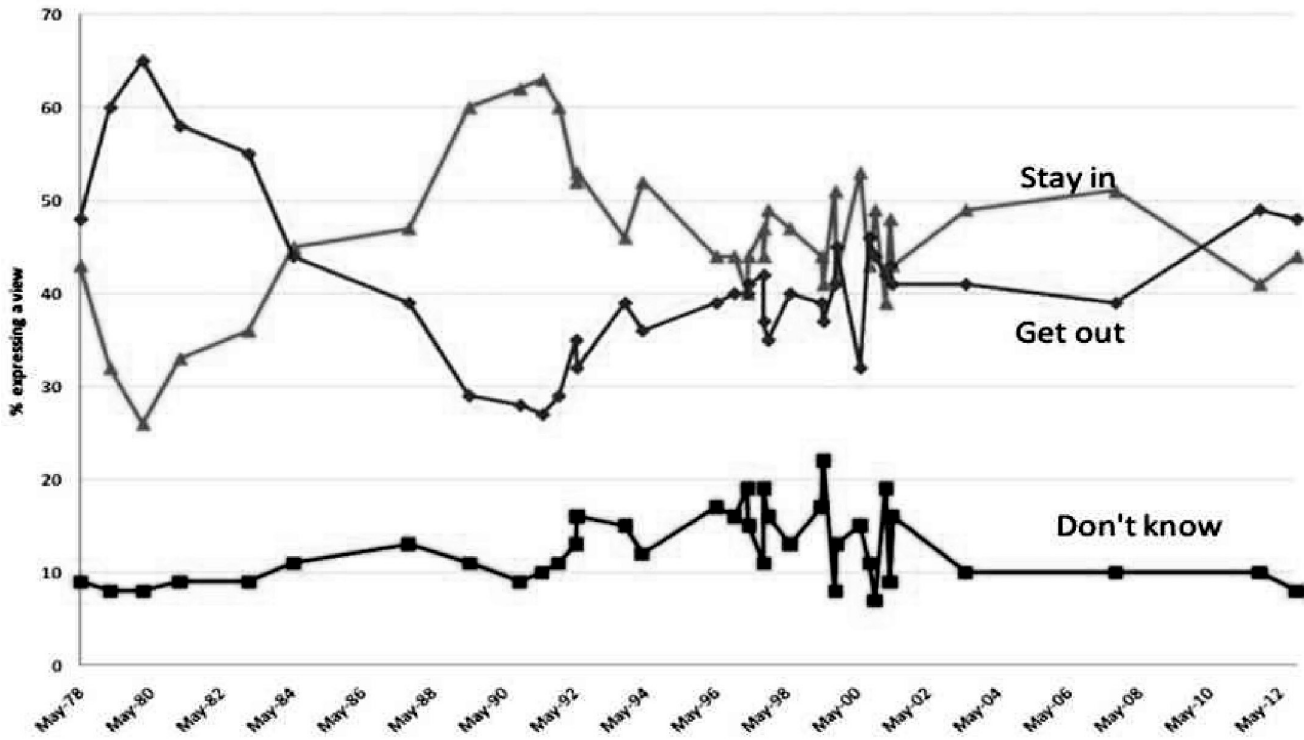

Fig. 2. Statistics of Voters on the UK separation (1978 to 2012)

Initially, the treaties of the European Union did not include any instructions upon withdrawal of any member state. Hence, there is nothing that can stop the UK from quitting the EU from the legal perspective. Primarily, such an action will involve the British Parliament to repeal the European Communities Act of 1972, which is an Act of the Parliament of the United Kingdom providing the incorporation of the EU into the domestic law of the UK [18]. However, that will trigger some clashes of the institutions representing the sovereignty both in the EU and the UK. The UK will have to negotiate with the union regarding its economical and political transformations in order to manage the process of withdrawal. If any of the parties fail to negotiate that will definitely result in numerous legal, political, economical and social problems [19].

In 2007, the member states have signed the Treaty of Lisbon. The new treaty had the article that illustrates the process of the withdrawal to the certain extend. Article 50 states: “Any Member State may decide to withdraw from the Union in accordance with its own constitutional requirements” [20]. Under the article the British Government will inform the European Council about its desire to be separated from the EU. The European Commission will appoint the EU negotiator that should be approved by the Council [2].

That is needed in order to set up EU and UK negotiation teams that will come to the certain arrangements upon the separation of the institutions. Such arrangements on the large number of shared projects are the priority for the long-term relationships. [2]. Some people think that it will be possible to make the second Swiss-EU relationship model, but in this case, the UK-EU need to think over: the free movement of capital and people, technical barriers to trade, education, taxation pensions and etc [21]. Although, these factors

are very important for the legal background of the “divorce”, I will be focusing more on the major political and economical institutions that are subjected to change.

Britain has 73 seats in the EU Parliament and these seats need to be redistributed. It is very hard to allocate the seats in the fairest way as this action is “subject to a lot of formulas, solutions and political horse-trading”. The British seats can be given to different countries. Alternatively, European Parliament, which is of the size 751, may reduce the size by 73 members. The political party grouping will also notice the disappearance of its members [22].

Another institutional change is the removal of British European Commissioner, the loss of British judges from the European Court of Justice and changes in quotas specifying the employment for British representation of the EU as an example — EU Military Staff. Some questions will be raised concerning English as the working language in the EU because only Ireland and Malta would remain states with English as an official language [2].

Finally, the EU budget will need to be restructured. The UK is one of the most important member states also in terms of the budgetary side of the EU. It is one of the largest net contributors. According to the pie chart of Official Journal of European Union, UK contribution was counted 12.40 % in 2013, comparing to 12.58 % in Italy and 16.69 % in France [23]. The UK withdrawal will mean that the UK will not be funding such spheres as agriculture, regional development and research. The UK net contribution of these spheres was € 4,703.4 ml. It was quite similar to the contributions from France and Italy, € 4,888.5 ml and € 4,750.3 ml. [24]. The «Brexit» will mean that such countries as France, Germany and Italy will be required to mail larger budgetary contributions to replace the disappearance of the important contributor. However, it

cannot be clear to anyone for the moment, only post-withdrawal framework that would be agreed with the UK will contain the exact information upon the budget restructuring. If the UK adopts similar relationship with the EU as Norway and Switzerland have, it will still need to make certain contributions in order to keep a good relationship with the EU. Using

Switzerland as an example, it has contributed around € 1.4 bn in 2011. However, the difference is that Norway and Switzerland have larger degree of control on how their money is spent. Being in the same situation, the UK could theoretically opt to arrange bilaterally for parts of its contribution to be spent in states in Eastern and South Eastern Europe [2].

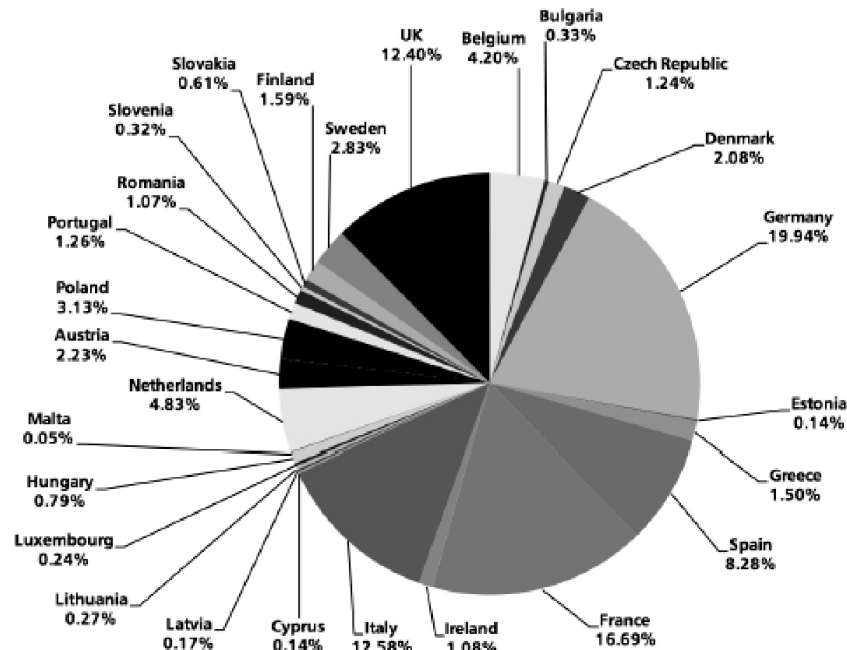

Fig. 3. EU Budget revenue 2013, % of member states [24] (Source: Official Journal of the European Union, "Definitive adoption of the European Union's general Budget for the financial year 2016" and HM Treasury calculations)

EU operation without the UK cannot be predicted at the current stage with certainty. The conclusion of the withdrawal agreement and the framework for future relationships is just the beginning of much longer relationship between the UK and the EU. So as, it is only possible to make the assumptions how the withdrawal affects the other member states.

The separation raises the uncertainty in the balance of power and leadership in the European Union. There is a belief that the withdrawal will lead to the boost of Franco-German axis. "Paris and Berlin have always used London to balance the other" [2]. Even with such states as Italy and Poland it is impossible to fill the UK space. So, the disappearance of such an important member may cause France and Germany to take

the dominant position in all the policy making and the EU related issues.

On the other hand, some economists as Mats Persson believe in a scenario, where Germany and France can be hurt. The loss of the UK may cause a shift of power further eastwards. Germany and other Northern European states are concerned with the fact that "Brexit" may lead to less liberal-minded policies in trade and economics that are inherited in Anglo-Saxon socially-economical approach. "Eastwood power concentration" may lead EU to protectionism [25].

Suppose that every member state imposes tariffs on imported goods or services from other member states. It will decrease the welfare of EU citizens.

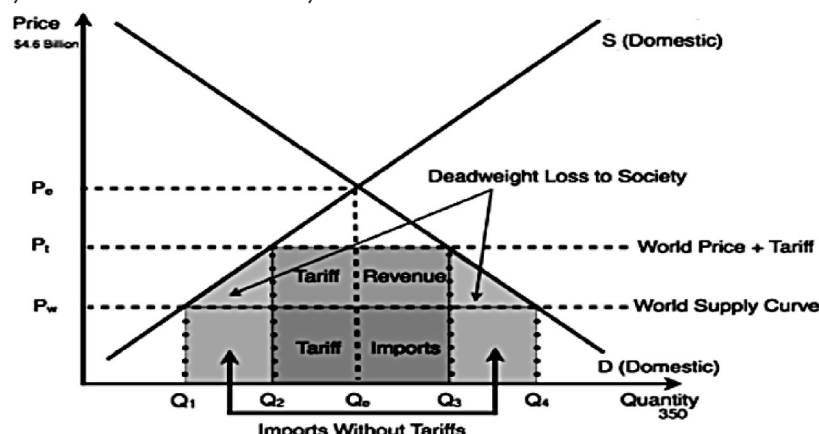

Fig. 4. Demand and supply of a traded good X and the tariff

Effect of Placing Tariffs

Domestic demand is D ; domestic supply is S . Imported Price in free-trade area is P_w so as Supply of imported goods (horizontal curve from P_w). In free-trade area, a member state will supply quantity of good:

$$0 - Q1.$$

The state will import:

$$Q1 - Q4,$$

because of the more competitive price.

Protectionism measures by imposing a tariff will cause in decrease of export and increase of domestic product sales. With such measures of protectionism, the new price will be P_t and the domestic products will be supplied on the quantity of:

$$0 - Q2.$$

Imported goods will be supplied on the quantity of:

$$Q2 - Q3.$$

Overall quantity supplied will be lower and the price will be higher. Such a restriction of trade creates a sizable consumer surplus loss and the deadweight losses to society, where the market fails to allocate the goods efficiently [26].

The UK withdrawal should not have a significant direct impact on EU institutions, especially for the European Commission or European Parliament. While UK does not have the lowest voter turnout rates in the whole Europe, the proportion of people involved in election of European Parliament is quite low. If the UK got deducted from the 2009 European Parliament elections, then the turnout across the EU would have increased from 43.24 % to 44.39 % [27]. Hence, the UK separation will not be a key to solution of the EU's democratic deficit.

Last but not least, it is important to mention the relationships between the EU and UK after the withdrawal. Both of them will need to develop the method of cooperation in order to manage their common problems. One of the good examples is Swiss-EU relationship. It is the one that is most preferred by British Eurosceptics [28]. Switzerland is within EFTA but outside of EEA. Switzerland has free trade with the

EU, which is greatly desired by the UK. Therefore, Switzerland has no obligation to accept new legislation. However, being dependent on the EU in terms of free trade, Swiss policy making barely clashes with the EU. There are a number of bilateral agreements drawn by Switzerland and EU in order to facilitate their trade. Also, Switzerland has no obligation to accept further European legislation implemented after agreements come into force. Hence, Switzerland may pick the most benefiting laws to its national interests. Furthermore, Switzerland does not have a supranational oversight of the agreements such as the one in Norway. It means that disputes may stay unresolved [29]. The UK will be benefiting most from the Swiss-EU relationship model but it is very unlikely that the EU will agree upon it. Knowing that UK has 56 % of trade with the EU [30]. and Switzerland has only 45 % [17]. The relationships will be highly complex, presenting more political and economical conflicts of interests.

In conclusion, it is impossible to figure out the certain scenario the EU and the UK will follow in case of "Brexit". According to most of the references I used, neither of the countries will benefit, especially in the short run. Moreover, the divorce will not help in eliminating the problems that have accumulated in England and in the European Union such as high level of democratic deficit. Europe will experience a period of uncertainty in restructuring its budgetary and policy-making institutions. The EU will face the possibility of a power shift: either a minor one as a redistribution of parliament seats, or a more significant one, a shift of power to Franco-German axis that gives France and Germany the most influence the EU. However, the power may also shift to the Central and Eastern Europe countries making the future even more unpredictable. Concerning the relationships between the EU and the UK, it will also be hard to find a Pareto efficient point, where both of them will be satisfied. So, the question is, whether the ambitions of politicians or the fleeting decisions of citizens will be more important than the certainty of future. The answer will take place in 2017.

References:

1. Miller Vaughne. In Brief: Leaving The European Union. House of Commons Library SN/IA/6089.1 (2011): 4–12. Print.
2. Oliver Tim. Europe Without Britain. SWP Research 7 (2013): 10–20. Print.
3. George Stephen. An Awkward Partner. – Oxford: Oxford University Press, 1998. Print.
4. Baldwin Richard and Wyplosz Charles. The Economics Of European Integration. 4th ed. – Berkshire: Mc Graw Hill Education, 2015. Print.
5. Lyall Sarah. British Premier, Cameron, Defends Veto On Europe Treaty.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.nytimes.com/2011> (date accessed 23 Apr. 2015).
6. McArdle Pat. The Euro Crisis: The 'Fiscal Compact' And Fiscal.
7. Interactive Chart: EU Expenditure And Revenue — Budget.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Ec.europa.eu>. (2015, date accessed 6 Apr. 2015).
8. Ghosh Atish R. et al. Fiscal Fatigue, Fiscal Space And Debt Sustainability In Advanced Economies.//Econ. J. 123.566 (2013): F4-F30. Web.
9. United Kingdom Government Debt To GDP 1980–2015 | Data | Chart | Calendar.// [Electronic resource]. – Available from: <http://www.Tradingeconomics.com>. "(2015, date accessed 23 Apr. 2015).
10. Sidorova Elena. Main Features Of Budgetary Politics In European Union. Ph. D. – Moscow Institute of World Economy and International Relations, 2012. Print.

11. Ipsos MORI | Trend | European Union Membership -Trends.// [Electronic resource]. – Available from: <http://www.ipsos-mori.com>. (2015, date accessed 23 Apr. 2015)ю
12. BBC News. EU Referendum: Tory MP Will Take Forward Bill.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.bbc.com/news> (2015, date accessed 31 Mar. 2015).
13. The Europe Question: Perspectives From The UK.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Ecfr.eu>.(2013, date accessed 23 Apr. 2015).
14. BBC News. EU Referendum: Tory MP Will Take Forward Bill – BBC News. // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.bbc.com/news> (2015, date accessed 23 Apr. 2015).
15. Intra-EU Trade In Goods – Recent Trends – Statistics Explained.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Ec.europa.eu>. (2015, date accessed 26 Apr. 2015).
16. Stability And Growth Pact – European Commission.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Ec.europa.eu>. (2015, date accessed 23 Apr. 2015).
17. Switzerland – Trade – European Commission.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Ec.europa.eu>. (2015, date accessed 26 Apr. 2015).
18. European Communities Act 1972.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Legislation.gov.uk>. (2015, date accessed 6 Apr. 2015).
19. Athanassiou Phoebe. “Withdrawal And Expulsion From The EU And EMU: Some Reflections”. – European Central Bank Legal Working Paper 5.10 (2009): n. pag. Print.
20. Article 50.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Lisbon-treaty.org>. (2015, date accessed 7 Apr. 2015).
21. “Details Of These Arrangements Are Available At The Swiss Federal Department Of Foreign Affairs”.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.europa.admin.ch>. (2015, date accessed 7 Apr. 2015).
22. Rose Richard and Bernhagen Patrick. Inequalities In Representation In The European Parliament. ECPR 5th Pan-European Conference On EU Politics. – Porto: University of Aberdeen, 2010. – 1–14. Print.
23. European Union Finances 2013: Statement On The 2013 EU Budget And Measures To Counter Fraud And Financial Mismanagement. – London: HM Treasury, 2013. Print.
24. EU Budget 2011 Report Financial Report. – Luxembourg: European Commission, 2011. Print.
25. Persson Mats. Hey Berlin, This Is What An EU Without Britain Would Look Like – Telegraph Blogs.//[Electronic resource]. – Finance – Telegraph Blogs. (2014, date accessed 21 Apr. 2015).
26. Jonsson Thordur, Lusweti Jean and Baldi Marino. EFTA Free Trade Relations. – EFTA bulletin 2.2006 (2006): 12–15. Print.
27. Mellows-Facer Adam, Cracknell Richard and Lightbown Sean. European Parliament Elections 2009. – House of Commons Library 09/53 (2009): n. pag. Print.
28. Blanchard Olivier, Amighini Alessia and Giavazzi Francesco. Macroeconomics. Print.
29. Buchan David. Outsiders On The Inside: Swiss And Norwegian Lessons From The UK.//[Electronic resource]. – Centre For European Reform 1 (2012): n. pag.
30. UK Overseas Trade Statistics – Datasets.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.Data.gov.uk>. (2015, date accessed 26 Apr. 2015).

Grubich Tatiana Yurievna,
Kuban State Agrarian University, senior lecturer,
chair of the system analysis and information processing
E-mail: tgrubich@mail.ru

Malchenko Darya Alexandrovna,
Kuban state agricultural University,
3th year student of the faculty applied Informatics

Features of the development of unemployment in the Krasnodar region and its analysis

Abstract: the article considers the problems of the labour market of Krasnodar region. Determination of the characteristics of the development of unemployment in the Krasnodar region and its statistical change in the next few years, as well as the definition of the main reasons that most significantly affect its aggravation.

Keywords: unemployment, statistics, analysis of causes, economic analysis, analysis of variance, two-factor analysis.

Грубич Татьяна Юрьевна,
Кубанский государственный аграрный университет,
старший преподаватель кафедры
системного анализа и обработки информации
E-mail: tgrubich@mail.ru

Мальченко Дарья Александровна,
Кубанский государственный аграрный университет,
студент 3 курса факультета прикладной информатики

Особенности развития безработицы в Краснодарском крае и ее анализ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы рынка труда Краснодарского края. Проводится определение особенностей развития безработицы в Краснодарском крае и ее статистические изменения в течение нескольких лет, а также определение основных причин, наиболее существенно влияющих на её усугубление.

Ключевые слова: безработица, статистика, анализ динамики причин, экономический анализ, дисперсионный анализ, двухфакторный анализ.

Проблема рынка труда, занятости и безработицы являются одной из важнейших проблем нашего времени. Реальный уровень безработицы представляет собой макроэкономическую проблему, оказывающую наиболее прямое и сильное воздействие на каждого человека [2].

Актуальность данного исследования заключается в изучение причин безработицы для анализа и создания выводов по ее преодолению.

Целью исследования является определение особенностей развития безработицы в Краснодарском крае и ее статистические изменения в течение нескольких лет, а также определение основных причин, наиболее существенно влияющих на её усугубление.

Задачи исследования: изучить причины безработицы; выявить наиболее главные причины безработицы, проанализировать уровень безработицы в Краснодарском крае за последние 14 лет.

Объектом изучения являются статистические данные по уровню безработицы и причины безработицы в Краснодарском крае.

Обследование населения по проблемам занятости и безработицы проводится в России Федеральной службой государственной статистики с квартальной периодичностью по состоянию на последнюю неделю второго месяца квартала. Оно проводится во всех субъектах Российской Федерации на основе выборочного метода наблюдения с последующим распространением итогов на всю численность населения обследуемого возраста.

Выборка единиц наблюдения для квартальных обследований строится таким образом, что в каждом квартале все единицы наблюдения заменяются новыми. Размер квартальной выборки обеспечивает получение представительных итогов в пределах заданной степени точности и разрезов разработки в целом по Российской Федерации. По субъектам Российской Федерации представительные итоги обеспечивает совокупность четырех квартальных выборок.

Метод отбора единиц наблюдения безработицы осуществляется серийной выборкой.

При серийной выборке генеральную совокупность делят на одинаковые по объёму и однородные между собой группы — серии. В выборочную совокупность случайным методом отбираются серии, внутри которых проводится сплошное наблюдение.

В настоящее время применяется два основных метода измерения безработицы: на основе данных соответствующих служб о зарегистрированных безработных и общенациональных выборочных обследований домохозяйств.

В качестве основного источника информации о безработице используются материалы квартальных обследований населения по проблемам занятости, где единицами наблюдения являются домашние хозяйства и лица в возрасте 15–72 лет — члены этих домохозяйств. К безработным в соответствии с принципами, установленными Международной Организацией Труда (МОТ), относятся лица в возрасте 17–72 лет, которые удовлетворяют на период обследования одновременно трем критериям (не работают, ищут работу и готовы приступить к работе). К безработным относятся также учащиеся, студенты и пенсионеры в пределах указанного возрастного интервала, если они занимаются поиском работы и готовы приступить к ней.

План и программа исследования безработицы в Краснодарском крае.

1. Получение данных исследования безработицы по Краснодарскому краю (источник <http://www.gks.ru/>, Федеральная служба государственной статистики) [1].
2. Экономический анализ безработицы.
3. Определение причин безработицы.
4. Анализ динамики причин безработицы с точки зрения двухфакторного дисперсионного анализа без повторов.
5. Выводы.

Уровень безработицы в Краснодарском крае в настоящее время составляет 0,9 %, сообщает пресс-служба краевой администрации.

С 1 апреля по 1 августа 2014 года число неработающих кубанцев снизилось на 25 % и составило чуть больше 23 тысяч человек. В Южном федеральном округе — это самый лучший показатель.

Снижение безработицы связано, прежде всего, с реализацией на Кубани антикризисных мер, проведением сезонных работ в АПК и открытием курортного сезона. Свою положительную роль сыграла и программа дополнительных мероприятий по снижению напряженности на рынке труда [3].

Таблица 1. – Численность безработных по Краснодарскому краю, в среднем за год (обновлено 08.05.2015)

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
308,5	257,2	185,7	237,7	209,8	178,6	177,6	168,3	125,2	190,5	173,1	153,2	146,8	160,0	148,8

Таблица 2. – Уровень безработицы населения по Краснодарскому краю в %, в среднем за год (обновлено 08.05.2015)

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
12,8	10,9	7,6	10,2	8,7	7,4	7,1	6,6	4,7	7,2	6,7	5,9	5,6	6,1	5,7

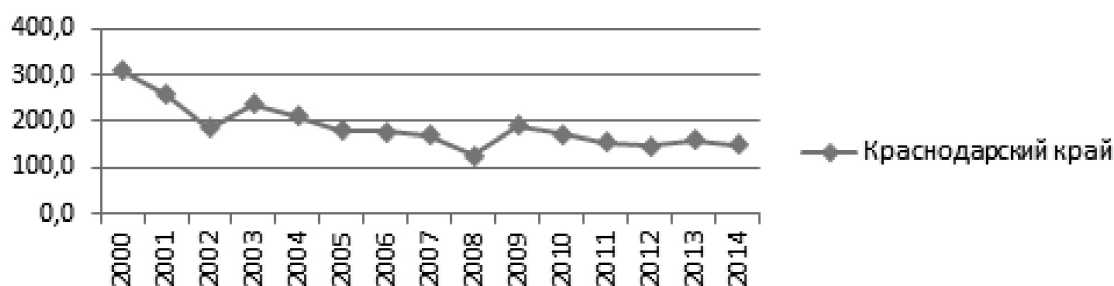

Рис. 1. Численность безработных по Краснодарскому краю, в среднем за год

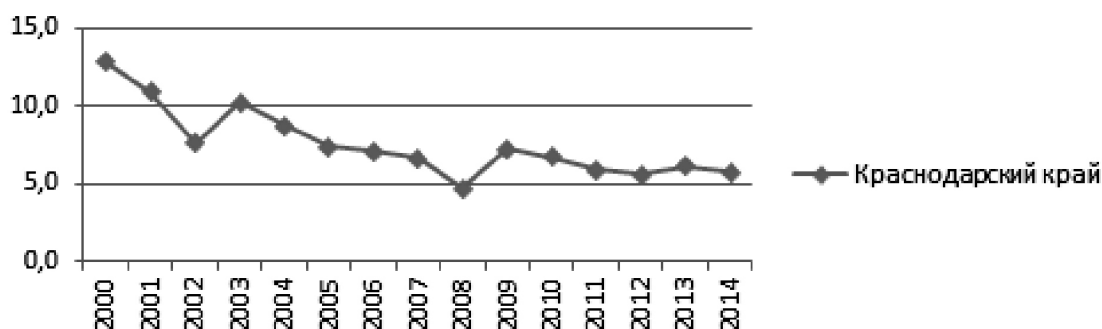

Рис. 2. Уровень безработицы по Краснодарскому краю (отношение общей численности безработных к экономически активному населению, %)

Уровень безработицы — это доля безработных в общей величине рабочей силы.

Он измеряется в % и рассчитывается по формуле:

$$u = (U/L) \cdot 100 \%,$$

где u — уровень безработицы; U — число безработных; L — рабочая сила (занятые и безработные).

Минимальный уровень безработицы прослеживается в 2008 году, он составляет 4,7 %. Своего максимального значения уровень достиг в 2000 году (12,8 %).

Такое достаточно стабильное снижение безработицы говорит о том, что государственные методы, программы

Основной причиной безработицы на сегодняшний день являются низкая заработная плата и отсутствие опыта работы у молодых специалистов.

Росстат представляет в открытом доступе статистические данные, которые можно использовать для анализа в период за 2000–2014 гг. (таблицы 1, 2).

На основании данных из таблиц 1, 2 получим следующие диаграммы – рис. 1 и 2.

На рис. 1 показано, что численность безработных в Краснодарском крае постепенно снижается в течение 14 лет.

На рисунке 2 представлен уровень безработицы по Краснодарскому краю, в среднем за год, в период с 2000 по 2014 гг.

по улучшению ситуации безработицы действенны и показывают положительные результаты, даже, не смотря, на мировые и общероссийские кризисы.

Двухфакторный анализ без повторений. Он используется, когда данные извлекаются из каждой группы один раз. Определим гипотезу $H(0)$: пусть на уровень безработицы влияют оба фактора совместно (низкая зарплата (A) и отсутствие стажа работы (B)). В таблице 3 покажем зависимость этих факторов A и B.

Итоги двухфакторного дисперсионного анализа без повторений представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 3. – Зависимость факторов, влияющих на уровень безработицы

А/В					
2000	2002	2003	2007	2008	2014
2002	17,9	19,9	19,3	20,4	21,6
2003	21,6	23	23,8	24,4	24,5
2007	19,8	18,9	20,1	20,7	21,5
2008	22,1	23,5	24	25,4	26,2
2014	21,6	21,8	22	23,2	24,9

Таблица 4. – Двухфакторный дисперсионный анализ без повторений

ИТОГИ	Счет	Сумма	Среднее	Дисперсия
2002	5	99,1	19,82	1,867
2003	5	117,3	23,46	1,438
2007	5	101	20,2	0,95
2008	5	121,2	24,24	2,593
2014	5	113,5	22,7	1,9
2002	5	103	20,6	3,045
2003	5	107,1	21,42	3,907
2007	5	109,2	21,84	4,503
2008	5	114,1	22,82	4,912
2014	5	118,7	23,74	4,393

Таблица 5. – Дисперсионный анализ

Дисперсионный анализ						
Источник вариации	SS	df	MS	F	P-Значение	F критическое
Строки	77,9816	4	19,4954	61,6650324	1,61389E-09	3,00691728
Столбцы	29,9336	4	7,4834	23,6704096	1,49578E-06	3,00691728
Погрешность	5,0584	16	0,31615			
Итого	112,9736	24				

Из данных таблиц делаем выводы:

1. На уровень безработицы влияют оба фактора по отдельности, доверие к такому выводу составляет 96 %, т. к. $R = (77,9816 + 29,9336) / 112,9736 = 0,955224938$. Совместное влияние этих факторов незначительное, около 4-х %.
2. Так как $F > F$ (крит.), то отвергается гипотеза $H(0)$ и подтверждается альтернативная ей о влиянии обоих факторов по отдельности.

Меры по сокращению безработицы следующие.

1. Трудоустройство непосредственно на предприятии путем создания новых рабочих мест (расширение или создание подразделений, переквалификация на др. специальности и т. д.).

2. Организация общественных работ (благоустройство территорий, лесных массивов и городских улиц, работа на овощных базах, по уборке с/х продукции).
3. Поощрение частного предпринимательства и стимулирование самозанятости населения, развитие малого бизнеса (товарищества, кооперативы, фермерские хозяйства).
4. Переподготовка и профессиональная подготовка по дефицитным специальностям и профессиям.
5. Использование гибких форм занятости (надомный труд, неполный рабочий день, неделя).
6. Широкая информация населения о возможности трудоустройства, проведение ярмарок вакансий, дней открытых дверей и т. д.

Список литературы:

1. Федеральная служба государственной статистики. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 26.05.2015).
2. Проблемы безработицы в современной России. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knowledge.allbest.ru/economy/3c0b65625a2bd68a5d43a89521216d37_0.html (дата обращения: 01.06.2015).
3. Безработица и эффективность. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.referat.www4.com/view-text-44018> (дата обращения: 03.06.2015).

Zhurkina Liubov Sergeevna,

Ukhanova Julia Aleksandrovna,

*Plekhanov Russian University of Economics,
students, Department of Trade policy*

Nikishin Alexander Fedorovich,

*Plekhanov Russian University of Economics,
associate professor, Department of Trade policy*

E-mail: ktdn@yandex.ru

Promotional activities in trade and different ways to improve them

Abstract: It is well known that advertising is one of the main means of improving the efficiency of trade. However, promotional activities do not always bring sufficient effectiveness. The main subject of this article is search of the causes of low efficiency of promotional activities in modern conditions, and finding the way how to resolve them.

Keywords: trade, retail trade, sales promotion, advertising campaign, BTL-advertising.

The sphere of trade is characterized by a high level of competition. In order to operate business successfully, trade organizations need to carry out various actions to obtain sales. At present time, various promotional activities are widely used in trade. At the same time the number of outdoor advertising is so huge that the person will not just pay attention on it. Traditional methods of advertising every year more and more lose their effectiveness. Today's fast rhythm of life and oversupply of information lead to the fact that people sometimes do not notice numerous outdoor advertising. This factor applies to an even greater degree to advertising on television. But on the other hand, no matter how the sphere of influence of BTL advertising is expanding and so non-standard advertising projects are on the top. So an integral part of life of the typical citizens is different kinds of promotional activities which are often carried out directly in the place of trade. The retailers offer different activities such as tasting, consultations of the specific brand, the campaign "gift for purchase" and samplings (distribution of samples or probes, from the English. — Sampling).

Different types of BTL — advertising have been used for quite a long amount of time, however, the results of analysis give the information that the promotional activities are often not effective enough. In most cases it is possible either to perform a promotion at a lower cost, or to achieve a greater level of its effectiveness.

In the context of rapidly increasing competition among advertising agencies there is need of looking for the new ways of developing and solving urgent problems. Only then it is possible to improve the effectiveness of work and win a firm place in the field of advertising. The main purpose of the article is to identify the main problems faced by the trade organizations during activities of sales stimulating and to offer some solutions to these problems.

The problem of sales promotion is widely presented in the modern literature. For example, modern methods of stimulating are found in the work of Ruchina E. M. [1], the use of intangible assets and the objective to increase the efficiency of the trade organization in the work of Ivanov G. G. [2].

Features of promotional activities of wholesale enterprises are considered in the work of Bazhenov J. K. [3]. The main directions of development of managerial innovations in the advertising agency are addressed in article of Hapenkov V. N. [4].

Promotional activities begin with different trainings for staff and promotional meetings for supervisors. The main topic of discussion is penalties for theft because theft is the biggest problem of the advertising agency for any time.

Promotional activities are held throughout the city and at the same time in several trade organizations. In one store are usually involved two or three promo employees and one stationary supervisor. Thus, a manager has approximately fifty employees and it is not possible to control them carefully.

Moreover, the work of manager is practically impossible to check and that is why often he does not perform his functions well or does not perform at all. This leads to the fact that the advertising product does not apply for promotions. It is derived from the weight of advertising material by the promoters and then they sell it in different places.

In the markets and in small-town kiosks it is easy to find promotional product which illegally overbought from supervisors. On the one hand, this leads to the fact that the promotional action is less effective because of the possible lack of advertising material, on the other hand, the number of legal sales is reduced.

Promotional material which uses in advertising campaigns is attractive not only for supervisors but also for employees themselves. Employees of security service do not let the promo staff go into the store until they get a pair of boxes with the name "sample is not for sale".

The same price managers appoint for registration in the store and the allocation of space for advertising board. All this leads to the fact that a significant proportion of the target audience which is a potential customer for the trade organization is lost due to the simple lack of promotional products.

Store employees play a very important role in organization of various promotional activities. Meeting consultants, holding them up to the point of sale, a demonstration of the

main objects of the outlet, as well as awareness of the operating modes and in-store promotions is needed to help to increase the efficiency of BTL projects. More than that it must not be forgotten that this kind of trading activity brings an essential flow of customers and as a consequence, an increase in sales. However, in practice we are faced with a situation of an entirely different kind. Often, in trade organizations so constructed incentive system that interest in the final result of work for ordinary employees of commercial organizations is absent. Or sale of products for which advertising campaign is conducted entirely merits considered supervisors. As a result, store managers perform only their essential job functions, and their interest in maintaining promotional activities is offline. As a result the promotional staff spends a tremendous amount of time and effort to properly accommodate the trading floor or to find a particular utility room. Moreover, the absolute lack of motivation among employees entails more serious consequences. For example, promotional staff is controlled by nobody at the point of sale and it is one of the main reasons for theft of promotional products, inactive work, violation of rights and shares and graphics. And often the managers of retail outlets, mostly small format supermarkets, conduct not careful (or do not) check of documentation for the advertised product. Thus, all this leads to a decrease in the efficiency of promo-actions and sometimes even brings a negative effect and reduces the final consumer loyalty.

Job of advertising agencies now is also built inefficiently what affects the quality of advertising activity. In the current practice, client which order a promotional campaign of his products, also pays for auditors' work. They are required to attend the stores during the promotional staff, to check supplies and reconcile them with reports, photo report and identify violations. But in reality, the auditors are permanent employees of the agency, as well as supervisors, so conspiracy staged photo reports, negligence verify compliance with the mechanics of the action and the falsification of statements are common.

Coordinators of the advertising agencies make not adequate reports on expenditures promotional materials. After carrying out the project with the mechanics of "gift with purchase" to the agency in strict order must be submitted photos checks or checks themselves (depending on the format of the store), which displayed the goods involved in the action. And coordinators shall verify the number of issued gift with positions in checks, the amount of which reaches several hundred. Such routine work is carried out sometimes so carelessly that a huge disadvantage promotional product remains undetected. Quite a big problem is the big number of inaccurate marketing planning advertising products on a specific point of sale. So to make promo-action in a hypermarket is shipped the same party of product as in a small supermarket. A more correct analysis of the specific traffic of the stores will help reduce the percentage

of thefts in several times. For any issues, including the scope of BTL-advertising, you need to constantly look for new solutions in a rapidly changing economic environment. Ways of solving the above problems may be the following - it is necessary to tighten of the system of audit and control promotional staff from the advertising agency. The important clarification is that auditors should not be of the staff. Currently, the service sector widely uses the "Mystery Shopper", while she checks conducted by an independent organization. This eliminates not only the opportunity for staff to meet with inspectors, but do inspection independently. It increases the efficiency of promotional staff, as employees are not aware of any of the individual auditor or the time and date of his visit. Moreover, such an inspection can be entrusted with the audit of production residues. Thus, the probability of theft is reduced.

In order to reduce the likelihood of theft can be offered individually labeled promotional material. In this case, appeared anywhere in the illegal sale of promotional material uniquely identifies the location of the leak, which will continue to take appropriate measures and reduce the number of such cases. State employees of any advertising agency because of the limit of funds is limited. However, the introduction of the post of coordinator of promotional products will not be much expensive for the organization, but on the contrary will bring all the material to the end user and thereby increase sales in the future. This worker delivers products in all outlets, monitors its movement in the process of promotions and also controls the presence and quantity of residues. The supervisor, who is with the promotional personnel in the course of promotional activities, does not have direct access to all promotional material. Store manager on receipt allocate the required amount of product.

When conducting promotions within trade organizations, shopping centers are also advisable to conclude the relevant contracts with their owners. This will stop the illegal actions of staff and improve the efficiency of advertising campaigns. Do not forget that the activities of advertising agencies are not only creative projects, but also a lot of statistical and mathematical calculations. For a thorough analysis of cross-outlet and forecast the expected sales plan allows the value of the handout, and products for promotions. It should be noted that the larger the size of a statistical sample, the average values are calculated to be exact — and it is possible to relatively accurate calculation of the amount required promo materials for promotions.

Continuous improvement of work motivation promo staff is undoubtedly very important. Prizes and gifts, as well as the enactment of interesting prizes with the active and increase the effectiveness of Fair Trading. Moreover, the design of promotional staff in permanent staff workers increases responsibility and therefore efficiency.

References:

1. Ручина Е. М., Никишин А. Ф. Методы стимулирования продаж в современной торговле. // Инновационная наука. – 2015. – Т. 1. – № 5. – С. 249–252.

2. Ivanov G. G., Mayorova E. A. Role and significance of intangible assets in ensuring the efficiency of economic activity of retail enterprises. // Journal of International Scientific Publications: Economy & Business. – 2013. – Т. 7. – С. 285.
3. Баженов Ю. К. Особенности рекламной деятельности оптовых и производственных предприятий. – Москва: Информ.-внедренческий центр “Маркетинг”, 2008.
4. Хапенков В. Н., Федюнин Д. В. Основные направления развития управленческих инноваций в рекламном агентстве. // Известия Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2011. – № 1 (1). – С. 88–91.

*Zelentsova Anna Viktorovna,
PhD student, Kazakh national conservatory
after Kurmangazy, Kazakhstan, Almaty
E-mail: bntb@mail.ru*

On the issue of project management as a complex and multi-feature integrated process

Abstract: The project consists of the processes, a process is a set of actions which brings results. Project processes are typically performed by professionals and are broken down into two main groups: the project management processes — concerning the organization and descriptions of the project operation; product-centered processes — related to specifications and manufacture of the product. These processes are determined by project life cycle and depend on the area of application. The project management processes and product-centered processes, are superimposed and interact with each other.

Keywords: project planning, process of implementation and control, management of project execution, project completion.

*Зеленцова Анна Викторовна,
докторант, Казахская национальная консерватория
имени Курмангазы, Казахстан, Алматы
E-mail: bntb@mail.ru*

К вопросу управления проектами как сложного и многостороннего интегрированного процесса

Аннотация: Проект состоит из процессов, процесс — это совокупность действий, приносящая результат. Процессы проекта обычно выполняются профессионалами и распадаются на две основные группы: процессы управления проектами — касающиеся организации и описания работ проекта; процессы, ориентированные на продукт — касающиеся спецификации и производства продукта. Эти процессы определяются жизненным циклом проекта и зависят от области приложения. Процессы управления проектами и процессы, ориентированные на продукт, накладываются друг на друга и взаимодействуют между собой.

Ключевые слова: планирование проекта, процессы исполнения и контроля, управление исполнением проекта, завершение проекта.

Для лучшего понимания интегрированной природы Управления Проектами опишем его через процессы, из которых оно состоит и их взаимосвязи. Под процессами понимаются действия и процедуры, связанные с реализацией функций управления. Такое понимание процессов принято в международном сообществе. Цели проекта не могут быть определены при отсутствии понимания того, как создать продукт [1]. Процессы управления проектами могут быть разбиты на шесть основных групп, реализующих различные функции управления: процессы инициации — принятие решения о начале выполнения проекта; процессы планирования — определение целей и критериев успеха

проекта и разработка рабочих схем их достижения; процессы исполнения — координация людей и других ресурсов для выполнения плана; процессы анализа — определение соответствия плана и исполнения проекта поставленным целям и критериям успеха и принятие решений о необходимости применения корректирующих воздействий; процессы управления — определение необходимых корректирующих воздействий, их согласование, утверждение и применение; процессы завершения — формализация выполнения проекта и подведение его к упорядоченному финалу. Кроме того, процессы управления проектами связаны своими результатами — результат выполнения одного

становится исходной информацией для другого. И, наконец, имеются взаимосвязи групп процессов различных фаз проекта. Например, закрытие одной фазы может являться входом для инициации следующей фазы (пример: завершение фазы проектирования требует одобрения заказчиком проектной документации, которая необходима для начала реализации) [2]. В реальном проекте фазы могут не только предшествовать друг другу, но и накладываться. Повторение инициации на разных фазах проекта помогает контролировать актуальность выполнения проекта.

Внутри каждой группы процессы управления проектами связаны друг с другом через свои входы и выходы. Фокусируясь на этих связях, опишем отдельные процессы через: входящие процессы — документы или документированные показатели, согласно которым процесс исполняется; исходящие процессы — документы или документированные показатели, являющиеся результатом процесса. Методы и средства — механизмы, по которым вход преобразуется в выход. Инициация включает единственный подпроцесс — авторизацию, т. е. решение начать следующую фазу проекта. Планирование имеет большое значение для проекта, поскольку проект содержит то, что ранее не выполнялось. Не следует считать, что Управление проектами это в основном планирование. Усилия, прилагаемые для планирования, следует соотносить с целями проекта и полезностью полученной информации. Следует различать цели проекта и цели продукта проекта, под которым понимается продукция (или услуги), созданная или произведенная в результате исполнения проекта. Цели продукта — это свойства и функции, которыми должна обладать продукция проекта. Цели проекта — это работа, которую нужно выполнить для производства продукта с заданными свойствами. Изменениям могут подвергнуться цели проекта, его бюджет, ресурсы и т. д. Кроме того, планирование проекта — это не точная наука. Различные команды проекта могут разработать различные планы для одного и того же проекта. А пакеты управления проектами могут составить различные расписания выполнения работ при одних и тех же исходных данных. Некоторые из процессов планирования имеют четкие логические и информационные взаимосвязи и выполняются в одном порядке практически во всех проектах. Сначала следует определить, из каких работ состоит проект, а уж затем рассчитывать сроки выполнения и стоимость проекта. Эти основные процессы выполняются по несколько раз на протяжении каждой фазы проекта. Планирование целей — разработка постановки задачи (проектное обоснование, основные этапы и цели проекта). Разделение целей и этапов проекта на более мелкие и более управляемые компоненты для обеспечения более действенного контроля. Определение состава операций проекта — составление перечня операций, из которых состоит выполнение различных этапов проекта. Определение взаимосвязей операций — составление и документирование технологических взаимосвязей между операциями. Оценка длительности или объемов работ — оценка

количества рабочих временных интервалов, либо объемов работ, необходимых для завершения отдельных операций. Определение ресурсов (людей, оборудования, материалов) проекта — определение общего количества ресурсов всех видов, которые могут быть использованы на работах проекта (ресурсов организации) и их характеристик. Назначение ресурсов — определение ресурсов, необходимых для выполнения отдельных операций проекта. Оценка стоимостей — определение составляющих стоимостей операций проекта и оценка этих составляющих для каждой операции, ресурса и назначения. Составление расписания выполнения работ — определение последовательности выполнения работ проекта, длительностей операций и распределения во времени потребностей в ресурсах и затрат, исходя и с учетом наложенных ограничений и взаимосвязей. Оценка бюджета — приложение оценок стоимости к отдельным компонентам проекта (этапам, фазам, срокам). Разработка плана исполнения проекта — интеграция результатов остальных подпроцессов для составления полного документа. Определение критериев успеха — разработка критериев оценки исполнения проекта [1].

Кроме перечисленных основных процессов планирования имеется ряд вспомогательных процессов, необходимость в использовании которых зависит от природы конкретного проекта. Такие процессы включают в себя: планирование качества — определение того, какие стандарты качества использовать в проекте, и того, как эти стандарты достичь; планирование организации — определение, документирование и назначение ролей, ответственности и взаимоотношений отчетности в организации; назначение персонала — назначение человеческих ресурсов на выполнение работ проекта; планирование взаимодействия — определение потоков информации и способов взаимодействия, необходимых для участников проекта; идентификация риска — определение и документирование событий риска, которые могут повлиять на проект; оценка риска — оценка вероятностей наступления событий риска, их характеристик и влияния на проект; разработка реагирования — определение необходимых действий для предупреждения рисков и реакции на угрожающие события; планирование поставок — определение того, что, как и когда должно быть поставлено; подготовка условий — выработка требований к поставкам и определение потенциальных поставщиков.

Взаимосвязи между вспомогательными процессами, как и само их наличие, в большой мере зависят от природы проекта. Процессы исполнения и контроля. Под исполнением подразумеваются процессы реализации составленного плана. Исполнение проекта должно регулярно измеряться и анализироваться для того, чтобы выявить отклонения от намеченного плана и оценить их влияние на проект. Регулярное измерение параметров проекта и идентификация возникающих отклонений далее также относится к процессам исполнения и именуется контролем исполнения. Контроль исполнения следует проводить по

всем параметрам, входящим в план проекта. Как и в планировании, процессы исполнения можно подразделить на основные и вспомогательные. К основным можно отнести сам процесс исполнения плана проекта. Среди вспомогательных процессов отметим: учет исполнения — подготовка и распределение необходимой для участников проекта информации с требуемой периодичностью; подтверждение качества — регулярная оценка исполнения проекта с целью подтверждения соответствия принятым стандартам качества; подготовка предложений — сбор рекомендаций, отзывов, предложений, заявок и т. д.; выбор поставщиков — оценка предложений, выбор поставщиков и подрядчиков и заключение контрактов; контроль контрактов — контроль исполнения контрактов поставщиками и подрядчиками; развитие команды проекта — повышение квалификации участников команды проекта. Процессы анализа включают как анализ плана, так и анализ исполнения проекта. Анализ плана означает определение того, удовлетворяет ли составленный план исполнения проекта предъявляемым к проекту требованиям и ожиданиям участников проекта. Он выражается в оценке показателей плана командой и другими участниками проекта. На стадии планирования результатом анализа плана может быть принятие решения о необходимости изменения начальных условий и составления новой версии плана, либо принятие разработанной версии в качестве базового плана проекта, который в дальнейшем служит основой для измерения исполнения. Процессы анализа исполнения предназначены для оценки состояния и прогноза успешности исполнения проекта согласно критериям и ограничениям, определенным на стадии планирования. В силу уникальности проектов эти критерии не являются универсальными. При отрицательном прогнозе принимается решение о необходимости корректирующих воздействий, выбор которых осуществляется в процессах управления изменениями. Процессы анализа также можно подразделить на основные и вспомогательные. К основным относятся те процессы анализа, которые непосредственно связаны с целями проекта и показателями, характеризующими успешность исполнения проекта: анализ сроков — определение соответствия фактических и прогнозных сроков исполнения операций проекта директивным или запланированным; анализ стоимости — определение соответствия фактической и прогнозной стоимости операций и фаз проекта директивным или запланированным; анализ качества — мониторинг результатов с целью их проверки на соответствие принятым стандартам качества и определения путей устранения причин нежелательных результатов исполнения качества проекта; подтверждение целей — процесс формальной приемки результатов проекта его участниками (инвесторами, потребителями и т. д.).

Вспомогательные процессы анализа связаны с анализом факторов, влияющих на цели и критерии успеха проекта. Эти процессы включают: оценку исполнения — анализ результатов работы и распределение проектной

информации с целью снабжения участников проекта данными о том, как используются ресурсы для достижения целей проекта; анализ ресурсов — определение соответствия фактической и прогнозной загрузки и производительности ресурсов запланированным, а также анализ соответствия фактического расхода материалов плановым значениям. В число процессов анализа не включены анализ взаимодействия с целью оптимизации процедур обработки проектной информации, анализ исполнения контрактов с целью своевременного внесения изменений и предотвращения споров и ряд других процессов, которые не носят регулярного характера (как анализ взаимодействия), либо составляют часть включенных процессов (как анализ контрактов). В результате анализа либо принимается решение о продолжении исполнения проекта по намеченному ранее плану, либо определяется необходимость применения корректирующих воздействий.

Управление исполнением проекта — это определение и применение необходимых управляющих воздействий с целью успешной реализации проекта. Если исполнение проекта происходит в соответствии с намеченным планом, то управление фактически сводится к исполнению — доведению до участников проекта плановых заданий и контролю их реализации. Эти процессы нами включены в процессы исполнения. Другое дело, если в процессе реализации возникли отклонения, анализ которых показал, что необходимо определение и применение корректирующих воздействий. В этом случае требуется найти оптимальные корректирующие воздействия, скорректировать план оставшихся работ и согласовать намеченные изменения со всеми участниками проекта.

Итак, процессы управления предназначаются для определения, согласования и внесения необходимых изменений в план проекта. К основным процессам управления, встречающимся практически в каждом проекте, относятся: общее управление изменениями — определение, согласование, утверждение и принятие к исполнению корректирующих воздействий и координация изменений по всему проекту; управление ресурсами — внесение изменений в состав и назначения ресурсов на работы проекта; управление целями — корректировка целей проекта по результатам процессов анализа; управление качеством — разработка мероприятий по устранению причин неудовлетворительного исполнения. Среди вспомогательных процессов управления отметим: управление рисками — реагирование на события и изменение рисков в процессе исполнения проекта; управление контрактами — координация работы (суб)подрядчиков, корректировка контрактов, разрешение конфликтов. Завершение проекта сопровождается следующими процессами: закрытие контрактов — завершение и закрытие контрактов, включая разрешение всех возникших споров; административное завершение — подготовка, сбор и распределение информации, необходимой для формального завершения проекта.

Список литературы:

1. Либерзон В. И. Основы управления проектами. – М.: Нефтяник, 1997.
2. Процессы управления проектами. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iteam.ru>

*Morozova Natalay Ivanovna,
doctor of Economics, Professor, head,
the Department of Economics of the Volgograd branch
of Russian economic University. G. V. Plekhanov
E-mail: miss.natalay2012@yandex.ru*

Assessment of the impact of the economic crisis and sanctions on socio-demographic situation in Russia

Abstract: The article discusses the implications of the introduction of sanctions for socio-economic development of Russia. Special attention is paid to the analysis of the demographic situation, which forms the contours of the future development of any state.

Keywords: demographic situation, crisis, economic sanctions, the level and quality of life of the population.

*Морозова Наталья Ивановна,
д. э. н., профессор, зав. кафедрой экономики
Волгоградского филиала Российского
экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: miss.natalay2012@yandex.ru*

Оценка влияния экономического кризиса и санкций на социально-демографическую ситуацию в России

Аннотация: В статье рассматриваются последствия введения санкции для социально-экономического развития России. Особое внимание уделяется анализу демографической ситуации, которая формирует контуры будущего развития любого государства.

Ключевые слова: демографическая ситуация, кризис, экономические санкции, уровень и качество жизни населения.

Центральной тенденцией социально-экономического и политического развития России в последний год стало взаимное наложение нескольких кризисов, в том числе введение отраслевых санкций, падение цен на нефть, валютный кризис, сокращение численности населения в трудоспособном возрасте и пр. Взаимное влияние указанных трендов негативно сказывается на различных сферах жизни российского общества, особенно на социальной.

Однако, несмотря на складывающуюся ситуацию, государство не должно отказываться от того бремени обязательств (прежде всего, социально-экономического характера), которое оно взяло на себя по отношению к своим гражданам. Конечно, кризис и экономические санкции создают экстремальную ситуацию с труднопрогнозируемыми последствиями. Но, если кризис носит объективный характер, выступая одной из фаз экономического цикла, то экономические санкции — временный спонтанный характер. Природа возникновения кризиса, его причины и формы проявления уже на протяжении столетий исследуются известными учеными для того, чтобы своевременно

принять соответствующие антикризисные меры и, если избежать кризиса невозможно, то хотя бы сгладить его последствия. В то время как экономические санкции являются результатом острых противоречий в политической сфере, сложившихся в настоящее время, и затрагивающих интересы различных национальных государств и правящих элит. Внезапность их возникновения и неопределенность временной протяженности формируют определенную систему вызовов для проверки на прочность российского государства и всех сфер публичного управления.

Особую актуальность в настоящее время приобретает вопрос оценки влияния экономического кризиса и санкций на социально-демографическую ситуацию, которая формирует контуры будущего развития любого государства. Не случайно, индекс продолжительности жизни является одним из главных показателей при расчете индекса человеческого развития (далее — ИЧР), разработанного экспертами Программы развития ООН, широко используемого для межстрановых сравнений, поскольку обеспечение условий, позволяющих каждому человеку жить долгой,

здоровой и творческой жизнью, выступает основной задачей любого государства. Это может показаться простой истиной. Но о ней нельзя забывать. Такая норма отношения к человеку должна восприниматься не как декларация, а как основа для построения социально ориентированного общества. Именно индекс продолжительности жизни, наряду с индексом образования, оказывает существенное влияние на значение показателя ИЧР, так как в отличие от дохода, они учитываются без дисконтирования. И, если индекс образования в России, несмотря на потрясения, связанные с трансформационными изменениями и периодически повторяющимися кризисами, продолжает оставаться довольно высоким, то ситуация в демографической сфере сохраняет свою остроту и актуальность.

Для улучшения демографической ситуации органы государственной власти вот уже на протяжении длительного периода времени разрабатывают и реализовывают программные документы — Концепцию демографической политики РФ до 2025 г., Национальный проект «Здоровье», проект «Родовые сертификаты», Федеральный закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и т. д., результатом которых стали положительные изменения в демографической сфере. Так, в 2009 г. впервые с 1994 г. наблюдался общий прирост численности жителей России (10,5 тыс. чел.) на 0,01 % [1], выросла ожидаемая продолжительность жизни при рождении — у мужчин на 2,4 года, а у женщин — на 1,4 года [2]. Конечно, наметившаяся положительная тенденция еще очень слаба и неустойчива. Да, наверно, и невозможно сразу решить все проблемы, накопившиеся в демографической сфере. И необходимо понимать, что эффект от принимаемых решений в данной сфере, какие бы хорошие они не были, имеет определенный временной лаг.

Конечно, экономические санкции и кризис выступают дополнительным фактором, усугубляющим ситуацию в России в демографической сфере, так как ведут к дестабилизации политической и экономической ситуации. В результате отдельные граждане могут отложить принятие решения о создании семьи, рождении ребенка на отдаленную перспективу в надежде на улучшение ситуации.

Для нивелирования негативных последствий кризиса необходима продуманная и взвешенная политика государства с акцентом на всестороннее развитие человека и сохранение его конституционных прав на получение всего комплекса социальных услуг, несмотря на кризис и экономические санкции.

При разработке и реализации системы антикризисного управления на уровне государства не должна корректироваться миссия публичного управления, в качестве которой выступает обеспечение населения общественными услугами, гарантируемыми Конституцией РФ. Конечно, реализация социальных и экономических проектов за счет бюджетных средств в условиях кризиса увеличит нагрузку на бюджет. Но такая политика необходима, чтобы

в долгосрочной перспективе нивелировать все страхи и опасения граждан, сохранить так необходимый в условиях кризиса гражданский мир [См. подробнее: 3; 4].

Корректировка должна проводиться только в отношении стратегических приоритетов, которые определяют направления и очередность преобразований для сохранения устойчивости государства в условиях экономического кризиса и санкций. Среди них: развитие собственного производства, акцент на импортозамещение, инвестиции и целенаправленное технологическое перевооружение предприятий, диверсификация экономики, устранение структурных и территориальных дисбалансов, переход на инновационный путь развития экономики. Однако отмена экономических санкций не должна повлиять на выбранную стратегию развития и положение местных товаропроизводителей, по отношению к которым и после отмены экономических санкций необходимо проводить политику, сочетающую в себе внешнеэкономическую либерализацию с разумной долей «воспитательного», по Ф. Листу, протекционизма.

Эффективная антикризисная политика в долгосрочном периоде способна привести к увеличению количества предприятий и рабочих мест, росту уровня дохода и качества жизни населения, повышению доходной части бюджета и укреплению экономической устойчивости государства, и, как следствие, выполнение государством своих социальных обязательств. В результате среднестатистический человек имеет стабильную работу и возможность ее сохранить на длительный период времени, даже в условиях кризиса, постоянный и достойный уровень дохода, нормальные жилищные условия и другие факторы. Это, в конечном счете, восстанавливает утраченную человеком уверенность в завтрашнем дне. И его естественному желанию реализовать социальные роли «мужа — жены», «матери — отца» ничего не препятствует.

В тоже время необходимо заметить, что не всегда рост благосостояния населения положительно сказывается на демографической ситуации. Страны с высоким уровнем человеческого развития, также как и Россия, столкнулись с проблемами сокращения рождаемости и старения населения. Кроме того, в истории есть немало примеров, когда рост уровня жизни населения приводил к деградации населения, падению нравов и уничтожению общества или его определенной части.

Таким образом, состояние экономической сферы оказывает влияние на демографическую ситуацию, но данный фактор нельзя рассматривать в качестве единственного и решающего.

Помимо экономических условий, определенную роль в формировании брачных стратегий и демографической ситуации в целом играет образ жизни, определяющий типичные особенности поведения и мышления человека, который исторически формируется под воздействием различных внутренних и внешних факторов. Современной особенностью стало стремление людей к накоплению

материальных благ, фетишизация денег. На второй план отступают естественные потребности в продолжение рода, духовные ценности, моральные устои. Массовыми явлениями становятся отказ от вступления в законный брак и его замена совместным проживанием, увеличение количества разводов, снижение роли ребенка в системе жизненных ценностей человека, сокращение желанного и ожидаемого количества детей. Все это негативно сказывается на демографической ситуации. Поэтому сегодня в России необходимо возродить такие ценности, как институт семьи, преемственность поколений,

дружба. Ведущую роль в этом процессе должны играть средства массовой информации и государство. Это позволит сберечь уникальность, которая была свойственна российскому менталитету, и усилить наметившуюся положительную динамику в демографической сфере.

Таким образом, экономический кризис и санкции при грамотной государственной политике могут превратиться из некоего негативного явления, в механизм обновления и адаптации системы к новым условиям. Они высвечивают те проблемы, которые накопились в обществе и которые требуют незамедлительного вмешательства.

Список литературы:

1. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации (аналитический материал). // [Электронный ресурс]. – Федеральная служба статистики. – Режим доступа: <http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography>
2. National Human Development Report in the Russian Federation 2010 “Millennium Development Goals in Russia: Looking into the Future”. – М., 2010. – Р. 73.
3. Морозова Н. И. Качество жизни населения как необходимый критерий оценки общенациональной и территориальной системы планирования. // Век качества. – 2011. – № 4. – С. 21–25.
4. Морозова Н. И. Влияние финансовых взаимоотношений бюджетов различных уровней на качество жизни населения. // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. – № 3. – С. 131–134.

*Pogoreltseva Yulia Anatolievna,
Hauptgeschäftsführer, ООО “Russkaya Logisticheskaya Kompania”,
ООО “RLK” (Russische Logistikunternehmen GmbH)
E-mail: info@rlc.su; SunnyJ@mail.ru*

Die Bewertung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität, KPI

Abstrakt: Artikel enthält eine umfassende Methodik, eine vergleichende Bewertung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität des Unternehmens.

Stichwörter: Gütekoeffizient, umfassende vergleichende Beurteilung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität.

Die Qualität ist die Gesamtheit der Eigenschaften der Produktion, die ihre Brauchbarkeit zu befriedigen bestimmte Bedürfnisse entsprechend ihrer Bestimmung bedingen (GOST-Standard (staatlicher Standard der UdSSR) 15467–79) [1].

Im Standard GOST Russlands ISO 9000–2005: «Die Qualität ist eine Stufe der Übereinstimmung der Gesamtheit der eigenen Charakteristiken den Forderungen».

Die Qualität stellt die Eigenschaft dar, die Bedürfnisse des konkreten Konsumenten zu befriedigen. Jedoch meint die Qualität nicht nur das Produkt, sondern auch das Objekt der Qualität, von dem sein kann: die Tätigkeit oder der Prozess; das Güter (der materielle und immaterielle Charakter); das Unternehmen oder die Einzelperson. Die Eigenschaft des Objektes kann von der Gesamtheit seiner Charakteristiken in diesem Fall vorgestellt sein. In diesem Zusammenhang gibt der Internationale Standard ISO 8420 die folgende Bestimmung der Qualität: «die Qualität ist eine Gesamtheit der Charakteristiken des Objektes, die sich zu seiner Fähigkeit zu befriedigen die bestimmten und vermuteten Bedürfnisse verhalten» [2, 3].

Die Gesamtheit der Eigenschaften der Waren und der Dienstleistungen, die mit den qualitativen und wertmäßigen Parametern charakterisiert wird, stellt die grundlegenden Elemente im System der Faktoren der Wettbewerbsfähigkeit der Waren und der Dienstleistungen dar.

Für die Bestimmung der qualitativen Charakteristiken des konkreten Objektes, die gewährleistend seine Wettbewerbsvorteile und die Effektivität der Organisation des ganzen Geschäftsprozesses oder die das Business abgesondert genommenen Einheiten oder die Technologien charakterisieren, wir bieten die eigene umfassende vergleichende Beurteilung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität an.

Wir übernehmen die Bedingung, dass der **Gütekoeffizient** die Summen der Waagebedeutungen der Kennziffern, die die Qualitäten der Waren charakterisieren, der Dienstleistungen darstellt. Wir verwenden die Experteneinschätzungen (die Methoden der Gruppenexpertise). Dann Gütekoeffizient K_k — der Gütekoeffizient — $\sum A_{qi}$.

Die umfassende vergleichende Beurteilung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität anhand vom

Beispiel der ООО «RLK»

ООО «RLK» (Russische Logistikunternehmen GmbH), Pogoreltseva Yu. A. entwickelt und führt die eigene Methodologie der umfassenden vergleichenden Beurteilung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität [3, 27].

Die umfassende vergleichende Beurteilung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität, lässt zu, das System der Kennziffern der Wettbewerbsfähigkeit und der Effektivität zu rechtfertigen, das System der Kennziffern in Form von der Matrix vorzustellen, sowie, den Kontrollwert für jede Kennziffer zu bestimmen.

1. Die Begründung des Systems der Kennziffern der Effektivität (KPI, — Key Performance Indicators); die Vorstellung des Systems der Kennziffern in Form von der Matrix

Das System der Kennziffern, die für die umfassende Beurteilung empfohlen werden, hat verschiedene Wichtigkeit in der Einschätzung der Effektivität, der Einschätzung der führenden Kriterien, der Kennziffern KPI.

Die Begründung des Systems der Kennziffern, die die Gesamtheit der Schlüsselkennziffern KPI der ООО „RLK“ wie einen Businesspartner charakterisieren, wird in Form von der Matrix KPI, wo $kpi = 1, 2, \dots, N$ — die Nummer der Kennziffern der qualitativen Charakteristiken, (bewertet in die Übereinstimmung mit der Einführung des Programms KPI) vorgestellt. Es ist die Vorstellung des Systems der Kennziffern, die für die umfassende Beurteilung empfohlen werden, in Form von der Tabelle zweckmäßig.

2. Die Bestimmung des Kontrollwerts für jede Kennziffer

Für die Bestimmung der vergleichenden Beurteilung der Übereinstimmung mit den qualitativen und quantitativen Charakteristiken, die ins System der Schlüsselkennziffern der Qualität aufgenommen sind, der Konkurrenzfähigkeit und der Effektivität KPI, wird die Bedeutung der Charakteristiken — die Norm festgestellt (die Norm ist eine Gesamtheit der Charakteristiken, die nach jeder Kennziffer die beste Bedeutung haben). Es werden die Experteneinschätzungen verwendet.

2.1. Die Bestimmung der Koeffizienten der vergleichenden Bedeutsamkeit für die Hauptkennziffern, die die Wettbewerbsfähigkeiten und die Effektivität charakterisieren. Für die Einschätzung der Wichtigkeit der Kennziffern und ihrer Gruppen werden die Koeffizienten der vergleichenden Bedeutsamkeit (A_{pq}) verwendet.

Jeder Gruppe der Kennziffern wird der Koeffizient der vergleichenden Bedeutsamkeit der Gruppe — A_p verliehen. Jeder Kennziffer innerhalb der Gruppe wird der Koeffizient der Bedeutsamkeit — A_q verliehen. Die Kennziffer (der Koeffizient) der vergleichenden Bedeutsamkeit erklärt sich vom Produkt der privaten Koeffizienten der vergleichenden Bedeutsamkeit $A_{pq} = A_p * A_q$. Der Koeffizient der vergleichenden Bedeutsamkeit erklärt sich mit Hilfe der Experteneinschätzungen.

2.2. Die Berechnung der Indexe der Übereinstimmung der Kennziffern den Kontrollwerten. Nach jeder Kennziffer erklärt sich seine Bedeutung für die Norm L_{Norm} — die Gesamtheit mit Q1 und Q2 von den Qualitäten und den Charakteristiken.

3. Die Bestimmung des Koeffizienten der vergleichenden Effektivität

Es werden die entsprechenden Kennziffern gerechnet:

$$J_{kif} = \frac{a_{pqi}}{Norm.}, \quad (1)$$

wobei: a_{pqi} — ist die Bedeutung der Charakteristik, und $Norm$ — ist ihr Kontrollwert.

Für die Bestimmung der Qualität, des konkreten Parameters (ist wie zur Einschätzung der konkreten Charakteristik, der Organisation des Geschäftsprozesses, der Technologie, als auch zur Persönlichkeit der Fachkraft — der Versuchsperson anwendbar) wird die Übereinstimmungen der Bedeutung der Charakteristik a_{pqi} zur übernommenen Kontrollwerte — die Bestimmung der **Kennziffer der Qualität** abgerechnet. Dieses kann man für die ganze Organisation der ООО „RLK“ insgesamt erzeugen:

$$L_B = \sum_{p,q,i} (J_{pqi}) A_{pq}, \quad (2)$$

wobei: L_B — ist die Kennziffer der vergleichenden Bedeutsamkeit der Effektivität der Tätigkeit der ООО «RLK» wie eines Partners in der Organisation des Business, — die Kennziffer der Effektivität der Tätigkeit der professionell-bedeutsamen Charakteristiken; J_{pqi} — die Kennziffer $p * q$ der Qualität der I. Versuchsperson; A_{pq} — des Gewichts der entsprechenden Qualitäten.

4. Die Verwirklichung der umfassenden Beurteilung der Effektivität, der Qualität und der Wettbewerbsfähigkeit

Die umfassenden Beurteilung der Effektivität verwirklicht sich mittels der entsprechenden vergleichenden Analyse:

1. *Es wird die Vergleichung der Kennziffer L_B mit dem Kontrollwert der Charakteristiken erzeugt:* wenn $L_B > L_{Norm}$, meinen wir, dass das Unternehmen über die hohe Wettbewerbsfähigkeit verfügt, befriedigt den aufgegebenen Forderungen, die dem Gebiet und dem Niveau der Lösung der professionellen und Führungsaufgaben vorgelegt werden; wenn $L_B < L_{Norm}$, sind die qualitativen Charakteristiken, die Wettbewerbsfähigkeit der Dienstleistungen und der Organisation insgesamt, und (oder) die Aktivität und die Effektivität der abgesondert genommenen Verwaltungstechnologie annehmbar niedriger ist; $L_B = L_{Norm}$ — die Kennziffern der Wettbewerbsfähigkeit und der Qualität, befinden sich die Aktivität und die Effektivität der Verwaltungstechnologie in den Rahmen der normalen Bedeutungen;

2. *Im Ideal — mit der Integralkennziffer anderer Organisationen* (des führenden Bestellers, der Unternehmen des Zweiges). Die Rangordnung der Kennziffern zur Abnahme lässt zu, die Schlussfolgerung über die Effektivität der Verwaltungs- und Logistikprozesse, der Anwendung des Programms KPI zu ziehen;

3. Mit der Kennziffer der vergleichenden Bewertung der Effektivität für die vorigen Perioden der Zeit.

Die Methodologie der komplexen vergleichenden Bewertung lässt zu, wie die Effektivität der Tätigkeit der OOO „RLK“ insgesamt, als auch wie die Wettbewerbsfähigkeit der Organisation zu bewerten; lässt zu die folgenden Grenzen des Verhältnisses der Integralkennziffer an den Tag zu bringen: wenn $L_B \geq 0,8 * L_{Norm}$, so kann man meinen, dass die

OOO „RLK“, wie der Kunde — der Partner von allen notwendigen Anforderungen des erfolgreichen Geschäftspartners entspricht; die verwendete Technologie ist wirksam; wenn $L_B \leq 0,6 * L_{Norm}$, so ist die Aktivität und die Effektivität als die annehmbare, wünschenswerte Bedeutung niedriger; $0,8 * L_{Norm} > L_B > 0,6 * L_{Norm}$, so befindet sich die Kennziffern der Wettbewerbsfähigkeit, die Effektivität in den Rahmen der normalen Bedeutungen.

Referenz:

1. GOST 15467–79 Qualitätsmanagement. Die Hauptbegriffe. Die Fachausdrücke und die Bestimmungen. – Verlag der Standards, 1979.
2. Internationale Standards. «Qualitätsmanagement». ISO 9000–9004, ISO 8402. – M.: Verlag der Standards, 1988.
3. Pogoreltseva Yu. A. Über die Bewertung der Schlüsselkennziffern der Effektivität // Jugend, Bildung und Wissenschaft 21 Jahrhunderte: die Materialien der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz der Studenten und der Aspiranten, gewidmete des Gedächtnisses des verdienten Wissenschaftlers der Russischen Föderation Professors V. S. Sominskiy (28. April 2015) / Herausgegeben vom Professor T. R. Tereshkinots; SPbGTURP (Sankt Petersburger staatliche technologische Universität der Pflanzenpolymere). – Sankt Petersburg, 2015. – Ausgabe 12.

Pogoreltseva Yulia Anatolievna,
Hauptgeschäftsführer, OOO „Russkaya Logisticheskaya Kompania“,
OOO „RLK“ (Russische Logistikunternehmen GmbH)
E-mail: info@rlc.su; SunnyJ@mail.ru

Die Methodik zur Bewertung der Effektivität KEY PERFORMANCE INDICATORS, KPI

Abstrakt: In dem Artikel angeboten Verfasser Methodik für die Beurteilung der Wirksamkeit der finanziellen und wirtschaftlichen Aktivitäten der Unternehmen, ihren Tochtergesellschaften, der einzelnen Technologien, Geschäftsprozesse und die Bildung von (Entwicklungs-) professionellen Kompetenzen, KPI Beispiel Methoden und Programme KPI des Transportunternehmens („RUSSISCHE LOGISTIKUNTERNEHMEN“).

Keywords: KPI, Effektivität, Programm KPI, Methodik zur Bewertung der Effektivität, Scorecard, Modell der Schlüsselkennziffern KPI.

KPI — ist die Abkürzung der englischen Wortverbindung (**Key Performance Indicators**).

Für den Fachausdruck “key performance indicators (KPI)” wird die russische Übersetzung «ключевые показатели эффективности (Schlüsselkennziffern der Effektivität)» oft verwendet [1]. Der Standard ISO 9000:2008 teilt das Wort “performance” auf zwei Termini: die Produktivität und die Effektivität. Nach dem Standard, die Produktivität ist eine Stufe der Errungenschaft der eingeplanten Ergebnisse (die Fähigkeit der Gesellschaft, auf das Ergebnis zu orientieren), und die Effektivität ist ein Verhältnis zwischen den erreichten Ergebnissen und den aufgewendeten Ressourcen (die Fähigkeit der Gesellschaft zur Realisierung der Ziele und der Pläne mit dem aufgegebenen qualitativen Niveau, das von bestimmten Forderungen geäußert ist — die Zeit, die Aufwände, der Stufe der Errungenschaft des Ziels). Das Wort „performance“ vereinigt in sich sowohl die Produktivität, als auch die Effektivität. Sich darauf stützend, dass das Ergebnis der Tätigkeit sowohl die Stufe der Errungenschaft beinhaltet, als auch die Kosten für das Erhalten des Ergebnisses, die

richtigste Übersetzung des Terminus KPI «Schlüsselkennziffer des Ergebnisses der Tätigkeit» wird [1].

Die Schlüsselkennziffern der Effektivität sind ein Teil des Systems der ausgeglichenen Kennziffern (Balanced Scorecard), in der die Ursache-Wirkungs-Zusammenhänge zwischen den Zielen und den Kennziffern festgestellt werden, um die Gesetzmäßigkeiten und die gegenseitigen Faktoren des Einflusses im Business — die Abhängigkeit ein Kennziffern (die Ergebnisse der Tätigkeit) von anderen zu sehen.

KPI ist das System der Bewertung, das der Organisation hilft, die Errungenschaft der strategischen und taktischen (operativen) Ziele, das Instrument der Analyse der Effektivität einer bestimmten Tätigkeit, sowie das Niveau der Errungenschaft der gestellten Ziele zu bestimmen.

Für die Analyse der Bestimmung der Schlüsselkennziffern KPI, der Entwicklung des Programms KPI, der Bestimmung der Effektivität der Technologien, des Parameters, kann man die nächste **Methodologie der Bewertung** anbieten, die die konsequente Lösung des Komplexes der Aufgaben (Etappen), bildend ihre Grundlage (siehe Tabelle 1), aufnimmt.

Die vorliegende Methodologie der Bewertung ist des **Programms KPI**, entwickelt und approbiert auf Grund vom Forschungszentrum der OOO "RLK" (der Gesellschaft mit beschränkter Haftung «Russische Logistikunternehmen», entwickelt von Leiter Pogoreltseva Yu. A.), zugrunde gelegt und ist eine wissenschaftliche Basis des eigenen Softwareproduktes **"Kennziffern der Effektivität der Tätigkeit des Kraftverkehrsunternehmens und seiner Arbeiter (KPI)"**.

Die methodologischen Hauptaspekte der Bildung des Programms der Analyse der Effektivität der Tätigkeit, der

Schlüsselkennziffern der Effektivität (KPI) untersuchend, stützen wir uns auf die Striche der Methodologie, — die Methodologie der Bestimmung der Schlüsselkennziffern der Effektivität KPI: soll sich in den Kern der Konzeption der Bestimmung der Schlüsselkennziffern KPI auf allen Niveaus der Verwaltung (der Logistikkette) einreihen, die Wesensverkörperung des Begriffes in der realen Praxis vorzusehen; bildet das Instrumentarium der Erhöhung der Produktivität der Verwaltung der Organisation wie des Steuerungs- und gesteuerten Systems, der professionellen Entwicklung der Fachkräfte aller Niveaus und der Glieder.

Tabelle 1. – Methodologie der Bewertung der Effektivität KPI

Aufgabe/Etappe	Inhalt/Charakteristik der Aufgabe/Etappe
1. Der sozial-ökonomische Effekt der Technologie	1.1. Die Vorstellung des untersuchten Prozesses wie die Modelle. 1.2. Die Vorstellung des Effektes der Technologie (der Methodik)/die Programme wie die Summen der es bildenden Effekte: sozial-ökonomisch, sozial und ökonomisch. 1.3. Die Bestimmung der Struktur der Kosten für die Anwendung der Technologie (der Methodik)/Programm. 1.4. Die Aufspürung der Faktoren, die die Effektivität des Prozesses der Entwicklung und der Realisierung des Programms KPI beeinflussen.
2. Analyse der Effektivität der Lösung in Bezug auf die Technologie (die Methodik) KPI	2.1. Die Bestimmung des Systems der Schlüsselkennziffern KPI entsprechend der verwendeten Technologie/Programms. 2.2. Der Vergleich der ungleichartigen Charakteristiken; die Anführung der ungleichartigen Charakteristiken zur normierten Art. 2.3. Die Anwendung der methodologischen Grundlagen der Beschlussfassung.
3. Umfassende vergleichende Bewertung der Effektivität (KPI), Technologien (Methodiken) der Vervollkommnung der Verwaltung und der Entwicklung der Fachkräfte	3.1. Die Begründung des Systems der Kennziffern der Effektivität KPI; die Vorstellung des Systems der Kennziffern in Form von der Matrix. 3.2. Die Bestimmung des Kontrollwerts für jede Kennziffer. 3.3. Die Bestimmung der Koeffizienten der vergleichenden Bedeutsamkeit für die Hauptkennziffern, die die Effektivität der Tätigkeit wie die abgesondert genommene Fachkraft, als auch der ganzen Organisation insgesamt, charakterisieren, sowie der Technologie/Programms. 3.4. Die Berechnung der Indexe der Übereinstimmung der Kennziffern den Kontrollwerten. 3.5. Die Bestimmung des Koeffizienten der vergleichbaren Effektivität. 3.6. Die Verwirklichung der komplexen Bewertung der Effektivität mittels der vergleichenden Analyse.

Der Prozess der Entwicklung des Programms KPI kann entsprechend der sozialen Bestellung der Teilnehmer der Logistikkette **wie ein System und auch als ein multifaktorielle Modell betrachtet sein**.

1. Die Matrix. Wir werden den Prozess der Entwicklung und der Realisierung des Programms KPI wie ein multifaktorielle Modell, das die verschiedenevariable Komponenten einschließt, verbunden untereinander nach der Horizontala-

le (die Elemente der Komponente in der Dynamik und der Entwicklung) und nach der Vertikale (die Beiordnung, der hierarchische Aufbau der Elemente) vorstellen. Man kann die Technik "der technologischen Matrix" (das Prinzip des Gerpott Modells [2, 3]) verwenden, — jedem Paar Bedeutungen der Kennziffern "die technologische Attraktivität — das Ressourcenpotential" ist eine bestimmte Markt- und Finanzstrategie (Bild 1) gegenübergestellt.

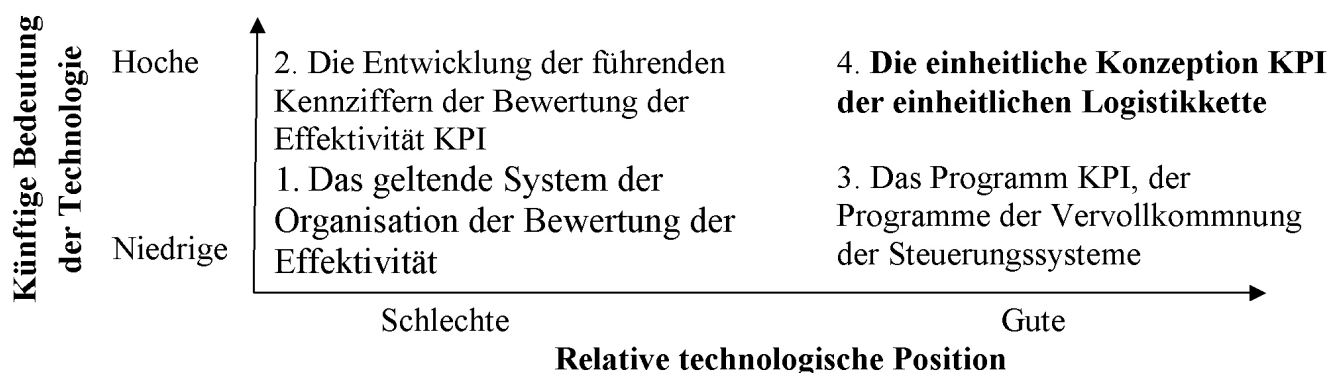

Bild 1. Die Matrix für die Bestimmung der technologischen Position

Bei der hohen Attraktivität der neuen Technologie wird die Auswahl des mehr ressourcenintensiven Projektes, das die Vervollkommenheit der Verwaltung aller Glieder der Logistikkette fordert, der **Bildung der einheitlichen Konzeption und der Entwicklung des einheitlichen behaupteten Systems der Kennziffern der Effektivität KPI** angenommen. Mit der guten technologischen Position verbindet sich die intensivere Politik, die wie die einheitliche Konzeption vorgestellt ist, fordernde der großen Einbeziehung der Ressourcen in den einheitlichen Prozess der Verwaltung der Lieferketten.

2. Der Modifizierungsrhombus. Man kann theoretisch rechtfertigt die Anwendung des Herangehens, das von Pearson, Brokhof und Bemer angeboten ist (1993: Modell der Bewertung verschiedener Möglichkeiten der Unterbringung der Zentren der Forschungs- und Entwicklungsarbeiten) halten [4]. Für unseren Fall kann dieses Herangehen in Bezug

auf die inneren Komponenten der Unterbringung und der Realisierung der Technologie — des Programms KPI, der Vervollkommenheit der Verwaltung — verwendet sein. Die Bänder, das Modell werden wir in Form vom Rhombus vorstellen.

Das Modell kann, modifiziert sein um verschiedene Komponenten des methodischen Instrumentariums zu bewerten:

1) unter «den Faktoren der Produktion» können die Personalkapazität gewählt sein, da die Qualifikation der Organisatoren der Projektierung und der Realisierung des Projektes in der Sphäre der wissenschaftlichen Forschungsarbeit die entscheidende Rolle spielt;

2) «die unterstützenden Technologien» — wird vorhanden im Arsenal des Steuersystems von den Logistikketten wesentlich unterstützt;

3) «die Nachfrage» — ist bedeutend, da sie den Typ der Ausrichtung der Zentren der Forschungstätigkeit KPI bestimmt (Bild 2).

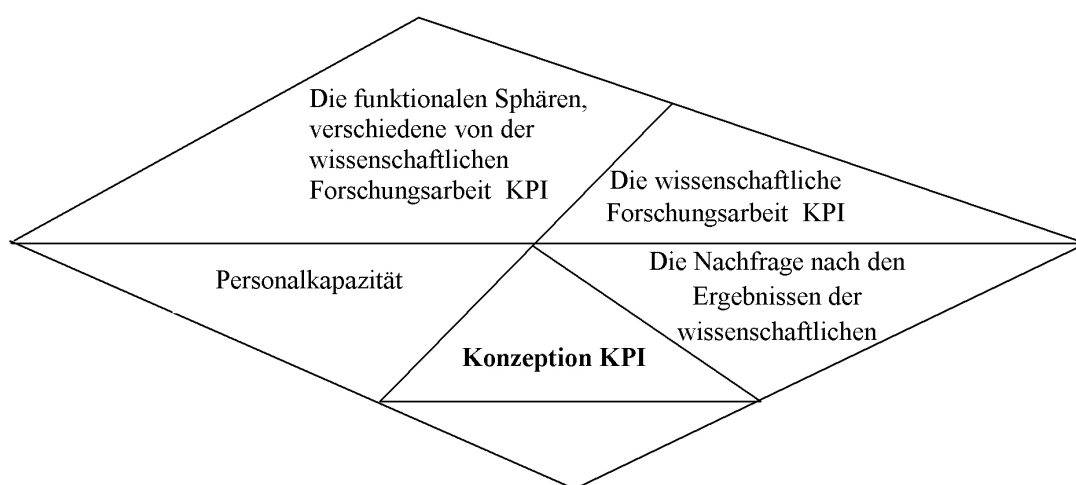

Bild 2. Der Modifizierungsrhombus der Faktoren, die die Realisierung der Methodik der Bestimmung der Schlüsselkennziffern beeinflussen KPI

Die Kennziffern KPI können, entsprechend den führenden funktionalen Gebieten und den Unterabteilungen, ins System, das seinerseits wie das Modell vorgestellt ist, vereinigt sein. Das vorliegende **Modell** schließt die Kennziffern ein, die in die **3 Gruppen** konzentriert sind: **die Kennziffern des Ergebnisses, die Kennziffern des Funktionierens und die Kennziffern der Effektivität der Produktion.**

SYSTEM KEY PERFORMANCE INDICATORS, KPI

Nach den Arten können die Schlüsselkennziffern die Folgenden sein:

KPI des Ergebnisses — führen die Zahl und die Qualität des Ergebnisses — die Realisierung der Dienstleistungen vor.

KPI der Aufwände — führen die aufgewendeten Ressourcen vor.

KPI der Funktionieren — verhalten sich zu den Kennziffern der Ausführung der Geschäftsprozesse und lassen zu, zu bewerten, inwiefern der Prozess dem geforderten Algorithmus seiner Ausführung entspricht.

KPI der Produktivität — die abgeleiteten Kennziffern, die das Verhältnis des bekommenen Ergebnisses und den Zeiten auf sein Erhalten charakterisieren.

KPI der Effektivität (Kennziffern der Effektivität) ist auch die abgeleiteten Kennziffern, die das Verhältnis des bekommenen Ergebnisses zu den Aufwänden der Ressourcen charakterisieren.

Die Schlüsselkennziffern KPI können entsprechend den führenden funktionalen Gebieten und den Unterabteilungen ins System vereinigt sein. Dieses System der Kennziffern KPI wird wie das Modell vorgestellt. Das vorliegende Modell schließt die Kennziffern ein, die in die 3 Gruppen konzentriert sind.

Die erste Gruppe sind die **Kennziffern des Ergebnisses**, die die Effektivität der Arbeit des Unternehmens charakterisieren.

Die zweite Gruppe sind die **Kennziffern des Funktionierens**, die die Effektivität der Tätigkeit der funktionalen Unterabteilungen charakterisieren, der Fachkräfte, der Arbeiter der Firma.

Die dritte Gruppe der Kennziffern sind die **Kennziffern der Effektivität der Produktion der Dienstleistungen**, die charakterisierenden Besonderheiten der Organisation.

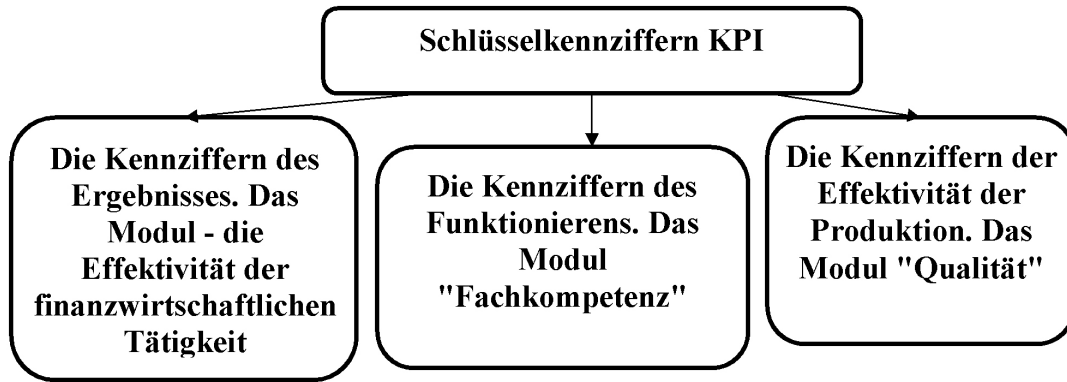

Bild 3. Modell der Schlüsselkennziffern KPI

Die Absonderung der Kennziffern, die die Aspekte der Organisation der Produktion der Dienstleistungen in die abgesonderte Gruppe charakterisieren, scheinen auf den ersten Blick nicht vollkommen korrekt, jedoch ist gerade diese Gruppe der Kennziffern am meisten bedeutsam für den wichtigsten Benutzer der vorliegenden Informationen, der das Hauptbusiness — der Besteller ist. Gerade diese Gruppe beeinflusst die Produktivität aller finanzwirtschaftlichen Tätigkeit des Unternehmens schließlich,

sich auf die Bedeutung der Kennziffern der ersten Gruppe auswirkend (die Zufriedenheit des Konsumenten der Dienstleistungen von der Qualität der Produktionsbedien-
ung bildet der Größe des Umfanges der Realisierung der Dienstleistungen).

Wir betrachten das System KPI auf dem Beispiel der Kennziffern, die für das Kraftverkehrsunternehmen ООО "Russkaya Logisticheskaya Kompania" (Russische Logistikunternehmen GmbH) entwickelt sind.

Tabelle 2. – Kennziffern KPI Modul «Die Effektivität des Kraftverkehrsunternehmens ООО «RLK»

1.KPI der Organisation der Beförderung und der Zustellung	
KPI 1	Koeffizient der technischen Bereitschaft
KPI 2	Koeffizient der Ausgabe auf die Linie
KPI 4	Dynamischer Koeffizient der Ladekapazität
KPI 5	Mittlere Entfernung der Beförderung
KPI 6	Koeffizient der extensiven Nutzung ($K_{\text{э}}$)
KPI 7	Koeffizient der intensiven Nutzung ($K_{\text{ин}}$)
KPI 8	Koeffizient der Integralbelastung ($K_{\text{ИТ}}$)
KPI 9	Koeffizient der Schichtzahl der Arbeit der Grundfonds ($K_{\text{СМ}}$)
KPI 10	Betriebsleistung des Autoparks
2. Kennziffern der Wirtschaftseffektivität der Entwicklung des Unternehmens	
KPI 11	Rückflussdauer der Kapitalinvestitionen T
KPI 12	Koeffizient der Effektivität der Kapitalinvestitionen E
KPI 13	Jährliche Einsparung von der Beschleunigung des Umsatzes der Betriebsmittel
KPI 14	Spezifische Anlagekosten bezogen auf 1 Tonne der beförderten Ladung
KPI 15	Fondsrentabilität ($R_{\text{оф}}$)
KPI 16	Reserven der Größe der Fondsrentabilität ($P \uparrow R_{\text{оф}}$)
KPI 17	Reserve der Senkung des Materialaufwands ($P \uparrow M_3$)
3. Kennziffern der Analyse der finanzwirtschaftlichen Tätigkeit	
KPI 18	Stabilitätsfaktor des Wirtschaftswachstums (K_{yp})
KPI 19	Kennziffer der Wirtschaftseffektivität
KPI 20	Rentabilität der reinen Aktiva
KPI 21	Rentabilität des eigenen Kapitals
KPI 22	Rentabilität der allgemeinen Aktiva
KPI 23	Grundfondsrentabilität ($R_{\text{оф}}$)
KPI 24	Arbeitsproduktivität

Tabelle 3. – Kennziffern KPI Modul «Die Qualität und die Wettbewerbsfähigkeit»

1. Meßbare und schwermeßbare qualitative und qualitative Kennziffern der Beförderungen der Ladungen, charakterisierend die Wettbewerbsfähigkeit	
KPI 1	Sicherheit der Arbeit des Kraftverkehrs
KPI 2	Grad der Spezialisierung des Kraftfahrzeugparks
KPI 3	Bewertung der Brauchbarkeit des Fahrzeuges
KPI 4	Störungsfreiheit, Sicherheit, Dringlichkeit
KPI 5	Geschwindigkeit und Rechtzeitigkeit der Ladungsbeförderung
KPI 6	Kennziffer der Zuverlässigkeit der Umstellung genau nach dem Zeitplan; Niveau der Beförderungen nach den Zeitplänen
KPI 7	Vollständigkeit der Erfüllung der Anforderung
KPI 8	Sicherheit der beförderten Ladungen
KPI 9	Entsprechen den Anforderungen der sanitärtechnischen Vorschriften und Normen
KPI 10	Dispatching und Logistikbegleitung
KPI 11	Zuverlässigkeit des Fahrers
KPI 12	Hohe Kultur der Bedienung
KPI 13	Originalstil und Bekleidung
KPI 14	Beachtung von den Fahrer der Instruktionen des Bestellers und der Gesellschaft
KPI 15	Erweiterungen des Paketes der gewährten Dienstleistungen
KPI 16	Normative, Wissenschaftliche Forschungsarbeit
KPI 17	Tageskilometerzahl
KPI 18	Umfang, Auslastung (Tonne, kg.)
KPI 19	Zusätzlichen Punkte
KPI 20	Zahl der «nicht abgegebenen Punkte»
KPI 21	Richtigkeit der Erledigung der Begleitunterlage
KPI 22	Senkungen der Aufwände des Autogüterverkehrs
2. Integralkennziffer der Wettbewerbsfähigkeit	
KPI 23	Koeffizient der Einträglichkeit der Kraftverkehrdienstleistung
KPI 24	Koeffizient der Art der Beförderungen
KPI 25	Koeffizient des Verhältnisses der Einkünfte und der Kosten
KPI 26	Koeffizient der Liquidität
KPI 24	Integralkennziffer der Wettbewerbsfähigkeit des Kraftverkehrunternehmens (Ko)

Auf die gleiche Weise bilden wir das Verzeichnis der Schlüsselkennziffern der Bewertung der Effektivität der Tätigkeit der führenden funktionalen Gebiete, sowie der Fachkräfte, der Arbeiter der Gesellschaft. Die Kennziffern schließen drei Unterabteilungen ein, die zusammen das Modul «Fachkompetenz» bilden.

Kennziffern des Funktionierens Modul

«Fachkompetenz»

1. Die professionell wichtigen Qualitäten, die die Persönlichkeitsbesonderheiten charakterisieren
2. Die professionell wichtigen Qualitäten, die die psychischen Prozesse charakterisieren
3. Die professionell wichtigen Qualitäten, die professionellen Kompetenzbereich charakterisieren (das Wissen, die Fähigkeiten und die Fertigkeiten)

Referenz:

1. Panov M. M. Die Bewertung der Tätigkeit und das Steuersystem der Gesellschaft auf dem Basis KPI. – M.: Infra-M, 2013. – 255 s.
2. Gerpott T. J. Globales F & E-Management: Bausteine eines Gesamtkonzepts zur Gestaltung eines weltweiten F & E-Standardsystems // Integriertes Technologie und Innovationsmanagement. – Berlin, 1991.
3. Lehrbuch für die Hochschulen – Internationale Management. / Herausgegeben von Pivovarov S. E., Tarasevich L. S., Maizel A. I. – Sankt Petersburg: Piter, 2001. – 576 s.
4. Porter M. Internationaler Wettbewerb. – M.: Internationale Beziehungen, 1993.

*Ponomarev Alexey Sergeevich,
Rostov State Economic University,
Postgraduate Student
E-mail: logistica@rambler.ru*

Types of logistics strategies in modern Russian companies and goals of their implementation

Abstract: The article describes the main types of logistics systems in the Russian context, and basic directions of their implementation in modern companies are defined. A practical comparison between the effectiveness of construction of a logistics chain and effectiveness of a company's activity was performed. The strengths and weaknesses of logistics strategies were revealed on the basis of sociological analysis; beneficial final goals were identified; a classification of Russian companies upon the principle of implementation of logistics strategies was conducted. The performed analysis of data shows that a significant number of companies realize «pure» strategies and only 33 % realize combined ones. Classifications presented in the research are of interest for the interpretation of the obtained results from the point of evaluation of the level of market orientation of modern Russian companies and role of logistics strategies realized by them in order to achieve their goals.

Keywords: adaptive logistics, management, logistics strategy, Russian companies, a strategy focused on the process, a strategy focused on the exchange of information, a strategy focused on the market, mixed strategy, coordination of logistics.

Intensive implementation of a strategic approach in the management of modern business [1] implies, particularly, a formation of a business strategy on the basis of interaction of strategies of different functional spheres of the company's activity [2]. So far, quite a big number of researches aimed at studying the optimal approaches to the development of a logistics strategy and creation of classifications of these strategies used in practical business as well as classifications of the logistics systems has been performed. Thus, foreign authors [3] carried out a comparative study of the importance of two groups of factors in the achievement of the company's commercial success: specifics of the external environment of the conduct of business [4; 5] and organization of interaction with firms-partners [6] (including those participating in the chains of supply of the goods produced by the companies). One of the modern classifications [7] implies the division of channels according to the promptness of functioning as well as ability to react to a change of expectations of companies-partners. According to another classification [8], there are four different types of channels:

- channels oriented to the effectiveness during the design of which the exclusion of non-compulsory elements and steps directed to optimization of the work of the entire system enable to reach a low level of costs;
- channels oriented to a low level of risk that reserve a part of supplied products in order to prevent the disruption of supply;
- flexibly functioning channels oriented to active reaction in case of a change of expectations of the firms-partners;
- dynamically developing channels that accumulate the strengths of three described above types of systems.

Bowersox & Daugherty [9] proposed a classification containing three main types of logistics strategies of companies-producers:

- a strategy focused on the process — «management of a standard logistics system with the purpose of costs control»;
- a strategy focused on the market — «management of the selected components of logistics system in order to create more comfortable conditions for the clients»;
- a strategy focused on the exchange of information — «management of a logistics system in order to achieve optimal level of interaction of the participants of supply chain».

The works of other authors [10; 11] describe the main expected results of realization of the selected logistics strategy:

- effectiveness of coordination of logistics;
- execution of obligations before clients;
- competitiveness of the company.

The objectives of the present research:

1. Identification of the types of logistics strategies realized by Russian companies;
2. Identification of the expected results of functioning of logistics systems in Russian companies.

Methods of research

To identify the type of a logistics strategy of the company and goals of functioning of logistics systems, questionnaires described by foreign specialists [12] (Tables 1 and 2, respectively) were used.

A five-point scale was used to evaluate the results of the questionnaire for each question (Table 3).

Table 1. – Affirmations oriented to identification of the approach to the management of logistics (content of the logistics strategy)

Identified strategy	Question formulation
Strategy focused on the process	1. The management of my company (department I work for) sets a task to achieve maximum economic efficiency of production, purchase and distribution of goods
	2. The main goal of the logistics service in my company is to reduce the costs in purchase, production and distribution of products
	3. In my company (department I work for), the logistics service reduces costs and reserves of raw material/component parts on the basis of use of technologies similar to Just-in-Time concept
Strategy focused on the market	1. The management of my company (department I work for) sets a task to achieve maximum level of indicators of operation of goods delivery system corresponding to the clients' needs
	2. The main goal of the logistics service in my company is to achieve maximum simplification (for the client) of the process of interaction with the company
	3. In my company (department I work for), the logistics service coordinates the operation of several subdivisions aimed at achieving a high level of competitiveness of the client service system
Strategy focused on the exchange of information	1. The management of my company (department I work for) gives a lot of importance to achievement of a coordinated interaction with wholesale companies, transport companies, retail organizations and other participants of the process
	2. The main goal of the logistics service in my company is to control information flows as well as stock by way of setting optimal functioning of goods distribution channels
	3. In my company (department I work for), the logistics service is predominantly oriented to the management of information exchange between the participants of goods distribution system — wholesale companies, transport companies, retail organizations

Table 2. – Affirmations oriented to identification of results of logistics strategy implementation

	Question formulation
Effectiveness of coordination of logistics	1. A need for a closer coordination of actions with suppliers, customers and other participants of the goods movement channel stimulated the formation of effective interaction between different departments in my company
	2. In my company, the planning of the logistics service operation is well-coordinated with the general process of strategic planning in the company
	3. In my company (department I work for), the operation of logistics service is well-coordinated with clients, suppliers and other participants of goods movement channel
Execution of obligations before clients	1. Elevation of effectiveness of the operation of client service system (in our company) is a result of realization of staff training programs
	2. The operation of client service system in my company/department is well-coordinated with other areas of operation of logistics service
	3. The operation of client service system in my company/department is one of the competitive advantages of my company
Competitiveness of the company	1. Compared with the competitors, our company/department reacts faster and more effectively to the change of needs of clients and suppliers
	2. Compared with the competitors, our company/department reacts faster and more effectively to the change of strategies of competitive companies
	3. Compared with the competitors, our company/department develops and promotes new products on the market faster and more effectively

Table 3. – Questionnaire results evaluation scale

1	2	3	4	5
Absolutely true	True	Partly true	False	Absolutely false

34 managers (directors) operating logistics complexes took part in the questionnaire survey. The results were processed with the help of MS Excel functions. In accordance with the proposed scale (Table 3) in the questionnaire, respondents assessed the weight of every answer for every affirmation. Answers with 1, 2 and 3 points imply the ability to implement to

this or that extent a certain logistics strategy in the company. 4 and 5 points discard the realization of the logistics strategy or a concrete result of the system's functioning.

Thus, if the mean evaluation of answers to the set questions during the identification of a concrete type of logistics strategy is below 3, one can consider that this strategy is realized

to some extent in the company, according to the respondent's opinion. Herewith, the closer the mean evaluation is to 1, the bigger the extent of the degree of the company's orientation to realization of this strategy is. If the mean evaluation is above 3, this strategy is not realized in the company. The answers of respondents to affirmations characterizing the results of logistics strategy implementation were assessed similarly.

Research results

The analysis of respondents' answers showed that all strategies are realized to this or that extent in the studied companies (there were no respondents' answers with mean evaluation above 3). In order to reveal the dominating logistics strategy in the company, comparison of obtained mean points for each type of logistics strategies was performed. In

accordance with the selected score system, the dominating strategy in the company received the lowest score. The presence of the only minimum indicated the realization of a single («pure») logistics strategy by the company. In case of several lower scores (over one), it was concluded that the company was realizing a combined logistics strategy.

Obtained results demonstrated that both, three «pure» types of logistics strategies (strategy focused on the process; strategy focused on the market; strategy focused on the exchange of information) and «combined» strategies were used in the studied companies (Table 4).

Results of processing of the questionnaire survey for the logistics service directors of the companies are presented in Table 5 and Figure 1.

Table 4. – Logistics strategies realized by the studied companies

Logistics strategies	Reference
Strategy focused on the process	PROCESS
Strategy focused on the market	MARKET
Strategy focused on the exchange of information	INFO
Combined strategies	
Strategy focused on the process + strategy focused on the market	PROCESS+MARKET
Strategy focused on the process + strategy focused on the exchange of information	PROCESS+INFO
Strategy focused on the market + strategy focused on the exchange of information	MARKET+INFO
Strategy focused on the process, market and exchange of information	PROCESS+MARKET+INFO

Table 5. – Number of companies realizing different types of logistics strategies

Logistics strategies	Reference	Number of companies
Strategy focused on the process	PROCESS	15
Strategy focused on the market	MARKET	7
Strategy focused on the exchange of information	INFO	1
Strategy focused on the process, strategy and focused on the market	PROCESS+MARKET	4
Strategy focused on the process and strategy focused on the exchange of information	PROCESS+INFO	3
Strategy focused on the market and strategy focused on the exchange of information	MARKET+INFO	3
Strategy focused on the process, market and exchange of information	PROCESS+MARKET+INFO	1

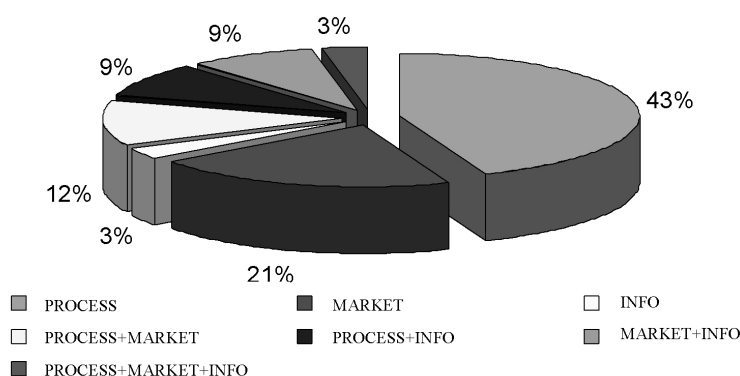

Fig.1. Percentage correlation of types of logistics strategies realized by the studied companies

The most common logistics strategy in Russian companies is the strategy focused on the process (PROCESS) applied by 43 % of the studied logistics complexes. The strategy focused on the market (MARKET) was chosen by 21 % of the studied companies and the strategy focused on the exchange of information (INFO) was applied by 3 %.

33 % of the studied companies realize combined strategies:

- strategy focused on the process and strategy focused on the market (PROCESS+MARKET) — 12 %;
- strategy focused on the process and strategy focused on the exchange of information (PROCESS+INFO) — 9 %;

– strategy focused on the market and strategy focused on the exchange of information (MARKET+INFO) — 9 %.

3 % of companies realize a combined logistics strategy focused on the process, market and exchange of information (PROCESS+MARKET+INFO) to equal extent.

It should be noted that in the companies with a combined strategy, 73 % of cases in its structure refer to the strategy focused on the process (PROCESS — Table 6),

in 73 % of cases — the strategy focused on the market and in 64 % of case — the strategy focused on the exchange of information.

The data characterizing the results of implementation of logistics strategies in the studied companies is presented in the table below (Table 7).

Processed results of the performed survey are presented in Table 8.

Table 6. – Shares of different variants of combined strategies

Combined strategies	Share, %
Strategy focused on the process and strategy focused on the market	36.36
Strategy focused on the process and strategy focused on the exchange of information	27.27
Strategy focused on the market and strategy focused on the exchange of information	27.27
Strategy focused on the process, market and exchange of information	9.10

Table 7. – Expected results of functioning of logistics systems in the studied companies

Results of implementation of logistics strategies	Reference
Effectiveness of coordination of logistics	ECL
Execution of obligations before clients	EOBC
Competitiveness of the companies	CC
Combined approaches	
Effectiveness of coordination of logistics and execution of obligations before clients	ECL + EOBC
Effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company	ECL + CC
Execution of obligations before clients and competitiveness of the company	EOBC + CC
Effectiveness of coordination of logistics, execution of obligations before clients and competitiveness of the company	ECL + EOBC + CC

Table 8. – Information about the results of implementation of logistics strategies in the studied companies

Approach to realization of a logistics strategy	Number of companies realizing the approach
Effectiveness of coordination of logistics	18
Execution of obligations before clients	1
Competitiveness of the company	7
Combined approaches	
Effectiveness of coordination of logistics and execution of obligations before clients	0
Effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company	6
Execution of obligations before clients and competitiveness of the company	0
Effectiveness of coordination of logistics, execution of obligations before clients and competitiveness of the company	2

Thus, obtained data showed that the biggest share in the studied companies refers to the achievement of effectiveness of logistics activity of the company (ECL) — 52 % (Figure 2); 21 % refers to the approach aimed at elevation of competitiveness (CC); 18 % refers to effectiveness of coordination

of logistics and elevation of competitiveness simultaneously (ECL + CC).

Tables 9 and 10 present summary results of the research indicating the number of companies realizing different types of logistics strategies and achieved outcomes.

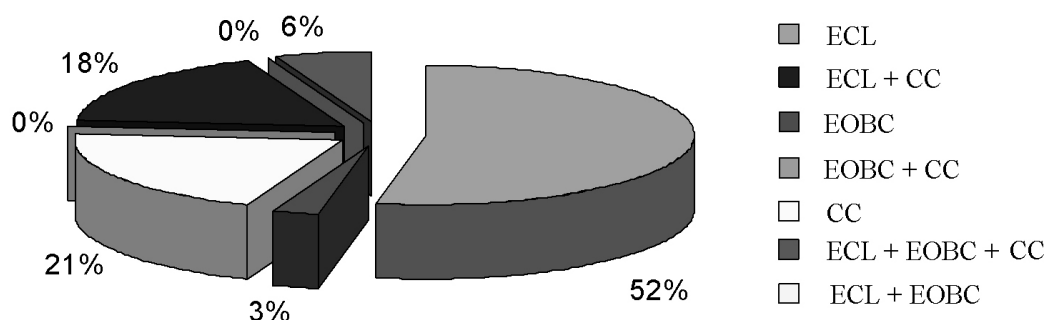

Fig. 2. Expected results of functioning of logistics systems in the studied companies

Table 9. – Types of logistics strategies and expected results of their implementation in the studied companies (absolute values)

Logistics strategy	Result of logistics strategy implementation	Number of companies implementing the approach
PROCESS	ECL	8
PROCESS	EOBC	0
PROCESS	CC	3
PROCESS	ECL + EOBC	0
PROCESS	ECL + CC	4
PROCESS	EOBC + CC	0
PROCESS	ECL + EOBC + CC	0
MARKET	ECL	3
MARKET	EOBC	0
MARKET	CC	3
MARKET	ECL + EOBC	0
MARKET	ECL + CC	1
MARKET	EOBC + CC	0
MARKET	ECL + EOBC + CC	0
INFO	ECL	1
INFO	EOBC	0
INFO	CC	0
INFO	ECL + EOBC	0
INFO	ECL + CC	0
INFO	EOBC + CC	0
INFO	ECL + EOBC + CC	0
PROCESS + MARKET	ECL	2
PROCESS + MARKET	EOBC	1
PROCESS + MARKET	CC	0
PROCESS + MARKET	ECL + EOBC	0
PROCESS + MARKET	ECL + CC	0
PROCESS + MARKET	EOBC + CC	0
PROCESS + MARKET	ECL + EOBC + CC	1
PROCESS + INFO	ECL	1
PROCESS + INFO	EOBC	0
PROCESS + INFO	CC	0
PROCESS + INFO	ECL + EOBC	0
PROCESS + INFO	ECL + CC	1
PROCESS + INFO	EOBC + CC	0
PROCESS + INFO	ECL + EOBC + CC	1
MARKET + INFO	ECL	3
MARKET + INFO	EOBC	0
MARKET + INFO	CC	0
MARKET + INFO	ECL + EOBC	0
MARKET + INFO	ECL + CC	0
MARKET + INFO	EOBC + CC	0
MARKET + INFO	ECL + EOBC + CC	0
PROCESS + MARKET + INFO	ECL	0
PROCESS + MARKET + INFO	EOBC	0
PROCESS + MARKET + INFO	CC	1
PROCESS + MARKET + INFO	ECL + EOBC	0
PROCESS + MARKET + INFO	ECL + CC	0
PROCESS + MARKET + INFO	EOBC + CC	0
PROCESS + MARKET + INFO	ECL + EOBC + CC	0

Table 10. – Types of logistics strategies and expected results of their implementation in the studied companies (relative values)

Type of a company's strategy	Strategy implementation result	Share, %
Strategy focused on the process	Effectiveness of coordination of logistics	24
Strategy focused on the process	Competitiveness of the company	9
Strategy focused on the process	Effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company	12
Strategy focused on the market	Effectiveness of coordination of logistics	9
Strategy focused on the market	Competitiveness of the company	9
Strategy focused on the market	Effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company	3
Strategy focused on the exchange of information	Effectiveness of coordination of logistics	3
Strategy focused on the process + strategy focused on the market	Effectiveness of coordination of logistics	6
Strategy focused on the process + strategy focused on the market	Execution of obligations before clients	3
Strategy focused on the process + strategy focused on the market	Effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company	3
Strategy focused on the process + strategy focused on the exchange of information	Effectiveness of coordination of logistics	3
Strategy focused on the process + strategy focused on the exchange of information	Effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company	3
Strategy focused on the process + strategy focused on the exchange of information	Effectiveness of coordination of logistics, execution of obligations before clients and competitiveness of the company	3
Strategy focused on the market + strategy oriented on the exchange of information	Effectiveness of coordination of logistics	9
Strategy focused on the process, market and exchange of information	Competitiveness of the company	3

The most common variant in the practice of the studied Russian companies is the realization of the strategy focused on the process (PROCESS) aimed at achieving the results of effectiveness of coordination of logistics (ECL) — 24 % of all studied companies (Table 10).

Out of all studied companies realizing the strategy focused on the process (PROCESS), 24 % of the companies aim at achieving the effectiveness of coordination of logistics (ECL); 12 % of the companies aim at the combine variant of strategy realization — effectiveness of coordination of logistics + competitiveness of the company (ECL + CC); 9 % of the companies aim at competitiveness of the company (CC).

Companies realizing the market strategy (MARKET), in 9 % of cases direct their activity to achieve the effectiveness of coordination of logistics (ECL); in 9 % of cases, they aim at the competitiveness of the company (CC); and in 3 % of cases they aim at the effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company simultaneously (ECL + CC).

Strategy focused on the exchange of information (INFO) is realized by 3 % of companies using the approach oriented to the effectiveness of coordination of logistics (ECL).

At implementation of the combined (focused on the process and market) strategy (PROCESS + MARKET), the expected result of functioning of logistics system «effectiveness of coordination of logistics» (ECL) is pursued by 6 % of the companies; «execution of obligations before clients»

(EOBC) is pursued by 3 %; and the approach «effectiveness of coordination of logistics» + «execution of obligations before clients» + «competitiveness of the company» (ECL + EOBC + CC) is pursued by 3 %.

Realization of another combined strategy (focused on the process and exchange of the information — PROCESS + INFO) implies the following distribution of goals of functioning of logistics systems: effectiveness of coordination of logistics (ECL) — 3 % of the companies; effectiveness of coordination of logistics + competitiveness of the company (ECL + CC) — 3 % of the companies; effectiveness of coordination of logistics + execution of obligations before clients + competitiveness of the company (ECL + EOBC + CC) — 3 % of the companies.

Realization of the combined strategy focused on the market and exchange of information (MARKET + INFO) in combination with an aim at effectiveness of coordination of logistics (ECL) takes place in 9 % of the companies.

Realization of the combined strategy focused on the process, market and exchange of information (PROCESS + MARKET + INFO) in combination with an aim at competitiveness of the company (CC) takes place in 3 % of the studied companies.

Analysis of the data presented in Table 9 showed that among possible variants of implementation of strategy focused on the process (PROCESS), the biggest share accounts for the aim of the companies at the effectiveness of coordination of logistics (ECL) (Fig. 3); among the variants of implementation

of strategy focused on the market, the aim at the effectiveness of coordination of logistics (ECL) and competitiveness of the company (CC) is presented to equal extent (43 % each) (Fig.4).

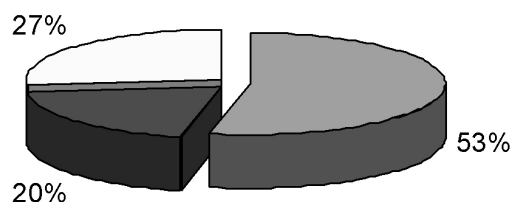

Fig. 3. Relative indicators of functioning of logistics systems in the companies implementing the strategy focused on the process

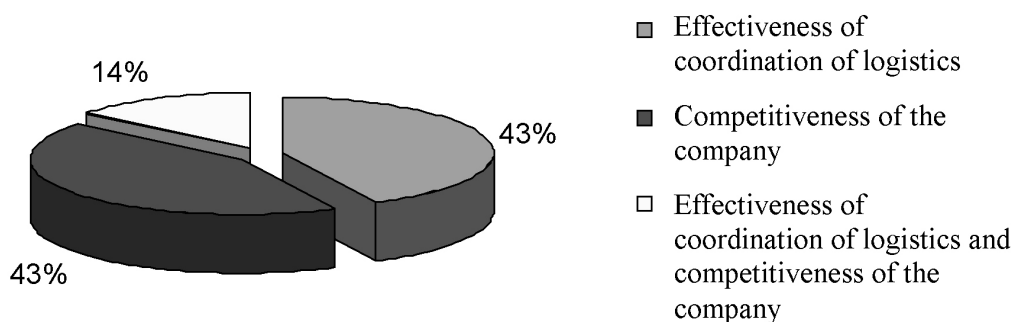

Fig. 4. Relative indicators of functioning of logistics systems in the companies implementing the strategy focused on the market

At realization of the combined strategy focused on the process and market (PROCESS + MARKET), 50 % of efforts are directed to effectiveness of coordination of logistics and 25 % each to execution of obligations before clients (EOBC) and competitiveness of the company (CC) (Fig.5).

The results of implementation of the combined strategy focused on the process and exchange of information (PROCESS +

INFO) present almost equal share of effectiveness of coordination of logistics (ECL) — 34 %, combined approach directed to effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company (ECL + CC) — 33 %, combined approach oriented to all studied goals — effectiveness of coordination of logistics, competitiveness of the company and execution of obligations before clients (ECL + EOBC + CC) — 33 % (Fig. 6).

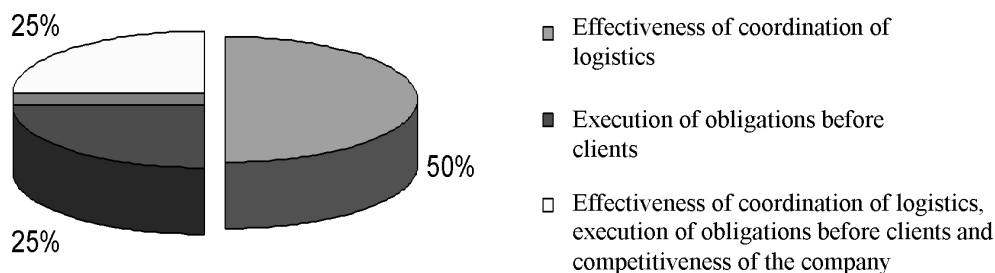

Fig. 5. Relative indicators of functioning of logistics systems in the companies implementing the strategy focused on the process and market

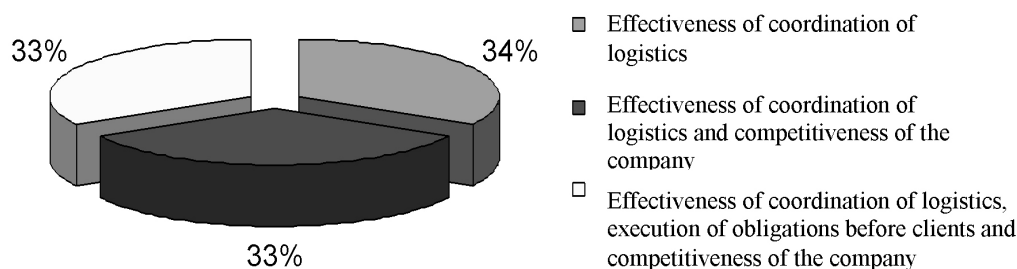

Fig. 6. Goals of functioning of logistics systems in the companies implementing the strategy focused on the process and exchange of information

The activity of the companies realizing the combined strategy focused on the market and strategy focused on the exchange of information (MARKET + INFO) is aimed at effectiveness of coordination of logistics (ECL) — 100 %. The combined strategy consisting of all three types of strategies (PROCESS + MARKET + INFO) is only oriented to competitiveness of the company (CC) — 100 %.

Other combinations of the strategy variants and their realization were absent in our observations.

The analysis of the data from Table 10 shows that 67 % of the companies implement «pure» strategies and 33 % implement combined ones. At implementation of combined

strategies, 55 % of companies direct efforts to achieve a result — elevation of the level of effectiveness of coordination of logistics (ECL) (Table 11, Fig. 7); 18 % await for the achievement of a complex result — elevation of effectiveness of coordination of logistics (ECL), competitiveness of the company (CC) and execution of obligations before clients (EOBC); a few companies, 9 % each, expect the achievement of the following results:

- increase of competitiveness of the company,
- execution of obligations before clients,
- increase of effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company.

Table 11. – Information about the results of implementation of combined strategies by companies

Results of implementation of the chosen strategy	Share, %
Effectiveness of coordination of logistics	55
Effectiveness of coordination of logistics and competitiveness of the company	9
Effectiveness of coordination of logistics, execution of obligations before clients and competitiveness of the company	18
Competitiveness of the company	9
Execution of obligations before clients	9

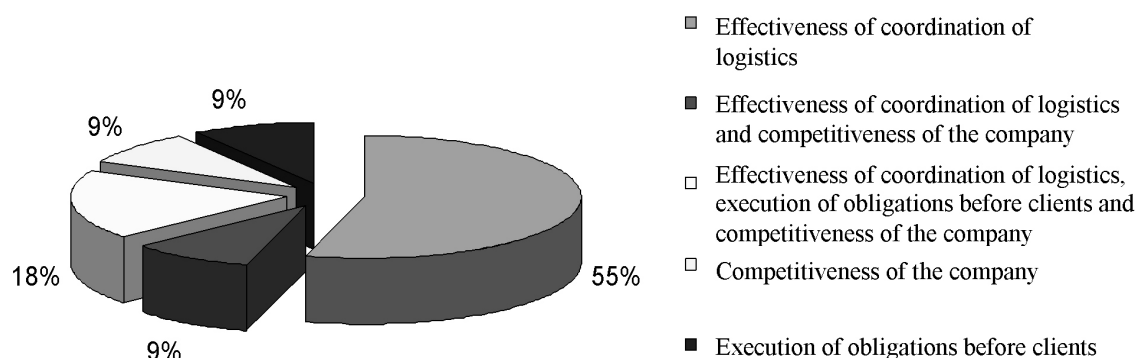

Fig. 7. Relative indicator of the results of functioning of logistics system in the companies implementing combines strategies

The results obtained in the present research can be summarized as follows:

- regardless the chosen logistics strategy, the vast majority of companies (52 %) see the effectiveness of coordination of logistics as the result of logistics strategy implementation; elevation of competitiveness of the company accounts for 21 % and 18 % show a combined result — achievement of effectiveness of coordination of logistics and increase of competitiveness;
- only 3 % of companies are oriented to execution of obligations before clients as a priority result of logistics strategy implementation;
- 6 % of all companies strive to achieve a complex result: achievement of effectiveness of coordination of logistics, elevation of competitiveness and execution of obligations before clients;
- the largest number of Russian logistics companies chooses the strategy focused on the process (43 %), i.e. «management of standard logistics system in order to control costs». Herewith, most of these companies (53 %) want to achieve a high level of effectiveness of coordination of logistics as the result

of implementation of the chosen strategy; 27 % set a priority task to achieve effectiveness of coordination of logistics and elevation of competitiveness and only 20 % of companies strive to increase the competitiveness of the company;

- 21 % of companies realize the strategy focused on the market — “management of selected components of logistics system in order to create more comfortable conditions for clients”. 43 % of these companies attempt to achieve high effectiveness of coordination of logistics, other 43 % strive for high competitiveness of the company;
- the smallest number of companies (3 %) chooses the strategy focused on the exchange of information — «management of logistics system in order to achieve optimal interaction of the participants of supply chain»; the goal of these companies is also to achieve effectiveness of coordination of logistics;
- the third part of the companies (33 %) realizes combined strategies; the result of implementation of most of them is the achievement of effectiveness of coordination of logistics (55 %).

Discussing the role of logistics in the system of management of modern companies, it is reasonable to mention the integrating importance of this function [13; 14], which should be based on the following approaches:

- integration of functioning of logistics system components;
- integration of logistics with other functional spheres of the company's activity;
- integration of interaction of the participants of the chain of supply of materials and products.

Speaking about the effectiveness of logistics, it is practical to distinguish the following analyzed components;

- effectiveness of goods delivery;
- minimization of operational costs;
- increase of the quality of logistics operations from the point of service of internal and external clients.

Some studies conducted by contemporary specialists [15; 16; 17] are dedicated to the analysis of potential of

creation of competitive advantages of the company based on the optimization of logistics system operation. When developing certain competitive advantages, mentioned researchers propose another classification of logistics strategies, which are significantly different from the ones described above:

- conceptual logistics based on preliminarily designed schemes (concepts) of realization of operations and building of interaction with functional areas of the company's activity that are not included in the logistics system;
- adaptive logistics that realizes the changes in the work of logistics system in order to increase the effectiveness of its functioning in most important areas from the point of achievement of commercial success by the company.

At the same time, all classifications presented in this study are of interest for the interpretation of results obtained by us from the point of evaluation of the degree of market orientation [18; 19; 20] of modern Russian companies and role of realized logistics strategies in achieving their goals.

References:

1. Aaker D.A. Strategic market managements./D.A. Aaker; translated from English. – SPb.: Piter, 2002. – 542 p.
2. Grant R. Contemporary strategy analysis. – SPb.: Piter, 2008. – 560 p.
3. Iyer K.N.S., Pr. Srivastava and Rawwas M.Y.A. Aligning Supply Chain Relational Strategy with the Market Environment: Implications for Operational Performance.//Journal of Marketing Theory and Practice. –vol. 22, no. 1. – winter 2014. – P. 53–72.
4. Child John. "Organizational Structure, Environment and Performance: The Role of Strategic Choice".//Sociology. – 1972. – 6 (1), 1–22.
5. Cui Anna Shaojie, Griffith David A. and Cavusgil Tamer S. "The Influence of Competitive Intensity and Market Dynamism on Knowledge Management Capabilities of Multinational Corporation Subsidiaries".//Journal of International Marketing. – 2005. –13 (3). – P. 32–53.
6. Dyer Jeffrey H. and Singh Harbir. "The Relational View: Cooperative Strategy and Sources of Interorganizational Competitive Advantage". – Academy of Management Review. – 1998. – 23 (4). – P. 660–679.
7. Christopher M. The agile supply chain – competing in volatile markets.//Industrial Marketing Management. – 2000. – 29 (1). – P. 37–44.
8. Lee H.L. "Aligning supply chain strategies with product uncertainties".//California Management Review. – 2002. – 44 (3). – P. 105–119.
9. Bowersox Donald J. and Daugherty Patricia J. "Emerging Patterns of Logistical Organization".//Journal of Business Logistics. – 1987. – Vol. 8, No. 1. – P. 46–60.
10. Kohn Jonathan W. and McGinnis Michael A. "Advanced Logistics Organization Structures: Revisited".//Journal of Business Logistics. – 1997. – Vol. 18, No. 2. – P. 147–162.
11. Darren George and Mallery Paul. SPSS for Windows Step by Step: A Simple Guide and Reference 11.0 Update, 4th ed. – Boston, MA: Pearson Education, 2003.
12. McGinnis Michael A., Kohn Jonathan W. and Spillan John E. A longitudinal study of logistics strategy: 1990–2008.//Journal of business logistics. – 2010. – Vol. 31, No. 1. – P. 217–235.
13. Bielecki Maciej. The influence of a logistically efficient product on the logistics of a manufacturing enterprise. annals of faculty engineering hunedoara.//International Journal of Engineering. – Tome XI. – 2013. – 176 Fascicule 1. – ISSN 1584–2665. – P. 175–180.
14. Coyle J.J., Bardi E.J., Langley Jr. C.J., Zarządzanie Logistyczne [orig. The anagement of Business Logistics]. – Warsaw: PWE, 2010; Krawczyk S. Zarządzanie procesami logistycznymi. – Warsaw: PWE, 2001.
15. Bielecki M. Produkt logistycznie sprawny w małych przedsiębiorstwach produkcyjnych. – Warsaw: "Gospodarka Materialowa & Logistyka" PWE, 2011. – 11/2011.
16. Bielecki M. Conditions of a logistically efficient product in the context of a small manufacturing enterprises (SME), Selected logistics problems and solutions, ed. Grzybowska K., Golinska P. – Poznan: Publishing House of Poznan University of Technology, 2011.
17. Bielecki M. Conditions of products logistically fit in small manufacturing enterprises, Logistics aspects of management in the organization, ed. Jalmuzna I., Lewandowski J., Sekieta M., A series of monographs. – Lodz: Technical University, 2011.

18. Narver J. C. & Slater S. F. The effect of a market orientation on business profitability. // Journal of Marketing. – 1990. – 54 (October), 20–35.
19. Kohli A. K., Jaworski B. J. & Kumar A. MARKOR: A measure of market orientation. // Journal of Marketing Research. – 1993. – 30 (November), 467–477.
20. Shengliang Deng, Dart Jack. Measuring Market Orientation: A Multi-factor, Multi-item Approach. // Journal of Marketing Management. – 1994. – 10, 725–742.

Pronina Nina Nikolaevna,
Ph. D. in Economics, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow
E-mail: proninann60@gmail.com

Agibalova Elena Leonidovna,
Ph. D. in Philology, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics
E-mail: elenagib@rambler.ru

Analysis of the existing model of normative per capita funding

Abstract: the article is dedicated to the improvement of funding for higher educational institutions in the Russian Federation. It reviews main factors that will influence the amount of funding for higher educational institutions next year.

Keywords: financial reform in the sphere of higher education, normative per capita funding, quality of education, human resources, standard costs, government task.

Ensuring the constitutional right to education is one of the most important duties of state policy. The solution of this problem envisages, among other things, the creation of proper mechanisms of educational institutions funding that guarantees the fulfillment of their mission. The indicated provision has been translated into law. Article 4 of the Federal law “On education in the Russian Federation” stipulates that the objective of legal regulation in the educational sphere is “the creation of legal, economic and financial conditions for proper operation and development of the educational system”.

Today educational policy is aimed at the achievement of ambitious and challenging goals. The National program of the Russian Federation entitled “The development of education” for the years 2013–2020 envisages the creation in the long run of an educational system that would meet the changing needs of economics and society, provide high-quality services in accordance with developing needs of citizens.

The program stipulates that the priority is the quality improvement of the results of education from the perspective of both the formation of core competencies necessary for personal development of citizens and the solution of general problems of the country’s modernization in socio-cultural and economic spheres.

In recent years a number of measures aimed at the development of the educational system and the quality improvement of the services it renders have been taken at the national level. A big number of such measures were connected with the improvement of funding mechanisms. The documents of the State program “The development of education” indicate

that over the last five years the level of budgetary expenditures per one student grew on the average by almost 13.5 % a year, being ahead of the inflation rate. The fastest growth rate was observed in the volumes of budgetary funding for higher education — 20.1 % a year (except 2015).

The development of effective financial and economic mechanisms is among the objectives of the national policy in the sphere of education that have been determined for the next few years. Aggregate costs for the educational sphere in relation to GDP are to increase before 2020 by more than one percentage point — from 5.4 % to 6.5 %. At the same time emphasis should be made on the development of certain financial tools. The National program highlights the importance of the following tools: funding for institutions on the basis of standards that take into account productivity of educational activity as well as the effective contract with teachers. Official documents stress the necessity of a differentiated approach to the funding for government tasks of educational institutions.

The national policy also focuses on the formation of “growth areas” by supporting leading universities designed to become accelerators of modernization of the educational system in general. The national program “The development of education” stipulates that before 2020 at least five Russian universities have to be among one hundred best world universities according to internationally recognized rankings.

The key role in the solution of the abovementioned problems is given to the Ministry of Science and Education of the Russian Federation which exercises powers and functions of the institutor in terms of educational institutions under its

jurisdiction (par. 5.5.2. Charter of the Ministry approved by the RF Governmental Decree from May 15, 2010 № 337). The Ministry of Science and Education is also responsible for the statutorization of the most important parameters that influence the volume of funding for certain educational institutions. Par. 5.5.10. of the Charter charges the Ministry with the function of determining admission quotas for the institutions of professional education under its jurisdiction in terms of citizens studying on a budgetary basis.

However, the sphere of professional education is still secluded; its quality standards are still far from the demands put forward by economic agents. Insufficient attention is paid to employers' needs of qualified staff in the educational process.

Another internal controversy is the attempt to solve two tasks simultaneously — to improve the quality of higher education and to make it more accessible. The National program mentions that a big number of school leavers with basic knowledge that is insufficient for them to master higher education become students.

Russian official documents pay attention to the problem of the development of human resources of higher schools. There are difficulties with both initial involvement of young experts into the system of higher education and the creation of incentives for long-term professional activity of teachers.

Many of the abovementioned problems are closely connected with funding for higher education. Despite the growth of absolute volumes of funding today, the level of expenses for education per one student in relation to GDP per capita in Russia is still lower than in most OECD countries. The allocated funds are distributed throughout the country very unevenly; mechanisms of their allocation and utilization are not transparent enough.

Financial restructuring of higher educational sphere in Russia is taking place amid general renovation of the national financial system. For this purpose the Budget Code of the Russian Federation has been considerably amended in recent years, a number of important regulatory documents have been approved. The essence of educational financial restructuring is optimization and improvement of the effectiveness of state expenses for higher education by launching market mechanisms: enhancement of financial and economic independence of universities, the promotion of competition between them.

The shift to normative per capita funding for universities is the major innovation and the core of the financial reform in the system of higher professional education. As the volume of universities' funding is directly correlated to admission quotas according to government task of training experts in certain areas of expertise or qualifications, standards of per capita funding, the government mastered a very strong financial mechanism of direct influence on the quantity and structure of student groups at universities in terms of areas of expertise and qualifications. The existing disproportions in the training of staff in different areas can be, in fact, eliminated.

The relevance of this problem is based on two groups of factors. First of all, the implementation of the second stage of

the financial reform of national institutions of professional education which envisages the financial support of government task fulfillment calculated on the basis of single (group) standard costs in terms of areas of expertise (qualifications).

Secondly, the implementation of Federal laws № 83-FZ and № 273-FZ, President orders from May 2012, corresponding governmental decrees and following orders of the Russian Ministry of Science and Education which, on the one hand, contribute to the enhancement of financial and economic independence of federal budgetary and autonomous institutions. On the other hand, they demand the evaluation of financial consequences of delegating of authority. The Russian Ministry of Science and Education as the institutor and main administrator of budgetary funds allocated to universities for the implementation of the government tasks is interested in identification and systematization of financial risks including those which may appear in the course or as a result of the shift of universities to normative per capita funding.

The new system of financial support of national (municipal) institutions is based on the mechanism of subsidies on the implementation of the government task for rendering of state services (execution of work). The volumes of the subsidy on the implementation of the government task are related to the volumes of the services rendered by the state. A fundamental distinctive feature of the new mechanism of national institutions funding is the normative approach to the calculation of costs for the rendering of state services. The main tool of the new mechanism of the national institutions funding — normative per capita funding, are standard costs for the fulfillment of the government task.

We can conventionally distinguish between two main stages in the development of legal and methodological base of normative per capita funding:

- composition of basic documents in order to switch to normative funding of state institutions using individual standard costs;
- composition of documents for the switch of higher professional education institutions to single collective standard costs.

The first stage is characterized by the start of the reformation of all the state institutions and the switch to normative funding. At this stage in 2010 the Russian Government, the Ministry of Finance and the Ministry of Economic Development prepared federal normative legal and methodological base to switch from estimated funding to normative funding which became the basis on which federal authorities that perform the functions and powers of universities' institutors (herein after referred to as "federal institutors") formed departmental normative legal base.

Questions concerning the formulation of the government task, its format, volume and the level of data detalization, type of reporting and control as well as other questions at the federal level are regulated by the Decree of the Government of the Russian Federation from September 2, 2010 № 671 "On the procedure for the formation of the government task regarding

federal state institutions and financial support of the government task implementation”.

It stipulates that the financial support of the government task implementation by state budgetary institutions is performed through subsidies on the reimbursement of standard costs connected with rendering of state services (execution of work) to individuals and (or) legal entities from federal budget resources within the limits of budget allocations designated for the indicated purposes.

The amount of the subsidy has to be calculated on the basis of standard costs for rendering of state services and standard costs for the maintenance of the corresponding real estate property and movable valuables assigned to state budgetary (autonomous) institution or acquired by the state (autonomous) institution from the funds allocated to it by the institutor for the acquisition of such property (except for the leased property), costs for tax payments as an object of taxation which recognizes the corresponding property including land property.

The questions concerning standard costs are outlined in more detail in Guidelines on the calculation of standard costs for the rendering of state services by federal state institutions and standard costs for the maintenance of property of federal state institutions confirmed by the joint order of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Ministry of Economic Development of the Russian Federation № 137n/527 from October 29, 2010.

Part of federal institutors accepted the procedures for the determination of standard costs common for all the state institutions under their jurisdiction. Others, for example, the Russian Ministry of Education and Science, the Russian Ministry of Finance, the Russian Ministry of Emergency Situations, the Russian Ministry of Justice, the Russian Ministry of Agriculture, the Russian Federal Fisheries Agency, Rospechat, the Federal Rail Transport Agency accepted the procedures for the determination of standard costs for state institutions of higher professional education under their jurisdiction separately.

In 2011 the Ministry approved the procedures for the determination of individual standard costs (order of the Russian Ministry of Education and Science from June 27, 2011 № 2070 “On the approval of the procedure for determining standard costs for the rendering of state services and standard costs for the maintenance of the property of federal state institutions of professional education whereas functions and powers of the institutor are performed by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation”).

The procedure sets the rules for determining standard costs for the rendering of state services and standard costs for the maintenance of the property of federal state institutions of professional education whereas functions and powers of the institutor are performed by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and for which the Ministry approved subsidies from the federal budget according to provision 1 article 78.1 of the Budget Code of the Russian Federation.

Guidelines on determining standard costs indicated in the abovementioned Procedures use the following methods:

- normative method: standard costs were determined by multiplying the unit value of cost group by the number of units in the cost group;
- method of “initial” basic standard costs: standard costs for the ensuing fiscal year were determined on the basis of the initial standard costs calculated by a structural method on the basis of data for the accounting, current or ensuing fiscal year.

As almost all the institutions of higher professional education provide several state services, costs that are reflected in the institute’s budget estimates according to the corresponding KOSGU articles (Classification of operations of government control sector) are distributed among these state services proportionally to the fixed base of allocation.

Different indicators including the volume of state service, the number of teaching staff, and the payroll budget for the teaching staff are used as a basis for allocation depending on the function of costs.

Initial standards are determined by dividing standard costs which are the result of distribution among services by the volume of the state service provided (number of students) in the corresponding year.

Initial standard costs calculated in such a way are adjusted to the ensuing fiscal year considering indexation according to coefficients determined by the Russian Ministry of Finance for the ensuing fiscal year.

Standard costs for rendering of state services for the ensuing fiscal year are determined by multiplying adjusted standard costs for rendering of one unit of state service by the volume of the state service predetermined for the ensuing fiscal year.

At the same time when calculating standard costs, costs for the fulfillment of public obligations which, according to the recommendations from the Russian Ministry of Finance have to be directed to the institution as part of subsidies on other purposes, are not taken into account.

General standard costs for state services are calculated by summing up standard costs determined by the normative method and standard costs determined by the method of initial standards.

Standards costs for the maintenance of property are calculated separately and contain:

- part of the costs for the payment for utility services;
- costs for the payment of taxes as taxable items which recognize real estate property and movable valuables assigned to the institution or acquired by the institution from the funds allocated to it by the institutor for the acquisition of such property including land property.

In 2011 standards were specified in terms of state educational services and, according to the abovementioned procedures, subsidies on the implementation of the government task for universities for the year 2012 were calculated. The Order from the Russian Ministry of Education and Science № 2070

indicates that its validity period is limited by the “transition period” which is followed by the switch to group standard costs.

Since 2011 the Russian Ministry of Education and Science has started drafting guidelines on the switch to single group standard costs according to areas of expertise (qualifications) and the procedure for their determination — this period can be considered the beginning of the second stage of the development of normative legal and methodological base of switch to normative per capita funding of universities.

This procedure had to take into account not only the necessity of the switch to group standard costs but also new priorities of state policy in the sphere of professional education. The objective conditions for the performance of the switch to single group standard costs according to areas of expertise (qualifications) were the following political decisions of the Russian President, the Russian government, the adopted laws and regulations.

The abovementioned documents established a number of new approaches to the calculation of standard costs in state institutions. A new cost grouping was introduced — according to the level of their participation in rendering of services. Costs for rendering of a state service were subdivided into two groups: costs directly connected with rendering of services and costs for general duties. According to the Guidelines, standard costs can be determined separately for every federal budgetary or autonomous institution, in average for the group of such institutions or for the group of institutions with the use of adjusting coefficients that take into account the peculiarities of a federal budgetary institution.

Three possible methods of determining standard costs have been specified: normative, structural, expert. Normative method implies a direct calculation of every costs component on the basis of objective requirements to the quality and conditions of rendering a service. Structural method presupposes the determination of separate costs components proportionally to the selected basis (labour costs, utilized area, the volume of services rendered). Expert method implies the use of expert evaluations of determining cost components. When using any normalization method or when combining them, the main limitation is the total volume of federal budget allocations for funding for the government task implementation for the corresponding year.

The Guidelines indicate that the procedure for the determination of standard costs and their distribution according to separate state services should be specified by federal authorities that execute functions and powers of the institutor of federal state institutions.

In this regard all the institutors of federal state institutions of higher professional education in the fixed transition period from January 1, 2011 to January 1, 2012 prepared a branch-wise normative legal and methodological base for determining standard costs for the rendering of state services (execution of work) by federal state institutions.

Today the process of switch of higher educational institutions to normative per capita funding is terminating.

From September 1, 2015 all bachelor students who study on a budgetary basis are being funded according to the normative per capita funding established annually by the Order of the Ministry of Education and Science. Today the orders by the Russian Ministry of Education and Science № 420 from 29.04.2014 and the refining order № 1553 from 08.12.2014 constitute the existing normative base for the determination of the volume of higher educational institutions funding. The volume of funding of senior students with a specialist degree within the volume of general funding for universities is calculated according to budgetary estimates.

The order of the Russian Ministry of Education and Science № 1553 from 08.12.2014 stipulates multiplying coefficients for the calculation of utility payments and transport costs for sending academic staff to professional trainings and students to internships.

A very important document, to our mind, is the Order of the Russian Ministry of Education and Science № P-225 from December 17, 2014 “On the approval of methodology for a gradual switch from the existing ratio of the number of teachers and students fixed by the normative legal acts for separate higher educational institutions to the ratio of the number of teachers and students in higher educational institutions determined according to certain qualifications and areas of expertise”.

This order not only improves the determination of professors and students ratios but also sets the mechanism of dependence of the educational services quality and the volume of funding for a higher educational institution.

Together with the announcement of the call for admission quotas the Russian Ministry of Education and Science has to determine adjusting coefficients fixed for universities considering the volume of budget allocations designed by the federal budget for the indicated purposes. These coefficients are:

- adjusting coefficient that reflects the right of the educational institution to elaborate and approve on its own educational standards for the implementation of professional educational programs of higher education;
- adjusting coefficients that reflect the assessment of the quality of implementation of professional educational programs of higher education for the following fiscal year and take into consideration:
 - a) quality of admission to higher educational programs;
 - b) scientific potential of the educational institution;
 - c) coefficient of budgetary limitations applicable to the volume of standard costs for rendering of state services, separate components of standard costs for rendering of state services and/or adjusting coefficients in order to bring the volume of standard costs for rendering of state services into conformity with volumes of budget allocations envisaged by the federal law on the federal budget for the ensuing fiscal year and the target period for these purposes.
 - d) adjusting coefficients of the quality of the admission to programs of higher education are determined bases on:

- average grade of the Unified State Exam for the qualification and area of expertise (hereinafter referred to as “the USE”) and the results of artistic tests for bachelor and specialist programs in terms of enlarged groups of qualifications and areas of expertise and are applied to basic standard costs for the implementation of educational programs on corresponding qualifications and areas of expertise;
- ratio of students, winners and awardees of school academic competitions enrolled at bachelor and specialist programs, to the total number of students enrolled at bachelor and specialist programs.

The USE average grade for a specialist program or for the area of expertise and the results of artistic tests are calculated according to the methodology for competitive selection and decision-making criteria for admission quotas to specialist programs and qualifications of higher education programs that have state accreditation at the expense of federal budget allocations approved by the Order of the Russian Ministry of Education and Science on July 15, 2013 N 560.

The ratio of students, winners and awardees of school academic contests enrolled at bachelor and specialist programs to the total number of students enrolled at bachelor and specialist programs is calculated by summing up “the number of students, winners and awardees of the final stage of the Russian school academic contest, members of Russian national teams participating in international academic contests on general subjects and admitted to the first year of full-time bachelor and specialist programs without admission tests” and “the number of students, winners and awardees of school academic contests admitted to the first year of full-time bachelor and specialist programs in qualifications and (or) areas of expertise corresponding to the profile of the academic contest without admission tests” of the annual monitoring of the effectiveness of higher educational institutions (over the period that precedes the year when the adjusting coefficients are calculated) and the division of this sum by the total number of student admitted to the first year of full-time bachelor and specialist programs.

- e) adjusting coefficients that take into account the scientific potential of the educational institution are determined based on:
 - volume of revenue from scientific research per 1 academic employee;
 - publishing activity of academic personnel in the educational institution.
- f) adjusting coefficient that reflects the volume of revenue from scientific research per one academic employee, is determined based on the revenue from R&D excluding those received from federal budgetary funds in the form of subsidies on the fulfillment of the government task for work in the scientific sphere, not on a competitive basis, per one academic employee including dual jobholders and

excluding employees working with a civil contract for a year preceding the date of determining adjusting coefficients.

- g) adjusting coefficient that reflects publishing activity of the educational institution, is determined based on the number of publications in editions that are listed on scientific citation indexing websites Web of Science and Scopus per 100 academic employees for a year preceding the date of determining adjusting coefficients.

Threshold values of indicators of objective characteristics of higher educational institutions for the determination of adjusting coefficients that reflect the quality assessment of implementation of professional educational programs of higher education have to be approved by the Russian Ministry of Education and Science not later than one month after the official publication of the federal law on the federal budget for the ensuing fiscal year and target period.

The adjusting coefficient that reflects the assessment of the *admission quality* is applied in terms of all components of basic standard costs for rendering of state services for the implementation of educational programs according to the levels of education — bachelor and specialist programs.

The adjusting coefficient that reflects the assessment of the *scientific potential* of the educational institution is applied in terms of all components of basic standard costs for rendering of state services for the implementation of educational programs according to the levels of education — bachelor, specialist, master, postgraduate programs, postgraduate military course, assistantship. For basic standard costs for rendering of state services for the implementation of educational programs in master and postgraduate programs a higher level of this adjusting coefficient is set (at least 1.5 times exceeding the value of the coefficient for basic standard costs for the implementation of educational programs according to the levels of education — bachelor and specialist programs).

The adjusting coefficient that reflects *the right of the educational institution to develop and approve on its own educational standards* for the implementation of higher educational programs, is applied in terms of all components of basic standard costs for rendering of state services for the implementation of educational programs according to the levels of education — bachelor, specialist, master, postgraduate programs, postgraduate military course, assistantship.

The adjusting coefficient that reflects the exercise by the leading university of *the right to develop and approve on its own educational standards for the implementation of higher educational programs*, is calculated based on the ratio of the corresponding educational programs that are implemented by the leading university in the year when adjusting coefficients in terms of students enrolled according to these educational standards to the total number of educational programs implemented by the leading university and is applied in terms of all components of basic standard costs for

rendering of state services for the implementation of educational programs according to the levels of education — bachelor, specialist, master, postgraduate programs, postgraduate military course, assistantship.

The adjusting coefficient that reflects the *peculiarities of the implementation of educational programs in educational institutions* secured in legislation that are unique scientific and educational complexes, is applied in terms of all components of basic standard costs for rendering of state services for the implementation of educational programs according to the levels of education — bachelor, specialist, master, postgraduate programs, postgraduate military course, assistantship in corresponding educational institutions.

- h) The coefficient of budgetary limitations applied to the volume of standard costs for rendering of state services, separate components of standard costs for rendering of state services and/or adjusting coefficients in order to bring the volume of standard costs for rendering of state services into conformity with the volume of budgetary allocations designed by the federal law on the federal budget for the ensuing fiscal year and target period for these purposes.

Depending on the results of the activity of the educational institution funding allocated to higher educational institutions will be connected with quality and quantity indicators for the preceding fiscal year.

References:

1. Law «On education in the Russian Federation» № 273-FZ from December 29, 2012.
2. Governmental Decree of the Russian Federation № 337 from May 15, 2010. «On the Ministry of Education and Science of the Russian Federation».
3. Order of the Russian Ministry of Education and Science № 560 from July 15, 2013 «On the approval of the Procedures for holding a competition for the distribution of admission quotas according to professions, qualifications and areas of expertise for studying at educational programs of secondary professional and higher educational with state accreditation at the expense of federal budget allocations».
4. Governmental Decree of the Russian Federation № 671 from September 2, 2010 «On the procedures for the formation of the government task regarding federal state institutions and funding for the implementation of the government task».
5. Decree of the Russian Ministry of Education and Science № 2070 from June 27, 2011 «On the approval of the procedure for determining standard costs for the rendering of state services and standard costs for the maintenance of the property of federal state institutions of professional education whereas functions and powers of the institutor are performed by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation».
6. Order of the Russian Ministry of Education and Science № P-225 from December 17, 2014 «On the approval of methodology for a gradual switch from the existing ratio of the number of teachers and students fixed by the normative legal acts for separate higher educational institutions to the ratio of the number of teachers and students in higher educational institutions determined according to certain fields of expertise and qualifications».
7. Order of the Russian Ministry of Education and Science № 420 from 29.04.2014. «On the list and composition of costs groups of qualifications and areas of expertise in state services for the implementation of main professional programs of higher education — bachelor, specialist, master programs, training of academic staff in postgraduate programs (postgraduate military course), medical residency and assistantship, final values and size of basic standard costs components for state services according to cost groups of qualifications and areas of expertise, adjusting coefficients, according to modes of study (intra-extramural, extramural), forms of implementation of educational programs (network), educational technology used (distant learning technology, e-learning) in terms of students enrolled to the first year in 2015 for the whole period of study».
8. Order of the Russian Ministry of Education and Science № 1553 from 08.12.2014 «On introducing amendments to the Order of the Russian Ministry of Education and Science from April 29, 2014 N 420 “On the list and composition of costs groups of qualifications and areas of expertise in state services for the implementation of main professional programs of higher education — bachelor, specialist, master programs, training of academic staff in postgraduate programs (postgraduate military course), medical residency and assistantship, final values and size of basic standard costs components for state services according to cost groups of qualifications and areas of training, adjusting coefficients, according to modes of study (intra-extramural, extramural), forms of implementation of educational programs (network), educational technology used (distant learning technology, e-learning) in terms of students enrolled to the first year in 2015 for the whole period of study”».

*Antonov Alexey Pavlovich,
Moscow state university of design and technology,
Ph.D., the Institute of Economics and management
E-mail: antonov_a_p@mail.ru*

*Ratsyna Victoria Fedorovna,
Moscow state university of design and technology,
student, the Institute of Economics and management
E-mail: vika.13-94@mail.ru*

*Sibileva Vera Yaroslavovna,
Moscow state university of design and technology,
postgraduate student, the Institute
of Economics and management
E-mail: veramgudt@yandex.ru*

Comparative study of approaches to assessment of informal roles in a working (student) group

Abstract: In the course of the process of education a special organizational context is formed in every student group. Organizational culture that depends on various internal and external factors is used for the purposes of assessment of this context. One of the internal factors affecting the pattern of reinforced organizational values is the informal relationship between the students. Division of informal roles in a working (student) group influences formation of the organizational cultural profile of the group.

Keywords: organizational culture, organizational culture profile, informal roles, student group, higher professional education.

Effectiveness of the educational process depends on several objective factors. One of such factors is organizational culture which that allows to influence for the process of development of professional competencies of students. It brings together organizational values and determines effectiveness of both group and individual performance.

Notwithstanding the innovative nature of studies related to organizational culture of a student group, researches do not pay considerable attention to this field. Such situation is caused by the necessity to conduct a research on organizational culture management within a student group. In the course of a research being carried out in this field by the department of Economics and management (Moscow State University of Design and Technology) an indicator (in the form of detached area) used in assessment of deviation of a personal organizational culture profile from the profile of a group was proposed. An inverse relationship between this indicator and academic performance of students was also identified. A decrease in the size of the detached area through change in composition of a group contributes to increase in effectiveness of the educational process.

In the abovementioned researchOCAI framework model developed by K. Cameron and R. Quinn was used [6]. This model is based on description of organizational culture with regard to its key dimensions which form the personal profile of the current and desired organizational culture.

OCAI instrument is a universal tool easy to understand and to use, which allows to identify the system of

organizational values. However, universality of this instrument resulted in weakness of the correlation between detached area and academic performance indices of the students (regression coefficient — $R^2 = 0.0465$) [1]. OCAI model suggests considering the contribution of each participant of the group to be equal when proceeding from description of personal profiles of organizational culture to the group profile. It can be assumed that such approach is simplified and that the profile of a group may be compiled regarding the value of each participant of a working (student) group. The informal relationships between the group members are also an important factor affecting the nature of manifested organizational values.

Resuming the research, it is proposed to improve OCAI model via taking into account the peculiarities of division of informal roles in a student group. An increase in index of regression coefficient between the adjusted detached area and objective indicators qualifying academic performance of students may serve as a proof of validity of the proposed assumptions.

An amended OCAI instrument may serve as a basis for a pattern of student group formation that will increase the level of quality and effectiveness of core process of education as a result of creation of favourable learning environment.

At the first stage of the research a comparative analysis of approaches (theories) to assessment of informal roles in a working (student) group. The results are provided on Table 1.

Table 1. – Comparative analysis of theories considering assessment of informal roles

№	Author	Theory	Typology	Advantages	Disadvantages
1.	R. Meredith Belbin [4]	Theory of role division in a team	«Implementer» «Co-ordinator» «Shaper» «Plant» «Resource Investigator» «Monitor Evaluator» «Teamworker» «Completer Finisher» Specialist	Freshness of the idea, fundamental nature, applicability of the theory in practice, laconic description of the theory of role division, optimum quantity of proposed roles, universal, easy to apply	In practice the processes of reaching agreement on role division and change of the roles are rather complex
2.	M. Maskon, M. Albert, F. Khedouri [7]	Theory of role division in a management (leadership)	Key roles: Chairman, Ideas, Informer, Expert, Elaborator, Coordinator, Completer Supporting roles: Encourager, Shaper, Doer, Purposing criterion, External contactor	High flexibility, possibility of position choice, complexity	Incompleteness of measurements, multiplicity of the proposed division
3.	C. Margerison, D. McCann [8]	Margerison-McCann Team Management Wheel	«Reporter-Advisor» «Creator-Innovator» «Explorer-promoter» «Assessor-Developer» «Thruster-Organizer» «Concluder-Producer» «Controller-Inspector» «Upholder-Maintainer»	Is not only a qualifying instrument, but also a tool used to make an impact. A developed conceptual framework for management analysis	Skills are not specially highlighted within the framework of the theory
4.	I. K. Adizes [2]	«PAEI» methodology	Producer Administrator Entrepreneur Integrator	Universality of application, accessible diagnostic instruments, study validity	Limitation of defining managerial roles
5.	I. Myers Briggs [5]	MBTI Myers Briggs Type Indicator	E-I. continuum Extraversion — Introversion S-N. continuum Sensing — Intuition T-F. continuum Thinking — Feeling J-P. continuum Judging — Perceiving	Experimental evidence of the research findings, interest of participants of the research in the process	Difficulty in defining the results of the research, focus on socio-psychological personal qualities
6.	R. Shindler [10]	Theory of “position understanding, individual role”	«Alpha» «Beta» «Gamma» «Omega»	Easy to apply, not only subjective, but also objective by nature	Lack of a set of criteria for assessment of the role of an individual, specified application
7.	T. Y. Bazarov [3]	Methodology of professional management roles	Manager Co-ordinator Administrator Leader	The model possess a developed set of psychometric framework, it is possible to use the model for assessment of the management system of an organization as a whole	Complexity in application of the model, requires enhancement with respect to peculiarities of application
8.	J. Moreno [9]	Methodology «role in the group»	«Stars» «Preferred (accepted)» «Ignored (isolated)» «Rejected»	Completeness of measurements, clearness, validity	Complexity, dominance of identification of psychological personal qualities, subjectivity

The set of theories given in Table 1 reflecting only a part of existing approaches to description of informal roles highlights advantages and disadvantages of each theory. Identification of existing approaches allows to optimize the process of research and choice of framework for solving the set problems.

«Theory of role division in a team» developed by American psychologist R. Meredith Belbin, who dedicated ten years to study the environment necessary for successful team performance, marks itself out of the other theories considered above. Belbin managed to create a framework evidenced by a considerably huge amount of experimental data. The basis of the methodology is a scientific theory of role behavior of people and their interaction with a team. The theory of role division in a team proposed by the author is a universal instrument easy to understand and to apply within

the framework of the conducted research. The model allows to provide detailed individual recommendations with regard to development of a team potential by a particular individual and also includes a developed diagnostic and methodological framework.

Notwithstanding several advantages, the following problems are to be solved within a student group for application of this model: firstly, the questionnaire should be revised for the purposes of application in a student environment; secondly, assessment of the influence of individual profile of organizational culture on the group profile should be revised.

An increase in index of regression coefficient between the adjusted detached area and objective indicators qualifying academic performance of students may serve as a proof of validity of the proposed assumptions.

References:

1. Antonov A. P., Sibileva V. Y. Analysis of influence of organizational culture on academic performance of students.// MANažmenta EKOnomika Journal of MANagement and EConomics. – ISSN 1337–9488. – MANEKO: 2014.01.
2. Adzies I. Management./Mismanagement Styles. – M.: Alpina Business Books, 2009. – 200 p.
3. Bazarov T. Y., Yeregin B. L. Human resources management: College textbook – 2nd revised and enlarged ed. – M: UNITY, 2006. – 560 p.
4. Belbin R. Meretith. Team Role Summary Descriptions. [online]//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.belbin.com> (2012–2014 BELBIN Associates).
5. Myers-Briggs Isabel, Piter. MBTI. Type Indicator. Gifts Differing. Business psychologists. – 2010. – 320 p.
6. Cameron K., Quinn R. Diagnosing and changing organizational culture.//Translated from English ed. by I. V. Andreeva. – SPb: Piter, 2001. – 320 p.
7. Mescon M., Albert M., Khedouri F. Management. – M.: Delo, 1999. – 800 p.
8. Margerison C., McCann D., Davies R. Focus on team appraisal.//Team performance management an international journal. – 1995. – vol. 1, № 4.
9. Moreno J. L. Sociometry and the science of man. – New York: Beacon House, 1956. – 156 p.
10. Schindler R. Grundprinzipien der Psychodynamik in der Gruppe (Basic principles of psychodynamics in a group)/ Psyche, 11. – 1957/58. – 314 p.

*Starkova Nadezhda Olegovna,
Kuban State University,
candidate of science in Economics,
associate professor, International economics
and management department
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Golubev Nikita Vasilievich,
Kuban State University,
undergraduate of International economics
and management department
E-mail: neki492@gmail.com*

Features of modern refinery complex of Russian Federation

Abstract: Basic features of modern refinery complex in Russia have been researched. Its basic problems have been marked and its priority goal of development have been formulated.

Keywords: oil refinery, fuel, market, oligopoly, competition, petroleum, world market, price, modernization.

Старкова Надежда Олеговна,
Кубанский государственный университет,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
мировой экономики и менеджмента
E-mail: n.starkova@mail.ru

Голубев Никита Васильевич,
магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: neki492@gmail.com

Особенности современного нефтеперерабатывающего комплекса РФ

Аннотация: Исследованы основные особенности современного нефтеперерабатывающего комплекса в РФ. Обозначены его основные проблемы и сформулирована приоритетная задача развития.

Ключевые слова: нефтепереработка, топливо, рынок, олигополия, конкуренция, нефтепродукты, мировой рынок, цена, модернизация.

Нефтяная отрасль всегда имела наиважнейшее значение для экономики России, сохраняя высокую долю в формировании доходной части национального бюджета. С точки зрения развития экономики ее роль сложно переоценить, однако так же сложно и оценить в реальном выражении на основе статистических данных в виду ряда сложностей, связанных с их сопоставлением. Так, приводимые Минэнерго, ФСГС и нефтяными компаниями данные по одним и тем же позициям, оценивающим объем производства, переработки, реализации и т. д. могут существенно разниться и представляться в несопоставимых данных (мЗ, тн, руб.). Частично этот факт объясняется тем, что производство нефтепродуктов в России и их сбыт были в известной степени выведены отечественными производителями за пределы досягаемости официальной статистики [8], что было вызвано следующими проблемами отрасли:

- практика продаж нефтепродуктов внутри непрозрачной структуры вертикально-интегрированных нефтяных компаний;
- нелегальная торговля нефтепродуктами (это относится как к нелегальному экспорту нефтепродуктов на более рентабельные западные рынки через страны СНГ и Балтии, так и импорту дистиллятов из Беларуси, Азербайджана, Украины, Казахстана и Украины (цены на нефтепродукты в этих странах зачастую ниже, чем в России), который практически никак не отражается в официальной статистике);
- воровство нефтепродуктов (по данным экспертов рынка до 10 % от общего объема прокачиваемых через систему дистиллятов [12]), учитываемое как часть транзакционных издержек поставщика.

Отраслевая и региональная статистика потребления нефтепродуктов также содержит много пробелов, в то же время, если проанализировать данные приводимые Минэнерго о поставках нефтепродуктов с НПЗ в регионы России (без учета продаж нефтепродуктов, производимых малыми предприятиями) можно увидеть, что рост потребления нефтепродуктов (автомобильного бензина, дизельного топлива и топочного мазута) характерен для

тех субъектов РФ, которые отличают наиболее высокие темпы экономического роста.

Основными нефтепродуктами, производимыми в РФ, являются авиационное топливо, бензины, дизельное топливо, мазуты, битумы и масла (гидравлические, промышленные, компрессионные, моторные, трансмиссионные, трансформаторные, турбинные и др.

В отрасли действуют 28 крупных нефтеперерабатывающих заводов (мощность от 1 млн.т/год), мини-НПЗ и заводы по производству масел. Протяженность магистральных нефтепроводов составляет около 50 тыс. км. и нефтепродуктопроводов — 19,3 тыс. км. [6]. При этом большая доля рынка нефтепродуктов сосредоточена под контролем общероссийских нефтяных компаний: «Лукойл», «Роснефть», «Газпром» [3], и др., которые часто диктуют собственные условия и в отсутствии конкуренции влияют на установление цен [1]. В отсутствие конкуренции, размер прибыли, зарабатываемой нефтяными компаниями на реализации нефтепродуктов на внутреннем российском рынке, явно чрезмерен. Так, за последние за три года цена на бензин АИ-95 выросла на 12 рублей. Ровно 5 лет назад литр 95-го стоил в среднем по стране 24,7 рубля за литр, сегодня — 36,5 [12].

Помимо особенностей ценообразования, современный рынок нефтепродуктов высоко дифференцирован. Исторически сложилось так, что нефтеперерабатывающие мощности недостаточно равномерно распределены по территории РФ. Так, в Поволжье и на Западном Урале находится около 50 % нефтеперерабатывающих производств, в Центральном районе — 18 %, в Сибири — 16 % [4]. При этом Северо-Западный, дальневосточный и Южный федеральный округа имеют наименьшее число НПЗ, несмотря на то, что они признаны наиболее перспективными с точки зрения экспорта нефтепродуктов. Все это приводит к увеличению нагрузки на системы транспортировки нефтепродуктов, увеличению «транспортного плеча», сдерживанию экспорта российских нефтепродуктов.

Неравномерность распределения мощностей находит свое отражение и в уровне загрузки заводов. Так, в Центральном, Приволжском, Сибирском и Южном

федеральном округах мощности НПЗ задействованы в среднем на 78–90 %, а в Северо-Западном и Дальневосточном — остро ощущается дефицит перерабатываемых активов. Средняя загрузка нефтеперерабатывающих предприятий по РФ колеблется от 75 до 82 %, для сравнения — в развитых странах она составляет 90–95 %.

Различия рынка нефтепродуктов на уровне регионов проявляются не только в уровне их обеспеченности данным видом ресурсов, темпах прироста платежеспособного спроса и стабильности поставок на рынок, но и в динамике цен, которые также существенно различаются в зависимости от региона. Так, по данным ФСГС РФ, проводившей еженедельный мониторинг цен на нефтепродукты, в 2010–2012 гг. разброс цен на отдельные виды нефтепродуктов составлял по регионам более 50 %, достигая по отдельным товарным позициям 62,5 %. При этом по данным Российского топливного союза, разница в потребительских ценах на бензин автомобильный марки АИ-93 и АИ-95 в субъектах РФ при изучении в помесечном разрезе глубокие разрывы. Так, в 2010 г. она составила 2,0 раза, в 2011 г. — 1,7 раза, в 2012 г. — 1,5 раза, в 2014 — 1,6. В ценах производителей аналогичное соотношение составило 1,6, 1,7 и 1,5 раза соответственно [7].

Еще одна особенность российского нефтеперерабатывающего комплекса — отсутствие на большинстве заводов необходимых вторичных процессов переработки: изомеризации, алкилирования, гидрокрекинга, современных методов каталитического реформинга и др. Значение коэффициента Нельсона российских нефтеперерабатывающих заводов (характеризует сложность нефтепереработки, наличие вторичных процессов, и соответственно, способность завода выпускать высококачественные нефтепродукты) в среднем оценивается в 4,3, тогда как среднемировой уровень составляет 7,1. В США этот показатель составляет 10,8, в Западной Европе — 7,4, в республиках бывшего СССР (кроме России) — 4,8 [8]. Для сравнения: новый индийский экспортно-ориентированный НПЗ затраты на строительство которого составили 9 млрд. долл. и проектной мощностью 27 млн. т/год, строительство которого планируется в Дамнагаре, будет шестым в мире по проектной мощности, а по коэффициенту Нельсона (14,5) одним из самых сложных, а на НПЗ «Wilmington», принадлежащий компании «Shell» и расположенный близ Лос-Анджелеса, который перерабатывает тяжелую сернистую нефть в экологически чистые нефтепродукты, соответствующие жестким стандартам штата Калифорния, имеет коэффициент Нельсона 16,4.

На протяжении длительного времени стратегия российских вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК) в целом отличалась от стратегии международных нефтяных компаний, которые делали ставку на глубокую переработку нефти и основные доходы получали

именно от продажи нефтепродуктов. Главным для России вплоть до середины 2000-х гг. традиционно был не внутренний рынок, а экспорт. Российские ВИНК долгое время рассматривали нефтепереработку и внутренний рынок нефтепродуктов как своего рода побочный бизнес, и практически не развивали другие сегменты интегрированной цепочки бизнеса за исключением производств первого передела. Они считали, что им выгоднее экспортировать сырую нефть, чем поставлять нефтепродукты на внутренний рынок и на экспорт, что было справедливо, учитывая низкое качество и, соответственно, относительную дешевизну на мировом рынке российских нефтепродуктов.

Однако в настоящее время государство, следуя мировым стандартам [10], повышает требования к качеству нефтепродуктов, вводит новые стандарты. Добиться такого качества бензина Евро-4 и Евро-5 на технически устаревших отечественных НПЗ очень сложно и нерентабельно, по эффективности они сильно отстают от мировых показателей. Так, в США из одной тонны нефти получают 420 литров бензина, а в РФ только 140 [5]. Поэтому в Энергетической стратегии России до 2030 г. в числе наиболее острых проблем топливно-энергетического комплекса страны особо отмечено слабое развитие производства энергоносителей с высокой добавленной стоимостью, в том числе светлых нефтепродуктов и расширенный вывоз энергетического сырья нулевой или низкой степени переработки.

Выявленные особенности современной нефтеперерабатывающей отрасли явно указывают на то, что в этом стратегически важном для страны комплексе назрела острая необходимость модернизации не только производственных мощностей, но и всей системы управления. Падение цен на нефть на мировом рынке в 2014 году еще раз выявило наличие многих системных проблем: несовершенство рыночной инфраструктуры; нерациональное размещение нефтеперерабатывающих мощностей; монополизация отрасли [9], недобросовестная конкуренция за счет олигополистического сговора трех крупнейших игроков на рынке [11]; наличие диспропорций между внутренними ценами на основные энергоносители и их одновекторная зависимость от мировых цен (рост цен на мировом рынке стимулирует повышение внутренних цен на топливо в РФ, тогда как падение мировых цен снижением внутри страны не сопровождается [2]). Рассмотрение всего спектра накопившихся вопросов выходит за рамки отдельной отрасли, повышая их значимость до государственного уровня, в связи с чем приоритетной задачей развития отечественной экономики на современном, достаточно непростом этапе, должно явиться формирование эффективного механизма инновационного развития нефтеперерабатывающей отрасли РФ с соблюдением принципов рыночной конкуренции и рациональности использования невоспроизводимых ресурсов.

Список литературы:

1. Воронов А. А., Глухих Л. В., Рыбальченко Р. В. Конкурентная устойчивость промышленных предприятий: определение и управление. // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 46. – С. 71–74.

2. Индексы цен на нефтепродукты. Информационное агентство Kortes-Thomson Reuters.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.kortes.com/index/>
3. Козырь Н. С. Реструктуризация бизнеса и оценка его стоимости.//Наука и экономика. – 2010. – № 2. – С. 95–99.
4. Куницына Н. Н., Савцова А. В. Региональные экономические системы: цикличность и неопределенность динамики. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2008. – 184 с.
5. Никулина О. В., Ладыгина Е. И. Системы качества как основа успешного бизнеса.//Качество. Инновации. Образование. – 2013. – № 2 (93). – С. 50–55.
6. Официальный сайт Министерства энергетики РФ.//[Electronic resource]. – Available from: <http://minenergo.gov.ru>
7. Официальный сайт Российского топливного союза.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.rfu.ru/>
8. Оценка общего потребления энергии во всех регионах РФ. Эколого-энергетическое рейтинговое агентство «Интерфакс-ЭРА».//[Electronic resource]. – Available from: <http://interfax-era.ru/reitingi-regionov/2009/obshchee-potreblenie-energii>
9. Старкова Н. О., Кизим А. А. Управление маркетингом промышленных предприятий.//Экономика устойчивого развития. – 2012. – № 9. – С. 183–189.
10. Старкова Н. О. Перспектива интеграции России с ЕС.//Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2010. – № 32. – С. 63–71.
11. Старкова Н. О., Рзун И. Г., Польшикова К. С. Рынок автомобильного топлива России. Тенденции, перспективы, прогноз.//Проблемы современной экономики. – 2014. – № 22–2. – С. 191–197.
12. Шевченко И. В., Логинов А. Е. Энергетические стратегии в условиях глобализации.//Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – № 6. – С. 27–32.

*Starkova Nadezhda Olegovna,
Kuban State University,
candidate of science in Economics, associate professor,
International economics and management department
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Petrov Nikolai Evgenevich,
undergraduate of International economics and management department
E-mail: npetrov.ht@gmail.com*

Features of mutual relations of subjects of art market and art business

Abstract: Basics of art market and the art business have been studied. Character of economic relations between main subjects of art market has been defined. Their roles and responsibilities in promotion and sales of art product and implementation of marketing communications have been determined. Most common forms and features of the relationship between artist and gallery in modern Russian art market have been identified.

Keywords: art market, art business, artist, gallery, image, reputation, marketing communications.

*Старкова Надежда Олеговна,
Кубанский государственный университет, к. э. н.,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Петров Николай Евгеньевич,
магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: npetrov.ht@gmail.com*

Особенности взаимоотношений субъектов артрынка и артбизнеса

Аннотация: Исследованы основы артрынка и артбизнеса. Определен характер экономических отношений между основными субъектами артрынка. Установлены их роли и функции в процессе продвижения, продажи продукта творчества художника осуществлении маркетинговых коммуникаций. Определены наиболее распространенные формы и особенности отношений между художником и галереей в условиях современного российского артрынка.

Ключевые слова: артрынок, артбизнес, художник, галерея, имидж, репутация, маркетинговые коммуникации.

Художественный рынок (артрынок) всегда являлся неотъемлемым элементом культурной жизни развитого общества [10]. Сегодня он считается самым важным инструментом в актуализации произведений искусства, проектов и творческих идей, а также сферой удовлетворения потребностей людей в культурном развитии, через постижение содержания и лицезрения изображения, приобретенного уникального творческого продукта.

Товаром на художественном рынке считается произведение искусства, художественный сервис и эстетическая информация. Всякий товар при этом обладает самым важнейшим свойством для удовлетворения самых различных потребностей — потребительской стоимостью. Произведение искусства — это товар особенного рода, который обладает специфическими свойствами (к примеру, особым проявлением закона стоимости). Оно также обладает стоимостью, причем ее величина, в первую очередь, может измеряться количеством труда, которое необходимо для производства определенного товара и стоимостью расходных материалов. Произведение искусства невозможно оценить по общему количеству потраченных нот, холста, красок и конечно же времени для его создания. Цена на него определяется особым способом, мало связанным с калькуляцией издержек [11].

Даже с учетом обозначенных особенностей основного товара, артрынок прежде всего является местом, где осуществляется товарно-денежный обмен между продавцом и покупателем. При этом владелец арттовара в равной степени заинтересован в его продаже, как и продавец в покупке, так как если творческая или какая-либо другая идея не реализуется, тогда она не получает никакой ценности либо определенного социального резонанса. Но даже при всем разнообразии художественных жанров, творческие продукты не всегда могут соответствовать изменяющимся вкусам современного искушенного потребителя. Это вовсе не подразумевает, что художник должен идти на поводу у рынка, ориентируясь на его предпочтения, у него другая функция и он не должен изменять искусству из коммерческих побуждений, меняя стиль своего творчества, однако он может прибегнуть к другим инструментам воздействия на потребителя с целью завоевания их внимания и приверженности. Данными инструментами, также, как и на любом другом рынке, выступают маркетинговые коммуникации, которые в наше время могут принимать самые различные формы и осуществляться за счет множества источников [3; 7; 9], в том числе в глобальной информационной сети [4].

Как любой предмет, предназначенный для продажи, произведение искусства нуждается в людях, обеспечивающих отношения обмена между создателем этого произведения и покупателем. Данный вид отношений находит отражение в термине «артбизнес», субъектами которого помимо художников и покупателей выступают посредники, кураторы выставок, аукционные дома, галереи. Именно на долю последних, как правило, возлагаются

обязанности по продвижению работ художников на рынок и маркетинговому сопровождению пребывания самого автора на рынке.

Неизвестные художники, прежде чем стать «покупаемым», а также получить право бесплатно выставляться в престижных салонах, стараются проявить собственную манеру, общий стиль и просто сформировать собственный уникальный имидж. В современном же мире имидж и цены на работы художника, не всегда связываются с его профессионализмом и уровнем мастерства, а достигаются интегрированием всего спектра распространенных в этой сфере маркетинговых коммуникаций [1].

Важно также отметить то, что все современные галереи и выставочные центры не просто могут предлагать произведения искусства в качестве товаров, они создают с помощью системы социокультурных коммуникаций разнообразные стандарты для его потребления и восприятия, формируют стиль, образ жизни, а также характер в покупательском поведении.

Специалист артрынка полагают, что современный российский художественный рынок определяется ещё и чувствами, в которых важную роль также играет и сама галерея. Галерист отыскивает покупателя на конкретную продукцию на художественном рынке, он также выполняет роль эксперта, куратора, знатока маркетинга и искусства. Вокруг того или иного галериста со временем формируется свой круг профессиональных художников, которые доверяют ему и его знаниям конъюнктуры рынка. Каждая галерея вырабатывает свою собственную художественную политику, которая включает ещё и стратегию самой галереи (концепция ее деятельности), а также тактику (комплекс мер, благодаря которому достигается реализация самой стратегии). Это очень широкое понятие, которое объединяет структуру всей галереи, основную специфику ее общей выставочной деятельности, круг художников и бренд. Политика галереи включает и критерии отбора художников. Одним из наиважнейших критериев является качество художественного произведения. Но он не может стать главным и единственным, так как для более эффективного воздействия на рынок галереи важно выбирать художников определенного направления, течения, для того чтобы формировать основную общую тенденцию.

Взаимоотношения художника и галереи требуют некоторых пояснений, поскольку они иногда являются весьма противоречивыми. Желая реализовать свои амбиции на артрынке при выборе определенной галереи, художник обязательно должен ориентироваться на ее репутацию и общий имидж, так как это может стать залогом его собственного имиджа. В зарубежной практике взаимоотношения художника и галереи четко обозначены в договоре и не соблюдение его условий чревато для каждой стороны большими штрафными санкциями [13]. Взяв на себя обязательства по продвижению на рынке работ художника, галерея практически полностью берет на себя обязанности посредника между ним и потребителем, а художник

помимо занятий творчеством должен соблюдать все требования галереи по присутствию на различных мероприятиях, выставках, сессиях, интервью и т. д., связанных с формированием его имиджа и репутации. Имидж имени художника формируется галереей путем реализации целенаправленных действий по повышению его рейтинга в Едином художественном рейтинге, созданию его сайта [2], формированию элементов репутации [14], налаживанию контактов с постоянными потребителями (музеями, галереями, коллекционерами), прочим связям с общественностью, постоянному мониторингу реакции рынка [5] на работы художника и т. д. За счет интегрированных усилий художника и галереи достигается общая цель.

В отечественной практике дела обстоят несколько иначе из-за отсутствия правовой основы данных отношений и неупорядоченности среды российского артрынка. Современная специфика на отечественном рынке заключается в том, что отношение между художником и галереей достаточно часто трудно урегулировать, поскольку при создании, а также продвижении произведений на современный рынок художник желает быть защищенным именно галереей, но в момент реализации своих работ — выступать в качестве самостоятельного продавца. Данная неопределенность во взаимоотношениях негативно сказывается

на общей цели [6]. Все усилия галереи по формированию имиджа автора могут быть сведены на нет за счет проведения сделки самим художником, так как это резко понижает его имидж, как недостижимого творца, вступившего в посредственные коммерческие отношения с покупателем.

На сегодняшний момент неупорядоченность экономических отношений в сфере российского артбизнеса сильно сдерживает его цивилизованное развитие и создает сложности для отечественных авторов в работе с зарубежными галереями. В связи с этим на современном отечественном артрынке, интерес к которому стремительно растет во всем мире [12], остро назревает проблема формирования адекватной системы экономических и правовых отношений между его субъектами, прежде всего именно внутри страны, а также необходимость реализации мероприятий по формированию современной рыночной инфраструктуры (аукционы, крупные галереи, электронные торговые площадки [8]), соответствующей международным требованиям и целям популяризации российской культуры и искусства. Формирование эффективного механизма функционирования отечественного артрынка должно явиться залогом его длительного развития, и интеграции с инфраструктурой мирового артрынка на условиях, защищающих интересы российских авторов.

Список литературы:

1. Воронов А. А., Хандамова Э. Ф. Иммитационное моделирование маркетинговых коммуникаций. // Практический маркетинг. – 2009. – № 7. – С. 3–13.
2. Воронов А. А., Степченко Т. С., Сторожева Г. Н. Методы и инструменты интернет-маркетинга в системе маркетинговых коммуникаций современной торговли. // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 3–2 (56–2). – С. 937–942.
3. Козырь Н. С., Толстов Н. С. Интернет-банкинг в РФ: Состояние и перспективы развития. // Экономика: теория и практика. – 2013. – № 4 (32). – С. 37–44.
4. Костарева А. М., Старкова Н. О. Особенности применения вирусного маркетинга в развитии рыночной деятельности современных предприятий. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 88. – С. 642–652.
5. Никулина О. В., Покуль В. О. Маркетинговая концепция реализации инновационных идей. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 24 (57). – С. 37–44.
6. Осадчий А. Г. Основные тенденции развития российского рынка выставочных услуг. / А. Г. Осадчий // Маркетинг. – 2006. – № 6. – С. 82–88.
7. Плешакова М. В., Широкая Л. П. Проблемы и перспективы формирования предпринимательской среды сферы услуг. // Дискуссия. – 2011. – № 7. – С. 24–29.
8. Соколова И. В., Старкова Н. О. Основные направления и формы маркетинговой деятельности на электронном рынке. // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 7–8. – С. 295–299.
9. Старкова Н. О., Соколова И. В. Виды маркетинговых коммуникаций в интернет-среде. // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11–3 (52–3). – С. 422–426.
10. Старкова Н. О. Анализ становления и развития артрынка и артбизнеса.
11. Старкова Н. О., Самусь В. Н. Особенности страхования объектов современного артрынка. // Финансы и кредит. – 2011. – № 38. – С. 61–66.
12. Старкова Н. О., Басараб В. Н. Оценка инвестиционной привлекательности и тенденций развития современного артрынка. // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – № 4. – С. 8–15.
13. Суворов Н. Н. Галерейное дело: искусство в пространстве галереи. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
14. Чарочкина Е. Ю., Сергеев П. В. Роль человеческого капитала в формировании конкурентоспособной экономики. // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – № 2 (47). – С. 50–55.

Section 13. Science of law

*Bykov Andrey Viktorovich,
Head of the Russian Federal Penitentiary Service PKU
Research Institute, Doctor of Law, Professor*

*Novikov Alexey Valer'evich,
Chief Researcher of the Russian Federal
Penitentiary Service PKU Research Institute,
Doctor of Sciences (D.Se.),
Doctor of Philosophy (Ph. D.) in Law, Academician
E-mail: novikov.pravo @ mail.ru*

Applied value foreign experience penitentiary for improvement penal system Russia

Abstract: Based on historical materials and official statistics considered practical value and the possibility of practical use of foreign experience in prison work the penal system of Russia.

Keywords: prison policy, the correctional system, foreign prison system, convicted, detention.

*Быков Андрей Викторович,
начальник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор*

*Новиков Алексей Валерьевич,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
доктор педагогических наук, доцент
E-mail: novikov.pravo @ mail.ru*

Прикладное значение зарубежного пенитенциарного опыта для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России

Аннотация: На основе исторических материалов и официальных статистических данных рассматривается прикладное значение и возможность практического использования зарубежного пенитенциарного опыта в деятельность уголовно-исполнительной системы России.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, уголовно-исполнительная система, иностранные тюремные системы, осужденные, содержание под стражей.

Изучение зарубежного опыта исполнения наказаний и международной пенитенциарной мысли оказывает непосредственное влияние на совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Формирование пенитенциарной политики европейских стран в XIX в. происходило под влиянием сочинений выдающегося английского ученого-пенитенциариста Джона Говарда [7]. Выдвинутые им идеи об отмене пыток и жестоких наказаний, о гуманных условиях исполнения лишения свободы имели огромный резонанс в Европе и стали толчком к тюремной реформе сначала в Англии, а затем

и во многих европейских государствах. При этом следует сказать, что в свое время зарубежные тюремные системы в своем развитии не избежали тех же недостатков, что и российская: теснота помещений, неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия содержания, совместное содержание несовершеннолетних и взрослых [12].

Переходу дореволюционной России к гуманистическим принципам содержания заключенных во второй половине XIX в. способствовали как либеральные настроения в нашей стране в начале XIX в., так и позитивный зарубежный пенитенциарный опыт.

Большую работу по анализу зарубежной практики исполнения наказаний в целях использования в России провела правительственная комиссия по тюремному преобразованию при подготовке реформы 1879 г. Членами комиссии были изучены тюремные системы большинства стран Европы и США, поскольку проведение любой реформы немыслимо без анализа и обобщения опыта аналогичных иностранных органов исполнительной власти. Поэтому обращение российских пенитенциарных реформаторов к зарубежным достижениям при решении многих вопросов, в том числе в части либерализации условий содержания заключенных, не было случайным.

Отечественные ученые и практики не только изучали иностранные тюремные системы, но и выявляли наиболее приемлемые для России элементы организационно-правовых основ их деятельности. После отмены крепостного права правительство в лице Министерства юстиции и Главного тюремного управления не просто старалось демонстрировать свою приверженность к передовым достижениям западноевропейской пенитенциарной науки, одной из первостепенных задач было присоединение России к международному пенитенциарному сообществу и регулярное участие в международных тюремных конгрессах.

Гуманизация пенитенциарной политики Российской Империи нашла отражение в Общей тюремной инструкции 1915 г. [13], которая сконцентрировала в себе весь предшествующий отечественный и зарубежный передовой опыт и была весьма прогрессивной для своего времени.

Изоляция от внешнего мира и перегибы в карательной политике советского периода не позволили отечественной исправительно-трудовой системе продолжать эволюционное развитие в сторону гуманизации. В то время как демократические страны на уровне ООН и Совета Европы вырабатывали международные стандарты обращения с заключенными, основанные на признании равных и неотъемлемых прав каждого человека [1], в Советском Союзе имели место (особенно в 1922–1953 гг.) нарушения прав и свобод человека в местах лишения свободы. До начала 90-х годов прошлого века международные стандарты обращения с заключенными открыто не издавались в Советском Союзе и не освещались в учебниках по уголовно-исправительному праву [11].

При этом следует не забывать положительный отечественный опыт: в советском государстве проблемы труда в исправительно-трудовых учреждениях рассматривались не как проблемы ведомственные, а на государственном уровне. Это позволило в 1979 году полностью обеспечить работой 88,4 %, а в 1989 году — 91,9 % осужденных в местах лишения свободы [8]. Труд, как основное средство исправления, позволял осужденным не только покрывать расходы на содержание и погашать иски, но и материально помогать семье, давал им возможность получать рабочие профессии, а значит быть востребованным после освобождения. В настоящее время вывод осужденных на

оплачиваемые работы составляет: в 2012 г. — 35,6 % [9], в 2013 г. — 37 %, в 2014 г. — 40 % [10].

Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года, провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. Это дало возможность уголовно-исполнительной системе России продолжить прерванный на 70 лет путь к цивилизованному исполнению уголовных наказаний. В этом процессе Россия ориентируется на передовой пенитенциарный опыт, учитывает интересы и требования мирового сообщества по введению международных стандартов обращения с заключенными. Европейское сообщество активно стремится к всестороннему сотрудничеству государств в деле борьбы с преступностью и применения наказания к лицам, совершившим преступление. В связи с этим особую значимость приобретает соответствие российского уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной системы международным стандартам в области исполнения наказаний, в частности нормативным актам Совета Европы.

Основанный в 1949 году Совет Европы, старейшая на континенте международная политическая организация, был создан для защиты прав человека, укрепления демократии и обеспечения верховенства права. Российская Федерация получила официальный статус члена Совета Европы в феврале 1996 г. При обсуждении вопроса о принятии России в эту организацию были учтены не только происшедшие в стране позитивные процессы в политике, экономике, праве, но и готовность России в дальнейшем следовать по пути интеграции в европейское сообщество. Одним из показателей степени такой интеграции является состояние современного российского законодательства, в том числе относящегося к деятельности уголовно-исполнительной системы, что нашло свое отражение в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации 1996 г. Ратифицировав в 1998 году Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Россия подтвердила приверженность принципам гуманизма и демократии.

За последние 20 лет нашей стране удалось существенно снизить количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы, за счет сокращения применения лишения свободы в качестве меры пресечения и наказания, а также расширения альтернативных наказаний.

Проделана большая работа по приведению условий содержания лиц, заключенных под стражу, в соответствие с требованиями минимальных стандартных правил обращения с заключенными через организацию помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора, расширение действующих следственных изоляторов и строительство новых, соответствующих международным стандартам. В рамках реализации федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» [3] с 2007 по 2014 годы введено в эксплуатацию 10 209 мест в следственных изоляторах, в том числе построено 9 новых следственных

изоляторов. Сегодня в Российской Федерации функционирует 219 следственных изоляторов и 108 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов, в которых содержится 117 402 человека, при лимите наполнения 124 909 человек. Таким образом, средняя фактическая наполняемость составляет 93,99 %, средний размер площади камер, приходящийся на одного содержащегося под стражей в следственных изоляторах, на 01.01.2015 составляет 4,3 кв. метра [4].

В целях повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития 14 октября 2010 г. утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [5].

Концепцией поставлена задача изменения структуры уголовно-исполнительной системы, создания новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, отказа от коллективной формы содержания осужденных. В настоящее время образована межведомственная рабочая группа по выработке

предложений, направленных на корректировку отдельных положений Концепции [6].

Следует сказать, что изучение и применение иностранного опыта происходит не только в нашей стране и странах постсоветского пространства. Европа не менее внимательно изучает многолетний российский опыт исполнения лишения свободы в колониях различных видов режимов, где осужденные имеют относительную свободу передвижения внутри учреждения [2]. Применение подобного опыта может помочь решить общую для Европы проблему перенаселенности пенитенциарных учреждений.

России, как демократическому государству, свойственны универсальные тенденции в формах и методах борьбы с преступностью, в том числе и в пенитенциарной сфере.

Выявление положительной зарубежной практики и сравнительный анализ пенитенциарного законодательства ведущих демократических стран мира должны быть направлены на решение приоритетных задач и совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы России.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. // Приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году.
2. 13-я Конференция директоров пенитенциарной администрации, Страсбург, 6–8 ноября 2002 г.; 15-я Конференция директоров пенитенциарной администрации, Эдинбург, 9–11 сентября 2009 г.
3. Постановление Правительства РФ от 05.09.2006 № 540 «О Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)». // Собрание законодательства РФ, 25.09.2006, № 39, ст. 4075.
4. В соответствии со ст. 23 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» норма санитарной площади в камере на одного человека устанавливается в размере четырех квадратных метров.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2013 г. № 1616-р.
7. Говард Дж. Записка относительно состояния русских тюрем. / Дж. Говард / Тюремный вестник – 1894. – № 1.
8. Детков М. Г., Шамсунов С. Х. и др. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. – М., 2009. – С. 199.
9. Доклад директора ФСИН России Г.А. Корниенко на расширенном заседании коллегии ФСИН России «Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы в 2012 году, задачах на 2013 год и путях реализации второго этапа Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://фсин.рф/news>
10. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2014 г. – М.: ФСИН России, 2015. – С. 11.
11. Зубков А. И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века / учебник для вузов. – М.: Норма, 2006.
12. Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. – С.-Пб.: Тип. МВД, 1865. – С. 1.; Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – М.: Добросвет-2000, Городец, 2000. – С. 288.
13. Пертли Л. Ф. Общая тюремная инструкция 1915 года как историко-правовая основа пенитенциарного законодательства. // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 2. – С. 199–206.

Izarova Iryna Oleksandrivna,
Associate Professor at the Department of Justice,
the Faculty of Law of Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: Irina.izarova@gmail.com

New Concept of Civil Procedure in a Policivilization World

*The rivalry of the superpowers is replaced by the clash of civilizations.
Huntington S. The Clash of Civilizations*

Abstract: The article devoted to the new concept of civil procedure and its determining factors. Current stage of development of civil procedure codification changes with the new paradigm of modern society. The interstate organizations and unions became more powerful and influences on the approval of such human and civilization values as the supremacy of law, access to judicial remedy. Now we need to pass to the next stage — regional rules of civil procedure, which could guaranteed effective protection of the rights of the participants of the economic relations.

Keywords: Civil Procedure, regional rules of civil procedure, Association Ukraine-EU.

Approximation of legal systems and harmonization of civil procedure in the EU marked the move to a new stage of development of civil procedure, which could be called, as R. Van Kanigem logically concluded [1, 2–9], the era of regional rules of civil procedure. An important prerequisite for the transition from the stage of development of civil codification process is a changing paradigm of modern society — from the principle of self-determination of nations to the principle of cooperation on the basis of interstate organizations and unions, the approval of such human and civilization values as the supremacy of law, access to judicial remedy.

Scientific interest in the problems of civil process never dies, it is worth noting the works of V. Komarov, M. Storm, C. Van Rhee and others. In this article we will try to analyze prerequisites of transition to a qualitatively new stage in the development of civil procedure, which is characterized by trends forming new models of civil proceedings for countries practicing common civilization and cultural values, including the Europe, states of which combines various regional associations.

What is the paradigm of modern society characterized by and how it will affect the further development of civil procedure? The world after the “Cold War” has become multipolar and policivilization that caused significant changes in the formation of social perception and modern legal concepts. Significant transformation of economic relations, which are currently focused on creating sustainable stable regional associations between the economically developed countries in order to develop a common market and ensure the normal life of society contributed to this.

All of this has contributed directly to the process of approximation and harmonization of the legal systems of civil procedure. And, as correctly observed by M. Storm, dealing with the phenomena of nature such as the harmonization of civil procedure it is necessary first of all to start from the political goals of the entire legal system [2, 209]. We should also agree with V. Komarov, who noted that a clearly expressed trend of convergence of different national and continental cultures in civil process has intensified the search for models of effective legal proceedings in connection with the modern

needs of access to justice [3, 22]. And it definitely contributed to the development of trends in the establishment of the regional rules of civil procedure.

S. Huntington in his article offered some ideas for a new building of the modern world — to change the social paradigms of the postwar world to policivilization and multipolar world. In his book “The Clash of Civilizations” he quite convincingly proved that the modern world is the world of cultural differences, which have the highest value for human: origin, religion, language, history, customs and social institutions and the role of the nation states is reduced compared to the role of interstate organizations [4, 17].

Through an active research of A. Toynbee, F. Braudel, S. Huntington and other scientists the theory of civilizations quite objectively reproduce the picture of the modern world. The opinions of scientists on the nature of civilization formations distinguish from each other. In particular, according to Herodotus, the basis of modern civilization are blood, language, religion and way of life [5, 54], but in a more modern interpretation — cultural space, a set of cultural characteristics and phenomena, geographical space and economic ties (F. Braudel) [6, 45], the highest cultural identity and the broadest level of identification — in addition to distinctions between humans and other species (S. Hantington) [7, 54–60].

Among the most traditional approaches to world civilization order were offered seven and more cultures (S. Huntington, O. Spengler, A. Toynbee, F. Braudel etc.). Without going into a detailed analysis of the criteria for their selection, it should be noted that a key role in the allocation of different civilizations play religion and culture, common historical past and traditions.

For Ukraine, the issue of policivilization development in the modern world is essential. Combining huge, the largest territory, which is entirely in Europe, holding one of the many communities, Ukraine is almost on the border of separation between different cultures and civilizations. While in the West of the country dominates the influence of European cultural, religious and customary traditions, the East of the

country tends to some extent to a different culture, which was formed in the territories of the former Russian Empire.

It is impossible to say with certainty that the Orthodox civilization represents radically other opposing views and traditions, but there are some differences. With further development of the domestic civil procedural law and the choice of certain ways of its reforming it is necessary to consider, first of all, not economic or geographical factors, but cultural and civilization factors that will provide a more successful implementation.

Indeed, based on the principles of policivilization paradigm it is not difficult to understand the success and the evolutionary significance of the European Convention 1950 and Brussels Convention 1968, which consolidated the unified common European civilization idea of fair justice, for the development and approximation of the legal systems of modern European countries.

Extrapolating these ideas into the plane of civil procedure it should be noted that the implementation of the new world order as a result of the Peace of Westphalia XVII, where the defining role played sovereign states, was the beginning of the era of codification of civil proceedings, which led to the establishment of national procedural models in the modern world. The current stage characterized by the effect of policivilization approach will be a transition, which combined with the development of stable economic ties would lead to a generalization of similar principles of national procedural models and formation of the consolidated regional rules of civil procedure. However, "regional" in this context should not be taken solely in the territorial sense — as well as the Council of Europe unites states, supporting common European values, the regional rules of civil procedure should be based on common shared values of civilization.

Despite the fact that the harmonization of civil procedure is more caused by economic factors than the cultural, in particular with the formation of the EU and the implementation of a common market between independent states — it was planned by its members the implementation of the common legal space (A Genuine European Area of Justice), but the further future of the civil process, of course, is connected with the cultural space of people who share the same legal values and perceptions of fair justice.

M. Cappelletti and B. Garth noticed that civil proceedings are usually considered as the last, but possible, variant of protection, which undoubtedly influences their behavior in exercising of their rights [8, 1–2]. Under the conditions of an integrated common market and interstate association residents of the EU, whom by the Treaties equal rights and access to justice were ensured, are as foreigners in other Member States, as well as nationals of non — member of EU and national procedural systems of the Member States, as the practice has shown, significantly differ in their procedures.

Statistics show that there are quite substantial differences between national procedural systems of Member States of the European Community [9]. These indicators in different states — EU members are essential for their further development and integration. As rightly observes K. Van Rhee,

the inconsistency of the rules of civil procedure in the European context prevented the normal functioning of the European internal market [10, 589–611]. Differences between civil procedures, as absolutely right remarks M. Storm, create extreme difficulties for judges and lawyers, and also cause unexpected results of this process for the parties [2].

A. Uzelac, developing the idea of the absence of a single model of civil proceedings in Europe, notes the presence of dividing to EC members, that abide by the general principles of the legal proceedings and ensure the effective protection of human rights, as well as to those that still stand in the way to the establishment of such effective model (Bulgaria, Romania, states of the former Yugoslavia) [11, 71–96]. These states, including Ukraine, A. Uzelac refers to the countries of so-called «Mediterranean civil procedure», which differ in resembling features of national procedural models. Although this division undoubtedly has highly conditional nature and shows the current transitional phase of the civil process in these countries.

Sensing the threat posed by the differences in the effectiveness of civil procedural systems of different EU member states for the effective development of the common market, by the latest EU programs significant new direction for their development was started. The processes that are taking place in the EU, clearly indicate that society is on a new path of development of a general model of social values inherent in a certain forms of civilization. We cannot deny the existence of universal values upheld by the whole world, but in regard to specific forms and mechanisms of intrasocial cooperation at the present stage of development it should be considered certain groups that are characterized by the same values.

A Genuine European Area of Justice is now manifested in the so-called cross-border process — European Civil Procedure or Civil Procedure of the EU. This mechanism consists of a supranational EU legislation, which regulates relations in proceedings and judgments of cross-border nature by the courts of the Member States. Provisions, which became institutions of EU civil proceedings, show common aspirations of European community to create a common area of civil justice in order to ensure a common market and the rights of its inhabitants. But the sphere of civil procedure of the EU is limited to cross-border cases — cases that are considered by the competent courts of the Member States with the participation of nationals of other Member States.

Criticizing the policies of pan-European cross-border settlement of disputes and non-use of these provisions to internal disputes, M. Storme notes that the differences between Member States according to their rules of dispute settlement have permanent, at least potentially, cross-border effects [2].

K. Van Rhee points out that the differences in the civil procedure law can often be solved only by the actions within the EU, but not by measures at the national level [10]. So now exists an urgent need to further development of the EU civil procedure as a system of supranational legislation regulating cross-border disputes and as an alternative to the national legislation of EU Member States.

It is worth noting that the extension of the principles of EU civil procedure on the internal disputes of its Member States will not lead to the violation of the sovereignty of the state. Effective national justice systems are crucial for the effectiveness of all EU legislation, because every time when a national court applies EU legislation, it acts as a “court of the Union”. If the rights guaranteed in the EU legislation are initiated, the national court will ensure effective judicial protection for all. Thus, deficiencies in the national justice is not only a problem for a particular member state, but also can affect the functioning of the common market and the entire legal system of the EU, which is based on mutual trust [12].

M. Cappelletti and B. Garth noted that procedural legislation — it is not just technology or methods for regulating of the courts activity, because procedural law, in particular, details the role of the state, through state courts regulates disputes, creating new substantive rules and procedures and implements them with the law [8, 80–91]. However, the major changes taking place in modern society require changes in traditional approaches and concepts of civil procedure. Policivilization paradigm of the modern world due to cultural factors changed the main traditional approaches to understanding of the state and civil process, an important role is also played by economic relations.

The harmonization of civil process and the formation of European Civil Procedure clearly illustrate the gradual change in the social development paradigm; approaches to the definition of the role of nation-states in the development of society are significantly changing. S. Huntington noted that in the modern world the state power is largely lost the ability to control cash flows coming into the country or leave it out, and is facing increasing difficulty in controlling the flow of ideas, technology, goods and people, and therefore the government borders have become as transparent as possible, a strong state, generally accepted as the norm by the time of the Peace of Westphalia, gradually die off and here arises a complex variety of multi-level international order that is very reminiscent of the Middle Ages [4, 37]. K. Popper observed that more absurd theory, than the right of nations to self-identification does not exist — the principle of self-identification implies that each State should be the nation, and its borders must be the natural boundaries of the ethnic group, the “nation”, which defines and protects the natural boundaries of the state [13, 608]. On the example of Czechoslovakia, he quite convincingly substantiated that such nation states do not actually exist and the modern world has to be based on the principles of individual value and social cooperation.

Transforming these views into the civil procedure, one can say with certainty that for its further development in the future national procedural systems, formed in Europe during the codification XVIII–XX centuries, will gradually give way to the regional rules, which will cover the civilization borders, where are supported the joint, if not even the unified, principles of the execution of justice. Further divergence of

procedural systems in the framework of national states does not correspond to current economic conditions that have changed significantly, as well as those which are subject to further efforts of humanity — effective and mutually beneficial interaction between all developed countries.

Civilization as the highest cultural value provided an opportunity for reflection and reassessment of the role and interaction of modern states in the modern world. As noted by S. Huntington, this is a cultural community, and not political, because they are not involved in the maintenance of order, the restoration of justice and tax collection [4, 50–53], it distinguishes them from the nation states and, in particular, determines the success of organizations such as the Council of Europe. It is necessary to note once again the fact that the development and transformation of the modern model of civil procedure as a mechanism for judicial remedy are essentially connected with economic relations and will be determined not by the scientific dogma, but by the objective political and economic environment in which it will exist.

It should be noted that the pan-European values, which have become a prerequisite and basis for the harmonization of civil proceedings in the EU Member States are a historical heritage of European civilization. They are shared by all parties of the Council of Europe, ratified the European Convention and assumed the relevant international obligations in implementing and developing of pan-European values, supremacy of the law, access to judicial remedy and the like.

In our opinion, these processes have necessitated the implementation of regional rules of civil procedure, which provisions should defend the common principles of justice. At the present stage of development of civil procedure the implementation of regional rights as such, which combine common for a particular group basis, allows us to overcome obstructions in national civil procedural law and to create economically advantageous conditions for the development of transnational relations and adoption of common values.

The new concept of civil procedure, which is formed today in the conditions of the policivilization paradigm of modern world, necessitated the preparation of new regional rules that will embody the general principles of the administration of justice, ensuring the sustainable development of economic relations. These European Rules of Civil Procedure will be the central core of the new European system of civil procedure, which will be open to states and organizations that profess the common European values and the central core of the real European civil procedure.

Participation of Ukraine and other countries — members of the Council of Europe, which support the provisions enunciated by the European Convention, in developing or implementing of regional rules of civil procedure should be considered as the essential and promising, providing the relevant European aspirations, approximate historical and traditional notions of civil procedure, since its formation is important and plays a crucial role in determining the future of its further implementation.

References:

1. Van Caenegem R. C. History of European Civil Procedure. // Encyclopedia of comparative law. – Volume XVI. Civil Procedure. – Ed. M. Cappelletti. – 1987. – P. 2–9.
2. Storm M. Improving access to Justice in Europe/Marcel Storm//Teka Kom. Praw. – OL PAN, 2010. – P. 207–217.
3. Комаров В. В. Цивільний процес у глобальному контексті./В. В. Комаров//Право України. – 2011. – № 10. – С. 22.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций./пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с. – С. 17.
5. Геродот. Истории в девяти книгах. – К.: Наук. думка, 1993. – 576 с. – С. 54.
6. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций: пер. с фр./Фернан Бродель; предисл. М. Эмара. – М.: Весь Мир, 2008. – 552 с. – С. 45.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций./С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с. – С. 54–60.
8. Cappelletti M. Introduction – Policies, Trends and Ideas in Civil Procedure./M. Cappelletti, B. Garth//Encyclopedia of comparative law. – Volume XVI. Civil Procedure/ed. by M. Cappelletti. – 1987. – P. 1–2.
9. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions The 2014 EU Justice Scoreboard.//[Electronic resource]. – Available from: http://ec.europa.eu/justice/effective-justice/files/justice_scoreboard_2014_en.pdf.
10. Van Rhee C. H. Civil Procedure: A European Ius Commune?/C. H. Van Rhee//European Review of Private Law. – 2000. – P. 589–611.
11. Uzelac A. Reforming Mediterranean Civil Procedure: Is There A Need For Shock Therapy?//Rhee C. H., Uzelac A. (eds). Civil Justice between Efficiency and Quality: From Ius Commune to the CEPEJ. – Oxford, 2008. – P. 71–96.
12. Effective justice systems.//[Electronic res.] – Available from: http://ec.europa.eu/justice/effective-justice/index_en.htm.
13. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания/К. Р. Поппер. – М., 2004. – 638 с. – С. 608.

*Kolotukhin Sergei Mikhailovich,
Federal state institution Scientific research Institute
of Federal service of execution of punishments
of the Russian Federation, chief scientific officer,
doctor of legal Sciences, Professor
E-mail: kolotushkinsm@mail.ru*

*Egelsky Vitaly Aleksandrovich,
Federal state institution Scientific research Institute
of Federal service of execution of punishments
of the Russian Federation, head of Scientific Research Center
E-mail: bor2275@yandex.ru*

To the question of the identification of the person by picture elements of the face not covered mask

Abstract: in the article the analysis of technical and forensic capacity, i. e. identification of a person in the image of the individual elements of his face in the video materials. In conditions when criminals use the mask on the face, the problem of identification in the context portrait of expertise, becomes relevant. Modern CCTV systems allow you to capture high resolution that provides for the allocation of such signs, which are not covered with the mask. Such sites are the facial areas around the eyes, mouth and dental apparatus. Constant repeatability and consistency of appearance and disappearance of individual wrinkles and folds form a set of individual characteristics, sufficient to identify the person.

The structure of the dental apparatus is individualizing features — configuration of the edges of the teeth; various forms of the teeth and their relative positions, places and points where they touch, the signs of deformities and diseases of the teeth. For identification can be used the method of comparison when investigating the shape of the trace of the relative positions of its individual elements, highlighting common and private signs.

Keywords: habitoscopy, face mask, human identification, elements of the face, the teeth, the video image.

Колотушкин Сергей Михайлович,
Федеральное казенное учреждение
Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказаний Российской Федерации
главный научный сотрудник,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: kolotushkinsm@mail.ru

Егельский Виталий Александрович,
Научно-исследовательский институт ФСИН РФ,
начальник научно-исследовательского центра
E-mail: bor2275@yandex.ru

К вопросу о возможности идентификации человека по изображениям элементов лица человека, не закрытой маской

Аннотация: в статье проводится анализ технико-криминалистических возможностей идентификации человека по изображению отдельных элементов его лица в материалах видеозаписи. В условиях, когда преступники используют маски на лице, проблема идентификации в рамках портретной экспертизы, становится актуальной. Современные системы видеонаблюдения позволяют фиксировать человека с высоким разрешением, что обеспечивает выделение таких признаков лица человека, которые не закрыты маской. К таким участкам относятся мимические зоны вокруг глаз, у рта, а также зубной аппарат человека. Постоянная повторяемость и последовательность появления и исчезновения отдельных морщин и складок образуют комплекс индивидуальных признаков, достаточный для идентификации человека.

Строение зубного аппарата человека имеет индивидуализирующие особенности — конфигурация кромки зубов; формы различных зубов и их взаиморасположение, места и точки их касания, признаки деформаций и болезни зубов. Для идентификации может быть использован метод сравнения, когда исследуют форму следа — взаиморасположение его отдельных элементов, выделяя общие и частные признаки.

Ключевые слова: габитоскопия, маска лица, идентификация человека, элементы лица, зубы, видеонаблюдение, изображение.

При совершении преступлений с тем, чтобы скрыть свое лицо от систем видеонаблюдения преступники используют маски, парики, широкие темные очки; низко опущенный козырек головного убора либо капюшон. В последнее время в преступной среде, а также среди участников разного рода экстремистских организаций стало популярным использование балаклав. Балаклава — головной убор (вязанный шлем) закрывающий голову и лицо, оставляя небольшие прорезы для глаз и рта, обычно они изготавливаются из шерсти, полиэстера или флиса.

В отдельных случаях балаклаву заменяют маской для лица. Это связано с тем, что балаклава, особенно темного цвета, заметна и выделяет человека из толпы, например на стадионе или во время уличных демонстраций. Правоохранительные органы, как правило, в целях профилактики и предотвращения противоправных действий активнее реагируют на людей в балаклавах. Маска создает видимость лица человека, и заметить эту имитацию можно только с близкого расстояния. В маске как и в балаклаве делаются прорезы для глаз и рта (рис. 1).

Рис. 1. Балаклава и маска для лица с прорезями для глаз и рта

Как известно, с помощью портретной экспертизы устанавливается личность преступника или погибшего человека, потерпевшие и очевидцы. В случае использования масок лица существующих методик, основанных на сопоставлении константных точек, наложении разноименных половин лица, симметрии элементов внешности и др., невозможен или существенно затруднен. Необходимо разработка таких методов, которые обеспечивали бы идентификацию человека по изображению его отдельных элементов лица. На видеоряде рис. 2 видно, как

Рис. 2. Видеоряд отдельных кадров видеозаписи изображения человека в маске в момент моргания глазами

В наших исследованиях, мы предприняли попытку выделения и анализа отдельных элементов лица на примере близнецов. Интерес к исследованию портретов близнецов был связан с тем, что их внешняя схожесть затрудняла задачу идентификации как по изображению портрета в целом, так и отдельных элементов лица. Для проверки возможности идентификации человека по изображению отдельных элементов лица, а также зубного аппарата нами был проведен ряд экспериментов с использованием близнецов юношей и девушек, имеющих высокую степень сходства и еще не имеющих возрастных изменений в комплексе признаков их внешности. Экспериментальные

а)

б)

Рис. 3. Пара близнецов, участвующих в экспериментах по оценке возможности идентификации человека по изображениям мимических складок в районе глаз и по изображению зубов: а) — близнец № 1; б) — близнец № 2

с использованием системы видеонаблюдения фиксируются изменения складок лица около левого глаза в момент моргания. При стандартной скорости видеозаписи 25 кадров в секунду процесс моргания глазами отображается на 6–9 кадрах. В отличие от фотографии на кадровом просмотре материалов видеозаписи видна динамика изменения топографии и формы морщин и складок лица. Другими словами, видеозапись фиксирует динамику мимических изменений отдельных (частных) признаков на лице человека.

исследования включали видеозапись 12 пар близнецов в разных ракурсах при смене мимики: улыбка, смех, хмурость, удивление, произнесение отдельных слов и фраз с разной силой голоса — от шепота до крика. На рис. 3 в качестве примера приведена одна пара близнецов — мужчин в возрасте 20 лет, с ними исследовалась возможность идентификации по изображениям мимических складок в районе глаз и по изображению зубов. Видеозапись проводилась с расстояния 1,5–3,0 метра, что соответствует условиям работы стационарных систем видеонаблюдения банкоматов, кассовых аппаратов, а также рубежного контроля на входах в помещения или территории.

Проведенные исследования были ориентированы на изучение изображений тех участков лица, которые открыты при использовании маски (балаклавы), а именно — линии глаз, рта и зубов. Проведенные исследования показали устойчивость мимических деталей человека, постоянная повторяемость и последовательность появления и исчезновения отдельных морщин и складок образуют комплекс индивидуальных признаков, достаточный для идентификации человека. Наибольшие трудности возникают при выборе той или иной мимики человека и степени ее выраженности. Так, улыбка зависит от множества факторов — эмоционального состояния человека, настроения, этикета и т. п. По-разному человек моргает и жмурится, и этому множество причин — от яркого света и сильно внезапного звука (выстрела), до чихания.

Результативность работы по отождествлению человека по материалам видеозаписи в условиях, когда на лице находилась маска, зависит от качественного подбора сравнительных образцов. Для этого необходимо производить видеозапись подозреваемого (обвиняемого) с соблюдением целого ряда условий, которые должны соответствовать характеристикам представленных для исследования материалов видеозаписи. К таким условиям относятся: направление

и уровень освещения, ракурс участка лица, конкретная мимика и ее выраженность, скорость видеозаписи и др.

Важно отметить, что динамические признаки человека отобразить с помощью фотосъемки практически невозможно, так как время проявления, изменения и угасания этих признаков измеряется миллисекундами. При получении сравнительных образцов необходимо использовать только видеозапись, а в последующем при покадровом просмотре выбирать те изображения, которые необходимы для сравнительного исследования. В отдельных случаях, в качестве сравнительных образцов могут выступать свободные образцы видеозаписи идентифицируемого человека. Как правило, в качестве таких материалов выступают любительские видеофильмы.

На рис. 4 показан видеоряд кадров видеозаписи двух мужчин — близнецов с расстояния 1,5 м. при скорости видеозаписи 25 кадров в секунду, при обычном дневном освещении и при освещении комнатных лам накаливания. В качестве мимического проявления было выбрано зажмуривание при резком хлопке ладонями перед лицом испытуемого. Проведенные исследования показали, что рисунки морщин у наружного угла глаза и на переносице наиболее выражены и динамически активны.

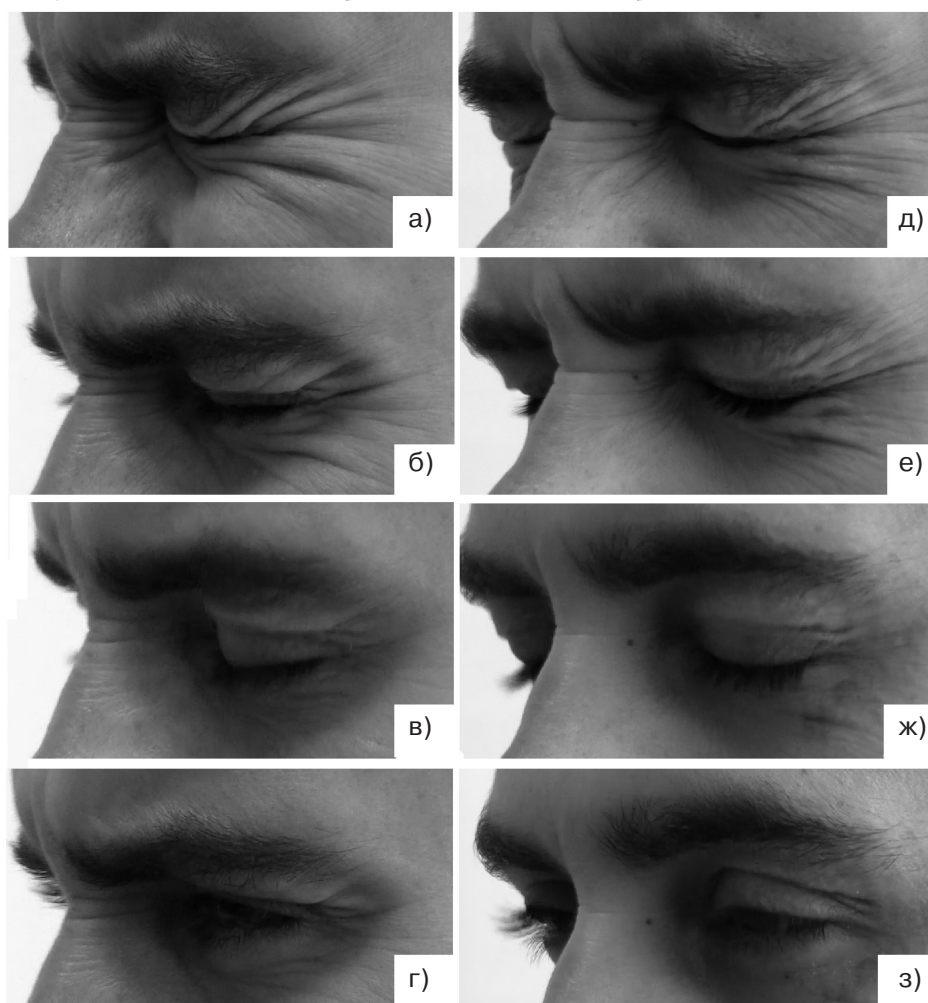

Рис. 4. Видеоряд изображений морщин и складок у наружного угла глаза и на переносице при зажмуривании двух мужчин-близнецов: а), б), в), г) — видеоряд изображений близнеца № 1; д), е), ж), з), — видеоряд изображений близнеца № 2

Покадровый анализ позволяет четко фиксировать количество, направление, размеры и взаиморасположение морщин и складок. Наибольшую выраженность они имеют при сильном зажмуривании глаз, в дальнейшем, при открывании глаза топография и степень выраженности их меняется.

Возможности отождествления человека по строению его зубного аппарата давно изучены в криминалистике, достаточно подробно раскрыты методические основы подобной идентификации в трасологии. Используемые в трасологии методы основаны на таких подходах как объемность следа, его характерность в динамике отображения на различных объектах. В данной статье предпринята попытка обоснования возможности идентификации человека по изображению зубов, зафиксированных на фотоснимках и в материалах видеозаписи.

Наблюдение и фиксация строения зубного аппарата человека, может иметь место при употреблении человеком пищи, разговоре, смехе, курении, преодолении физических нагрузок и боли и в других ситуациях. Иногда, отдельные физиологические свойства человека, находящегося в статическом положении, позволяют наблюдать строение его зубного аппарата — приоткрытый рот во время сна и т. п.

Известно, что зубы человека имеют сложное строение, как известно, зубной аппарат представлен резцами, клыками, молярами и премолярами; их взаиморасположение, очередность и конфигурация индивидуальны. Ярко выраженные особенности зубного аппарата, а также отклонения от нормы в строении и форме зубных рядов,

нарушения прикуса могут выступать индивидуализирующими признаками конкретного человека. К таким признакам относятся скученность и редкость зубов, формы и места соприкосновения зубов между собой. Форма зубных рядов может быть разнообразной: уплощенная, вытянутая, седловидная или гитарообразная, треугольная, трапециевидная. Иногда зубной ряд имеет асимметричную форму. Формы зубных рядов многообразны, скученность зубов в одном участке может сочетаться с их редкостью в другом участке, при этом формы верхнего и нижнего зубных рядов могут быть не связаны между собой. Кроме того, к индивидуализирующим признакам можно отнести отсутствие одного или нескольких передних зубов, сильно выступающие клыки, а также коронки, десна и т. п.

Применительно к судебно-следственной практике фиксация зубного аппарата человека особенно важна тогда, когда другие признаки головы и лица человека не видны или закрыты. Здесь можно выделить типичные для этого ситуации — надетая на голову маска, но при этом область рта открыта; надеты парик и темные очки; низко опущенный козырек головного убора; зафиксирована только нижняя часть лица человека (например, запись видеокamеры банкомата) и др.

При проведении экспериментов близнецы выполняли одинаковые действия, связанные с открытием рта и наблюдением их зубов: широкая улыбка; громкий смех с запрокидыванием головы; громкое произношение слов с сильно выраженной артикуляцией шипящих звуков (рис. 5).

Рис. 5. Изображение зубов при громком произношении слов с сильно выраженной артикуляцией шипящих звуков: а) — близнец № 1; б) — близнец № 2

Проведенные исследования показали, что при решении идентификационных задач необходимо анализировать такие параметры как масштабность изображения и ракурс, под которым наблюдается зубной аппарат человека. При выборе единого масштаба можно выбрать любой элемент зубного аппарата, например, передний зуб и привести его увеличением или уменьшением к одинаковому размеру на исследуемых изображениях (рис. 6).

В качестве изображений могут быть фотографии или отдельные кадры видеозаписи. В дальнейшем был использован

метод сравнения, традиционный в трасологии, когда сравниваем форму статического поверхностного следа — взаиморасположение его отдельных элементов, выделяем общие и частные признаки. Например, в качестве сравнения общих признаков может выступать конфигурация рабочей кромки зубов. Используя метод наложения, при едином масштабе изображения, можно наблюдать, что конфигурация кромки зубов разных лиц различна. В качестве частных признаков выступают формы различных зубов, места и точки их касания, признаки деформаций и болезни зубов.

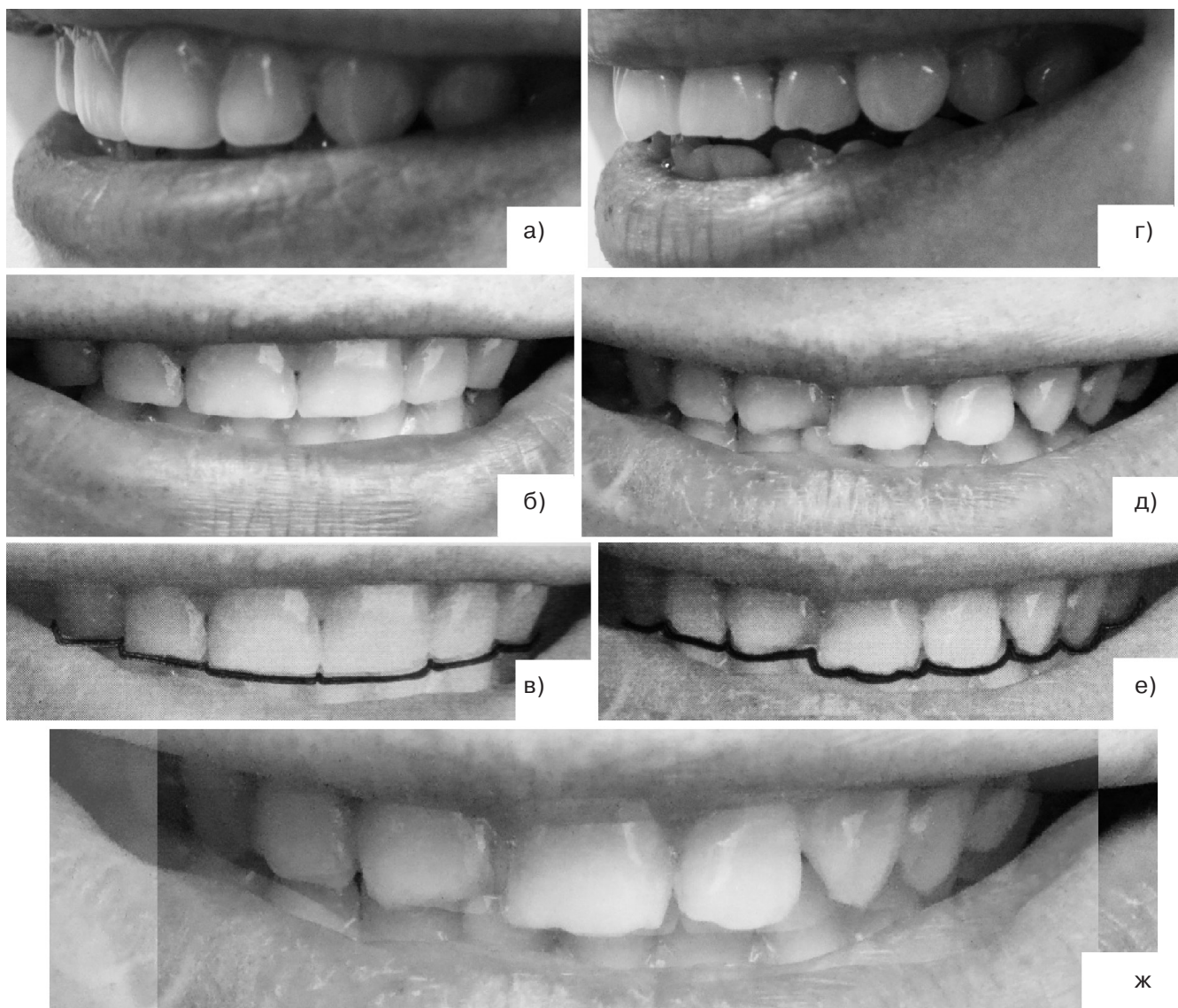

Рис. 6. Сравнение наблюдаемого зубного аппарата двух близнецов: а), б), в) — зубной аппарат близнеца № 1; г), д), е) — зубной аппарат близнеца № 2; в), е) — контуры верхних зубных рядов двух близнецов; ж) — наложение изображений передних рядов зубов двух близнецов

Проведенные исследования показали реальную возможность идентификации человека по изображению его зубного аппарата на фотоснимках, сделанных на расстоянии до 3 метров, и в материалах видеозаписи, произведенной с расстояния до 1,5 метра. Чаще всего с такого расстояния производится видеозапись банкоматов, систем рубежного контроля (входы — выходы, зоны кассовых аппаратов, пассажирские эскалаторы, общественный транспорт, периметры охраны и др.).

Особое развитие в настоящее время получили основанные на использовании современной компьютерной техники и программного обеспечения автоматические банки данных (АБД) и автоматические информационно-поисковые системы (АИПС), которые решают задачи,

в том числе и по внешнему облику человека. В тоже время, современная АИПС «Портрет», а также различные программы, применяемые в правоохранительных органах, по составлению субъективных портретов разыскиваемых лиц, не имеют функций, позволяющих индивидуализировать зубной аппарат человека. К сказанному следует добавить, что особенности строения зубного аппарата необходимо использовать и при составлении словесного портрета, в тех случаях, когда присутствуют аномалии и ярко выраженные признаки.

Таким образом, развитие современной техники, в том числе систем видеонаблюдения, позволяет расширять возможности по установлению идентификации личности, в том числе по изображению элементов лица, не закрытых маской.

*Kolotukhin Sergei Mikhailovich,
Federal state institution Scientific research Institute
of Federal service of execution of punishments
of the Russian Federation, chief scientific officer,
doctor of legal Sciences, Professor
E-mail: kolotushkinsm@mail.ru*

Determinants that contribute to the use of explosive devices in the Commission of crimes

Abstract: the article considers the main determinants that lead to the use of explosive devices as weapons of offence. It is shown that explosive devices have a large affected area, they can be used remotely in advance of their installation at various sites. An explosion at the scene leaves minimum residue, suitable for tracing the criminals. Knowledge of design features and ways to use explosive devices allow to increase the efficiency of detection and investigation of crimes connected with the explosion.

Keywords: IED, explosives, crime, investigation done, criminalistic characteristic, the shock wave and shrapnel damage Deposit, remotely control the scene, traces.

*Колотушкин Сергей Михайлович,
Федеральное казенное учреждение
Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказаний Российской Федерации,
главный научный сотрудник,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: kolotushkinsm@mail.ru*

Детерминанты, обуславливающие использования взрывных устройств в совершении преступлений

Аннотация: в статье рассмотрены основные детерминанты, обуславливающие использование взрывных устройств как орудий преступления. Показано, что взрывные устройства обладают большой зоной поражения, они могут применяться дистанционно с заблаговременной их установкой на различных объектах. При взрыве на месте происшествия остается минимум следов, пригодных для розыска преступников. Знание конструктивных особенностей и способов применения взрывных устройств позволяют повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, связанных со взрывом.

Ключевые слова: взрывное устройство, взрывчатые вещества, преступление, расследование, криминалистическая характеристика, ударная волна и осколочное поражение, дистанционность управления, место происшествия, следы.

Природа и сущность криминалистической взрывотехники, прежде всего, связаны с вопросами о причинной обусловленности преступлений, связанных с применением взрывных устройств (ВУ). Научный интерес этой области криминалистики сосредоточен на выявлении детерминирующих связей, противоречий и условий, когда предметом и (или) орудием преступления выступают ВУ.

Современное социально-экономическое положение в России породило целый комплекс социальных, политических, демографических и других проблем, в котором отражается рост количества преступлений, связанных со взрывом:

1. Нарушение устойчивых социальных связей между людьми, увеличение психологических нагрузок, стрессов

и эмоциональных срывов, порождаемый необходимостью адаптации к новым экономическим условиям, культ насилия и жестокости, авторитета силового решения любых конфликтов.

2. Изменение социальной структуры общества (появление большого количества безработных, имеющих высокую квалификацию, в том числе в области взрывного дела; создание разнообразных формальных и неформальных организаций, осуществляющих специальную военную подготовку своих членов).

3. Негативные последствия неудачных реформ в Вооруженных Силах в 90-х годах прошлого столетия — отток высококвалифицированных военных специалистов в организованные преступные группы, слабый контроль

за хранением боеприпасов и взрывчатых веществ в местах постоянной дислокации войск и в зонах военных конфликтов.

4. Достаточно высокий научный, профессиональный и производственный потенциал в сфере взрывных технологий в России (военно-промышленный комплекс, добыча полезных ископаемых, металлургия, строительные работы и др.), позволяющий сформировать широкую сеть специалистов разной квалификации практически во всех регионах страны.

5. Развитие промышленности и современных технологий позволяющее создавать средства двойного назначения — коммуникационных связей (радиотелефоны, пейджеры, оптоволоконные системы), источников питания (многофункциональные, комбинированные, ампульные батареи и аккумуляторы), высокоразрешающих автоматические систем контроля и охраны (чувствительные датчики, реле, усилители и микропроцессоры-анализаторы), которые могут быть использованы как компоненты взрывателей самодельных ВУ самого разного назначения и принципа действия.

6. Информационная революция, связанная с широким внедрением компьютерных технологий, а также бесконтрольный поток «вольных» публикаций (в том числе экстремистского толка) [1]. Информация, касающаяся вопросов изготовления и боевого применения взрывных устройств, традиционно считавшаяся закрытой, стала доступной для всех интересующихся.

Указанные вопросы, прямо и косвенно касающиеся криминалистической взрывотехники, представляют особое значение при рассмотрении объективной и субъективной стороны преступлений, связанных с применением ВУ.

Взрывные устройства обладают рядом выгодных качеств, способствующих подготовке, осуществлению и сокрытию преступления. С одной стороны, эти качества выражаются в природе самого взрыва (большая разрушительная сила), с другой, разнообразие взрывных устройств позволяет реализовывать самый широкий спектр преступных замыслов:

1. Быстрый эффект поражения или разрушения объекта преступного посягательства. Действительно, совершение террористического акта может осуществляться с применением взрыва за короткий промежуток времени, чем достигаются внезапность и быстрота действий на месте преступления, а также ошеломляющий эффект, подчеркивающий дерзость и демонстративность преступных намерений. При уничтожении чужого имущества, например, автомашины, преступниками может быть осуществлен поджог или механическое разрушение. Однако переход поджога в пожар требует времени и, кроме того, существует вероятность затухания очага воспламенения или его ликвидация средствами пожаротушения. Механическое разрушение автомашины также требует времени и отсутствия охраны и очевидцев.

2. Дистанционное управление взрывом. Конструкции взрывателей и средств инициирования взрыва позволяют производить взрыв с замедлением (часовые механизмы), управлять взрывом по радио или проводам. Заблаговременная установка ВУ на объекте дает возможность производить взрыв дистанционно. При автономном режиме функционирования ВУ (например, часовой механизм взрывателя) присутствие человека исключается. Наиболее ярко это качество выражается на таких объектах, где имеется службы безопасности или охраны, способные быстро и эффективно применять меры по оцеплению района происшествия, вести поиск и преследование нападающего.

Визуальный контакт с использованием оптических средств наблюдения с объектом поражения может достигать по дальности нескольких километров, что обеспечивает скрытность действий преступников. Подача сигнала на взрыв в таких случаях обеспечивается радиолнией с высоким уровнем помехозащищенности и дальности приема радиосигнала. Преступники могут использовать различные каналы связи (телефон, сигналы наблюдателей, каналы общественного телевидения в режиме прямой трансляции и др.).

3. При осуществлении взрыва остается минимум следов по сравнению с другими способами воздействия на объект. При взрыве практически любого ВУ происходит разрушение или сильная деформация всех элементов его конструкции. Из-за температурного воздействия и высокого давления продуктов взрыва уничтожаются следы биологического происхождения (следы пальцев рук, кровь, волосы и др.) на корпусе и деталях ВУ. При взрыве большой мощности (например, если масса ВВ более 1 кг.) происходит сильное разрушение элементов конструкции как взрывателя, так и корпуса ВУ, сильный разброс фрагментов и частичное их сгорание, что может приводить к уничтожению следов изготовления, установки и маскировки ВУ. Следует отметить, что преступники, зная это выгодное «качество» взрыва, часто пренебрегают сокрытием своих следов при изготовлении и установке ВУ. Практика знает примеры обнаружения, изъятия и эффективного использования следов после обезвреживания ВУ.

4. Эффективность анонимной или прямой угрозы взрыва из-за опасности серьезных последствий. Действительно, при анонимной угрозе взрыва школы, вокзала, банка или больницы власти вынуждены останавливать работу учреждения и проводить эвакуацию людей. Это вызывает серьезный общественный резонанс, крупные предприятия и банки несут убытки. Причиной этого является опасность гибели людей или разрушения важного (в том числе экологически опасного) объекта, а также сложность поиска ВУ.

5. Широкая (объемная) зона поражения взрывом. Зона поражения при взрыве определяется конструкцией ВУ и может быть круговой и направленной. Зона действия взрывом позволяет эффективно поражать

или разрушать динамичные объекты (людей, транспорт и т. п.), а также производить разрушения на большой площади. Кроме того, взрывом могут поражаться объекты, находящиеся за различными преградами в зоне действия ударной волны и разлета осколков. Приведем пример соотношения зоны поражения при использовании огнестрельного оружия и ВУ.

Для поражения человека в движущемся автомобиле из огнестрельного оружия необходимо: знать, на каком месте находится указанный человек; выбрать удобную огневую позицию для наблюдения, эффективного прицеливания и отхода после выстрела; наличие хороших условий видимости для эффективного прицеливания.

Кроме того, траектория полета пули может иметь отклонения в силу метеорологических условий. Так, при стрельбе из снайперской винтовки СВД на дальность 300 метров при температуре воздуха 5 °С и боковом ветре 5 м/с отклонение пули от точки прицеливания будет достигать по высоте 0,3 м., по направлению 1,2 м. Если же цель движется, то суммарное отклонение пули из-за технического рассеивания и ошибок в прицеливании будет значительно больше.

При использовании фугаса из тротила массой 4 кг. (для сравнения масса заряда взрывчатого вещества близка к массе винтовки СВД), то зона поражения ударной волной будет достигать до 30 метров в диаметре. За счет применения осколков она может быть увеличена до нескольких сот метров.

6. Заблаговременная подготовка взрыва. Чаще всего в преступных целях ВУ используются как боеприпас «ждущего» режима. Выбор «выгодного» для взрыва участка местности или объекта (участки дорог, газо- и нефтепроводов, жилые и производственные помещения и т. п.) и заблаговременная установка и маскировка ВУ позволяет: заминировать объект до прибытия на него охраны (оцепления); подготавливать несколько мест установки ВУ в наиболее вероятных местах движения объекта поражения.

С другой стороны, природа и характер протекания взрыва создают дополнительные сложности, заставляющие действовать преступника по «нежелательной» для него схеме (сильное демаскирующее действие взрыва;

опасность близкого контакта с объектом поражения в момент взрыва; высокая степень опасности изготовления самодельного ВУ, нежелательное попадание в зону поражения посторонних лиц и т. п.).

Данные о личности преступника дополняют специфику содержательной стороны при анализе преступлений. Личность преступника всегда рассматривалась в качестве комплексной проблемы, в силу чего становилась объектом исследования и теоретического осмысления ряда отраслей юридического знания: криминологии, уголовного права, судебной психиатрии, уголовно-исполнительного права и др.

Существует определенная зависимость между свойствами и качествами личности преступника и избранным им способом совершения преступления, в особенности это касается применения ВУ. На основе вышеуказанных соображений, суммируя собранные сведения о личности преступников, можно представить их в форме совокупности сведений, имеющих криминалистическое значение.

В ходе расследования, кроме мотива преступления нас всегда интересуют навыки и объем знаний злоумышленников в области взрывного дела.

Проведенный анализ показывает, что в России на сегодняшний день насчитывается около четверти миллиона мужчин в возрасте от 20 до 45 лет знакомых с основами взрывного дела и способных изготовить простейшее ВУ с использованием огневого или электрического способа взрывания. Около тридцати тысяч имеют достаточно глубокие знания в способах минирования и разминирования, использования взрывателей различной конструкции и принципа действия. Не менее десяти тысяч человек являются профессионалами в области ведения взрывных работ и организации минной войны [2].

Для криминалистики обобщение и анализ данных о личности преступника имеют важное значение, поскольку позволяют сделать вывод о таких зависимостях, знание которых способствует установлению личности виновного.

Таким образом, преступления, связанные с применением ВУ, отличаются подготовленностью замысла и конкретных действий. Они достаточно специфичны в реализации своей объективной и субъективной сторон, выражающихся в многообразии конструкций ВУ, уровне их изготовления и способах применения.

Список литературы:

1. Колотушкин С. М. Криминалистическая взрывотехника: основы теории и практики: Монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2002. – С. 37–44.
2. Колотушкин С. М., Федоренко В. А. Взрывные устройства и следы их применения: Учебник. – Волгоград: ВА МВД России, 2004. – С. 26–27.

*Spasennikov Boris Aristarkhovich,
Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor,
Chief Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow
E-mail: borisspasennikov@yandex.ru*

*Shvyrev Boris Anatolievich,
Ph. D. in Physics and Mathematical Sciences, Master of Laws,
Chief Researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: Bor2275@yandex.ru*

*Kudryashov Oleg Vladimirovich,
Ph. D. of Law, Deputy Head on scientific work of the Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*

*Bykov Andrey Viktorovich,
Doctor of Law, Professor, Head of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia*

The significance of psychiatric disorders in criminal conduct

Abstract: Analysis of convicts' cerebral (neuropsychiatric) pathology in order to optimize their resocialization, improve social adaptation, quality of life and achieve goals of criminal punishment in the sphere of prevention of criminal behavior. **Material and methods.** 250 men aged between 35 and 50 years were examined. The first survey sample consisted of convicted ($n = 50$). They committed robbery, brigandage, rape, disorderly conduct, inflicted bodily injury (age — 43.6 ± 2.6 years). These crimes imply violence against the victim. The second (control) survey sample included those ($n = 200$) who had no previous convictions (age — 42.4 ± 2.8 years). The sampling is random and representative. Clinical examination (research), as well as electroencephalography, electrocardiography, galvanic skin reflex, psychological research (Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI), the Spilberger test (STAI)) and other brain studies was carried out. **Result and conclusion.** The neurotic complaints were more frequent among convicts. Neurological symptoms of brain lesions were more frequent among the convicts. The difference between the first and the second survey sample was statistically significant. The majority of surveyed convicts had thought disorders. They poorly predicted consequences of their actions. Cerebral pathology impairs the ability to perceive universal human values, rules of society. Peculiarities of such person's cerebral pathology are reduced to an inability to exercise control over the lawful behavior. A person with cerebral disorders is more prone to criminal behavior. We discuss the possibility of criminals' resocialization by means of treating cerebral disorders. Convicted need cerebral metabolism restoration therapy. This will improve axonal communication and structural and functional neuronal activity. Ethiotropogenetic therapy of cerebral disorders contributes to the re-socialization of convicts, improvement of social adaptation, quality of life, crime prevention. The study complements clinical criminology theory.

Keywords: Criminology, prevention of criminal behavior, psychiatric disorders, criminal behavior, condemned.

A search for the new ways of preventing criminal behavior and re-socialization of convicts is an important scientific problem [2; 3; 5; 9; 10; 21; 25]. Science and practice require a comprehensive approach to the study of crime prevention methods [8; 13]. There are several major reasons for urgency of the problem [4; 7; 17; 18; 20; 22]. Criminal punishment proves ineffective in 60 % of cases. In our opinion, aggravation of punishment does not solve the problem. Humanization of punishment does not solve the problem too. About 60 % of criminals commit crime again. Thus, criminal punishment does not achieve its goal. The hypothesis of this study is as follows. Brain pathology of the convicted obstructs their social adaptation, makes it difficult to improve the quality of their

lives. Mental health of a convicted person should be taken into account while preventing criminal behavior [1; 16; 24]. This problem has been studied incompletely [15].

Objective: analysis of convicts' cerebral (neuro-psychiatric) pathology in order to optimize their resocialization, improve social adaptation, quality of life and achieve the goals of criminal punishment for the prevention of criminal behavior.

Material and methods. 250 men aged between 35 and 50 years were examined. The first survey sample consisted of convicted ($n = 50$). They committed robbery, brigandage, rape, disorderly conduct, inflicted bodily injury (age — 43.6 ± 2.6 years). There were no representatives of the "white-collar" crime. The second (control) survey sample included

those ($n = 200$) who had no previous convictions (age — 42.4 ± 2.8 years). The sampling is random and representative.

Clinical examination (research), as well as electroencephalography, electrocardiography, galvanic skin reflex, psychological research (Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI), the Spilberger test (STAI)), compressive spectral EEG analysis, EEG toposelective mapping, magnetic resonance imaging, ultrasonic Doppler examination of cerebral arteries and other brain studies was conducted [6; 11; 12; 23].

Results and discussion. Convicted persons complained of moderate (58 %) or severe (32 %) irritability, irascibility (64 %), emotional instability (32 %), psychoemotional tension (76 %). These symptoms temporarily reduced after aggression, fighting, beating anybody.

Sometimes crimes were committed under the influence of these disorders. These disorders have been present for many years. In prison they intensified.

Behavioral disorder was typical of prisoners since their childhood. They did not tolerate school and military discipline. These features have been intensifying with age.

Only 10 % of the surveyed convicts had no such disorders.

Study of the anamnesis of convicts' lives showed the following. 34 % of convicted had general secondary education, 22 % had secondary vocational education. Only 6 % of convicted had higher education.

Educational qualification was higher in the second (control) group. The difference in education is statistically significant.

Getting education requires intelligence and volitional effort. Cerebral disorders impede improving education.

Criminals feel envious of those who have good education. Feeling of envy leads to violence. A criminal feels supremacy at the moment of the violence. This contributes to the use of force.

The study of convicts revealed that only 34 % of criminals had family, 6 % were in a civil marriage.

Every third family of convicted falls apart while they are serving their sentence. This is an important sign of social maladjustment.

The persons from the second (control) survey sample are more able to live in marriage.

Creating and saving a family demands certain efforts. Cerebral disorders hinder the creation and preservation of the family.

42 % of the prisoners lived in town, 36 % lived in the countryside. Every fifth convicted had no permanent residence. Essentially, they were homeless. This is an important sign of social maladjustment.

64 % of the prisoners were workers. Most of them were low-skilled workers. 8 % of the prisoners were middle managers. 8 % of the prisoners were self-employed. Every tenth convict was unemployed. This is another important sign of social maladjustment.

All surveyed from the second (control) group had full-time employment.

Every fifth convicted consulted a psychologist in prison. 74 % of them did not notice improvement of their state after psychological help. It is a sign of cerebral (neuropsychiatric) pathology.

Persons from the second (control) group did not attend a psychologist.

82 % of convicted previously had brain injuries of various severity. Brain injuries produce irreversible morphological changes in the brain. This causes disruption of brain functioning.

28 % persons from the second (control) group previously had a brain injury.

74 % of the prisoners regularly drank alcohol, used drugs periodically. Every third committed crime in a state of intoxication. A state of intoxication intensified cerebral disorders.

All surveyed from the second group denied drug usage, alcohol abuse.

Neurological symptoms of brain lesions were detected among convicted. Microfocal neurological symptoms (16 %) were detected, as well as pathological reflexes of hands.

In the second survey sample these symptoms occur in 9 % and 6 % of cases correspondingly.

Neurological symptoms are more common among convicted. The difference between groups is statistically significant [14].

Most criminals had thought disorders in the form of poor prediction of the consequences of their actions. These disorders contributed to criminal behavior.

Cerebral pathology made it difficult to find a socially acceptable solution to the situation.

Aggressive reactions were typical of 24 % of the convicts. Aggression is a standard, primitive response to a difficult situation. Anger, aggression arose due to insignificant reasons. They were losing self-control in the state of aggression.

They defended only their own interests. They demonstrated indifference to the rights of others.

Criminals often acted without considering the consequences of their actions.

Everyone convicted knows about two crimes that went unpunished. They can not predict unfavorable outcome for themselves. They are able to predict only a good result. Cerebral pathology diminishes the ability of predicting actions.

Persons from the second group had an ability to predict the consequences of their actions. They predicted the possibility of criminal penalty. They were afraid of criminal penalty.

Brain bioelectrical activity disorders were detected in 56 % of convicted.

The increase of the galvanic skin reflex occurred among the majority of convicts.

These data show that criminals have functional and structural cerebral disorders. These cerebral disorders can have an impact on criminal behavior.

86 % of the patients from the second (control) group have EEG within normal limits. Galvanic skin reflex is normal. Magnetic resonance imaging of persons from the first

and the second groups of surveyed do not differ significantly. Indicators of compressive spectral EEG analysis, EEG toposelective mapping, ultrasonic Doppler examination of cerebral arteries of persons from the first and the second groups have no differences.

Conducted research shows that cerebral pathology accompanies criminal behavior.

According to our data, 86 % of convicts suffer from personality disorder.

In the second (control) group personality disorder was observed in 15.5 % of cases.

Personality disorder was detected 5.5 times more often among convicted than among the law-abiding people.

Antisocial personality disorder is most common among the convicts.

Criminal behavior has a pathological basis. Cerebral disorders may lead to criminal behavior. These cerebral disorders may affect the correction of convicts.

Cerebral disorders hinder perceiving of universal values, rules of society.

Mental activity is a reflection of the objective reality in the human brain. Cerebral pathology causes disorders in an adequate reflection of the reality. Cerebral pathology

impedes human adaptation to the environmental conditions. This is accompanied by low social adaptation level and criminal behavior.

The implementation of criminal intent often occurs at the moment of its emergence.

Cerebral pathology hinders the achievement of the objectives of criminal punishment in terms of prevention of criminal behavior. Cerebral pathology prevents the redemption of a convict.

Achieving the goals of punishment is impossible without treatment of cerebral disorders [19].

Treatment of a convict may be voluntary if he is aware of his health problems.

Treatment of a convicted person can be compulsory, if he is not aware of his mental problems. Mental disorders connected with criminal behavior should be cured for the benefit of a patient and society.

Psychopharmacotherapy and psychotherapy of cerebral disorders help a convicted person to achieve correction of behavior.

Compulsory treatment ensures the right of a convicted person to become healthy, as well as improving the quality of life, resocialization, prevention of new crimes.

Список литературы:

1. Антонян Ю. М. Криминальная патопсихология. / Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан. – М.: Наука, 1991. – 243 с.
2. Антонян Ю. М. Преступное поведение и психические аномалии. / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин; под ред. В. Н. Кудрявцева. – М.: Спарк, 1998. – 215 с.
3. Бородин С. В. Уголовное право и психиатрия: некоторые области и проблемы взаимодействия. / С. В. Бородин, С. В. Полубинская // Уголовное право: новые идеи. – 1994. – С. 83–99.
4. Вертоградова О. П. Психосоматические соотношения в структуре пограничных нервно-психических расстройств. / О. П. Вертоградова, С. Э. Поляков, И. Л. Степанов и др. // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1989. – № 11. – С. 70–75.
5. Кабанов М. М. Психосоциальная реабилитация и социальная психиатрия. / М. М. Кабанов. – СПб.: Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 1998. – 252 с.
6. Карвасарский Б. Д. Неврозы. / Б. Д. Карвасарский. – М.: Медицина, 1980. – 448 с.
7. Ливень Б. Н. Распространенность и характеристика так называемых психопатологических симптомов у здоровых людей: к вопросу о норме и патологии в психиатрии. / Б. Н. Ливень // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1980. – № 11. – С. 1669–1678.
8. Малкин Д. А. Психические расстройства у осужденных, требующие стационарного психиатрического лечения: метод. рекомендации. / Д. А. Малкин, С. В. Абрамов, Д. А. Дианов, В. Ф. Трубецкой, О. И. Трифонов, К. Н. Шаклеин. – М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 2011. – 24 с.
9. Мальцева М. М. Опасные действия психически больных. / М. М. Мальцева, В. П. Котов. – М.: Медицина, 1995. – 256 с.
10. Мелехов Д. Е. Социальная психиатрия и психиатрическая клиника. / Д. Е. Мелехов // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1972. – № 3. – С. 389–395.
11. Свядоц А. М. Неврозы и их лечение. / А. М. Свядоц. – М.: Медгиз, 1959. – 451 с.
12. Сергеев И. И. Динамика и исходы неврозов. / И. И. Сергеев // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 1989. – № 11. – С. 66–70.
13. Социальная и судебная психиатрия: история и современность. / под ред. Т. Б. Дмитриевой. – М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 1996. – 200 с.
14. Спасенников Б. А. Неврологический статус осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. / Б. А. Спасенников, А. М. Смирнов, А. Н. Тихомиров // Медицинское право. – 2014. – № 5. – С. 28–31.
15. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Б. А. Спасенников. – Московская государственная юридическая академия. – М., 2004. – 48 с.

16. Спасенников Б. А. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение./Б. А. Спасенников, А. Н. Тихомиров//Российская юстиция. – 2014. – № 2. – С. 20–23.
17. Судебно-психиатрическая профилактика в Российской Федерации. Аналитический обзор/под ред. Б. А. Казаковцева, О. А. Макушкиной. – М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 2012. – 356 с.
18. Brown G. W. Depression. Distress or disease? Some epidemiological considerations/G. W. Brown, T. J. Craig, T. O. Harris//British Journal of Psychiatry. – 1985. – Vol. 147, № 12. – P. 612–622.
19. Leinard B. Fundamentals of Psychopharmacology/B. Leinard. – N. Y., 1998. – 391 p.
20. Lloyd G. G. Psychiatric syndromes with a somatic presentation./G. G. Lloyd//Journal of Psychosomatic Research. – 1986. – Vol. 30, № 2. – P. 113–120.
21. Pilkonis P. A. Social anxiety and psychiatric diagnosis./P. A. Pilkonis, H. Feldman, J. Himmelhoch, C. Cornes//Journal of Nervous and Mental Disease. – 1980. – Vol. 168, № 1. – P. 13–18.
22. Principles practice of Forensis Psychiatry./ed. by R. Bluglass, R. Bowden. – L., 1990. – 1408 p.
23. Raguram R. Patterns of phobic neurosis: A retrospective study./R. Raguram, A. V. Bhide//British Journal of Psychiatry. – 1985. – Vol. 147, № 11. – P. 557–560.
24. Reich J. Psychiatric diagnosis of chronic pain patients./J. Reich, J. P. Tupin, S. I. Abramowitz//American Journal of Psychiatry. – 1983. – Vol. 140, № 11. – P. 1495–1498.
25. Sorel E. Social Psychiatry: A Mission and a Vision for the 21st Century./E. Sorel//Jutern Medical Journal. – 1998. – Vol. 5, № 4. – P. 247–249.

*Fumm Alexandra Mikhailovna,
Federal state institution Scientific research Institute of
Federal service of execution of punishments of the Russian Federation,
Head of department, candidate of legal Sciences, Associate Professor
E-mail: bor2275@yandex.ru
Yakovleva Oksana Nikolaevna,
Scientific officer, candidate of legal Sciences, Associate Professor
E-mail: yakoksana.1977@mail.ru*

General trends in the development of national legislation of penalties at the end of XV–XVII centuries

Abstract: The article summarizes the historical experience of the development of domestic legislation on the execution of criminal penalties for the period from the end of XV to XVII century. Identified and analyzed trends due primarily a process of state-legal development of Russia determines the system of criminal penalties, the main stages of its formation and characteristics, genesis of its basic elements.

Keywords: law, the penal system, the purpose of punishment, the death penalty, corporal punishment, imprisonment, exile.

*Фумм Александра Михайловна,
Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний», начальник отдела,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: bor2275@yandex.ru
Яковлева Оксана Николаевна,
научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: yakoksana.1977@mail.ru*

Общие тенденции в развитии отечественного законодательства о наказаниях в конце XV–XVII вв.

Аннотация: в статье обобщен исторический опыт развития отечественного законодательства об исполнении уголовных наказаний за период с конца XV до XVII вв. Выявлены и проанализированы тенденции,

обусловленные, прежде всего процессом государственно-правового развития России, определявшие систему уголовных наказаний, основные этапы и особенности ее формирования, генезис основных ее элементов.

Ключевые слова: законодательство, система наказаний, цели наказания, смертная казнь, телесные наказания, тюремное заключение, ссылка.

Изменения в развитии государственного строя, последовательный переход к сословно-представительной, а затем и к абсолютной монархии потребовали внесения соответствующих коррективов в национальную систему права. Для рассматриваемого периода характерны весьма интенсивное развитие права, принятие нескольких значительных законодательных актов, усиление роли царского законодательства. Существенные изменения претерпела и система наказаний, в назначении и исполнении которых все более усиливалось публичное начало, требовавшее особого обеспечения. Отметим основные особенности системы наказаний в Московском государстве.

Во-первых, целями наказания выступали уже не только возмездие и возмещение причиненного ущерба, но и устрашение, а также пополнение государственной казны. Значительная часть статей (особенно Соборного уложения 1649 г.) после определения санкции содержит приписку «чтобы на то смотря и иным не повадно было так делать». Появляются и новые цели наказания — изоляция преступников и использование их труда в интересах государства [5, 7].

Во-вторых, наказания как в Судебниках 1497 и 1550 гг., так и в Соборном уложении отличались множественностью и неопределенностью. Как правило, источники права устанавливали только вид наказания, не определяя его размер и срок. Немалая часть санкций носила расплывчатый характер и была выражена в общей форме: «быть от государя в опале», «казнить торговой казнью да вкинути в тюрьму», «бить кнутом нещадно... да его же посадити в тюрьму до государеву указу» и т. п. [7, 103]. Очевидно, что неопределенность наказаний оказывала негативное воздействие на психику преступника.

В-третьих, для уголовного права рассматриваемого периода характерно несоответствие наказания тяжести преступления; при назначении наказания существенное значение имела сословная принадлежность виновного и потерпевшего. Вместе с тем анализ правовых документов рассматриваемого периода позволяет сделать вывод, что важнейшим критерием назначения наказания являлся учет степени виновности лица в содеянном — «смотря по вине».

В-четвертых, в большинстве случаев, указывая на то или иное преступление, закон (особенно Судебник 1497 г.) не устанавливал за него конкретного наказания, наделяя правом его определения правоприменителей. При этом наблюдался постепенный отход от доминирования имущественных наказаний (штраф, продажа) к наказаниям личного характера, среди которых преобладали телесные наказания и смертная казнь.

В-пятых, для придания уголовному наказанию большего назидательного эффекта оно, как правило, исполнялось

в публичном месте при большом стечении народа, «чтобы про то ведали всякие люди, за что ему такое наказание учинено». Для наглядного информирования окружающих о совершенном преступлении процедура наказания могла обставляться дополнительными деталями. Так, лицам, обвиненным в незаконном хранении и продаже табака, вешали на шею предмет преступления — рожок с табаком [6, 99].

В-шестых, новеллой в системе наказаний следует считать его индивидуализацию. Правда, хотя жена и дети преступника уже не отвечали за совершенное им деяние (за исключением государственных и политических преступлений), по-прежнему сохранялся институт ответственности третьих лиц. В частности, помещик, убивший чужого крестьянина, должен был передать хозяину, понесшему ущерб, своего лучшего крестьянина с женой и детьми [7, 241–242]. Законодатель устанавливал некоторые исключения из принципа индивидуализации наказания. Так, за совершение государственного или политического преступления наказывался не только непосредственный исполнитель, но и члены его семьи, которые, как правило, направлялись в ссылку.

В-седьмых, в развитии системы наказаний рассматриваемого периода усматривается двоякая тенденция: с одной стороны, наблюдалось постепенное смягчение санкций за некоторые преступления (например, повторную кражу), с другой — ужесточение репрессии в годы войн, народных волнений и иных чрезвычайных событий [8, 63].

Названные особенности системы наказаний Московского государства свидетельствуют о традиционном характере права эпохи XV–XVII вв. Исследователи отмечали, что «в Московском государстве... преступление окончательно понято как деяние противогосударственное; значение лица (потерпевшего) и общины в преследовании преступлений и наказании постепенно ограничивается государством. Но государство действует еще как частный мститель, стараясь воздать злом за зло, по возможности, в равной, если не в высшей степени, имея в виду и другую цель — устроить еще не совершивших преступления; поэтому наказания принимают вполне уголовный и весьма жестокий характер» [2, 333].

Среди специфических наказаний, относящихся к церковной юрисдикции, выделялась анафема — проклятие с отлучением от церкви. Тяжесть этой кары трудно переоценить: отлученный исторгался из общества, в котором всё было пронизано религиозным влиянием. В XVI–XVII вв. отлучение нередко практиковалось как вседомовое, то есть распространялось на целый дом со всеми его обитателями, включая дворовую челядь и крестьян, без различия правых и виноватых. Отлученные не допускались в церковь, а если насильно в нее входили, то богослужение

приостанавливалось; умершие преступники зарывались в поле без всякого отпевания.

Следует отметить, что после Уложения 1649 года и до времени правления Петра I жестокость наказаний постепенно снижается, что прослеживается уже в Новоуказных статьях 1669 г. Один из дореволюционных исследователей русского уголовного права указывал, что «в период от новоуказных статей до воинских артикулов смертная казнь за татьбу почти совсем была изгнана, и весь период представляет историю постепенного смягчения наказаний за общие преступления, т. е. за татьбу, грабеж и разбой» [1, 114].

Организация процесса исполнения уголовных наказаний в Московском государстве практически не получила законодательного закрепления. Поскольку упомянутые судебники вообще не регламентировали порядок исполнения приговоров, первой попыткой регламентации можно считать главу XXI Соборного уложения («О разбойных и татинных делах»), где достаточно подробно определялись лица, занимавшиеся уголовно-исполнительной деятельностью, а также места приведения приговоров в исполнение.

Рассматриваемый период развития Российского государства характеризуется следующими видами наказания: смертная казнь, телесные наказания, тюремное заключение, ссылка, наказания, связанные с умалением чести и достоинства, имущественные наказания. При этом самыми распространенными считались смертная казнь и телесные наказания.

Анализ правовых источников обнаруживает тенденцию увеличения составов преступлений, за которые следовало наказание в виде смертной казни. Во многом это объясняется эволюцией государственного строя, а также недовольством населения, связанным прежде всего с юридическим закрепощением крестьян. Если в Псковской судной грамоте смертная казнь предусматривалась в пяти случаях, в Судебниках 1497 и 1550 гг. — соответственно в 10 и 13, то в Соборном уложении 1649 г. — почти в 60 случаях [3, 19–22].

Важно подчеркнуть, что разновидности смертной казни в России при всей их жестокости были менее изощренными, чем в западноевропейских или восточных странах. На Руси не знали ничего подобного «испанскому сапогу» [4, 7], «креслу иудеев» [4, 8] и другим изобретениям инквизиции («Испанский сапог» представлял собой две доски, между которыми помещалась нога виновного. Эти доски были внутренней частью станка, который давил на них по мере погружения в него деревянных кольев, которые в специальные гнезда вбивал палач. Таким образом достигалось постепенное сжатие коленного, голеностопного суставов, мышц и голени, вплоть до их расплющивания. «Кресло иудеев» — деревянная или железная пирамида, на которую сажали обнаженного преступника. Палач при помощи веревки мог регулировать силу давления острия, опускать жертву на острие медленно или рывком. Если палач совсем отпускал веревку, жертва всем своим весом насаживалась на острие. Для усиления давления к ногам и рукам жертвы привязывали груз, а для разнообразия к опоясывающему виновного железному поясу и к острию пирамиды пускали электрический ток). Уже во второй половине XVII столетия в назначении смертной казни началось постепенное смягчение: в приговорах суда все чаще встречалась оговорка, чтобы до процедуры сожжения или четвертования осужденный лишился жизни.

В свою очередь телесные наказания, главным назначением которых было предотвращение дальнейших преступлений, выделение преступника из общей массы и устрашение, считались самым распространенным видом наказаний, особенно в XVII столетии.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода в развитии уголовного законодательства и практики его исполнения наблюдается постепенное усиление карательной составляющей. Несмотря на то, что мера наказания определялась в зависимости от сословного положения потерпевшего и виновного, уголовную ответственность в Московском государстве несли все члены феодального общества, включая бояр и дворян.

Список литературы:

1. Белогриц-Котляревский А. С. О воровстве-краже по русскому праву. — Киев: Университетская типография, 1880. — 398 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов н/Д: Феникс, 1995. — 640 с.
3. Загоскин Н. П. История смертной казни в России. — Казань: Типография Императорского университета, 1892. — 105 с.
4. Олейников А. Н. Казни и пытки. Мифы и легенды. — М., 2011. — 117 с.
5. Пертли А. Ф., Кузьмин С. И., Яковлева О. Н., Макачук О. И., Железная Ю. Ю. История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России: учеб. пособие. — М.: Риор: Инфра-М, 2010. — 113 с.
6. Рожнов А. А. Уголовное право Московского государства (XIV–XVII вв.). — Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижений», 2007. — 172 с.
7. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. — Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства/под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома А. Д. Горский; рец. В. И. Корецкий. — М.: Юридическая литература, 1985. — 520 с.; Т. 3. Акты Земских соборов/под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А. Г. Маньков. — М.: Юридическая литература, 1984–1985. — 512 с.
8. Фумм А. М. Назначение и исполнение уголовных наказаний в отношении иностранцев в дореволюционной России: моногр. — М.: НИИ ФСИН России, 2011. — 116 с.

*Khodyreva Viktoriia Andreevna,
A student of a faculty of law, National Research University
of Russian Federation «Higher School of Economics»
E-mail: vikuzka@inbox.ru*

Basic principles of taxation of small-scale enterprises in the Russian Federation

Abstract: this research is devoted to general principles of taxation of small-scale enterprises. Development of small-scale enterprises is one of the most important lines of tax policy in Russian Federation. The development of principles of taxation is important while forming a strong state system of taxation. In this work basic principles and some specific are provided. This work is of great scientific interest to law students, graduates, teachers and other persons interested in law and particularly in tax law.

Keywords: general principles, specific principles, small-scale enterprises, small business.

Basic principles of taxation of small-scale enterprises

Small business can provide for economic modernization, it adapts to dynamic conditions quickly because of its flexibility, lower capital intensity and mobility. A well-developed system of taxation is called on to stimulate small-scale businesses' strengthening. There are a lot of privileges and benefits guaranteed to this type of entities by government.

It means that only specially determined groups of subjects are under the regulation of tax legislation concerning small-scale enterprises. It is very important to define which of business organizations may be referred to small entrepreneurship. There are three criteria — the one of status and two of quantitative nature (regarding: the staff numbers and scale of operations). It is generally accepted in the Russian law system that a small-scale entity is an organization where the share of external participants may account no more than 25 % of its charter capital. There also should be from 16 to 100 employees. And the last feature typical of such small-scale entity is that its earnings range between 6 and 400 million rubles to be considered a small-scale entity. These conditions are stated by Federal Law "On the development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation".

However, there is no clear-cut definition of small business, as it changes depending on the sphere of usage. For example, the Tax Code of the Russian Federation does not contain well-defined term "small-scale enterprise", but at the same time some benefits for obviously small entities do exist. If there were a unified definition of this type of entrepreneurs they could get appropriate status hard and fast. Due to this tax authorities and tax payers would not be obliged to examine all criteria for every benefit or special rule. And, until our legislation has developed special unified status for small enterprises there will be used different legal regulations for any benefit or special tax regime in order to determine the criteria like turnover, profit, quantity of employees and fixed assets' cost. That is why it is necessary for everyone has to use the basic principles of small business' taxation to realize the nature of this type of organizations.

The main principles of taxation which were provided in the monograph "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations" by A. Smith [3.] should be used as a

ground for researching taxation rules for small-scale enterprises. But it is necessary to take into consideration features of this special group of entities while making a list of rules.

Adam Smith determined 4 rules that are known as classical principles of taxation.

Firstly, the principle of equity must be mentioned. It appears in a necessity to distribute money among citizens, an adequacy of taxes on property or income. So, the equity means universality and proportionality in taxation.

A concept of equity is the main indicator of the rationality of the state taxation system. Moreover, it is universally recognized. It can be illustrated through the example of a system of taxation of imputed earnings. A lot of disputes are revolving around indirect methods of determination of tax payer's income. If we consider the analysis of application practice of such type of tax, we shall see that a firmly established by law sum of income for every business is quite high. A difference influences essentially small regions where profitability of people is low in comparison with regional centers or large cities [1, 19].

Secondly, Adam Smith picked out a stringency of determination as a next principle. All of the elements of a payment to a state must be defined, it cannot be random. It is worthy to note, that small businesses taxation is determined but as it changes often, the positive effect of application of the principle of certainty can't be observed, as it doesn't work. In other words this principle operates only for a short period.

Thirdly, one of the classical rules is to make taxation convenient for tax payers. The state should apply time limits and way of making payments that are more opportune for people. But surely, principles of certainty and convenience just soften discontent of tax payers but do not argue against the priority of state interests before individuals.

And the last principle concerns the aim to reduce expenses on levying of taxes. Costs on collecting taxes must be by a factor of several times less than the total sum of payments. When it comes to small business, such costs appear great. Small-scale enterprises belong to that type of tax payers who are difficult to control. So, government has to spend more resources to check them. Different systems of taxation are aimed at minimizing costs on it.

Special principles of taxation of small businesses can be divided into two groups depending on functions fulfilled by those principles, they are as follows [2].

Principles that promote rights and interests of small-scale enterprises.

Principles that promote interests of public authorities in the Russian Federation.

The first group of principles as a ground for creation of adequate tax system includes principles of publicity, legality, neutrality, security of tax payers, proportionality of tax burden. Let's consider all of them in succession.

The principle of publicity. According to it taxes must be levied openly and publicly. People and especially subjects of small business should understand tax policy, and at best approve of it. State and representatives of small business should cooperate to work out mutually convenient conditions.

If a real cooperation between government and entrepreneurs was provided, shadow turnover could be stopped. Tax payers would be involved into legislative process. This would be a reason for reducing influence of disapproval on existence of shadow turnover.

The principle of legality. It is a general rule of operating the whole legal system. It is fixed in article 57 of the Constitution of the Russian Federation and in the first part of article 3 of Tax Code of the Russian Federation. Legislative process relating to small businesses should be under strict legal procedure.

The principle of neutrality. Generally this rule is directed to reduce an influence of tax factors on the process of decision-making by subjects of small-scale business. In other words, while carrying on business entrepreneurs should act basing not only on impact of taxation but on other factors equally.

The principle of security of a tax payer. This rule supposes existence of protective system of tax payers' interests. For example, articles 3 and 108 of the Tax Code of the Russian Federation provide for presumption of innocence.

Furthermore, tax payers are entitled to have legal remedy including claim for compensation of damages caused by improper actions of tax authorities.

However, as applied to representatives of small business, the principle of protection does not work in full. They have less protective methods, finance opportunities and sometimes insufficient juridical knowledge. But this principle can be realized by implementing an institution of representatives in a court.

The principle of proportionality. Taxation cannot impede exercise of rights. But if we turn to chapter 26.2 "Simplified tax system" of the Tax Code some doubts about realization of this rule can arise because minimum level of a tax is already fixed.

The second group of special rules of taxation includes principle of priority of state interests, unity of taxation, tax federalism and distribution of income among budgets [2].

The principle of priority of state interests. It is stated in the Constitution that everyone must pay taxes and dues. Government gets resources from taxes and directs it to financing of social and the most urgent expenses. The financing of some spheres is more effective by collective rather than individual investments in conditions of market failures. In addition to that, small businesses are interested in additional financing by the state.

The principle of unity of taxation. In part 4 of article 3 of Tax Code of the Russian Federation there is a rule according to which no tax can be imposed out of Russian economic zone unity, because that can either break or limit free transference of goods, or prevents any economic activity. Unified tax policy, system of tax authorities and legislation are the ground for successful operation of economic activity. Also a necessity of unified taxation is dictated by a possibility of some conflicts among entities and between them and state authorities if the size of taxes varies from one region from another.

The principle of federalism. This rule is connected with a concept of unity of taxation. Real independence of the subjects of the Federation should be based on their own finances. But in Russia there is a need to redistribute resources among budgets for the reason of inequality of economic development. These circumstances make it possible to satisfy minimum demands of regions. So, the concept of federalism helps to defuse financial conflicts and defines the powers of authorities according to their levels.

In addition, it is necessary to mention that all of these concepts are fundamental from the viewpoint of formation of small business' taxation system. It does not mean that the list of principles is complete but other rules are used only to develop and supplement fundamental ones.

To sum it all up, a few words should be said about importance of taxation system development. It is a prominent aspect of forming an entrepreneurship in the Russian Federation. It is important to understand general rules of taxation, not only legislation made by government. That is the reason why every research should start from defining main principles.

References:

1. Blinov A. The problems of stagnation and development of small-scale enterprises.// "Investments in the Russian Federation". – 2003. – No. 1.
2. Parygina V.A. The principles of taxation in the Russian Federation: the system of tax coordinates.// Electronic service: "ConsultantPlus".
3. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations./A. Smith. – Oxford: Clarendon Press, 1976. – 570 p.

Contents

Section 1. Archaeology	3
<i>Georgieva Miroslava</i>	
Stone funerary urns from the territory of Bulgaria	3
<i>Denisov Igor Vasilievich</i>	
Classification of burial complexes Abashevskaya cultural-historical community of the bronze age in the Volga-Ural region of European Russia	8
Section 2. Journalism.....	15
<i>Makartscuk Elena Genadievna</i>	
Die Berichterstattung über den Wahlprozess in Österreich-Ungarn (Ende XIX – Beg. XX Jahrhundert) auf den Seiten der westli – ukrainischen Parteipresse dieser Zeit	15
Section 3. History.....	18
<i>Aghayev Yusif Shukur</i>	
Bow and arrows as the symbol of authority and elements of ritual rites of Turkic nations	18
<i>Babkova Nadiya Vyacheslavivna</i>	
Timpani are an attribute of military glory of the Ukrainian Cossacks in the 16–18 centuries	21
<i>Bogdanovicha Tatjana</i>	
The German Noble Recatholisation in Inflanty in 17 th –18 th century.....	24
<i>Popov Artem Andreevich</i>	
Influence of the thesis of Fritz Fischer on formation of the neoliberal direction of the German historiography of the foreign and naval policy of Kaiser Germany devoted to problems in the 50 th – the 60 th of the XX century	27
<i>Rakhmonova Yulduz</i>	
Mythological beliefs on national jewelry of Khiva.....	29
<i>Usanova Ksenia Yurievna</i>	
Evolution of political lapel pins in presidential campaigns in the USA (1948–1972).....	30
<i>Hionidis Pandeileimon</i>	
George Finlay and early-Victorian images of modern Greece, 1836–1845.....	34
<i>Shavlokhova Elena Sergeevna</i>	
Integration processes in the beginning of XX century in the ethnic environment of the North Caucasus.	40
Section 4. Cultural studies	45
<i>Goncharova Alina Alexeevna, Sukharnikova Elizaveta Andreevna</i>	
Language problems in the context of globalization.....	45
<i>Efimenko Ekaterina Andreevna</i>	
The Austrians vs. Germans: the cradle of the Austrians’ national self-consciousness	48
<i>Kozhukhovskiy Anatoly Nikolayevich, Myshlyaeva Olga Borisovna</i>	
Application of modern innovative technologies in the manufacturing process of architectural models to achieve its high aesthetic artistic level	53
Section 5. Linguistics.....	56
<i>Kadeyeva Maira, Bekturova Zhanat</i>	
Actual problems of the analysis of language consciousness	56
<i>Korepina Natalia Alexeevna</i>	
The semantics of the word (One)self	58
Section 6. Pedagogy.....	62
<i>Brahja Anjeza</i>	
An analysis of students’ best involvement in ESP learning contexts – a case study	62

<i>Georgiev Vasily Mikhailovich</i>	
Features of formation of professional competence of future officers of highly mobile airborne troops	63
<i>Makhova Anna Vladimirovna, Rybkin Alexey Dmitriyevich</i>	
The analysis of the quality of questionnaire for measuring on a linear scale of the aspect of creativity “complexity” in schoolchildren	66
<i>Melnichuk Marina Vladimirovna, Osipova Valentina Mikhailovna</i>	
The translation of legal and economic texts: distinguishing features of special terms	71
<i>Movchan Dmytro Olegovitch</i>	
Die Bildung von Magistern im Bereich Zoll: internationaler Kontext	75
<i>Ordina Larissa Leonidovna</i>	
The essence and structure of a higher education institution cultural creative environment	78
<i>Paskalenko Vitaly Vladimirovich</i>	
Rymins life story and his enlightening activity	80
<i>Yahodnikova Viktoria Viktorovna</i>	
Formation of innovative orientation educational process secondary school	83
<i>Sheplyakova Irene Alexandrovna</i>	
About the specifics of the deontological culture of social pedagogue	85
<i>Tseeva Lydia Husenovna, Panesh Bela Hamzetovna,</i> <i>Simbuletova Rima Kazbekovna</i>	
Innovative approaches to the formation of ethnic and cultural awareness of preschool children	88
Section 7. Political science	91
<i>Deeva Natalya Vladimirovna</i>	
Social contract and the problems of modern education in Russia	91
Section 8. Psychology	94
<i>Potapchuk Natalia Dmitrievna, Potapchuk Evgeniy Mihailovich</i>	
Features nascency of the rumors among the population in an emergency situation	94
<i>Madzhuga Anatolij Gennadjevitch, Sinicina Irina Anatolojevna,</i> <i>Karimova Rimma Khatipowna</i>	
Die Methodologie des modernen Geisteswissens: Fraktalresonanzherangehen	97
Section 9. Regional studies and socio-economic geography	101
<i>Kotyk Liubov Ivanivna</i>	
Human-geographical problems of structural transformation of the economic complex in Lviv region	101
Section 10. Philology	105
<i>Atajonova Malohat Ilhomovna, Mamatova Maksuda Shonazarovna,</i> <i>Nurmetov Jasur Nurmuxamatovich</i>	
Different approaches to the content-based instructions in language learning and teaching	105
<i>Matchanov Muzaaffar Ruzimbaevich, Karimova Yulduz, Rakhmanova Aziza</i>	
Identifying allocating and managing resources for language tests	107
<i>Merkotan Lesia Yosypivna</i>	
Precedent texts of the 19 th century in the discourse of modern Ukrainian prose	108
<i>Milyutina Anna Aleksandrovna</i>	
Implementation of the author of the course “formation of media competence of the younger students at Russian lessons” in the educational process of primary school	111
<i>Moroz Olga Wladimirowna</i>	
Sechs-Glieder-Paradigmen der Quellensprache (Englisch) und ihre Entsprechungen in der deutschen und russischen Sprachen am Beispiel der Konzeptosphäre “Ultraschallprüfung der Stahlmaterialien”	113
<i>Norboyeva Shukurjon</i>	
Some facts about professional lexis in Khorezm region	115

<i>Norbaev Uktam Saparbaevich, Madraximova Nazokat, Jumatov Rashid</i>	
General linguistic principles of the secondary predication in English	117
<i>Radjapova Feruza Abdullayevna</i>	
New psychological interpretation in the modern Uzbek narrative	119
<i>Cheremnykh Inna Vladimirovna</i>	
Human resource management on TV.	121
<i>Shirnova Raima Khakimovna</i>	
Lexicographical problems of translation	125
Section 11. Philosophy	129
<i>Antonenko Victoria Vladimirovna</i>	
The problem of theodicy in Russian moral philosophy	129
<i>Djasanova Sayyora</i>	
Spiritual and moral foundations of women's social activities	131
<i>Zdorovenko Viktor Vasil'evich</i>	
Ukrainian contemporary art as a method of forming historical consciousness.....	133
<i>Zykin Alexey Vladimirovich</i>	
Myth as one of the traditional culture foundations (socio-philosophical analysis)	137
Section 12. Economics and management.....	141
<i>Alekseeva Luiza Nikolaevna</i>	
The use of e-administration in order to increase the publicity of the public administration system	141
<i>Ashinova Marina Kazbekovna, Chinazirova Svetlana Kazbekovna,</i> <i>Pshizova Anzhela Ruslanovna</i>	
Improving the competitive strategy of the building enterprise	143
<i>Vovchenko Natalia Gennadiyevna, Epifanova Tatiana Vladimirovna,</i> <i>Pogorelenko Nikita Sergeevich</i>	
Current situation and future potential of further integration between UK and EU.....	148
<i>Grubich Tatiana Yurievna, Malchenko Darya Alexandrovna</i>	
Features of the development of unemployment in the Krasnodar region and its analysis	153
<i>Zhurkina Liubov Sergeevna, Ukhanova Julia Aleksandrovna, Nikishin Alexander Fedorovich</i>	
Promotional activities in trade and different ways to improve them	157
<i>Zelentsova Anna Viktorovna</i>	
On the issue of project management as a complex and multi-feature integrated process.....	159
<i>Morozova Natalay Ivanovna</i>	
Assessment of the impact of the economic crisis and sanctions on socio-demographic situation in Russia	162
<i>Pogoreltseva Yulia Anatolievna</i>	
Die Bewertung der Qualität, Wettbewerbsfähigkeit und Effektivität, KPI	164
<i>Pogoreltseva Yulia Anatolievna</i>	
Die Methodik zur Bewertung der Effektivität KEY PERFORMANCE INDICATORS, KPI	166
<i>Ponomarev Alexey Sergeevich</i>	
Types of logistics strategies in modern Russian companies and goals of their implementation.....	171
<i>Pronina Nina Nikolaevna, Agibalova Elena Leonidovna</i>	
Analysis of the existing model of normative per capita funding	180
<i>Antonov Alexey Pavlovich, Ratsyna Victoria Fedorovna, Sibileva Vera Yaroslavovna</i>	
Comparative study of approaches to assessment of informal roles in a working (student) group	186
<i>Starkova Nadezhda Olegovna, Golubev Nikita Vasilievich</i>	
Features of modern refinery complex of Russian Federation	188
<i>Starkova Nadezhda Olegovna, Petrov Nikolai Evgenevich</i>	
Features of mutual relations of subjects of art market and art business	191

Section 13. Science of law	194
<i>Bykov Andrey Viktorovich, Novikov Alexey Valer'evich</i>	
Applied value foreign experience penitentiary for improvement penal system Russia	194
<i>Izarova Iryna Oleksandrivna</i>	
New Concept of Civil Procedure in a Policivilization World	197
<i>Kolotukhin Sergei Mikhailovich, Egelsky Vitaly Aleksandrovich</i>	
To the question of the identification of the person by picture elements of the face not covered mac coy	200
<i>Kolotukhin Sergei Mikhailovich</i>	
Determinants that contribute to the use of explosive devices in the Commission of crimes.	206
<i>Spasennikov Boris Aristarkhovich, Shvyrev Boris Anatolievich,</i>	
<i>Kudryashov Oleg Vladimirovich, Bykov Andrey Viktorovich</i>	
The significance of psychiatric disorders in criminal conduct	209
<i>Fumm Alexandra Mikhailovna, Yakovleva Oksana Nikolaevna</i>	
General trends in the development of national legislation of penalties at the end of XV–XVII centuries	212
<i>Khodyreva Viktoriia Andreevna</i>	
Basic principles of taxation of small-scale enterprises in the Russian Federation	215